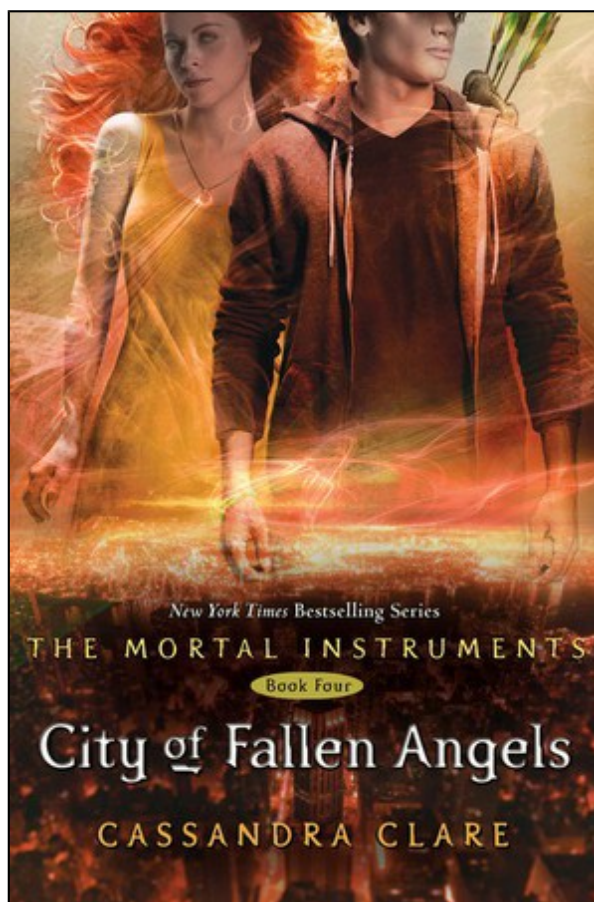

**Кассандра Клэр
Город падших ангелов**

Сумеречные охотники – 4

**Кассандра Клэр
Город падших ангелов**

**Часть первая
Ангелы Уничтожения**

Есть болезни, что шагают во тьме; и есть ангелы уничтожения, что парят, окутанные завесами нематериальности и необщительной сущности; те, кого мы не можем видеть, но чувствуем их силу и опускаемся под их клинок.

Джеремии Тейлор, «Похоронная Проповедь».

**Глава первая
Мастер**

– Только кофе, пожалуйста.
Официантка вскинула подведенные брови.

– Не хотите что-нибудь поесть? – спросила она. Ее произношение было неразборчивым, а поза выдавала разочарование.

Саймон Льюис не мог винить ее, она, вероятно, надеялась на лучшее чаевые, чем получит за одну чашку кофе. Но это не его вина, что вампиры не едят. Порой, в ресторанах, он все равно заказывал еду, просто чтобы сохранить видимость нормального поведения, но поздней ночью во вторник, когда «Веселка» почти пустовала, это казалось необязательным.

– Только кофе.

Пожав плечами, официантка забрала ламинированное меню и пошла отдавать его заказ. Саймон откинулся на жесткий пластиковый стул и огляделся. «Веселка», закусочная на углу Девятой улицы и Второй авеню, была одним из его любимых мест в Нижнем Ист-Сайде – старая местная забегаловка, оклеенная черно-белыми плакатами, где позволяют сидеть весь день, пока ты заказываешь кофе с тридцати минутным интервалом. У них в меню также были вегетарианские пироги и борщ, которые он когда-то любил, но те дни остались в прошлом.

Стояла середина октября, и они уже развесили свои декорации к Хэллоуину – раскачивающийся знак с надписью «Шалость или Борщ!» и бутафорский картонный макет вампира, по имени граф Блинкула. Когда-то Саймону и Клэри эти банальные праздничные декорации казались забавными, но теперь, граф со своими бутафорскими клыками и черным плащом не казался таким уж забавным.

Саймон выглянул в окно. Ночь была ветреной, и ветер гнал листья по Второй авеню, словно пригоршни разброшенного конфетти. По улице шла девушка, в туго подпоясанном пальто, с длинными черными волосами, которые развевались на ветру. Люди оборачивались посмотреть на нее, когда она проходила мимо. Когда-то и Саймон также смотрел на девушек, тщетно задаваясь вопросом, куда они шли, с кем собирались встречаться. Не с парнями, вроде него, он знал это точно.

За исключением лишь этой. На входной двери закусочной зазвенел колокольчик, когда дверь открылась, и вошла Изабель Лайтвуд. Она улыбнулась, когда заметила Саймона, и подошла к нему, сняв пальто и повесив его на спинку стула, прежде чем сесть. Под пальто она была одета в то, что Клэри называла ее «типичным прикидом Изабель»: обтягивающее короткое бархатное платье, ажурные чулки и сапоги. За голенище левого сапога у нее был засунут нож, который, как Саймон знал, только он мог видеть; но при этом, все в закусочной наблюдали, как она садилась, отбрасывая свои волосы назад. Независимо от того, что на ней было надето, Изабель привлекала к себе внимание, словно фейерверк.

Прекрасная Изабель Лайтвуд. Когда Саймон познакомился с ней, он предполагал, что у нее не найдется времени для парня вроде него. Он оказался по большей части прав. Изабель нравились парни, которых не одобряли ее родители, и в ее представлении это означало обитателей сумеречного мира – феи, оборотни и вампиры. То, что они встречались вот уже месяц или два изумляло его, даже если их отношения ограничивались редкими встречами вроде этой. Хотя он не мог не задаваться вопросом – не превратиться он в вампира, не преобразись его жизнь в тот момент, встречались бы они вообще?

Она заправила прядь волос за ухо, с ослепительной улыбкой.

– Неплохо выглядишь.

Саймон взглянул на свое отражение в окне закусочной. Влияние Изабель на его внешность было очевидным с тех пор, как они начали встречаться. Она заставила его избавиться от толстовок в пользу кожаных курток, а от кроссовок в пользу дизайнерских ботинок. Которые, кстати, стояли по три сотни долларов за пару. Он все еще носил свои рубашки со специфическими словами – на этой, было написано «Экзистенциалисты зря стараются» – но на его джинсах больше не было дыр на коленях и дырявых карманов. Он также отрастил волосы так, что теперь они свисали ему на глаза, закрывая лоб, но это было скорее необходимостью, чем желанием Изабель.

Клэри посмеивалась над его новым образом; но также Клэри находила все касающееся интимной жизни Саймона крайне забавным. Она не могла поверить, что он встречался с Изабель с серьезными намерениями. Хотя, она также не могла поверить, что он встречался с

Майей Робертс, их общей подругой, которая оказалась оборотнем, с такими же серьезными намерениями. И она действительно не могла поверить, что Саймон еще не рассказал ни одной из них о другой.

Саймон не был уверен, как это произошло. Майя любила приходить к нему домой и использовать его Xbox – у них не было своего в заброшенном полицейском участке, где обитала стая оборотней – и только на третий или четвертый раз, когда она пришла, она склонилась и поцеловала его на прощание прежде чем ушла. Ему это понравилась, а затем он позвонил Клэри, чтобы спросить, стоит ли ему рассказать об этом Изабель.

– Сначала разберись, что происходит между вами с Изабель, – сказала она. – Затем расскажи ей.

Оказалось, это был плохой совет. Прошел месяц, а он все еще не был уверен, что происходит между ним и Изабель, поэтому он ничего не сказал ей. И чем больше проходило времени, тем более неловко становилось говорить об этом. Пока ему удавалось это. Изабель и Майя не особо дружили и редко виделись друг с другом. К несчастью для него, вскоре это изменится. Мать Клэри и ее давний друг, Люк, женились через пару недель, и как Изабель так и Майя были приглашены на свадьбу. Перспектива, которую Саймон считал более ужасной, чем мысль быть преследуемым по улицам Нью-Йорка разъяренной толпой охотников за вампирами.

– Итак, – сказала Изабель, прерывая его раздумия. – Почему здесь, а не в «Таки»? Они бы подали тебе там кровь.

Саймон вздрогнул от ее громкого голоса. Изабель никогда не отличалась утонченностью. К счастью, казалось, никто не подслушивал их, даже вернувшаяся официантка, которая с грохотом поставила чашку кофе перед Саймоном, оглядела Иззи, и ушла, не приняв ее заказ.

– Мне здесь нравится, – сказал он. – Мы с Клэри часто сюда заходили, когда она училась в Тиш. Они готовят отличный борщ и блинчики – они похожи на сладкие сырные клецки – к тому же открыты всю ночь.

Однако Изабель не обращала на него внимания. Она смотрела за его плечо.

– Что это?

Саймон проследил за ее взглядом.

– Это граф Блинкула.

– Граф Блинкула?

Саймон пожал плечами.

– Это украшение к Хэллоуину. Граф Блинкула для детей. Это вроде графа Чокулы, или графа с улицы Сезам. – Он усмехнулся над ее непонимающим взглядом. – Понимаешь ли, он учит детей, как считать.

Изабель непонимающе покачала головой.

– Есть программа, где детей учит считать вампир?

– Ты бы поняла, посмотрев ее, – пробормотал Саймон.

– Существует некая мифологическая основа для подобного толкования, – сказала Изабель, начиная читать лекцию сумеречного охотника. Некоторые легенды утверждают, что вампиры одержимы подсчетом, и если рассыпать перед ними рис, они должны отбросить все дела и пересчитать все до единого. Разумеется, правды в этом не больше, чем в истории о чесноке. И вампирам не стоит обучать детей. Вампиры ужасны.

– Спасибо тебе, – сказал Саймон. – Это шутка, Изабель. Он Граф. Он любит считать. Понимаешь. «Сколько граф сегодня съел, дети? Одно шоколадное печенье, два шоколадных печенья, три шоколадных печенья...»

Возник порыв холодного ветра, когда дверь закуской открылась, впуская очередного посетителя. Изабель вздрогнула и натянула свой черный шелковый шарф.

– Это не реалистично.

– Что бы ты предпочла? «Сколько граф сегодня съел, дети? Один беспомощный фермер, два беспомощных фермера, три беспомощных фермера...»

– Тише. – Изабель закончила повязывать шарф вокруг шеи и склонилась вперед, положив руку на запястье Саймона. Ее большие темные глаза внезапно ожили, как они всегда оживали в тех случаях, когда она охотилась на демонов или думала об охоте на них. – Взгляни туда.

Саймон проследил за ее взглядом. Двое мужчин стояли рядом со стеклянной витриной содержащей выпечку: обильно глазированные торты, блюдо с пирожными, и рулет с кремовой начинкой. Хотя, ни один из этих мужчин не выглядел так, словно был заинтересован в еде. Оба были низкими и настолько изможденными, что их скулы выступали из бесцветных лиц точно ножи. Оба были с жидкими серыми волосами и бледно-серыми глазами, и носили опоясанные пальто цвета сланца, которые достигали пола.

– Ну, – сказала Изабель, – Как думаешь, кто они?

Саймон искоса посмотрел на них. Они уставились в ответ, их глаза без ресниц походили на пустые впадины.

– Они напоминают злобных гномов с лужайки.

– Они порабощенные люди, – прошипела Изабель. – Они принадлежат вампиру.

– Принадлежат, как в...?

Она издала раздраженный вздох.

– Ангела ради, ты ничего не знаешь о своем виде, верно? Ты ведь даже не знаешь, как появляются вампиры?

– Ну, когда мама вампир и папа вампир любят друг друга очень сильно...

Изабель скорчила гримасу.

– Прекрасно, ты знаешь, что вампирам не нужно заниматься сексом для продолжения рода, но держу пари, что ты действительно не знаешь, как это работает.

– Знаю, – сказал Саймон. – Я вампир, потому что выпил немного крови Рафаэля прежде, чем умер. Питье крови плюс смерть равняется вампиру.

– Не совсем, – сказала Изабель. – Ты вампир, поскольку ты выпил часть крови Рафаэля, а затем был укушен другими вампирами, и потом ты умер. Ты должен быть укушен в определенный момент в ходе процесса.

– Зачем?

– Слюна вампиров обладает... свойствами. Преображающими свойствами.

– Як! – Поморщился Саймон.

– Не ямай мне. У тебя самого магическая слюна. Вампиры держат при себе людей и питаются ими, когда требуется кровь – вроде передвижных автоматов с легкой закуской, – сказала Иззи с отвращением. – Можно подумать, что они постоянно будут слабеть от потери крови, но в действительности у слюны вампира есть исцеляющие свойства. Она увеличивает количество их эритроцитов, делает их сильнее и здоровее, и заставляет их жить дольше. Вот почему вампирам разрешено питаться людьми. Это действительно не причиняет им вреда. Конечно, время от времени вампир решает, что хочет больше чем закуски, что хочет порабощения – и затем он начнет кормить своих укушенных людей небольшим количеством крови вампира, просто чтобы сохранять его послушным, держать привязанным к своему мастеру. Порабощенные поклоняются своим мастерам и любят прислуживать им. Все они хотят быть рядом с ними. Как и ты, когда вернулся в Дюмон. Ты вернулся к вампиру, кровь которого пил.

– Рафаэлю, – сказал Саймон, мрачным голосом. – Позволь заметить, что я не сгораю от желания быть теперь с ним рядом.

– Нет. Это проходит, когда ты становишься полноценным вампиром. Только порабощенные поклоняются своим прародителям и не могут не повиноваться им. Разве не понимаешь? Когда ты вернулся в Дюмон, клан Рафаэля осушил тебя, и ты умер, а затем стал вампиром. Но если бы они тебя не осушили, если бы дали тебе еще больше вампирской крови, то вместо этого, ты в итоге стал бы порабощенным.

– Это все очень интересно, – сказал Саймон. – Но это не объясняет, почему они уставились на нас.

Изабель оглянулась на них.

– Они уставились на тебя. Возможно, их мастер умер, и они ищут другого вампира, чтобы владеть ими. Ты можешь завести домашних питомцев. – Усмехнулась она.

– Или, – сказал Саймон, – возможно они здесь из-за картофельных оладий.

– Порабощенные люди не едят пищу. Они живут на смеси из крови вампира и животной крови. Это держит их в состоянии анабиоза. Они не бессмертны, но стареют очень медленно.

– Печально, – сказал Саймон, разглядывая их, – не похоже, чтобы они сохраняли свой облик.

Изабель выпрямилась.

– И у них есть своя причина быть здесь. Полагаю, мы сейчас выясним, чего они хотят.

Порабощенные люди передвигались, словно были на колесах. Казалось, они не ступали, а беззвучно скользили вперед. Им потребовалось несколько секунд, чтобы пересечь закусочную; к тому времени, как они приблизились к столику Саймона, Изабель выхватила острый, похожий на стилет кинжал из-за голенища своего сапога. Он лежал на столе, мерцая под лампами дневного света закусочной. Он был темный, серебряный, с крестами, выжженными по обеим сторонам рукоятки. Большинство отражающего вампира оружия демонстративно имело кресты, подразумевая, как считал Саймон, что большинство вампиров были христианами. Кто знал, что следование за религией меньшинства могло быть столь выгодным?

– Это достаточно близко, – произнесла Изабель, когда двое порабощенных остановились возле стола, ее пальцы были в дюймах от кинжала. – Выкладывайте, что вам двоим нужно.

– Сумеречный охотник. – Вымолвило шипящим шепотом существо слева. – Мы не знали, что вы окажетесь в этой ситуации.

Изабель вскинула изящную бровь.

– И о какой ситуации речь?

Второй порабощенный указал длинным серым пальцем на Саймона. Ноготь на его конце был пожелтевшим и острым.

– У нас есть дела со Светочем.

– Нет, нету, – сказал Саймон. – Я понятия не имею, кто вы. Никогда не видел вас прежде.

– Я мистер Уокер, – сказала первое существо. – Рядом со мной мистер Арчер. Мы служим самому влиятельному вампиру в Нью-Йорке. Главе величайшего манхэттенского клана.

– Рафаэлю Сантьяго, – сказала Изабель. – В этом случае вы должны знать, что Саймон не является частью какого-либо клана. Он сам себе хозяин.

Мистер Уокер слегка улыбнулся.

– Мой мастер надеялся, что эту ситуацию можно будет изменить.

Саймон переглянулся с Изабель. Она пожала плечами.

– Разве Рафаэль не говорил тебе, чтобы ты держался подальше от клана?

– Может он передумал, – предположил Саймон. – Ты же знаешь, какой он. Капризный. Непостоянный.

– Не знала. На самом деле, я не видела его с тех пор, как угрожала убить его канделябром. Хотя, он воспринял это нормально. Не вздрогнул.

– Фантастика, – пробормотал Саймон. Двое порабощенных уставились на него. Их глаза были бледно беловато-серого оттенка, как грязный снег. – Если Рафаэль хочет позвать меня в клан, значит ему что-то нужно от меня. Вы могли бы сказать мне, что именно.

– Мы не посвящены в планы нашего мастера, – сказал мистер Арчер надменным тоном.

– Тогда ничего не выйдет, – сказал Саймон. – Я не пойду.

– Если ты не захочешь пойти с нами, мы уполномочены применить силу, чтобы привести тебя.

Кинжал, казалось, прыгнул в руку Изабель; или, по крайней мере, только показалось,

что она не двигалась, но все же она держала его. Она слегка вертела его.

– На вашем месте, я бы этого не делала.

Мистер Арчер оскалился на нее.

– С каких пор, дитя Ангелов стало телохранителем для изгоя Низших Миров? Я считал, что вы выше подобных дел, Изабель Лайтвуд.

– Я не его телохранитель, – сказала Изабель. – Я его девушка. Что дает мне право надрать вам задницы, если вы напрягаете его. Вот, как обстоят дела.

Девушка? Саймон был настолько поражен, что посмотрел на нее в изумлении, но она смотрела на двух поработанных, ее темные глаза блестели. С одной стороны, он прежде не думал, что Изабель когда-нибудь назовет себя его девушкой. С другой стороны, это показывало насколько странной стала его жизнь, раз это, поразило его сегодня вечером больше, чем тот факт, что его вызвали на встречу с самым могущественным вампиром Нью-Йорка.

– У моего мастера, – сказал мистер Уокер, тем, что он, вероятно, считал успокаивающим тоном, – есть предложение к Светочу...

– Его имя Саймон. Саймон Льюис.

– Предложение к мистеру Льюису. Я могу пообещать вам, что мистер Льюис сочтет его весьма выгодным, если согласится сопровождать нас и выслушать моего мастера. Клянусь честью моего мастера, что тебе не будет причинено вреда, Светоч, и если ты пожелаешь отказаться от предложения мастера, то будешь волен сделать такой выбор.

Мой мастер, мой мастер. Мистер Уокер произносил слова со смесью благоговения и страха. Саймона слегка передернуло внутри. Как ужасно быть настолько привязанным к кому-то еще и никогда не иметь своей собственной воли.

Изабель покачала головой; показав ртом слово «нет» Саймону. «Вероятно, она была права», – подумал он. «Изабель была превосходным сумеречным охотником. Она охотилась на демонов и нарушивших закон Нижнего Мира – вампиров изгоев, колдунов, практикующих черную магию, оборотней, что одичали и сожрали кого-нибудь – с тех пор, как ей исполнилось двенадцать, и была вероятно лучшей, чем другие сумеречные охотники ее возраста, за исключением ее брата Джейса. А еще был Себастьян», – подумал Саймон, – «который был лучше их обоих. Но он был мертв».

– Хорошо, – сказал он. – Я пойду.

Глаза Изабель округлились.

– Саймон!

Оба поработанных потирали свои руки, как злодеи в комиксах. Сам жест, на самом деле, не был жутким; это было в том, как они делали это одновременно и одинаково, точно были марионетками, чьи ниточки дергались в унисон.

– Превосходно, – сказал мистер Арчер.

Изабель с грохотом швырнула нож на стол и наклонилась вперед, ее блестящие, темные волосы касались поверхности стола.

– Саймон, – сказала она настойчивым шепотом. – Не будь глупцом. У тебя нет причин идти с ними. А Рафаэль псих.

– Рафаэль – мастер вампир, – сказал Саймон. – Его кровь сделала меня вампиром. Он мой... как они это называют...

– Прародитель, создатель, отец – есть миллионы имен для того, что он сделал, – растерянно сказала Изабель. – И может быть, его кровь и сделала тебя вампиром, но это не сделало тебя Светочем. – Их глаза встретились через стол. Джейс сделал тебя Светочем. Но она никогда не скажет этого вслух; было всего несколько из них, кто знал правду, всю историю того, кем был Джейс, и кем из-за этого стал Саймон. – Ты не должен делать того, что он говорит.

– Разумеется, нет, – сказал Саймон, понизив голос. – Но если я откажусь пойти, думаешь, Рафаэль так просто сдастся? Он не сдастся. Они будут продолжать преследовать меня. – Он искоса бросил взгляд на поработанных: они выглядели так, словно соглашались,

хотя, возможно он воображал это. – Они будут следить за мной повсюду. Когда я выхожу из дома, в школе, у Клэри...

– И что? Клэри не сможет с этим справиться? – Изабель всплеснула своими руками. – Ладно. По крайней мере, позволь мне пойти с тобой.

– Исключено, – отрезал мистер Арчер. – Это не касается сумеречных охотников. Это дела Детей Ночи.

– Я не...

– Закон дает нам право вести наши дела конфиденциально, – сухо произнес мистер Уокер. – С нашим собственным видом.

Саймон посмотрел на них.

– Дайте нам минутку, пожалуйста, – сказал он. – Я хочу поговорить с Изабель.

Наступила минута молчания. Вокруг них жизнь закуской продолжалась. Место пребывало в ночной суматохе, будто кинотеатр на выходе из зала, и официантки спешили мимо, разнося дымящиеся блюда с едой клиентам; пары смеялись и болтали за соседними столиками; повара выкрикивали заказы друг другу за стойкой. Никто не смотрел на них или осознавал, что происходит нечто странное. Саймон уже привык к гламуру, но порой он не мог избавиться от ощущения, когда был с Изабель, что он был пойман в ловушку позади невидимой стеклянной стены, отрезанный от остальной части человечества и ежедневной суеты.

– Очень хорошо, – сказал мистер Уокер, отходя назад. – Но мой мастер не любит ждать.

Они отступили к двери, по-видимому, не замечая порывов холодного воздуха всякий раз, когда кто-то входил или выходил, и стояли там как статуи. Саймон повернулся к Изабель.

– Все в порядке, – сказал он. – Они не причинят мне вреда. Они не могут причинить мне вред. Рафаэль знает все об... – Он неловко указал на свой лоб. – Этом.

Изабель потянулась через стол и убрала назад его волосы. Ее прикосновение было скорее беспристрастным, чем нежным. Она нахмурилась. Саймон достаточно насмотрелся на метку в зеркале, чтобы хорошо знать, на что она похожа. Словно кто-то взял тонкую кисть и нарисовал незамысловатый узор на его лбу, чуть выше и между глаз. Форма ее, казалось, иногда изменялась, как движущиеся образы в облаках, но она всегда была четкой и черной, и как-то опасно выглядящей, словно предупредительный знак, неразборчиво написанный на другом языке.

– Это действительно... работает? – прошептала она.

– Рафаэль считает, что работает, – сказал Саймон. – И у меня нет причин думать иначе. – Он схватил ее запястье и отстранил от своего лица. – Я буду в порядке, Изабель.

Она вздохнула.

– Каждая частичка моего опыта говорит, что это не очень хорошая мысль.

Саймон сжал ее пальцы.

– Да ладно. Тебе ведь любопытно, чего хочет Рафаэль, разве нет?

Изабель погладила его руку и откинулась на спинку стула.

– Расскажешь мне об этом, когда вернешься. Сразу же позвони мне.

– Позвоню. – Саймон поднялся, застегивая свою куртку. – И сделай мне одолжение, хорошо? Точнее, два одолжения.

Она посмотрела на него со сдержанным весельем.

– Какие?

– Клэри сказала, что будет тренироваться сегодня в Институте. Если встретишь ее, не говори ей, куда я пошел. Она будет напрасно волноваться.

Изабель закатила глаза.

– Ладно, хорошо. Второе одолжение?

Саймон наклонился и поцеловал ее в щеку.

– Попробуй борщ, перед уходом. Он изумительный.

Мистер Уокер и мистер Арчер были не особо разговорчивыми спутниками. Они молча вели Саймона по улицам Нижнего Ист-Сайда, держась на несколько шагов впереди, с их

странной скользящей походкой. Было уже поздно, но городские тротуары были заполнены людьми – возвращающихся с вечерней смены, спешащих домой с обеда, опустив головы, и подняв воротник от сильного холодного ветра. У собора Святого Марка, вдоль тротуара были расставлены карточные столы, продающие все, от носков до дешевых карандашные набросков Нью-Йорка и дымящегося ладана из сандалового дерева. Листья громко шуршали по тротуару, как высушенные кости. Воздух пах смесью выхлопных газов и сандалового дерева, а под этим скрывался запах людей – кожи и крови.

Желудок Саймона свело. Он старался держать достаточный запас бутылок с кровью животных в своей комнате – у него был маленький холодильник у стенки его шкафа, где его мать не могла их увидеть – чтобы справляться со своим голодом. Кровь была отвратительная. Он думал, что привыкнет к ней, даже начнет хотеть ее, но хотя она избавляла его от голодных мучений, в этом не было ничего похожего на удовольствие, которое он испытывал, когда наслаждался шоколадом или вегетарианским бургером, или кофейным мороженым. Она все еще оставалась кровью.

Но быть голодным было хуже. Быть голодным означало, что он мог чувствовать запах, который не хотел – соль на коже, перезревший, сладковатый аромат крови, исходящий из пор незнакомцев. Это заставило его почувствовать себя голодным, скрюченным и вообще, крайне паршиво. Сгорбившись, он засунул свои кулаки в карманы куртки и постарался дышать через рот.

Они повернули направо на Третью Авеню и остановились перед рестораном, вывеска на котором гласила «Монастырское кафе. Сад открыт круглый год». Саймон прищурился, глядя на вывеску.

– Что мы здесь делаем?

– Это место встречи, которое выбрал наш мастер. – Тон мистера Уокера был мягким.

– Ха. – Саймон был озадачен. – Я считал, что стиль Рафаэля немного иной, ну знаете, назначить встречу на крыше неосвященного собора, или внизу, в каком-нибудь склепе, полном костей. Он никогда не казался мне тем, кто любит модные рестораны.

Оба поработанных уставились на него.

– Какая-то проблема, Светоч? – спросил, наконец, мистер Арчер.

Саймон ощутил смутное желание выругаться.

– Нет. Проблем нет.

Интерьер ресторана был мрачным, с покрытым мрамором баром, расположенным вдоль стены. Ни услуга, ни официанты не подошли к ним, пока они пробирались через комнату к двери в задней части, и через дверь в сад.

У многих нью-йоркских ресторанов были террасы в саду; некоторые были еще открыты в это время года. Эта была во дворе между несколькими зданиями. Стены были покрыты росписью, с мельчайшими деталями изображающими итальянские сады, полные цветов. Деревья, их листья окрашенные осенью в золотистый и красновато-коричневый оттенок, были увешаны гирляндами белых фонариков, а инфракрасные лампы расставленные между столами, испускали красноватое свечение. Небольшой фонтан музыкально плескался в центре двора.

Только один столик был занят, и не Рафаэлем. Стройная женщина в широкополой шляпе сидела за столом у стены. Когда Саймон в недоумении посмотрел на нее, она подняла руку и махнула ему. Он обернулся и посмотрел назад; там, разумеется, никого не было. Уокер и Арчер снова двинулись; ошеломленный, Саймон последовал за ними, пока они пересекали дворик и остановились в нескольких шагах от того места, где сидела женщина.

Уокер низко поклонился.

– Мастер, – сказал он.

Женщина улыбнулась.

– Уокер, – сказала она. – И Арчер. Очень хорошо. Спасибо, что привели Саймона ко мне.

– Секундочку. – Саймон перевел взгляд от женщины к двум поработанным и обратно. –

Ты не Рафаэль.

– Боже мой, нет. – Женщина сняла свою шляпу. Огромное количество серебристо светлых волос, блестящих в свете рождественских огней, рассыпались по ее плечам. Ее лицо было гладким, белым, и овальным, очень красивым, подчеркивающее ее огромные бледно-зеленые глаза. Она носила длинные черные перчатки, черную шелковую блузку и юбку-карандаш, черный шарф был повязан вокруг ее горла. Невозможно было определить ее возраст – или по крайней мере, тот возраст, что она имела, когда была обращена в вампира. – Я Камилла Белкорт. Рада познакомиться с тобой.

Он протянула руку в черной перчатке.

– Мне сказали, что я встречаюсь здесь с Рафаэлем Сантьяго, – сказал он, не двинувшись, чтобы пожать ее. – Вы работаете на него?

Камилла Белкорт засмеялась, точно журчащий фонтан.

– Разумеется, нет! Хотя некогда, он работал на меня.

И тут Саймон вспомнил. Я думал, что главой вампиров был кто-то другой, сказал он Рафаэлю однажды в Идрисе, казалось, миновала уже вечность с тех пор. Камилла еще не вернулась к нам, был ответ Рафаэля. Я руковожу вместо нее.

– Вы глава вампиров, – сказал Саймон. – Манхэттенского клана. – Он повернулся к поработанным.

– Вы обманули меня. Вы сказали мне, что я встречу Рафаэля.

– Я сказал, что ты встретишь нашего мастера, – сказал мистер Уокер. Его глаза были огромные и пустые, настолько пустые, что Саймон задался вопросом, могли ли они вообще ввести его в заблуждение, или они были просто запрограммированы как роботы говорить все, что их хозяин велел им сказать, и не знали отклонений от сценария. – И он здесь.

– Совершенно верно. – Камилла сверкнула ослепительной улыбкой в сторону своих поработанных. – Пожалуйста, оставьте нас, Уокер, Арчер. Мне нужно поговорить с Саймоном наедине. Было что-то в том, как она произнесла это – оба их имени и слово «наедине» – это походило на скрытую нежность.

Поработанные поклонились и удалились. Когда мистер Арчер повернулся, чтобы уйти, Саймон увидел отметину на его горле, обширный синяк, выглядевший столь темным, словно грим, с двумя темными пятнами на нем. Темные пятна были проколами, окруженными сухой, рваной плотью. Саймон почувствовал легкую дрожь пробежавшую сквозь него.

– Прошу, – сказала Камилла и похлопала по месту рядом с ней. – Садись. Хочешь немного вина?

Саймон сел, неудобно устроившись на краю жесткого металлического стула.

– Я вообще-то не пью.

– Конечно, – сказала она, сочувствующе. – Ты пока неоперившийся юнец, верно? Не переживай особо. Со временем ты научишься потреблять вино и другие напитки. Некоторые из старейших наших рода могут потреблять человеческую пищу с минимальными пагубными последствиями.

Минимальными пагубными последствиями? Саймону не нравилось, как это звучало.

– Это займет много времени? – спросил он, многозначительно глядя вниз на свой мобильник, который сказал ему, что время уже за 22–30. – Я должен вернуться домой.

Камилла отглотнула своего вина.

– Должен? А зачем?

Поскольку моя мама дожидается для меня. Ладно, не существовало причины, по которой этой женщине нужно знать это.

– Вы прервали мое свидание, – сказал он. – Мне было просто интересно, что было настолько важным.

– Все еще живешь со своей матерью, верно? – сказала она, поставив свой бокал. – Не правда ли, довольно странно, что такой могучий вампир, как ты отказывается покинуть дом, чтобы присоединиться к клану?

– Так, вы прервали мое свидание, чтобы высмеять меня за то, что я все еще живу со

своими родителями? Не могли бы вы сделать это ночью, когда у меня нет свидания? Это большинство ночей, на случай, если вам любопытно.

– Я не высмеиваю тебя, Саймон. Она провела языком по нижней губе, словно дегустировала вино, которое только что пила. – Я хочу знать, почему ты не стал частью клана Рафаэля. Который является также и твоим кланом, не так ли?

– У меня стойкое ощущение, что он не хочет, чтобы я был частью его, – сказал Саймон. – Он предельно ясно сказал, что оставит меня в покое, если я оставлю его. Поэтому, я оставил его в покое.

– Ты вынужден был. – Ее зеленые глаза заблестели.

– Я никогда не хотел быть вампиром, – сказал Саймон, не совсем понимая, зачем он рассказывал это этой странной женщине. – Я хотел нормальной жизни. Узнав, что я Светоч, я подумал, что могу иметь ее. Или, по крайней мере, некое подобие ее. Я могу ходить в школу, могу жить дома, видеть свою маму и сестру...

– До тех пор, пока не сядешь есть с ними, – сказала Камилла. – До тех пор, пока скрываешь свою потребность в крови. Ты никогда не питался чем-то чисто человеческим, так ведь? Только кровью из пакетов. Несвежей. Животной. – Она сморщила нос.

Саймон подумал о Джейсе, и быстро отбросил эту мысль прочь. Джейс был точно не человеком.

– Нет, ни разу.

– Будешь. И когда сделаешь это, уже не забудешь этого. – Она наклонилась вперед, и ее бледные волосы коснулись его руки. – Ты не можешь вечно скрывать свою истинную сущность.

– Какой подросток не лжет своим родителям? – спросил Саймон. – В любом случае, я не понимаю, почему вас это волнует. Вообще-то, я по-прежнему не понимаю, почему я здесь.

Камилла наклонилась вперед. Когда она сделала это, вырез ее черной блузки обнажился. Будь Саймон все еще человеком, он бы покраснел.

– Позволишь мне посмотреть на это?

Саймон практически чувствовал, как его глаза выскакивают из орбит.

– Посмотреть что?

Она улыбнулась.

– На метку, глупый мальчишка. На Метку Странника.

Саймон открыл свой рот, затем снова закрыл. Откуда она знает? Очень немногие люди знали о метке, которую Клэри нанесла ему в Идрисе. Рафаэль дал понять, что это смертельная тайна, и Саймон относился к этому именно так.

Но глаза Камиллы были очень зелены и настойчивы, и по какой-то причине он захотел сделать то, что она от него хотела. Было что-то в том, как она смотрела не него, что-то в музыке ее голоса. Он протянул руку и убрал свои волосы в сторону, обнажая лоб для ее осмотра.

Ее глаза расширились, губы разомкнулись. Она слегка коснулась пальцами своего горла, будто проверяя несуществующий там пульс.

– Ох, – сказала она. – Как тебе повезло, Саймон. Какая удача.

– Это проклятье, – сказал он. – Не благословение. Вы же знаете это, верно?

Ее глаза вспыхнули.

– И сказал Каин Господу: Мое наказание больше, чем я могу вынести. Это больше, чем ты можешь вынести, Саймон?

Саймон откинулся на спинку стула, позволяя волосам снова упасть на место.

– Я могу вынести это.

– Но не хочешь. – Она провела пальцем в перчатке, по краю винного бокала, ее глаза все еще были устремлены на него. – Что, если я могу предложить тебе способ, как превратить то, что ты расцениваешь как проклятье в преимущество?

Я бы сказал, что ты, наконец, добралась до причины, по которой притащила меня сюда, и что это только начало.

– Я слушаю.

– Ты узнал мое имя, когда я сказала его тебе, – сказала Камилла. – Рафаэль упоминал меня прежде, так ведь?

У нее был акцент, очень слабый, который Саймон не мог распознать.

– Он сказал, что вы глава клана, и он просто руководил ими, пока вас нет. Замещая вас как... как вице-президент или что-то вроде этого.

– Вот как! – Она слегка прикусила свою нижнюю губу. – На самом деле, это не совсем верно. Мне бы хотелось рассказать тебе правду, Саймон. Мне бы хотелось сделать тебе предложение. Но вначале ты должен пообещать мне кое-что.

– И что же?

– Что все, что мы здесь обсудим этой ночью, останется в тайне. Никто не узнает. Ни твоя маленькая рыжеволосая подружка, Клэри. Ни одна из твоих подружек. Никто из Лайтвудов. Никто.

Саймон откинулся на спинку стула.

– А что, если я не хочу обещать?

– Тогда ты можешь уйти, если хочешь, – сказала она. – Но при этом ты никогда не узнаешь, что я хотела тебе сказать. И это будет меньшим, о чем ты пожалеешь.

– Мне любопытно, – сказал Саймон. – Но не уверен, что мне это интересно.

«В ее глазах были маленькие искорки удивления и веселья, а возможно», – подумал Саймон, – «даже немного уважения».

– Ничего из того, что я скажу тебе, не касается их. Это не повлияет на их безопасность, и их благополучие. Конфиденциальность нужна для моей собственной защиты.

Саймон посмотрел на нее с подозрением. Она действительно имела это в виду? Вампиры не похожи на фей, которые не могли лгать. Но он должен был признать, что ему было любопытно.

– Хорошо. Я сохраню вашу тайну, если не сочту, что сказанное подвергает моих друзей опасности. Тогда сделке конец.

Ее улыбка была леденящей, он мог сказать, что ей не нравилось недоверие.

– Очень хорошо, – сказала она. – Полагаю, у меня небольшой выбор, когда мне столь сильно нужна твоя помощь. – Она наклонилась вперед, поигрывая тонкой рукой основанием бокала. – До недавнего времени я вполне успешно возглавляла манхэттенский клан. У нас были красивые помещения в старом довоенном здании на Верхнем Ист-Сайде, а не эта крысиная нора в отеле, где Сантьяго теперь держит мой народ. Сантьяго – Рафаэль, как ты зовешь его – был моей правой рукой. Моим самым верным спутником – или я так думала. Однажды ночью я узнала, что он убивает людей, привозит их в тот старый отель в испанском Гарлеме и пьет их кровь ради своего развлечения. Оставляя их кости в мусорном контейнере снаружи. Беря на себя глупый риск, нарушая Закон Соглашения. – Она отпила вина. – Когда я пришла, чтобы разобраться с ним, я узнала, что он уже сказал остальным из клана, что я была убийцей, нарушителем закона. Все это было ловушкой. Он собирался убить меня, чтобы сам смог захватить власть. Я сбежала, только с Уокером и Арчером, для охраны.

– Стало быть, все это время он утверждал, что он просто руководит, пока вы не вернетесь?

Она скорчила гримасу.

– Сантьяго законченный лжец. Он хочет, чтобы я вернулась, чтобы он мог убить меня и взять на себя ответственность за клан всерьез.

Саймон не был уверен в том, что она хотела услышать. Он не привык к взрослым женщинам, смотрящих на него полными слез глазами, и изливающими ему историю своей жизни.

– Мне жаль, – сказал он, наконец.

Она пожала плечами, очень выразительно пожала, что заставило его гадать, мог ли ее акцент быть французским.

– Это в прошлом, – сказала она. – Все это время я скрывалась в Лондоне, выискивая

союзников, выжидая. Затем я услышала о тебе. — Она подняла руку. — Я не могу сказать тебе как; я поклялась сохранить тайну. Но в тот момент я осознала, что ты был тем, кого я ждала.

— Это был я? Я?

Она наклонилась вперед и коснулась его руки.

— Рафаэль боится тебя, Саймон, впрочем ему стоило бы. Ты из тех вампиров, кто сам по себе, но тебе нельзя навредить или убить; он не может даже пальцем тебя тронуть, не навлекая на свою голову гнев божий.

Повисла тишина. Саймон слышал мягкий электрический гул рождественских гирлянд над головой, журчание воды в каменном фонтане в центре двора, шум и гам города. Когда он заговорил, голос его был мягким.

— Ты произнесла это.

— Что это, Саймон?

— Слово. Гнев... — Слово жалило и горело в его рту, как и всегда.

— Да. Божий. — Она убрала свою руку, но глаза ее оставались дружелюбными. — Есть множество секретов у нашего вида, я так многое могу поведать тебе, показать тебе. Ты узнаешь, что ты не проклят.

— Госпожа...

— Камилла. Ты должен звать меня Камилла.

— Я все еще не понимаю, чего вы хотите от меня.

— Неужели? — она покачала головой, и ее блестящие волосы пронеслись вокруг ее лица. — Я хочу, чтобы ты присоединился ко мне, Саймон. Объединился со мной против Сантьяго. Мы отправимся вместе в его крысиный отель; в тот момент, когда его последователи увидят, что ты со мной, они оставят его и перейдут ко мне. Уверена, что они преданны мне, только их сдерживает страх перед ним. Как только они увидят нас вместе, их страх исчезнет, и они перейдут на нашу сторону. Человек не может бороться с божественным.

— Я не знаю, — сказал Саймон. — В библии, Иаков сражался с ангелом, и победил.

Камилла взглянула на него, изогнув бровь.

Саймон пожал плечами.

— Еврейская школа.

— «И нарек Иаков имя месту тому: Пенуэл. Ибо, видел я Бога лицом к лицу». Видишь, ты не единственный, кто знает ваши писания. — Ее сузившийся взгляд пропал, и она улыбалась. — Ты можешь не понимать этого, Светоч, но до тех пор, пока ты несешь эту Метку, ты карающая рука небес. Никто не может выстоять перед тобой. Безусловно, ни один вампир.

— Вы боитесь меня? — спросил Саймон.

Он практически сразу пожалел, что сказал это. Ее зеленые глаза потемнели как грозовые тучи.

— Я? Боюсь тебя? — Затем она взяла себя в руки, ее лицо разгладилось, выражение лица смягчилось.

— Конечно, нет, — сказала она. — Ты умен. Уверена, что ты поймешь здравый смысл моего предложения и присоедишься ко мне.

— И в чем именно заключается предложение? В смысле, я понимаю часть, где мы сокрушаем Рафаэля, но после этого? На самом деле я не ненавижу Рафаэля, или хочу избавиться от него только, чтобы избавиться от него. Он оставил меня в покое. Это все чего я хотел.

Она сложила руки перед собой. На левом среднем пальце, поверх материала перчатки, она носила серебряное кольцо с голубым камнем.

— Ты думаешь это то, чего ты хочешь, Саймон. Ты думаешь, Рафаэль делает тебе одолжение, оставляя тебя в покое, как ты выразился. В действительности он изгнал тебя. Сейчас ты считаешь, что тебе не нужны другие из твоего вида. Ты довольствуешься теми друзьями, что у тебя есть — людьми и сумеречными охотниками. Ты довольствуешься тем,

что прячешь бутылки с кровью в своей комнате и лжешь своей матери о том, кто ты есть.

– Как вы...

Она продолжила, игнорируя его.

– Но что будет через десять лет, когда тебе должно быть двадцать шесть? Через двадцать лет? Тридцать? Ты думаешь, никто не заметит, что пока они стареют и меняются, ты нет?

Саймон ничего не сказал. Он не хотел признавать, что не заглядывал так далеко. Что не хотел заглядывать так далеко.

– Рафаэль учил тебя, что другие вампиры не сулят ничего хорошего для тебя. Но это не обязательно должно быть так. Вечность, долгий отрезок времени, чтобы проводить его одному, без остальных из твоего вида. Остальных, которые понимают. Ты можешь дружить с сумеречными охотниками, но ты никогда не будешь одним из них. Ты всегда будешь иным и чужим. С нами ты можешь стать своим. – Когда она наклонилась вперед, белый свет ее кольца вызвал острую боль в глазах Саймона.

– У нас есть тысячелетние знания, которыми мы можем поделиться с тобой, Саймон. Ты можешь узнать, как сохранить свою тайну, как есть и пить, как произносить имя Господа. Рафаэль безжалостно скрыл эту информацию от тебя, и даже заставил тебя поверить, что ее не существует. Она существует. Я могу помочь тебе.

– Если сначала я помогу вам, – заметил Саймон.

Она улыбнулась, и ее зубы были белыми и острыми.

– Мы поможем друг другу.

Саймон откинулся назад. Железный стул был жестким и неудобным, и он внезапно ощутил усталость. Посмотрев вниз на свои руки, он увидел, что вены потемнели, оплетая задние части его суставов. Ему нужна кровь. Ему нужно поговорить с Клэри. Ему нужно время подумать.

– Я шокировала тебя, – сказала она. – Я знаю. Это выгодная сделка, чтобы согласиться. Я была бы счастлива, дать тебе столько времени, сколько потребуется, чтобы подумать обо всем этом, и обо мне. Но у нас не так много времени, Саймон. Хотя я по-прежнему в этом городе, я подвергаюсь опасности из-за Рафаэля и его пособников.

– Пособников. – Несмотря на все это, Саймон слегка усмехнулся.

Камилла, казалась сбитой с толку.

– Да?

– Ну, просто... «пособники». Это все равно, что сказать злодеи или негодяи. – Она смотрела на него непонимающе. Саймон вздохнул. – Простите. Вы, наверное, не смотрели, столько плохих фильмов, как я.

Камилла слегка нахмурилась, очень тонкая грань появилась между ее бровями.

– Мне говорили, что ты будешь немного странным. Возможно, это потому, что я знаю немногих вампиров твоего поколения. Но чувствую, что мне пойдет на пользу, быть рядом с кем-то столь... юным.

– Новая кровь, – сказал Саймон.

На это она улыбнулась.

– Ну что, ты готов принять мое предложение? Начнем работать вместе?

Саймон взглянул на небо. Гирлянды белых огней, казалось, заслоняли звезды.

– Послушайте, – сказал он, – я ценю ваше предложение. Действительно ценю.

«Дерьмо», – подумал он. «Должен быть какой-то способ сказать это так, чтобы не прозвучало, словно он отказывался от свидания на выпускном. Я очень, очень польщен вашим приглашением, но... Камилла, как и Рафаэль, всегда говорила сухо, формально, как будто она была в сказке. Возможно, он тоже может попытаться». В итоге он сказал:

– Мне потребуется какое-то время для принятия решения. Уверен, что вы понимаете.

Она очень изящно улыбнулась, показывая только кончики клыков.

– Пять дней, – сказала она. – И не больше. – Она протянула ему руку в перчатке. Что-то блестело в ее ладони. Это был маленький стеклянный флакон, размера, который мог бы

содержать образец духов, только, казалось, он был полон коричневатого порошка. – Земля с могилы, – пояснила она. – Разбей его, и я узнаю, что ты призываешь меня. Если ты не призовешь меня в течение пяти дней, я отправлю Уокера за ответом.

Саймон взял флакон и засунул его в карман.

– А если мой ответ нет?

– Тогда я буду разочарована. Но мы расстанемся друзьями. – Она отодвинула свой бокал. – До свидания, Саймон.

Саймон встал. Стул издал металлический скрип, когда волочился по земле, слишком громкий. Он чувствовал, что должен сказать что-то еще, но понятия не имел что именно. Хотя, сейчас вроде, он больше не нужен. Он решил, что лучше выглядеть одним из тех странных современных вампиров с плохими манерами, чем рискнуть вновь затеять разговор. Он ушел, не сказав ничего.

На обратном пути через ресторан, он прошел мимо Уокера и Арчера, которые стояли у большого деревянного бара, их плечи сутулились под длинными серыми пальто. Он чувствовал их пристальные взгляды, когда проходил мимо и пошевелил пальцами в их сторону – жестом средним между дружественным маханием и призывом убраться с глаз долой. Арчер оскалился – плоскими человеческими зубами – и двинулся мимо него к саду, Уокер последовал за ним. Саймон смотрел, как они заняли свои места на стульях напротив Камиллы; она не смотрела, как они усаживались, но белые огни, которые освещали сад внезапно погасли, – не по одному, а все разом – оставив Саймона пялиться на неясный участок темноты, словно кто-то выключил звезды. К тому времени, когда официанты заметили это и поспешили наружу исправлять проблему, снова затопляя сад бледным светом, Камилла и ее поработанные люди исчезли.

Саймон отпер парадную дверь своего дома, одного из длинной цепочки идентичных кирпичных домов, которые выстроились в линию в его бруклинском квартале – и слегка приоткрыл ее, прислушиваясь.

Он сказал матери, что выходил порепетировать с Эриком и остальными членами его группы, для концерта в субботу. Было время, когда она просто поверила бы ему, и не задала вопросов; Элейн Льюис всегда была снисходительным родителем, никогда не налагая комендантский час ни на Саймона, ни на его сестру или настаивая, чтобы они пораньше были дома, если на следующий день в школу. Саймон привык постоянно зависать с Клэри, открывая дверь своим ключом, и падая на кровать в два часа утра, поведение, которое не вызывало особо много комментариев от его матери.

Теперь все было иначе. Он был в Идрисе, родной стране сумеречных охотников, в течение почти двух недель. Он исчез из дома, без шанса предложить объяснение или оправдание. Колдун Магнус Бейн пришел и наложил на мать Саймона заклинание памяти, так, чтобы у нее вообще не осталось воспоминаний о том, что он пропадал. Или, по крайней мере, никаких осознанных воспоминаний. Однако ее поведение изменилось. Теперь она стала подозрительной, слонялась рядом, всегда присматривая за ним, настаивала, чтобы он был дома в определенное время. В прошлый раз, когда он пришел домой со свидания с Майей, он обнаружил Элейн в прихожей, сидящей на стуле лицом к двери, скрестившей руки на груди и выражением с трудом сдерживаемого гнева на лице.

Той ночью, он был в состоянии услышать ее дыхание, прежде чем увидеть ее. Сейчас он слышал только слабый звук телевизора, доносящийся из гостиной. Должно быть, она ждала его, смотря марафон одной из больничных драм, которые так любила. Саймон закрыл за собою дверь и прислонился к ней, пытаясь собраться с силами для лжи.

Было достаточно тяжело не есть в кругу семьи. К счастью, его мать рано уходила на работу и поздно возвращалась, а Ребекка, которая поступила в колледж в Нью-Джерси, приходила изредка домой только чтобы воспользоваться прачечной, и отсутствовала достаточно часто, чтобы заметить нечто странное. Его мать обычно уходила утром, к тому времени как он вставал, завтрак и обед, который она с любовью приготовила для него, ждал на кухонном столе. Он выкидывал его в мусорный бак по дороге в школу. С ужином было

сложнее. Вечерами, она была дома, и он вынужден был размазывать еду по своей тарелке, притворяясь, что не был голоден, или уносил еду в спальню, чтобы поесть пока занимался. Один или два раза он заставил себя поесть, только чтобы сделать ее счастливой, и затем провел несколько часов в ванной, потея и блюя, пока не очистил свой организм.

Он ненавидел лгать ей. Он всегда чувствовал себя немного виноватым перед Клэри, с ее натянутыми отношениями с Джослин, самым гиперопекающим родителем, которого он когда-либо знал. Теперь ситуация поменялась. После смерти Валентина, внимание Джослин на Клэри ослабло до того уровня, когда она стала практически нормальным родителем. Между тем, всякий раз, когда Саймон был дома, он ощущал тяжелый взгляд своей матери, как и обвинения, куда бы он ни пошел.

Расправив плечи, он повесил сумку на дверь и направился в гостиную выслушивать упреки. Телевизор был включен, выкрикивая новости. Местный диктор сообщал важную новость – ребенка нашли брошенным в переулке позади больницы в центре города. Саймон был удивлен; его мать ненавидела новости. Она находила их удручающими. Он взглянул в сторону дивана, и его удивление исчезло. Его мать спала, ее очки лежали рядом на столе, полупустой стакан на полу. Саймон мог учуять запах отсюда – вероятно виски. Он почувствовал угрызение совести. Его мать почти никогда не пила.

Саймон вошел в комнату матери и вернулся с вязаным одеялом. Его мать все еще спала, ее дыхание было медленным и равномерным. Элейн Льюис была крошечной, похожей на птичку женщиной, с ореолом темных вьющихся волос, с проседью, которую она отказывалась красить. Она работала в течение дня на экологическом некоммерческом предприятии, и на большей части ее одежды были изображены животные. Сейчас она была одета в платье с изображением дельфинов и волн, и булавку, которая была из некогда живой рыбой, смоченной в смоле. Лакированный рыбий глаз, казалось, осуждающе смотрел на Саймона, когда он нагнулся, чтобы подвернуть одеяло вокруг ее плеч.

Она судорожно дернулась, отворачивая свою голову от него.

– Саймон, – прошептала она. – Саймон, где ты?

Пораженный Саймон отпустил одеяло и встал. Может, он должен разбудить ее, пусть она знает, что он в порядке. Но тогда будут вопросы, на которые он не хотел отвечать, и тот обиженный взгляд на ее лице, который он не мог выдержать. Он повернулся и пошел к себе в спальню.

Он рухнул на покрывало и схватил телефон со своего ночного столика, чтобы набрать номер Клэри, прежде чем даже подумал об этом. Он помедлил, прислушиваясь к гудку. Он не мог рассказать ей о Камилле; он обещал держать предложение вампира в тайне. И хотя пока Саймон не чувствовал себя обязанным Камилле, существовала одна вещь, о которой он узнал за последние несколько месяцев, она заключалась в том, что отказываться от своего обещания, данного сверхъестественным существам, было плохой идеей. Однако, он хотел услышать голос Клэри, как всегда делал, когда у него был тяжелый день. Ну, как обычно пожаловаться ей на свою личную жизнь; это, казалось, всегда развлекает ее. Перевернувшись на кровати, он натянул подушку на голову и набрал номер Клэри.

Глава вторая

Падение

– Ну что, вам с Изабель было весело сегодня ночью? – Клэри, прижав телефон к уху, осторожно маневрировала от одного бревна к другому. Бревна располагались на высоте двадцати футов в стропилах институтской мансарды, где находилась тренировочная комната. Считалось, что хождение по этим бревнам научит балансировать. Клэри ненавидела их. Ее боязнь высоты делала весь процесс отвратительным, несмотря на эластичный канат, обвязанный вокруг ее талии, чтобы она не ударилась об пол в случае падения. – Ты еще не сказал ей о Майе?

Саймон издал слабый уклончивый звук, который Клэри восприняла, как «нет». На фоне

разговора было слышно музыку; она могла представить его, лежащего на кровати, и стерео, играющее тихо, пока он говорил с нею. Он говорил устало, с той самой глубокой усталостью, по которой она поняла, что его легкий тон не соответствовал его настроению. В начале разговора она несколько раз спросила, все ли с ним хорошо, но он отмахнулся от ее беспокойства.

Она фыркнула.

– Ты играешь с огнем, Саймон. Я надеюсь, тебе это известно.

– Я не знаю. Ты действительно думаешь, что это такая большая проблема? – Саймон звучал жалобно. – Я ни разу не говорил с Изабель – или Майей – об отношениях только с одной из них.

– Позволь мне рассказать тебе кое-что о девушках. – Клэри присела на бревно, болтая ногами в воздухе. Мансардные окна в форме полумесяцев были открыты, и прохладный ночной воздух проникал внутрь, охлаждая ее вспотевшую кожу. Она всегда думала, что сумеречные охотники тренировались в их прочной, как кожа форме, но, как оказалось, она была предназначена для других тренировок, в которых применялось оружие. Для той тренировки, что она занималась сейчас – упражнения для развития гибкости, скорости и баланса – она была одета в легкий топ и брюки на шнурках, напоминающие ей медицинскую форму. – Даже если у вас не было такого разговора, они все равно разозлятся, если узнают, что ты встречаешься с кем-то еще, кого они знают, и не рассказал им об этом. Таковы правила свиданий.

– Хорошо, и как я должен был узнать об этом правиле?

– Каждый знает об этом правиле.

– Я думал, ты должна быть на моей стороне.

– Я и есть на твоей стороне!

– Почему же ты тогда не проявишь больше сочувствия?

Клэри переместила телефон к другому уху и посмотрела вниз, в темное пространство под ней. Где же Джейс? Он ушел за другой веревкой и сказал, что вернется через пять минут. Разумеется, если он застукнет ее разговаривающей здесь по телефону, он, вероятно, убьет ее. Он редко руководил ее тренировками – обычно это была Мариза, Кадир или любой другой член нью-йоркского Конклава, найденный для замещения предыдущего наставника Института, Ходжа, – но когда это был он, Джейс относился к этому очень серьезно.

– Потому что, – сказала она, – в твоем случае это не настоящие проблемы. Ты одновременно встречаешься с двумя красивыми девушками. Подумай об этом. Это как... проблемы рок-звезды.

– Проблемы рок-звезды это, наверно, самое близкое к настоящей рок-звезде, что я когда-либо испытаю.

– Никто не говорил тебе назвать свою группу «Похотливой плесенью», дружище.

– Мы теперь называемся «Пух тысячелетия», – возразил Саймон.

– Послушай, просто разберись с этим до свадьбы. Если они будут думать, что идут на свадьбу с тобой, и лишь там узнают, что ты встречаешься с ними обеими, они убьют тебя. – Она встала. – А затем свадьба моей мамы будет испорчена, и она убьет тебя. Так что ты будешь убит дважды. Хотя, технически, трижды...

– Я ни одной из них не говорил, что собираюсь идти с ней на свадьбу! – Саймон звучал испуганным.

– Да, но они будут ждать этого от тебя. Именно для этого девушкам нужны парни. Чтобы кто-то мог сопроводить их на скучные мероприятия. – Клэри сдвинулась к краю бревна, заглянув вниз в освещенные ведьмовским огнем тени. Старый тренировочный круг был начерчен мелом на полу; он выглядел, как бычий глаз. – В любом случае, мне нужно прыгнуть с этого бревна и, возможно, встретиться со своей ужасной смертью. Поговорим завтра.

– У меня репетиция в два, помнишь? Встретимся там.

– До встречи. – Она повесила трубку и засунула телефон в бюстгальтер; у легкой

тренировочной одежды не было карманов, что еще было делать девушке?

– Ты что, планируешь оставаться наверху всю ночь? – Джейс шагнул в центр бычьего глаза и посмотрел на нее. Он был одет в боевую форму, не тренировочную одежду, как Клэри, и его светлые волосы поразительно выделялись на черном фоне. Они немного потемнели с окончанием лета, и оттенок их больше склонялся к темному золоту, нежели светлому, что, как считала Клэри, подходило ему еще лучше. То, что она знала его достаточно долго, чтобы заметить такие мелкие перемены в его внешности, сделало ее по-глупому счастливой.

– Я думала, ты собирался подняться сюда, – прокричала она вниз. – План изменился?

– Долгая история. – Он усмехнулся ей. – Ну, что? Хочешь попрактиковать сальто?

Клэри вздохнула. Практика сальто подразумевала, что она должна спрыгнуть с бревна в воздух и, используя эластичный канат для поддержки, отталкиваться от стен и переворачиваться, учась кружиться, брыкаться и уклоняться, не беспокоясь о твердом полу под ней и ушибах. Она видела, как это делал.

Джейс, и он выглядел, как падающий ангел, когда пролетал по воздуху и совершал вращения и перевороты с прекрасной, балетной грацией. Она же сворачивалась, как картофельный жук, как только приближался пол, и факт того, что она сознательно понимала, что не разобьется, ничего не менял.

Она уже начала дивиться, означало ли ее происхождение хоть что-нибудь; может было слишком поздно, чтобы сделать из нее сумеречного охотника, по крайней мере, полноценного. Или, может, их с Джейсом талант был как-то неравнозначно распределен между ними, так, что он получил всю физическую грацию, а она лишь часть.

– Давай, Клэри, – сказал Джейс. – Прыгай. Она закрыла глаза и спрыгнула. На какой-то момент она почувствовала себя замершей в воздухе, свободной от всего. Затем гравитация взяла верх, и она понеслась навстречу полу. Инстинктивно она прижала к телу руки и ноги, не открывая глаз. Канат натянулся, и она отскочила, взлетая вверх, прежде чем упасть снова. Когда ее скорость замедлилась, она открыла глаза и обнаружила, что раскачивается на конце каната в полутора метрах над Джейсом. Он улыбался.

– Замечательно, – сказал он. – Грациозно, как падающая снежинка.

– Я кричала? – спросила она с искренним любопытством. – Ну, пока спускалась.

Он кивнул.

– К счастью, дома никого нет, а то подумали бы, что я тебя убиваю.

– Ха. Ты даже не можешь достать меня. – Она взмахнула ногой и прокрутилась лениво в воздухе.

Глаза Джейса заблестели.

– Хочешь поспорить?

Клэри знала это выражение на его лице.

– Нет, – быстро сказала она. – Что бы ты ни собирался сделать...

Но он уже сделал это. Когда Джейс двигался быстро, его отдельные движения были почти незаметны. Она видела, как его рука коснулась пояса, а затем что-то блеснуло в воздухе. Она услышала звук рвущегося материала, когда канат над ее головой рассекся. Отпущенная, она упала, слишком удивленная, чтобы кричать, прямоком в руки Джейса. Сила удара опрокинула его назад, и они растянулись вместе на одном из батутов, Клэри сверху него. Он ухмыльнулся ей.

– В этот раз, – сказал он, – было гораздо лучше. Ты вообще не кричала.

– У меня не было возможности. – Она тяжело дышала и не только от столкновения. Ее положение над Джейсом и ощущение его тела под ней заставляли ее руки дрожать, а сердце биться быстрее. Она как-то подумала, возможно, ее физическая реакция на него – их реакция друг на друга – ослабнет со временем, но этого не произошло. Чем больше времени они тратили вместе, тем хуже она становилась. Или лучше, предположила она, в зависимости от того, как на это посмотреть.

Он смотрел на нее темно-золотистыми глазами; она задалась вопросом, не усилился ли их оттенок с тех пор, как они встретились с Разиэлем, ангелом у берегов озера Лин в Идрисе.

Ей было некого спросить: хотя все знали, что Валентин вызвал ангела, и что ангел исцелил Джейса от увечий, нанесенных Валентином. Никто, кроме Клэри и Джейса, не знал, что Валентин не просто ранил своего приемного сына. Он пронзил Джейса в сердце, исполняя часть церемонии вызова – пронзил и держал его, пока тот умирал. По желанию Клэри, Разиэль вернул Джейса из мертвых. Чудовищность всего этого до сих пор шокировала Клэри и, она подозревала, что Джейса тоже. Они решили никогда не рассказывать кому-либо о том, что Джейс действительно умирал, даже на короткий промежуток времени. Это был их секрет.

Он протянул руку и убрал волосы с ее лица.

– Я шучу, – сказал он. – Ты не так уж плоха. Ты научишься. Видела бы ты, как Алек сначала делал сальто. Кажется, однажды он ударился головой.

– Конечно, – сказала Клэри. – Но ему, наверно, было лет одиннадцать. – Она посмотрела на него пристально. – Я так понимаю, ты всегда был восхитителен во всем этом.

– Я был рожден восхитительным. – Он провел кончиками пальцев по ее щеке, легко, но этого было достаточно, чтобы она вздрогнула. Она ничего не ответила; он шутил, но в какой-то степени это было правдой. Джейс был рожден таким, каким он был. – Как долго ты можешь задержаться сегодня ночью?

Она слегка улыбнулась.

– Мы закончили с тренировкой?

– Я бы сказал, что мы закончили с обязательной частью вечера. Хотя, есть еще несколько вещей, в которых я хотел бы попрактиковаться... – Он снял ее с себя, но в этот момент распахнулась дверь, и Изабель прошествовала в комнату, стуча своими высокими каблуками по полированному деревянному полу.

Увидев Джейса и Клэри, распластанных на полу, она вздернула брови.

– Обнимаетесь, как я вижу. Я думала, вы должны были тренироваться.

– Никто не говорил, что тебе нужно было входить без стука, Из. – Джейс не сдвинулся с места, только повернул голову набок, чтобы посмотреть на Изабель со смесью раздражения и привязанности во взгляде. Хотя Клэри поднялась на ноги, расправляя свою смятую одежду.

– Это тренировочная комната. Общее место. – Изабель стянула одну из своих перчаток из ярко-красного вельвета. – Я только что купила их в «Трэш и Водевиль». На распродаже. Разве они не нравятся тебе? Не хочешь и себе парочку? – Она пошевелила пальцами в их сторону.

– Не знаю, – сказал Джейс. – Думаю, они будут в дисгармонии с моей формой.

Изабель скорчила ему рожицу.

– Ты слышал об убитом сумеречном охотнике, найденном в Бруклине? Все тело было искалечено настолько, что они до сих пор не знают, кто это. Я так понимаю, именно туда отправилась Мать.

– Да, – сказал Джейс, садясь. – Собрание Конклава. Я столкнулся с ней, когда она уходила.

– Ты не сказал мне об этом, – сказала Клэри. – Поэтому ты так долго ходил за веревкой?

Он кивнул.

– Прости. Я не хотел тревожить тебя.

– Он имеет в виду, – сказала Изабель, – что не хотел портить романтическое настроение. – Она прикусила губу. – Надеюсь, это не кто-нибудь из наших знакомых.

– Не думаю, что это возможно. Тело было оставлено на заброшенной фабрике – пролежало там несколько дней. Будь это кто-то из наших друзей, мы бы заметили их пропажу. – Джейс убрал волосы за ухо. Он смотрел на Изабель с некоторым нетерпением, подумала Клэри, как будто он был раздражен, что она подняла эту тему. Она хотела бы, чтобы он сказал ей об этом раньше, даже если это и испортило настроение. Клэри знала, что большая часть того, что он делал, – все они делали, – приводило их к частым контактам со смертью. Лайтвуды все еще по-своему оплакивали гибель их младшего сына, Макса, который умер, просто оказавшись не в том месте и не в то время. Это было странно. Джейс воспринял ее решение покинуть школу и начать тренироваться без лишних слов, но уклонялся от

обсуждений угроз образа жизни сумеречных охотников с ней.

– Я пойду одеваться, – сказала она и направилась к двери, которая вела в небольшую раздевалку, соединенную с тренировочной зоной. Комната была очень простой: голые деревянные стены, зеркало, душ и крючки для одежды. На деревянной скамье возле двери были аккуратно сложены полотенца. Клэри быстро приняла душ и надела свою одежду – колготки, ботинки, джинсовую юбку и новый розовый свитер. Посмотрев на себя в зеркало, она обнаружила дыру в колготках, а ее влажные выющиеся рыжие волосы были неопрятной путаницей. Она никогда не будет выглядеть идеально, как Изабель, но Джейс, вроде бы, не возражал.

К тому времени, как она вернулась в тренировочную комнату, Изабель и Джейс оставили тему мертвого сумеречного охотника позади и перешли к обсуждению того, что Джейс считал даже более ужасающим – свиданию Изабель и Саймона.

– Не могу поверить, что он сводил тебя в настоящий ресторан. – Джейс убирал маты и тренировочные принадлежности, пока Изабель прислонилась к стене, играя своими новыми перчатками.

– Я полагал, что его представление о свидании – это заставить тебя смотреть, как он играет в World of Warcraft со своими друзьями-ботанами.

– Я, – заметила Клэри, – и есть одна из его друзей-ботанов, спасибо.

Джейс ухмыльнулся ей.

– Это был не совсем ресторан. Скорее, закусочная. С розовым супом, который он хотел, чтобы я попробовала, – сказала Изабель задумчиво. – Он был очень мил.

Клэри моментально почувствовала вину за то, что не рассказала ей – или Джейсу – о Майе.

– Он сказал, вам было весело.

Взгляд Изабель сверкнул в ее сторону. Было что-то особенное в ее выражении, как будто она что-то скрывала, но это исчезло, прежде чем Клэри смогла убедиться, что вообще что-то видела.

– Ты говорила с ним?

– Да, он звонил мне несколько минут назад. Просто проверить, как дела. – Клэри пожала плечами.

– Понятно, – сказала Изабель, ее голос внезапно зазвучал отрывисто и холодно. – Ну, как я уже сказала, он очень милый. Но, может быть, немного слишком милый. Это может быть утомительным. – Она засунула перчатки в карманы. – В любом случае, это не постоянные отношения. Это просто временное развлечение.

Чувство вины в Клэри рассеялось.

– Вы с ним говорили о том, чтобы встречаться только друг с другом?

Изабель выглядела шокировано.

– Конечно, нет. – Она зевнула и потянулась, вытягивая руки над головой, словно кошка. – Ладно, пора в постель. Увидимся, голубки.

Она ушла, оставляя за собой смутный шлейф жасминовых духов.

Джейс посмотрел на Клэри. Он начал расстегивать свою боевую форму, которая соединялась на запястьях и спине, образуя защитный панцирь поверх его одежды.

– Полагаю, тебе нужно домой?

Она неохотно кивнула. Заставить ее мать позволить ей пройти обучение сумеречных охотников удалось только после долгого, неприятного спора. Джослин стояла на своем, повторяя, что потратила всю жизнь, пытаясь уберечь Клэри от мира сумеречных охотников, который она считала опасным – не просто жестоким, утверждала она, но закрытым и безжалостным. Она обратила внимание Клэри на то, что еще год назад ее решение быть сумеречным охотником означало бы, что она больше никогда не сможет увидеть свою мать. Клэри ответила тем, что тот факт, что Конклав приостановил действие подобных правил, пока Консилиум пересматривал законы, означал, что порядки Конклава изменились с тех пор, когда Джослин была ребенком, и в любом случае Клэри должна была научиться постоять за

себя.

– Я надеюсь, что все это не только из-за Джейса, – сказала Джослин в итоге. – Я знаю, как это бывает, когда ты влюблена в кого-то. Ты хочешь постоянно быть рядом с ним и делать то, что он делает, но Клэри...

– Я не ты, – сказала Клэри, пытаюсь сдержать свой гнев, – сумеречные охотники – не Круг, а Джейс

– не Валентин.

– Я не сказала ни слова о Валентине.

– Но ты подумала об этом, – сказала Клэри. – Может, Валентин и воспитал Джейса, но Джейс не похож на него.

– Ну, я надеюсь на это, – мягко сказала Джослин. – Ради всех нас.

В итоге она сдалась, но установила несколько правил:

Клэри не было позволено жить в Институте, только с ее матерью в доме Люка; Джослин должна была получать еженедельные отчеты о прогрессе от Маризы, подтверждающие, что Клэри училась чему-то, а не просто кокетничала с Джейсом целый день или делала нечто другое, о чем переживала ее мать. И Клэри не было позволено оставаться в Институте на ночь – вообще.

– Никаких ночевок там, где живет твой парень, – сказала Джослин твердо. – Меня не волнует, если он живет в Институте.

Ее парень. Для нее все еще было шоком слышать это слово. Слишком долго это казалось абсолютно невозможным, что Джейс когда-нибудь станет ее парнем, что они смогут быть друг для друга кем-то кроме брата и сестры, и принять это было слишком тяжело и страшно. Они решили, что лучше будет совсем не видеться друг с другом, и это было похоже на смерть. И вдруг, словно по волшебству, они стали свободны. Прошло уже шесть недель, но это слово все еще не надоело Клэри.

– Мне нужно домой, – сказала она. – Почти одиннадцать часов, и моя мама переживает, если я задерживаюсь здесь после десяти.

– Хорошо. – Джейс бросил свою форму или как минимум верхнюю ее часть на скамью. Он был одет в тонкую футболку; Клэри могла видеть метки сквозь нее, словно чернила, проступающие через влажную бумагу. – Я провожу тебя.

В Институте было тихо, пока они шли. Сейчас в нем не гостили сумеречные охотники из других городов. Роберт, отец Изабель и Алека, был в Идрисе, помогая организовать новый Совет, и так как Ходж и Макс навсегда оставили их, а Алек пропал с Магнусом, Клэри казалось, что оставшиеся жители Института были словно привидения в пустом отеле. Она хотела бы, чтобы другие участники Конклава заезжали чаще, но предположила, что все решили не беспокоить Лайтвудов какое-то время. Время, чтобы подумать о Максе и забыть обо всем.

– Ты в последнее время слышал что-нибудь об Алеке и Магнусе? – спросила она. – Они хорошо проводят время?

– Судя по всему, да. – Джейс достал из кармана свой телефон и протянул ей. – Алек постоянно присылает мне раздражающие фотографии. Означающие «хочу, чтобы и ты был здесь», хотя на самом деле думает иначе.

– Ну, тебе не за что осуждать его. Это ведь должна быть романтическая поездка. – Она просмотрела фото в телефоне Джейса и хихикнула. Алек и Магнус возле Эйфелевой башни, Алек в джинсах, как обычно, а Магнус в полосатом сетчатом свитере, кожаных штанах и сумасшедшем берете. В садах Боболи, Алек снова в джинсах, а Магнус в громадном венецианском плаще и шляпе гондольера. Он выглядел, как Призрак Оперы. Возле музея Прадо он был одет в сверкающий тореадорский пиджак и ботинки на платформе, тогда как Алек умиротворенно кормил голубя на заднем фоне.

– Позволь мне убрать телефон до того, как ты доберешься до фото из Индии, – сказал Джейс, забирая телефон. – Магнус в сари. Зрелище, которое будет невозможно забыть.

Клэри рассмеялась. Они уже подошли к лифту, который открыл свои грохочущие двери,

когда Джейс нажал кнопку вызова. Она вошла внутрь, и Джейс зашел за ней. Как только лифт начал опускаться

– Клэри не считала, что когда-нибудь ее сердце перестанет замирать каждый раз, как лифт дергался при старте – он приблизился к Клэри в полутьме и притянул ее ближе. Она прижала руки к его груди, ощущая твердые мускулы под его футболкой и биение сердца под ними. Его глаза сияли в тусклом свете.

– Мне жаль, что я не могу остаться, – прошептала она.

– Не жалея об этом. – Резкость в его голосе удивила ее. – Джослин не хочет, чтобы ты стала похожей на меня. Я не виню ее за это.

– Джейс, – сказала она, немного ошеломленная горечью в его голосе, – все в порядке?

Вместо ответа он поцеловал ее, крепко прижимая к себе. Он прижал ее к стене своим телом, спиной к холодному зеркалу, и его руки скользнули вниз по ее талии, проникая под свитер. Ей всегда нравилось, как он держал ее. Осторожно, но не слишком, не настолько, чтобы она почувствовала, что он контролировал себя лучше нее. Они не могли контролировать свои чувства друг к другу, и ей это нравилось, нравилось, как их сердца стучали друг против друга, как он шептал напротив ее губ, когда она целовала его в ответ.

Лифт замер с шумом, и решетка открылась. За решеткой Клэри увидела пустой неф собора, свет канделябров, мерцающий вдоль центрального прохода. Она прильнула к Джейсу, обрадованная тем, что в тусклом свете лифта она не видела в зеркале, как покраснело ее лицо.

– Может, я могла бы остаться, – прошептала она. – Чуть-чуть дольше.

Он ничего не ответил. Она почувствовала, как он напрягся, и сжалась в ответ. Это было что-то большее, чем возбуждение из-за желания. Он дрожал, все его тело содрогалось, пока сам он уткнулся лицом в изгиб ее шеи.

– Джейс, – сказала она.

Внезапно он отпустил ее и отошел. Его щеки горели, а взгляд был лихорадочным.

– Нет, – сказал он. – Я не хочу давать твоей матери очередной повод не любить меня. Она и так уже считает, что я продолжение своего отца...

Он замолчал, прежде чем Клэри успела сказать, что Валентин не был его отцом. Обычно Джейс был осторожен, называя Валентина Моргенштерна только по имени, никогда не используя формулировку «мой отец», если вообще упоминал о Валентине. Чаще всего они не касались этой темы, и Клэри ни разу не призналась Джейсу, что ее мать беспокоилась, что в тайне Джейс был похож на Валентина, зная, что даже предположение этого сильно ранит его. В основном Клэри делала все, что могла, чтобы не дать им встретиться.

Он дотянулся через нее, прежде чем она могла сказать что-нибудь, и открыл решетку лифта.

– Я люблю тебя, Клэри, – сказал он, отводя взгляд. Он смотрел в глубину церкви, вдоль рядов зажженных свечей, отражающихся золотом в его глазах. – Больше, чем когда-либо... – он замолчал. – Боже. Возможно, больше, чем мне следует. Ты ведь знаешь это, правда?

Она вышла из лифта и повернулась к нему лицом. Столько всего она хотела сказать, но он уже отвернулся, нажимая кнопку, чтобы вернуть лифт наверх к этажам Института. Она попыталась возразить, но лифт уже начал движение, и двери закрылись, когда он загромыхал, поднимаясь. Они захлопнулись с щелчком, и Клэри уставилась на них на секунду; на поверхности дверей был изображен ангел с распростертыми крыльями и взглядом, направленным вверх. Ангел был изображен везде.

Ее голос отразился в пустой комнате резким эхом, когда она сказала:

– Я тоже люблю тебя.

Глава третья Всемеро

– Знаешь, что действительно круто? – спросил Эрик, откладывая свои барабанные

палочки. – Иметь вампира в нашей группе. Это реально должно поднять нас на вершину.

Кирк закатил глаза к потолку, опуская микрофон. Эрик постоянно рассуждал о том, как они поднимутся на вершину славы, но на самом деле ничего не изменилось за это время. Лучшее из всего, что они делали, это концерт на трикотажной фабрике, на который пришло всего четыре человека. И одной из них была мать Саймона.

– Не понимаю, как это может продвинуть нас на вершину, если мы не можем никому об этом рассказать.

– Очень жаль, – сказал Саймон. Он сидел на одной из колонок рядом с Клэри, которая была увлечена написанием смс, вероятно, Джейсу. – В любом случае, никто не поверит вам, потому что посмотрите – вот он я. В дневном свете. – Он поднял руки, указывая на солнечный свет, просачивающийся сквозь дыры в крыше гаража, где они сейчас репетировали.

– Это действительно несколько уменьшает правдоподобность ситуации, – сказал Мэтт, убирая с глаз свои яркие красные волосы и щурясь в сторону Саймона. – Может, тебе стоит носить искусственные клыки?

– Ему не нужны искусственные клыки, – раздраженно сказала Клэри, опуская телефон. – У него есть настоящие. И вы их видели.

Это было правдой. Саймону пришлось выпустить клыки, когда он поделился этой новостью с группой. Сначала они думали, что он повредил голову или получил нервный срыв. Но когда он сверкнул клыками, они пришли в себя. Эрик даже признался, что был не особо удивлен.

– Я всегда знал, что вампиры существуют, чувак, – сказал он. – Потому что, знаешь, есть люди, которые будто бы всегда выглядят одинаково, даже когда им около сотни лет? Вроде Дэвида Боуи? Это потому что они вампиры.

Саймон воздержался от того, чтобы рассказать им, что Клэри и Изабель были сумеречными охотниками. Это был не его секрет, чтобы делиться им. Также, они не знали, что Майя является оборотнем. Они просто думали, что Майя и Изабель две клевые девчонки, которые необъяснимым образом согласились встречаться с Саймоном. Они отнесли это на счет его «вампирского сексуального шарма», как они это называли. Саймона это особо не заботило, лишь бы они не проболтались Майе или Изабель друг о друге. До сих пор он умудрялся успешно приглашать их на разные концерты, так что они ни разу не оказались на одном и том же в одно время.

– Может, ты покажешь клыки на сцене? – предложил Эрик. – Хотя бы раз, чувак. Сверкни ими перед толпой.

– Если он это сделает, лидер Нью-Йоркского клана вампиров убьет вас всех, – сказала Клэри. – Ты ведь знаешь это, правда? – она кивнула головой в сторону Саймона. – Не могу поверить, что ты рассказал им о том, что ты вампир, – добавила она, понижая голос, чтобы только Саймон мог расслышать. – Они идиоты, если ты еще не понял.

– Они мои друзья, – пробормотал Саймон.

– Они твои друзья, и они идиоты.

– Я хочу, чтобы люди, которые важны для меня, знали обо мне правду.

– Да ну? – произнесла Клэри не очень добро. – И когда ты собираешься рассказать своей матери?

Прежде чем Саймон успел ответить, раздался громкий стук в гаражную дверь, и секунду спустя она открылась, проливая в помещение еще больше осеннего солнца. Саймон посмотрел, моргая. Это был просто рефлекс, оставшийся от времен, когда он был человеком. Теперь его глазам нужна была всего секунда, чтобы привыкнуть к темноте или свету.

На входе в гараж солнце высветило силуэт парня. В руке он держал кусок бумаги. Он посмотрел на него неуверенно, а затем перевел взгляд на группу.

– Привет, – сказал он. – Здесь я могу найти группу «Опасные пятна»?

– Теперь мы называемся «Дихотомические лемуры», – сказал Эрик, выходя вперед. – А кто интересуется?

– Я Кайл, – сказал парень, наклоняясь под гаражной дверью. Выпрямляясь, он смахнул коричневые волосы, которые спадали ему на глаза, и протянул листок Эрику. – Я видел, что вы искали солиста.

– Вау, – сказал Мэтт. – Мы расклеивали это объявление около год назад. Я совершенно забыл о нем.

– Ага, – сказал Эрик. – Теперь мы занимаемся немного другой музыкой. Сейчас мы в основном не используем вокал. У тебя есть опыт?

Кайл – он был очень высок, хотя Саймон заметил, что не долговяз – пожал плечами.

– Не особо. Но, говорят, я умею петь. – У него была медленная, слегка протяжная дикция, более плавная, чем у южан.

Участники группы неуверенно посмотрели друг на друга. Эрик почесал за ухом.

– Можешь дать нам секунду, чувак?

– Конечно. – Кайл снова наклонился, выбираясь из гаража и закрывая за собой дверь. Саймон мог слышать, как он насвистывал снаружи. Песня была похожа на «She'll Be Cornin' Round the Mountain». Хотя, звучала не совсем в тон.

– Я не знаю, – сказал Эрик. – Не уверен, что нам сейчас нужен новичок. Я имею ввиду, мы же не можем рассказать ему о вампиризме, или можем?

– Нет, – сказал Саймон. – Не можете.

– Ну, тогда, – Мэтт пожал плечами. – Очень жаль. Нам нужен вокалист. Кирк поет отстойно. Без обид, Кирк.

– Пошел ты, – сказал Кирк. – Это не так.

– Да, это так, – сказал Мэтт. – Ты сосешь большой, волосатый...

– Мне кажется, – прервала их Клэри, повышая голос, – что вам следует позволить ему попытаться.

Саймон уставился на нее.

– Зачем?

– Потому что он мегасексуален, – сказала Клэри к удивлению Саймона. Его не особо сразила внешность Кайла, но с другой стороны, возможно, он не лучший судья мужской красоты. – А в вашу группу стоит добавить немного сексуальной привлекательности.

– Спасибо, – сказал Саймон. – От всех нас, спасибо тебе огромное.

Клэри вздохнула с нетерпением.

– Да, да, вы все неплохо выглядите. Особенно ты, Саймон. – Она похлопала его по руке. – Но Кайл горяч так, что дух захватывает. Вот что я пытаюсь сказать. Мое объективное мнение, как девушки – если вы возьмете Кайла в группу, вы тем самым удвоите число девушек среди ваших поклонников.

– Что означает, что у нас будет две поклонницы вместо одной, – сказал Кирк.

– Какой одной? – Мэтт посмотрел на него с искренним любопытством.

– Подруга младшей двоюродной сестры Эрика. Как там ее зовут? Та, что влюбилась в Саймона. Она приходит на все наши концерты и говорит всем, что она его девушка.

Саймон поморщился.

– Ей тринадцать.

– Это действие твоего вампирского сексуального шарма, чувак, – сказал Мэтт. – Дамы не могут устоять перед тобой.

– О, ради всего святого, – сказала Клэри. – Вампирского сексуального шарма не существует. – Она ткнула пальцем в Эрика. – И даже не думай сказать, что «Вампирский сексуальный шарм» звучит, как название группы, или я...

Дверь гаража снова поднялась.

– Эй, чуваки? – Это снова был Кайл. – Послушайте, если вы не хотите, чтобы я попробовал, все нормально. Может, вы изменили свой стиль, да что угодно. Просто скажите, и я отстану.

Эрик склонил голову на бок.

– Входи, мы на тебя посмотрим.

Кайл вошел в гараж. Саймон уставился на него, пытаясь оценить, что именно заставило Клэри счесть его сексуальным. Он был высоким, широкоплечим и стройным, с высокими скулами, длинноватыми черными волосами, которые спускались кудрями на его лоб и шею, а кожа была смуглой, еще не утратив летний загар. Его длинные и густые ресницы, обрамляющие поразительные каре-зеленые глаза, делали его похожим на красавчика рок-звезду. На нем была надета приталенная зеленая футболка и джинсы, а обе его руки обвивали татуировки – не метки, просто обычные тату. Они выглядели, как рукописные строки, извивающиеся вокруг его руки и исчезающие под рукавами футболки.

– Ладно, – пришлось признать Саймону. – Он не урод.

– Знаешь, – наконец, сказал Кирк, прерывая молчание. – Мне кажется, что он довольно симпатичный.

Кайл моргнул и повернулся к Эрику.

– Так вы хотите, чтобы я был вокалистом, или нет?

Эрик отсоединил микрофон от стойки и протянул ему.

– Давай, – сказал он. – Попробуй.

– Знаешь, он действительно довольно хорошо пел, – сказала Клэри. – Я как бы пошутила насчет того, чтобы взять Кайла в группу, но он и в правду умеет петь.

Они шли вдоль Кент-Авеню в сторону дома Люка. Небо потемнело и из голубого стало серым в преддверии наступления сумерек, а тучи низко нависали над Ист-Ривер. Клэри вела рукой в перчатке вдоль сетчатой изгороди, которая отделяла их от потрескавшейся бетонной набережной, с металлическим дребезжанием.

– Ты так говоришь, потому что считаешь его красавчиком, – сказал Саймон.

Она улыбнулась.

– Не настолько красавчик. Не самый красивый парень, которого я когда-либо видела.

«Которым, вероятнее всего был Джеймс», – подумал Саймон, – «хотя она и не сказала этого вслух».

– Но я действительно подумала, что взять его в группу было бы хорошей идеей. Если Эрик и остальные не смогут сказать ему, что ты вампир, то они и другим не скажут. Надеюсь, это положит конец этой глупой идее.

Они почти подошли к дому Люка; Саймон видел его через улицу, ярко-желтые освещенные окна, выделяющиеся в наступающей темноте. Клэри остановилась возле прохода через забор.

– Помнишь, как мы убили здесь кучку демонов Раум?

– Ты и Джейс сделали это. А меня чуть не вырвало.

Саймон помнил, но его сознание не задержалось на воспоминании; он думал о Камилле, сидящей напротив него во внутреннем дворике, и говорящей: «Ты можешь дружить с сумеречными охотниками, но никогда не станешь одним из них. Ты всегда будешь другим и чужим для них». Он покосился на Клэри, размышляя, что она скажет, расскажи он ей о своей встрече с вампиршей и ее предложении. Он подумал, что, вероятно, она будет в ужасе. Тот факт, что ему нельзя было навредить, не заставлял ее меньше переживать о его безопасности.

– Сейчас ты бы не испугался, – сказала она мягко, словно читая его мысли. – Ведь теперь у тебя есть Метка. – Она повернулась, чтобы посмотреть на него, все еще облакачиваясь на забор. – Кто-нибудь замечая ее, спрашивает тебя о ней?

Он помотал головой.

– Волосы в основном прикрывают ее, и в любом случае, она сильно выцвела. Видишь? – Он убрал волосы в сторону.

Клэри протянула руку, чтобы коснуться его лба и закругленной Метки. В ее глазах была печаль, как и в тот день в Зале Согласия в Аликанте, когда она высекла старейшее проклятие мира на его коже.

– Болит?

– Нет. Она не болит.

И сказал Каин Господу: наказание мое больше, нежели снести можно.

– Ты же знаешь, что я не виню тебя, правда? Ты спасла мне жизнь.
– Знаю. – Ее глаза сияли. Она опустила руку и провела тыльной стороной перчатки по лицу. – Проклятье. Ненавижу плакать.

– Ну, тебе лучше привыкнуть к этому, – сказал он и, когда ее глаза расширились, добавил поспешно, – я имел в виду свадьбу. Когда там она, в следующую субботу? Все плачут на свадьбах.

Она фыркнула.

– Кстати, как дела у твоей мамы и Люка?

– Отвратительно влюблены. Это ужасно. Как бы то ни было... – Она похлопала его по плечу. – Я должна идти домой. Увидимся завтра?

Он кивнул.

– Конечно. До завтра.

Он смотрел, как она перебежала улицу и поднялась по ступенькам к двери. Завтра. Он изумился, как давно это было, чтобы он провел без Клэри хотя бы несколько дней. Он поразмышлял о том, чтобы быть странником и скитальцем по миру, как Камилла сказала. Как сказал Рафаэль: «Голос крови брата твоего вопиет ко мне от земли». Он не был Кайном, который убил своего брата, но проклятье считало по-другому. Странно, размышлял он, ждать, что потеряешь все, не зная, случится ли это.

Дверь за Клэри закрылась. Саймон повернул в сторону Кент-Авеню, к подземке на Лоример-Стрит. Наступила уже почти полная темнота, небо над его головой превратилось в смесь серого и черного. Саймон услышал, как позади него заскрипели шины, но не обернулся. Машины постоянно неслись по этой улице слишком быстро, несмотря на трещины и выбоины. Он обернулся, только когда голубой фургон подъехал к нему и заскрипел тормозами.

Водитель фургона выдернул ключ зажигания, выключая двигатель, и распахнул дверь. Это был мужчина – высокий, одетый в серый спортивный костюм с капюшоном и кроссовки, и капюшон был натянут так низко, что скрывал большую часть его лица. Он резко вылез с водительского сидения, и Саймон увидел в его руке длинный сверкающий нож.

Позже Саймон подумает, что ему следовало бы бежать. Он – вампир, быстрее любого человека. Он может обогнать любого. И лучше бы ему убежать, но он был слишком удивлен; он замер, пока мужчина с блестящим ножом в руке шел к нему. Мужчина произнес что-то низким, гортанным голосом, что-то на чуждом для Саймона языке.

Саймон сделал шаг назад.

– Послушай, – сказал он, засовывая руку в карман. – Можешь забрать мой бумажник...

Мужчина прыгнул на Саймона, опуская нож к его груди. Саймон уставился в неверии. Казалось, все происходило очень медленно, будто время растянулось. Он видел острие ножа около своей груди, вжимающееся в его кожаную куртку – и вдруг оно сдвинулось в сторону, будто кто-то схватил нападающего за руку и отдернул. Мужчина закричал, вздернутый в воздух, словно марионетка на веревочках. Саймон дико огляделся по сторонам – несомненно, кто-то должен был услышать или заметить происходящее, но никого не было. Мужчина продолжал кричать, бешено дергаясь, пока его рубашка разрывалась спереди, словно разрезаемая невидимой рукой.

Саймон уставился в ужасе. Огромные раны появились на теле мужчины. Его голова откинулась назад, а изо рта брызнула кровь. Его крик резко оборвался, и он упал, будто невидимая рука раскрылась и отпустила его. Он ударился о землю и разбился, как стекло, рассыпаясь на тысячу сияющих осколков, которые разлетелись по мостовой.

Саймон опустился на колени. Нож, которым его хотели убить, лежал неподалеку, он мог дотянуться до него рукой. И это все, что осталось от нападающего, если не считать горстку сияющих кристаллов, которые уже начал развеивать резкий ветер. Он осторожно коснулся одного из них.

Это была соль. Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он знал, что случилось и почему.

И сказал ему Господь: всякому, кто убьет Каина, отмстится всемеро.

Так вот, что означало «всемеро».

Он еле успел добраться до канавы, прежде чем согнулся пополам, и его стошнило кровью.

В тот же момент, как Саймон открыл дверь, он понял, что просчитался. Он думал, что его мать будет уже спать к этому моменту, но она не спала. Она сидела в кресле, лицом к входной двери, а ее телефон лежал рядом на столе, и она моментально увидела кровь на его куртке.

К его удивлению, она не закричала, но поднесла руку ко рту в ужасе.

– Саймон.

– Это не моя кровь, – сказал он быстро. – Я был у Эрика, и у Мэтта пошла кровь из носа...

– Не хочу ничего слышать. – Она редко говорила таким резким тоном; он вспомнил, что она разговаривала так же последние несколько месяцев болезни его отца, с острым, словно нож, беспокойством в голосе. – Я не хочу больше никакой лжи от тебя.

Саймон бросил ключи на стол около двери.

– Мама...

– Ты только и делаешь, что лжешь мне. Я устала от этого.

– Это не так, – сказал он, но почувствовал себя неладно, зная, что так оно и было. – Просто сейчас очень много меняется в моей жизни.

– Я знаю. – Его мать поднялась из кресла; она всегда была худой и сейчас выглядела костлявой, а в ее темных, рассыпавшихся вокруг лица волосах – таких же, как у Саймона – было больше седины, чем он помнил. – Пойдем со мной, молодой человек. Сейчас же.

Ошеломленный, Саймон прошел за ней в маленькую ярко-желтую кухню. Его мать остановилась и указала на кухонный стол.

– Не хочешь объяснить, что это?

У Саймона пересохло в горле. Выстроенные вдоль кухонного стола, словно шеренга игрушечных солдат, стояли бутылки с кровью, которые были спрятаны в мини-холодильнике в его шкафу. Одна была наполовину пуста, другие наполнены целиком, сияя красной жидкостью внутри них словно с осуждением. Также, она нашла пустые пакеты от крови, которые он начисто вымыл и сложил в пакет из-под покупок, прежде чем выбросить их в свою мусорную корзину. Они тоже были разложены на кухонном столе, словно нелепые декорации.

– Сначала я подумала, что в бутылках вино, – сказала Илэйн Льюис дрожащим голосом. – Но затем я нашла пакеты. Поэтому я открыла одну из бутылок. Это кровь. Так ведь?

Саймон ничего не сказал. Казалось, его голос куда-то пропал.

– Последнее время ты был таким странным, – продолжала его мать. – Постоянно шатался где-то, ничего не ел, почти не спал, у тебя появились какие-то друзья, которых я никогда не встречала и не слышала о них. И ты думаешь, я не вижу, когда ты врешь мне? Я все вижу, Саймон. Я подумала, может, ты стал употреблять наркотики.

К Саймону вернулся голос.

– И ты обыскала мою комнату?

Его мать покраснела.

– Я должна была! Я думала... Я думала, если найду наркотики, то смогу помочь тебе, записать тебя в реабилитационную программу, но это? – Она шокировано указала на бутылки. – Я даже не знаю, как мне это понимать. Что происходит, Саймон? Ты вступил в какую-то секту?

Саймон помотал головой.

– Тогда скажи мне, – сказала его мать, ее губы дрожали. – Потому что, все объяснения, что мне приходят в голову, ужасны и отвратительны. Саймон, пожалуйста...

– Я вампир, – сказал Саймон. Он понятия не имел, как он произнес это или почему. Но

он это сделал. Слова повисли в воздухе между ними, словно ядовитый газ.

Колени его матери, казалось, ослабели, и она опустилась на кухонный стул.

– Что ты сказал? – выдохнула она.

– Я вампир, – сказал Саймон. – Уже два месяца. Мне жаль, что я не рассказал тебе раньше. Я не знал, как мне это сделать.

Лицо Илэйн Льюис стало белым, как мел.

– Вампиров не существует, Саймон.

– Нет, – возразил он. – Они существуют. Слушай, я не просил, чтоб меня таким сделали. На меня напали. У меня не было выбора. Я бы изменил это, если бы мог. – Его мысли на миг переключились на воспоминание о том, как Клэри давным-давно дала ему брошюру о том, как признаться родителям в гомосексуализме. Тогда это казалось забавным сравнением; сейчас нет.

– Ты думаешь, что ты вампир, – сказала мать Саймона ошеломленно. – Ты считаешь, что пьешь кровь.

– Но я пью кровь, – сказал Саймон. – Я пью кровь животных.

– Но ты же вегетарианец. – Казалось, его мать вот-вот заплачет.

– Я был им. Сейчас нет. Я не могу. Я живу за счет крови. – В горле у Саймона появился ком. – Я ни разу никому не навредил. Никогда не пил чью-то кровь. Я все еще тот же. Я это все еще я.

Его мать, похоже, пыталась обрести контроль над собой.

– Твои новые друзья тоже вампиры?

Саймон подумал об Изабель, Майе, Джейсе. Он не мог рассказать ей о сумеречных охотниках и оборотнях. Это было уже слишком.

– Нет. Но... они знают, что я вампир.

– Они что... дали тебе наркотики? Заставляли тебя принимать что-то? Что-то, вызывающее галлюцинации? – Казалось, она почти не слышала его ответ.

– Нет. Мама, это правда.

– Это не может быть правдой, – прошептала она. – Ты только думаешь, что это так. О, боже, Саймон. Мне так жаль. Мне следовало заметить это раньше. Мы поможем тебе. Мы найдем кого-нибудь. Врача. Сколько бы это ни стоило...

– Я не могу пойти к врачу, мам.

– Нет, ты можешь. Тебя нужно отправить куда-то. В больницу, может...

Он протянул ей свое запястье.

– Нащупай мой пульс, – попросил он.

Она взглянула на него, шокированная.

– Что?

– Мой пульс, – сказал он. – Возьми мою руку. Если ты нащупаешь у меня пульс, хорошо. Я схожу с тобой в больницу. Если нет, то тебе придется мне поверить.

Она вытерла слезы с лица и медленно протянула руку, чтобы взять его запястье. Она так долго заботилась об отце Саймона, когда тот был болен, что знала, как проверить пульс, не хуже любой медсестры. Она прижала указательный палец к внутренней стороне запястья с ожиданием.

Он смотрел, как менялось ее лицо, от грустного и расстроенного к смущенному, а затем на ее лице отразился ужас. Она встала, отбрасывая его руку, и попятилась от него. Ее глаза были огромны и темны, выделяясь на бледном лице.

– Что ты такое?

Саймон почувствовал тошноту.

– Я уже сказал тебе. Я вампир.

– Ты не мой сын. Ты не Саймон. – Ее трясло. – У какого живого существа может отсутствовать пульс? Что ты за монстр? Что ты сделал с моим ребенком?

– Я Саймон... – Он сделал шаг к своей матери.

Она закричала. Он никогда не слышал, чтобы его мать так кричала, и никогда не хотел

услышать это снова. Этот звук был ужасен.

– Отойди от меня. – Ее голос дрогнул. – Не подходи ближе. – Она начала шептать. – Barukh ata Adonai sho'me'a t'fila...

Саймон с ужасом осознал, что она молилась. Она была так напугана им, что стала молиться, чтобы он ушел, был изгнан вон. И самое ужасное было то, что он чувствовал это. Имя Господа скрутило его живот и причиняло боль его горлу.

Она правильно сделала, что стала молиться, подумал он, отвращенный самим собой. Он был проклят. Он не принадлежал этому миру. Действительно, у какого живого существа нет пульса?

– Мама, – прошептал он. – Мама, остановись.

Она посмотрела на него расширенными глазами, ее губы все еще шевелились.

– Мам, не стоит так расстраиваться. – Он словно слышал свой голос откуда-то издалека, мягкий и успокаивающий, голос чужака. Он не отводил взгляда от матери, произнося эти слова, держал ее своим взгляд, словно кошка, схватившая мышь. – Ничего не произошло. Ты заснула в кресле в гостиной. Тебе снится кошмар, что я пришел домой и сказал тебе, что я вампир. Но это сумасшествие. Такого не бывает.

Она перестала молиться и захлопала глазами.

– Я сплю, – повторила она.

– Это кошмарный сон, – сказал Саймон. Он подошел к ней и положил руки ей на плечи. Она не отстранилась. Ее голова поникла, как у ребенка, который устал. – Просто сон. Ты ничего не нашла в моей комнате. Ничего не случилось. Ты просто спала, вот и все.

Он взял ее за руку. Она позволила ему увести ее в гостиную, где он усадил ее в кресло. Она улыбнулась, когда он укрыл ее одеялом, и закрыла глаза.

Он вернулся на кухню и быстро, систематично сгреб бутылки и пакеты из-под крови в мусорный пакет. Он перевязал его и отнес в свою комнату, где переоделся из испачканной в крови куртки в чистую и быстро побросал несколько вещей в вещевой мешок. Он выключил свет и ушел, закрыв за собой дверь.

Его мать уже спала, когда он миновал гостиную. Он протянулся и легко коснулся ее руки.

– Я оставлю тебя на несколько дней, – прошептал он. – Но ты не будешь беспокоиться. Не будешь меня ждать. Ты будешь думать, что я в походе вместе с классом. Нет повода звонить. Все хорошо.

Он убрал руку. В тусклом свете его мать выглядела одновременно старше и моложе, чем он привык ее видеть. Она, словно ребенок, свернулась под одеялом, но на ее лице появились новые морщинки, которых он не видел раньше.

– Мама, – прошептал он.

Он коснулся ее руки, и она зашевелилась. Не желая разбудить ее, он отдернул руку и бесшумно подошел к двери, забирая на ходу свои ключи со стола.

В Институте было тихо. Последние дни здесь постоянно было тихо. Джейс оставлял свое окно открытым ночью, чтобы можно было слышать звуки с улицы, случайный вой сирен скорой помощи и гудение машин на Иорк-авеню. Также он слышал звуки, которые не были доступны обычным людям, и эти звуки просачивались сквозь ночь в его сны – шум ветра от вампирского летающего мотоцикла, трепетание крыльев фей, отдаленный вой волков в полнолуние.

Сейчас луна была в середине цикла, отражая достаточно света, чтобы он мог читать, растянувшись на кровати. Перед ним лежала серебряная шкатулка его отца, и он пересматривал ее содержимое. Там было стило его отца и охотничий кинжал с серебряной рукояткой и инициалами «СВХ» на ней, и – что больше всего интересовало Джейса – стопка писем.

За последние шесть недель он читал примерно по письму в ночь, пытаясь понять, каким человеком был его биологический отец. Постепенно вырисовывалась картина вдумчивого молодого человека с твердохарактерными родителями, который был привязан к Валентину и

Кругу, потому что тот дал ему возможность как-то выделиться в окружающем мире. Он продолжал писать Аметис даже после развода, о чем она не упомянула ранее. В этих письмах ясно прослеживалось его разочарование в Валентине и недовольство действиями Круга, и он редко упоминал мать Джейса, Селин. Это было понятно – Аметис вряд ли хотела бы слышать о той, на кого ее променяли – и все равно, Джейс не мог слегка не ненавидеть своего отца за это. Если у него не было чувств к матери Джейса, зачем он вообще женился? Если он так сильно ненавидел Круг, почему не покинул его? Валентин, может, и был сумасшедшим, но, по крайней мере, стоял на своих принципах.

И тут же, разумеется, Джейс почувствовал себя только хуже за то, что предпочел Валентина своему настоящему отцу. Каким человеком это его делало?

Стук в дверь оторвал его от самобичевания; он поднялся и подошел к двери, ожидая Изабель, желающую что-нибудь одолжить или пожаловаться на что-то.

Но это была не Изабель. Это была Клэри.

Она была необычно одета. На ней был надет короткий черный топ со свободно повязанной поверх белой блузкой и короткая юбка, открывающая ее ноги до середины бедер. Ее яркие рыжие волосы были заплетены в косы, а свободные локоны приклеились к вискам, будто ее намочило легким дождем на улице. Она улыбнулась, когда увидела его, вскидывая брови. Они были медного оттенка, как и изящные ресницы, обрамляющие ее зеленые глаза.

– Ты не собираешься впустить меня внутрь?

Он осмотрел коридор. Там никого не было, слава богу. Он взял Клэри за руку и потянул ее внутрь, закрывая дверь. Прислонившись к двери, он сказал:

– Что ты здесь делаешь? Все в порядке?

– Все отлично.

Она скинула свои туфли и присела на край кровати. Ее юбка задралась, и она отклонилась назад, опираясь на руки, отчего еще большая часть ее бедер показалась из-под юбки. Это не сулило ничего хорошего самоконтролю Джейса.

– Я скучала. А мама и Люк спят. Они не заметят, что я ушла.

– Тебе не следует находиться здесь, – слова его прозвучали, как стон. Он не хотел говорить этого, но знал, что должен был по неизвестным ему причинам. И надеялся, что она никогда не скажет ему подобного.

– Ну, если ты хочешь, чтобы я ушла, я уйду. – Она встала. Ее глаза мерцали зеленым. Она подошла к нему на шаг ближе. – Но я столько прошла, чтобы оказаться здесь. Ты мог бы хотя бы поцеловать меня на прощание.

Он протянулся к ней, прижав к себе, и поцеловал. Порой приходится делать что-то, даже если это не лучшая идея. Она обняла его, словно нежный шелк. Он запустил свои руки в ее волосы и провел по ним пальцами, расплетая ее косы, пока они не упали ей свободно на плечи так, как он любил. Он вспомнил, как ему хотелось сделать это в первый же раз, когда он увидел ее, и как он отмахнулся от этой идеи, как от безумной. Она была простушкой, чужой, не было никакого смысла желать ее. А затем он впервые поцеловал ее в оранжерее, и это почти свело его с ума. Потом они спустились по лестнице и Саймон прервал их, и он никогда не хотел убить кого-нибудь настолько сильно, как Саймона в тот момент, хотя осознавал, что тот не сделал ничего плохого. Но то, что он чувствовал, не имело ничего общего с разумом, и когда он вообразил, что она оставит его ради Саймона, эта мысль внушила ему тошноту и такой страх, какой он не испытывал ни от одного демона.

А затем Валентин сказал им, что они брат и сестра, и Джейс понял, что была вещь куда страшнее, чем то, что Клэри бросит его ради кого-то еще – это было понимание, что его чувства к ней были абсолютно неправильными; то, что казалось самым чистым и безупречным в его жизни, было отравлено, без возможности восстановления. Он вспомнил, как отец рассказывал ему, что когда ангелы ниспадали вниз, они падали в мучении, потому что однажды они видели лицо Господа и больше никогда не смогут увидеть его вновь. И он подумал, что знал, что они ощущали.

Это не заставило его желать ее меньше, наоборот, превратилось в пытку. Иногда тень

тех мучений всплывала у него в памяти, даже когда он целовал ее, как сейчас, и заставляла его прижимать ее к себе еще крепче. Она воскликнула с удивлением, но не сопротивлась, даже когда он поднял ее на руки и утащил на кровать.

Они растянулись на ней вместе, сминая часть писем, и Джейс столкнул шкатулку с кровати, освобождая место для них. Его сердце бешено колотилось внутри груди. Они никогда не были в кровати вдвоем вот так. Была ночь в ее комнате в Идрисе, но они едва коснулись друг друга. Джослин была очень осторожна, не позволяя им проводить ночь вместе друг с другом. Джейс подозревал, что она недолго любила его, и вряд ли он мог осуждать ее за это. Он сомневался, что на ее месте любил бы себя.

– Я люблю тебя, – прошептала Клэри. Она сняла его футболку, и ее пальцы скользили вдоль шрамов на его спине и одного в виде звезды на его плече, который был двойником ее собственного, след ангела, чья кровь текла в их венах. – Я не хочу потерять тебя.

Он опустил руку, чтобы развязать ее завязанную блузку. Другой рукой упираясь в матрас, он коснулся холодного металла охотничьего кинжала; должно быть, он вывалился на кровать с остальным содержимым шкатулки.

– Этого никогда не случится.

Она взглянула на него сияющими глазами.

– Как ты можешь быть уверен в этом?

Его рука сжалась на рукоятке кинжала. Свет луны, проливающийся через окно, скользнул вдоль лезвия, когда он поднял его.

– Я уверен, – сказал он и опустил кинжал. Лезвие прошло сквозь ее тело, словно через бумагу, и когда ее губы раскрылись в удивленном «О», а кровь пропитала ее белую рубашку, он подумал: «О, господи, только не это опять».

Проснуться от кошмара было, словно пробиться сквозь стеклянное окно. Заостренные осколки, казалось, ранили Джейса, даже когда он очнулся и сел, задыхаясь. Он скатился с кровати, инстинктивно желая убраться подальше от нее, и ударился о каменный пол руками и коленями. Прохладный воздух, просачивающийся через открытое окно, заставил его вздрогнуть, но очистил его разум от последних остатков сна.

Он посмотрел на свои руки. На них не было крови. Кровать была в полном беспорядке, простынь и одеяло смешаны в спутанный комок от его ворочания, но шкатулка с вещами его отца все еще была на комод, где он оставил ее, прежде чем лечь спать.

Первые несколько раз, когда ему снился кошмар, его тошнило при пробуждении. Теперь он был осторожен и не ел за несколько часов до сна, так что вместо этого его тело мстило ему, содрогаясь в спазмах тошноты и лихорадки. Спазм скрючил его, и он свернулся клубком, хватая ртом воздух и потя, пока приступ не прошел.

Когда все закончилось, он прижался лбом к холодному каменному полу. Пот охлаждал его тело, рубашка приклеилась к коже, и он на полном серьезе задался вопросом, могут ли сны, в конце концов, убить его. Он все перепробовал, чтобы избавиться от них – снотворные таблетки и настойки, руны сна, мира и исцеления. Ничего не работало. Эти сны проникали в его сознание точно яд, и он ничего не мог поделать, чтобы прогнать их.

Даже днем ему было тяжело смотреть на Клэри. Казалось, она всегда видела его насквозь, как никто другой, и он мог только вообразить, что она подумает, если узнает о подобных снах. Он перевернулся на бок и уставился на шкатулку, сияющую лунным светом на комод. И подумал о Валентине. Валентине, который пленил и мучал единственную женщину, которую когда-либо любил, который научил своего сына – обоих сыновей – что любить что-то означает разрушить это навеки.

Его сознание металось беспорядочно, пока он повторял про себя слова, снова и снова. Это стало для него чем-то вроде навязчивой песни, и как слова любой песни, эти слова также начали терять свой смысл.

«Я не похож на Валентина. Я не хочу быть похожим на него. И я не буду похожим на него. Не буду».

Он увидел Себастьяна – Джонатана, на самом деле – своего якобы-брата,

улыбающегося ему сквозь копну серебристо-белых волос, с черными, сияющими беспощадным весельем глазами. И увидел, как его нож пронзил Джонатана, и тело его скатилось к реке, а кровь смешалась с водорослями и травой на краю берега.

«Я не похож на Валентина».

Ему не было жаль Джонатана. Он бы сделал это снова, будь такая возможность.

«Я не хочу быть похожим на него».

Разумеется, это было не нормально, убить кого-то – собственного сводного брата – и быть к этому безразличным.

«Я не буду похож на него».

Но его отец учил его, что убивать без сожаления это достойное качество, и, вероятно, уроки родителей невозможно забыть. Неважно, насколько сильно ты это хочешь.

«Я не буду похож на него».

Может, люди на самом деле не способны измениться.

«Не буду».

Глава четвертая

Искусство восьми конечностей

ЗДЕСЬ ХРАНЯТСЯ СТРЕМЛЕНИЯ ВЕЛИКИХ СЕРДЕЦ И БЛАГОРОДНЫЕ ВЕЩИ, ЧТО ВОЗВЫШАЮТСЯ НАД ТЕЧЕНИЕМ ВРЕМЕНИ, МАГИЧЕСКОЕ СЛОВО, ЧТО ДАЕТ НАЧАЛО ОКРЫЛЕННОМУ ЧУДУ, ОБРЕТЕННАЯ МУДРОСТЬ, ЧТО НИКОГДА НЕ УМИРАЛА.

Слова были выгравированы над входной дверью Бруклинской публичной библиотеки на площади Гранд-Арми. Саймон сидел на ступенях, глядя на фасад здания. Надпись светилась на фоне камня бледной позолотой, каждое слово вспыхивало на миг жизнью, когда на него попадал свет фар проезжающих машин.

Библиотека всегда была одним из излюбленных мест для него, когда он был ребенком. За углом был отдельный вход для детей, и он годами встречал там Клэри каждую субботу. Они брали стопку книг и отправлялись в Ботанический сад, который находился за следующей дверью, где они могли читать часами, растянувшись на траве, а шум улиц превращался в тусклое бормотание вдалеке.

Он не был уверен в том, как оказался здесь посреди ночи. Он убрался из дома так быстро, как только мог, чтобы осознать, что ему некуда идти. Он не мог пойти к Клэри – она была бы в шоке от того, что он сделал, и заставила бы его пойти назад и все исправить. Эрик и остальные не поймут. Джейс не любил его, и, кроме того, он не мог пойти в Институт. Это была бывшая церковь, и нефилимы жили там именно для того, чтобы держать подобных ему подальше. В конце концов, он понял, кому мог позвонить, но идея была настолько неприятной, что ему понадобилось некоторое время, чтобы настроиться и сделать это.

Он услышал мотоцикл, прежде чем увидел его, громкий рев двигателя прорвался сквозь звуки полупустых дорог на площади Гранд-Арми. Мотоцикл пролетел через перекресток и на тротуар, затем отклонился назад и взлетел по ступеням. Саймон отодвинулся в сторону, когда он приземлился рядом с ним и Рафаэль отпустил ручки.

Мотоцикл в тот же миг затих. Мотоциклы вампиров работали на демонической силе и реагировали на желания своих хозяев, как домашние питомцы. Саймон находил их жуткими.

– Ты хотел меня видеть, Светоч? – Рафаэль, как всегда элегантный в черной куртке и дорогих джинсах, слез и прислонил свой мотоцикл на библиотечные перила. – Лучше тебе иметь хорошую причину для этого, – добавил он. – Я не просто так притащился в Бруклин. Рафаэль Сантьяго чужой на окраинах города.

– О, замечательно. Ты начал говорить о себе в третьем лице. Я надеюсь, это не предвещает развитие у тебя мании величия или чего-то подобного.

Рафаэль пожал плечами.

– Либо говори, что хотел сказать, либо я уезжаю. Тебе решать. – Он взглянул на свои

часы. – Даю тебе тридцать секунд.

– Я рассказал своей матери, что я вампир.

Рафаэль вскинул брови. Они были очень тонкие и темные. Порой Саймона раздирало любопытство, не выщипывал ли он их.

– И что случилось дальше?

– Она назвала меня монстром и стала молиться. – Воспоминание вызвало привкус старой крови в горле Саймона.

– А потом?

– А потом, я не уверен, что произошло. Я начал говорить с ней таким странным, успокаивающим голосом, убеждая ее, что ничего не произошло, и это просто сон.

– И она поверила тебе.

– Поверила, – неохотно признался Саймон.

– Конечно же, она поверила, – сказал Рафаэль. – Потому что ты вампир. Это наш дар. Очарование. Заворожение. Это можно назвать силой убеждения. Ты можешь убедить обычного человека в чем угодно, если научишься правильно использовать свои способности.

– Но я не хотел делать этого с ней. Она моя мать. Могу ли я как-то расколдовать ее и исправить это?

– Исправить, чтобы она снова возненавидела тебя? Чтобы думала, что ты монстр? Очень странное определение понятия «исправить».

– Мне плевать, – сказал Саймон. – Возможно ли это?

– Нет, – сказал весело Рафаэль. – Невозможно. Ты бы знал это, не отвергай ты свой собственный народ так сильно.

– Правильно. Веди себя, как будто я оттолкнул тебя. Будто не ты пытался убить меня.

Рафаэль пожал плечами.

– Это политика. Ничего личного. – Он прислонился к перилам и скрестил руки на груди. На нем были надеты черные мотоциклетные перчатки. В глубине души Саймон признал, что он выглядел круто.

– Пожалуйста, скажи мне, что ты вытащил меня сюда не для того, чтобы рассказать утомительную историю про свою сестру.

– Мою мать, – поправил Саймон.

Рафаэль отмахнулся рукой.

– Без разницы. Какая-то женщина в твоей жизни отвергнула тебя. Это не последний раз, скажу я тебе. Почему ты беспокоишь меня из-за этого?

– Я хотел узнать, могу ли я прийти и остаться в отеле «Дюмонт», – сказал Саймон очень быстро, чтобы не дать себе возможности передумать. Он с трудом мог поверить, что просил о таком. Его воспоминания о вампирском отеле состояли из крови, ужаса и боли. Но он мог пойти туда, остаться там, где никто не будет его искать, чтобы не пришлось возвращаться домой. Он был вампиром. Было глупо бояться отеля, заполненного ими. – Мне больше некуда пойти.

Глаза Рафаэля вспыхнули.

– Ага, – сказал он с легким триумфом, который не очень понравился Саймону. – Теперь ты хочешь чего-то от меня.

– Полагаю, да. Хотя меня настораживает, что ты так возбужден из-за этого.

Рафаэль фыркнул.

– Если ты хочешь остаться в «Дюмонте», ты не будешь звать меня Рафаэль, только мастер, сэр или Великий Вождь.

Саймон собрался с силами.

– А что насчет Камиллы?

Рафаэль замер.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты всегда говорил, что ты не настоящий глава вампиров, – сказал Саймон небрежно. – Потом, в Идрисе, ты сказал, что это была некая Камилла. Ты сказал, что она еще не вернулась

в Нью-Йорк. Но, как я понимаю, когда она вернется, она станет мастером или как там у вас это называется?

Взгляд Рафаэля помрачнел.

– Не думаю, что мне нравится, куда ты клонишь, Светоч.

– У меня есть право знать.

– Нет, – сказал Рафаэль. – У тебя нет его. Ты приходишь ко мне, спрашивая, можешь ли остаться в моем отеле, потому что тебе некуда идти. Не потому, что ты хочешь быть с остальными из нас. Ты сторонись нас.

– Что, как я уже отметил, связано с теми временами, когда ты пытался убить меня.

– Отель «Дюмонт» не временное прибежище для недовольных вампиров, – сказал Рафаэль. – Ты живешь с людьми, ходишь в дневном свете, играешь в своей глупой группе – не думай, что я не знаю об этом. Ты всеми силами избегаешь того, кем ты стал. И пока это продолжается, ты нежеланный гость в «Дюмонте».

Саймон вспомнил, как Камилла сказала: «Когда его последователи увидят, что ты со мной, они оставят его и присоединятся к нам. Я верю, что за страхом перед ним все еще прячется верность мне. Когда они увидят нас вместе, страх уйдет, и они будут на нашей стороне».

– Знаешь, – сказал он, – мне сделали другое предложение.

Рафаэль посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Предложение чего?

– Просто... предложение, – сказал Саймон неуверенно.

– Ты слабак в таких делах, Саймон Льюис. Я бы посоветовал тебе даже не пытаться.

– Хорошо, – сказал Саймон. – Я пришел сюда, чтобы рассказать тебе кое-что, но теперь я не стану этого делать.

– Я так понимаю, ты теперь также выкинешь мой подарок на день рождения, – сказал Рафаэль. – Это очень печально.

Он придвинул свой мотоцикл и перекинул ногу через сидение, заводя двигатель. Из выхлопной трубы вылетели алые искры.

– Если ты снова побеспокоишь меня, Светоч, лучше тебе иметь хорошую причину. Или в следующий раз я не прощу тебя.

С этими словами мотоцикл рванул вперед и ввысь. Саймон наклонил голову, наблюдая, как Рафаэль, словно ангел, в честь которого он был назван, взлетел в небо в шлейфе огня.

Клэри сидела, держа свой блокнот на коленях, и задумчиво жевала конец карандаша. Она рисовала Джейса сотни раз – она считала это своей версией того, как девушки пишут о своих парнях в их дневниках – но, казалось, она никогда не могла изобразить его в точности, как он есть. С одной стороны, было невозможно заставить его стоять смирно, поэтому она подумала, что пока он спит, у нее все получится – но все равно, рисунок получался не таким, как она хотела. Он не был похож на него.

Она отбросила блокнот на одеяло, устало вздохнув, притянула к себе колени, глядя на него. Она не ожидала, что он уснет. Они отправились в Центральный парк пообедать и потренироваться на улице, пока погода позволяла. Но выполнили только один из пунктов плана. Коробки от еды на вынос из «Таки» были разбросаны в траве возле покрывала. Джейс съел очень мало, бесцельно поболтав вилкой в своей упаковке кунжутной лапши, прежде чем отбросить ее в сторону и растянуться на покрывале глядя в небо. Клэри сидела, глядя, как облака отражаются в его чистых глазах, как выделяются мускулы на руках, скрещенных за головой, на прекрасную полосу его тела, обнажившуюся между краем футболки и поясом его джинсов. Ей хотелось дотянуться и провести рукой по его твердому плоскому животу, но вместо этого она отвела взгляд и достала свой блокнот. Когда она повернулась к нему, держа карандаш в руке, его глаза были закрыты, а дыхание стало спокойным и ровным.

Теперь она сделала уже три наброска, но не приблизилась к тому, чего хотела добиться. Глядя на него, она удивлялась, почему не могла нарисовать его. Свет падал идеально, мягкий бронзовый октябрьский свет, который отливал бледно-золотым на его золотистых волосах и

коже. Его закрытые веки были очерчены чуть более темным золотом, чем волосы. Одна рука лежала на груди, а другая была откинута в сторону. Лицо его было расслаблено и беззащитно во сне, черты мягче и менее острые, чем когда он бодрствовал. Возможно, в этом была проблема. Он редко был так расслаблен и уязвим, поэтому было трудно поймать его черты в таком состоянии. Это ощущение было... незнакомым.

И тут он зашевелился. Он начал словно задыхаться во сне, а глаза под веками задергались из стороны в сторону. Его рука дернулась, сжалась на груди, и внезапно он подскочил, чуть не сбив Клэри. Его глаза распахнулись. Какое-то время он выглядел абсолютно ошеломленным и стал очень бледен.

– Джейс? – Клэри не могла скрыть своего удивления.

Его глаза сфокусировались на ней; мгновение спустя он прижал ее к себе без обычной осторожности, усадил к себе на колени и отчаянно поцеловал, запуская руки в ее волосы. Она почувствовала, как бились их сердца, и покраснела. Они были посреди парка, и люди вокруг наверняка пялились.

– Ой, – сказал он, отстраняясь, а его губы изогнулись в улыбке. – Прости. Ты, должно быть, не ожидала такого.

– Это был отличный сюрприз, – ее голос показался ей низким и гортанным. – Что тебе снилось?

– Ты, – он намотал локон ее волос на палец. – Мне всегда снишься ты.

Все еще находясь у него на руках, с ногами перекинутыми через него, Клэри сказала:

– О, правда? Потому что мне показалось, что у тебя был кошмар.

Он наклонил голову на бок и посмотрел на нее.

– Иногда мне снится, что ты оставила меня, – сказал он. – Я постоянно размышляю о том, когда ты догадаешься, насколько лучше могла бы жить, и оставишь меня.

Она коснулась его лица кончиками пальцев, проведя по его скулам, щекам и к изгибу его губ. Джейс никогда не говорил ничего подобного никому, кроме нее. Алек и Изабель, которые жили с ним и любили его, знали, что под защитной оболочкой из юмора и искусственного высокомерия все еще скрывались острые осколки памяти о детстве. Но она была единственной, с кем он делился этим вслух. Она помотала головой; волосы упали на ее лоб, и она смахнула их нетерпеливо.

– Хотела бы я говорить, как ты, – сказала она. – Все, что ты произносишь, слова, которые ты выбираешь, идеальны. Ты всегда можешь найти подходящую цитату или фразу, чтобы заставить меня поверить, что ты меня любишь. Если я не смогу убедить тебя, что никогда не оставлю тебя...

Он взял ее за руку.

– Просто повтори это.

– Я никогда тебя не оставлю, – сказала она.

– В независимости от того, что случится?

– Я никогда не сдамся, – сказала она. – Никогда. То, что я чувствую к тебе... – Она запнулась на этих словах. – Важнее этого я ничего не чувствовала.

Проклятье, подумала она про себя. Это звучало совершенно глупо. Но, казалось, Джейс так не думал; он задумчиво улыбнулся и сказал:

– *L'amor che move il sole e l'altre stelle.*

– Это латынь?

– Итальянский, – сказал он. – Данте.

Она провела кончиками пальцев по его губам, и он вздрогнул.

– Я не говорю по-итальянски, – сказала она нежно.

– Это означает, – сказал он, – что любовь это величайшая сила в мире. Она способна на все.

Она освободила свою руку из его, заметив, что он наблюдал за ней сквозь полуприкрытые веки. Она оплела руками его шею, наклонилась вперед и дотянулась до его губ своими – не целуя, а просто касаясь губами. Этого оказалось достаточно; она ощутила,

как ускорился его пульс, и он потянулся вперед, пытаясь поймать ее губы своими, но она помотала головой, всколыхнув свои волосы вокруг них, словно занавесь, которая скрывает их от глаз прохожих в парке.

– Если ты устал, мы можем вернуться в Институт, – сказала она полупшепотом. – Поспи. Мы не спали в одной кровати с... с того дня в Идрисе.

Их взгляды встретились, и она знала, что он вспоминал то же, что и она. Бледный свет, проникающий сквозь окно маленькой гостевой комнаты Аматис, отчаяние в его голосе. «Я только хочу уснуть и проснуться вместе с тобой, хотя бы раз, один раз в жизни». Всю ночь они провели бок о бок, касаясь только руками. С тех пор они прикасались друг к другу гораздо больше, но ни разу не провели ночь вместе. Он знал, что она предлагала ему куда больше, чем сон в одной из пустых институтских спален. Она была уверена, что он видел это по ее глазам – хотя сама она и не могла точно определить, что она была готова ему предложить. Но это было не важно. Джейс никогда не попросил бы ее о том, что она не хотела бы дать.

– Я хочу этого. – Огонь в его глазах и резкие нотки в голосе сказали ей, что он не лжет. – Но... Мы не можем. – Он крепко взял ее за запястья, опуская их вниз, образуя барьер из их рук между ними.

Глаза Клэри расширились.

– Почему нет?

Он глубоко вдохнул.

– Мы пришли сюда тренироваться, и нам следует заняться именно этим. Если вместо тренировок мы будем все время тратить на поцелуи, они перестанут вообще доверять мне твои занятия.

– Разве они не должны нанять кого-то постоянного для моих тренировок?

– Да, – сказал он, вставая и поднимая ее за собой, – и я обеспокоен, что если ты привыкнешь целоваться со своими инструкторами, ты в итоге и с ним будешь заниматься тем же самым.

– Не будь сексистом. Они могут подыскать мне женщину инструктора.

– В этом случае я разрешаю тебе целоваться с ней, если мне будет позволено смотреть.

– Замечательно, – ухмыльнулась Клэри, наклоняясь, чтобы свернуть покрывало, которые они взяли, чтобы сидеть. – Ты просто переживаешь, что они наймут инструктора мужчину, который будет сексуальнее тебя.

Джейс вскинул брови.

– Сексуальнее меня?

– Это возможно, – сказала Клэри. – Ну, теоретически.

– Теоретически планета может расколоться пополам, оставляя меня на одной половине, а тебя на другой, навсегда трагически разлученных, но я и из-за этого тоже не волнуюсь. Некоторые вещи, – сказал Джейс с ухмылкой, – просто не стоят того, чтобы из-за них заморачиваться.

Он протянул руку; она взяла ее, и вместе они пересекли луг, направляясь к роще деревьев на краю Восточной Поляны, о которой знали только сумеречные охотники. Клэри подозревала, что она была скрыта волшебством, потому что они с Джейсом тренировались там довольно часто, и никто, кроме Изабель и Маризы, не беспокоил их.

Центральный парк был буйством красок осенью. Деревья на краю луга приобрели самый яркий окрас и окружали зелень сияющим золотым, красным, медным и рыжевато-коричневым оттенком. Был прекрасный день, чтобы устроить романтическую прогулку в парке и целоваться, стоя на каменном мосту. Но этому было не суждено случиться. Очевидно, как полагал Джейс, парк был продолжением институтского тренировочного зала, и они находились там, чтобы Клэри прошла через различные упражнения, включающие ориентирование на местности, техники отхода и уклонения, а также как убивать голыми руками.

Обычно она была бы увлечена тем, чтобы узнать, как убивать голыми руками. Но что-то

в Джейсе ее беспокоило. Она не могла избавиться от гнетущего ощущения, что что-то было не так. «Вот бы была руна», – подумала она, – «которая заставила бы его рассказать, что он на самом деле чувствует». Но она никогда не создала бы такую руну, тут же добавила она сама себе. Было бы неэтично использовать свои способности, чтобы контролировать других. Кроме того, с тех пор, как она создала связывающую руну в Идрисе, ее силы, казалось, спали спокойно. Она не ощущала побуждения рисовать старые руны, а новые не появлялись в ее воображении. Мариза сказала, что они постараются найти ей специалиста по рунам, чтобы позаниматься с ней, когда тренировки отойдут на задний план, но пока этого не произошло. Хотя, она и не возражала. Ей пришлось признать, что она не была уверена, насколько она расстроилась бы, исчезни ее способности.

– Будут случаи, когда ты встретишь демона без соответствующего оружия, – говорил Джейс, пока они миновали ряд деревьев, увешанных донизу листьями в цветовой гамме от зеленого до сияющего золотого. – В такой ситуации нельзя поддаваться панике. Во-первых, запомни, что любая вещь может быть оружием. Ветка, пригоршня мелочи – из нее получится отличный кастет – туфля, что угодно. И во-вторых, всегда помни, что ты сама по себе оружие. В теории, когда ты закончишь обучение, ты будешь способна пробить дыру в стене или вырубить лося одним ударом.

– Я никогда не стану бить лося, – сказала Клэри. – Они под угрозой исчезновения.

Джейс слабо улыбнулся и развернулся к ней лицом. Они достигли рощи, небольшого пустынного места среди деревьев. На коре окружающих их деревьев были нарисованы руны, помечающие место сумеречных охотников.

– Существует древнее боевое искусство под названием Муай Тай, – сказал он. – Слышала когда-нибудь?

Она помотала головой. Солнце светило ярко и неумолимо, и ей было немного жарко в тренировочных штанах и теплой куртке. Джейс снял куртку и снова повернулся к ней, разминая свои худые руки пианиста. Его глаза в осеннем свете были ярко-золотыми. Метки для скорости, ловкости и силы протянулись, как виноградные лозы, от его запястий к бицепсам, исчезая под рукавами его футболки. Она задалась вопросом, зачем он нанес Метки так, чтобы их мог прочесть враг.

– Ходят сплетни, что новый инструктор, который появится у нас на следующей неделе, мастер Муай Тай, – сказал он. А также самбо, летвей, томой, крав мага, джиу джитсу и еще какого-то боевого искусства, название которого я не запомнил, но оно подразумевает убийство людей при помощи небольших палочек или что-то вроде этого. Я клоню к тому, что он или она не привыкли работать с кем-то твоего возраста и столь неопытным, так что, если мы научим тебя некоторым основам, я надеюсь, они будут относиться к тебе лучше, – он потянулся и положил руки ей на бедра. – Теперь повернись ко мне лицом.

Клэри сделала, как он просил. В таком положении ее голова достигала его подбородка. Она положила руки на его бицепсы.

– Муай Тай называют «искусством восьми конечностей». Потому что в нем используются не только кулаки и ноги, но также колени и локти. Сначала ты сближаешься с противником, а затем бьешь его всеми способами, пока он или она не упадет.

– И это работает с демонами? – удивилась Клэри.

– С теми, что поменьше, – Джейс придвинулся ближе. – Хорошо. Потянись и схвати мою шею сзади.

Она смогла сделать, как он велел, не поднимаясь на цыпочки. Не в первый раз Клэри прокляла тот факт, что она такая низкая.

– Теперь подними другую руку и сделай то же самое, чтобы твои руки образовали петлю вокруг моей шеи.

Она сделала это. Тыльная сторона его шеи была теплой от солнца, а его мягкие волосы щекотали ее пальцы. Их тела были прижаты друг к другу; она почувствовала кольцо, которое он носил на цепочке вокруг шеи, прижатое между ними, как камешек между ладонями. – В реальной драке ты сделаешь это гораздо быстрее, – сказал он. Либо ей показалось, либо его

голос был немного неровным. – Теперь этот захват послужит тебе рычагом. Ты используешь его, чтобы притянуть себя ближе и добавить силы своему удару коленом...

– Подумать только, – произнес холодный, потешающийся голос. – Всего шесть недель, и уже вцепились друг другу в глотки? Как быстро проходит любовь смертных.

Отпуская Джейса, Клэри обернулась, хотя уже знала, кому принадлежал голос. Королева Благого Двора стояла в тени между двух деревьев. Клэри задалась вопросом, заметила бы она ее даже со Зрением, знай она, что та стояла там. Королева была в зеленом, как трава, платье, а ее волосы, ниспадающие ей на плечи, были цвета опадающих листьев. Она была прекрасна и ужасна, как уходящее время года. Клэри никогда не доверяла ей.

– Что вы здесь делаете? – спросил Джейс, прищурив глаза. – Это место сумеречных охотников.

– И у меня есть кое-что интересное для сумеречных охотников.

Когда она грациозно шагнула вперед, солнце, проходящее сквозь деревья, отразилось на ее диадеме из золотых ягод. Клэри было интересно, планировала ли Королева эти театральные появления, и если да, то как.

– Случилась еще одна смерть.

– Какая смерть?

– Еще один из вас. Мертвый нефилим. – Королева сказала это с некоторым удовольствием в голосе. – Тело нашли сегодня на рассвете под мостом Оак. Как вы знаете, парк это моя территория. Убийства людей не моя забота, но эта смерть не была человеческого происхождения. Тело было доставлено ко Двору для изучения моими целителями. Они сказали, что умерший был одним из ваших.

Клэри бросила быстрый взгляд на Джейса, вспоминая новости о мертвом сумеречном охотнике два дня назад. Она поняла, что Джейс думал о том же; он побледнел.

– Где тело? – спросил он.

– Ты сомневаешься в моем радушии? Оно находится при моем Дворе, и уверяю тебя, что мы проявили к нему столько же уважения, сколько проявили бы к живому сумеречному охотнику. Теперь, когда один из моих людей получил место в Совете среди вас, вы не можете сомневаться в нашей честности.

– Как всегда, честность и моя Госпожа идут рука об руку.

В голосе Джейса был явно слышен сарказм, но Королева только улыбнулась. Клэри всегда считала, что ей нравился Джейс, так, как феям нравилось все красивое, просто потому что оно было красивым. Она не думала, что нравилась Королеве, и это чувство было взаимным.

– И почему вы сообщаете об этом нам, а не Мариза? Обычай гласит...

– Ох, этот обычай, – Королева отмахнулась рукой. – Вы были здесь. Это показалось подходящим.

Джейс посмотрел на нее, сощурившись, и раскрыл свой мобильный телефон. Он показал Клэри жестом, чтобы она оставалась на месте, и отошел немного в сторону. Она слышала, как он произнес «Мариза?», когда на другом конце связи ответили, а потом его голос поглотил шум с игровых площадок поблизости.

С чувством холодного ужаса она посмотрела на Королеву. Она не видела Госпожу Благого Двора с той последней ночи в Идрисе и тогда Клэри была не особенно вежлива с ней. Она сомневалась, что Королева забыла или простила ей такое поведение.

– Ты и правда откажешься от одолжения Королевы Благого Двора?

– Я слышала, что Мелиорн получил место в Совете, – сказала Клэри. – Вы, должно быть, рады этому.

– Так и есть, – Королева посмотрела на нее с весельем во взгляде. – Я просто в восторге.

– Значит, – сказала Клэри, – никаких обид?

Улыбка Королевы заledenела по краям, словно край пруда, подернутый льдом.

– Я полагаю, ты имеешь в виду мое предложение, которое ты так грубо отвергла, –

сказала она. – Насколько тебе известно, моя цель все равно была достигнута. Если кто и потерял что-то, так это ты.

– Я не хотела принимать ваше предложение, – Клэри попыталась сдержать резкость в своем голосе, но не смогла. – Люди не могут вечно делать то, что вам хочется.

– Не пытайся учить меня, дитя, – взгляд Королевы проследовал за Джейсом, который шагал вдоль края роши с телефоном в руке. – Он красив, – сказала она. – Я понимаю, за что ты его любишь. Но ты когда-нибудь задумывалась, что притягивает его к тебе?

Клэри ничего не ответила; ей нечего было сказать.

– Вас связывает Небесная кровь, – сказала Королева. – Кровь взывает к крови, под кожей. Но любовь и кровь это не одно и то же.

– Загадки, – злобно сказала Клэри. – Вы хотя бы что-то подразумеваете, когда разговариваете вот так?

– Он привязан к тебе, – сказала Королева. – Но любит ли он тебя?

Клэри почувствовала, как дернулись ее руки. Ей так и хотелось испробовать на Королеве один из новых боевых приемов, что она выучила, но она осознавала, насколько это было глупо.

– Да, он любит меня.

– А хочет ли он тебя? Потому что любовь и желание не всегда идут вместе.

– Это не ваше дело, – быстро ответила Клэри, но тут же ощутила на себе острый, как игла, взгляд Королевы.

– Ты хочешь его, как ничто другое в мире. Но испытывает ли он те же чувства? – голос Королевы был непоколебим. – Он может иметь любую, кого пожелает. Тебя не удивляет, почему он выбрал тебя? Ты задавалась вопросом, жалеет ли он об этом? Не изменилось ли его отношение к тебе?

Клэри почувствовала, как глаза защипало от слез.

– Нет, не изменилось. – Но она вспомнила его выражение лица в лифте прошлой ночью, и как он сказал ей отправляться домой, когда она предложила остаться.

– Ты сказала мне, что не хочешь со мной связываться, потому что я ничего не могу предложить тебе. Сказала, что не хочешь ничего в этом мире, – глаза Королевы заблестели. – Когда ты представляешь свою жизнь без него, ты все еще чувствуешь то же?

Зачем вы это делаете со мной? Хотелось закричать Клэри, но она ничего не сказала, потому что Королева Фей посмотрела ей за спину, улыбнулась и сказала:

– Вытри слезы, он возвращается. Если он увидит, что ты плачешь, это не принесет тебе ничего хорошего.

Клэри быстро провела по глазам тыльной стороной ладони и обернулась; Джейс шел в их сторону, нахмурившись.

– Марица направляется ко Двору, – сказал он. – Куда ушла Королева?

Клэри посмотрела на него с удивлением.

– Она здесь, – начала она, оборачиваясь, и замолчала. Джейс был прав. Королева ушла, и только кружившиеся у ног Клэри листья отмечали место, где она стояла.

Саймон, со свернутой курткой под головой, лежал на спине, уставившись в дырявый потолок гаража Эрика с чувством суровой обреченности. Его походная сумка лежала возле ног, а телефон был прижат к уху. Единственным, что успокаивало его сейчас, был родной голос Клэри на другом конце линии.

– Саймон, мне так жаль, – он слышал, что она была где-то в городе. Громкий рев дороги шумел на фоне, заглушая ее голос. – Ты что и правда в гараже у Эрика? Он знает, что ты там?

– Нет, – сказал Саймон. – Сейчас дома никого нет, а у меня есть ключ от гаража. Он показался мне подходящим местом. Кстати, а ты где?

– В городе, – для жителей Бруклина Манхеттен всегда был «городом». Других метрополисов не существовало. – Я тренировалась с Джейсом, но потом ему пришлось вернуться в Институт по какому-то делу Конклава. Сейчас я направляюсь домой, к Люку, – на фоне громко просигналила машина. – Слушай, ты не хочешь остаться у нас? Ты можешь

спать на диване Люка.

Саймон засомневался. О доме Люка у него были хорошие воспоминания. Все время, что он знал Клэри, Люк жил в маленьком, но приятном старом доме над книжным магазином. У Клэри был ключ, и они с Саймоном скоротали там немало приятных часов, читая книги, которые они «одолжили» в магазине снизу, или смотря старые фильмы по телевизору.

Хотя сейчас все было иначе.

– Может, моя мама могла бы поговорить с твоей, – предложила Клэри, звуча взволнованно из-за его молчания. – Заставить ее понять.

– Заставить ее понять, что я вампир? Клэри, я думаю, она понимает это, хоть и немного по своему. Это не означает, что она примет этот факт или что это нормально.

– Ну, ты не можешь просто заставлять ее забывать об этом, Саймон, – возразила Клэри. – Это не может работать вечно.

– Почему нет?

Он знал, что нес бессмыслицу, но лежа на жестком полу в окружении запаха бензина и шороха пауков, плетущих свои паутины в углах гаража, чувствуя себя более одиноко, чем когда-либо, он ощущал благоразумие очень отстраненным способом.

– Потому что тогда сами отношения с ней превратятся в ложь. Ты не можешь вечно избегать дома...

– И что? – перебил ее Саймон грубо. – Это же часть проклятия, разве нет? Быть изгнанником и скитальцем на земле.

Несмотря на шум города и болтовни на фоне, он слышал, как у Клэри перехватило дыхание.

– Ты считаешь, я и об этом должен ей рассказать? – сказал он. – Как ты оставила на мне Метку Каина? Как я стал практически ходячим проклятием? Ты считаешь, она захочет видеть меня у себя дома?

Шум на фоне стих; Клэри, должно быть, прислонилась к дверному проходу. Он слышал, как она боролась со слезами, когда она ответила:

– Саймон, мне так жаль. Ты же знаешь, мне жаль...

– Это не твоя вина, – внезапно он почувствовал себя уставшим до мозга костей. Правильно, наведи ужас на свою мать, а потом доведи подругу до слез. Образцовый день для тебя, Саймон. – Послушай, очевидно, что мне не стоит сейчас быть с кем-то. Я просто останусь здесь и переночую у Эрика, когда он вернется домой.

Она рассмеялась сквозь слезы.

– А, Эрика ты не считаешь человеком?

– Мы поговорим об этом позже, – сказал он и помедлил. – Я позвоню тебе завтра, хорошо?

– Мы увидимся завтра. Ты обещал прийти со мной на примерку платья, помнишь?

– Вау, – сказал он. – Должно быть, я и вправду люблю тебя.

– Я знаю, – сказала она. – Я тоже тебя люблю.

Саймон отключил телефон и лег, прижав его к груди. Забавно, подумал он. Сейчас он мог сказать Клэри «я люблю тебя», тогда как годами он пытался сделать это и не был способен. Теперь, когда эти слова означали совсем другое, сказать их было легко.

Иногда он размышлял, что случилось бы, если бы Джейса Вэйланда не существовало. Если бы Клэри никогда не узнала, что она сумеречный охотник. Но он отбросил эту мысль – бессмысленно, думать об этом. Нельзя изменить прошлое. Можно двигаться только вперед. Не то чтобы он имел хотя бы какое-то представление, что было впереди. Он не мог вечно оставаться в гараже Эрика. Даже в таком состоянии он признавал, что это – жалкое место. Ему не было холодно – он больше не ощущал холода или жары – но на полу было жестко, и он не мог уснуть. Хотел бы он быть способным заглушить свои чувства. Громкий шум улицы не давал ему расслабиться так же, как и запах бензина. Но хуже всего было грызущее беспокойство о том, что делать дальше.

Он выбросил большую часть своего запаса крови и сложил остальное в свой рюкзак.

Этого ему хватит на несколько дней, после чего у него появятся проблемы. Эрик, где бы он ни был сейчас, разумеется, позволит Саймону остаться у него, но это может вылиться в то, что его родители позвонят маме Саймона. И раз она думает, что он в походе, это не принесет ничего хорошего.

«Дни», – подумал он. – «У него было лишь столько времени. Прежде чем у него закончится кровь, прежде чем его мать начнет беспокоиться, где он, и позвонит в школу. Прежде чем вспомнит, что он теперь вампир. Ему требуется вечность. Но у него было лишь несколько дней».

Он был так осторожен. Так старался ради нормальной жизни – школы, друзей, родного дома, своей комнаты. Пусть это было несколько вымученно, но это была его жизнь. Другие варианты казались такими унылыми и одинокими, что он не выносил самой мысли о них. И все равно голос Камиллы звенел в его голове. «А что будет через десять лет, когда тебе должно быть двадцать шесть? Через двадцать лет? Тридцать? Или ты думаешь, никто не заметит, что они взростеют и меняются, а ты нет?»

Ситуация, в которую он себя загнал, создал так аккуратно наподобие своей прежней жизни, никогда не была бессрочной, думал он теперь с грустью. Этому было не суждено сбыться. Он цеплялся за тени и воспоминания. Он снова подумал о Камилле и ее предложении. Теперь оно показалось ему заманчивее, чем тогда. Предложение компании, даже если такой компании он и не хотел. У него было всего три дня, прежде чем она придет за его ответом. И что он ей скажет? Он считал, что знал свой ответ, но теперь не был так уверен.

Скрежещущий звук прервал его размышление. Дверь гаража отодвинулась вверх, и помещение залил яркий свет. Саймон сел, напрягшись всем телом.

– Эрик?

– Нет. Это я. Кайл.

– Кайл? – переспросил Саймон озадаченно, прежде чем вспомнил, что это был парень, которого они взяли в качестве вокалиста. Саймон практически свалился обратно на пол гаража. – О. Точно. Здесь никого нет сейчас, так что если ты пришел практиковаться...

– Все нормально. Я не за этим пришел, – Кайл вошел в гараж, моргая в темноте, держа руки в задних карманах своих джинсов. – Ты – как там тебя зовут – басист, да?

Саймон поднялся, отряхивая гаражную пыль с одежды.

– Я Саймон.

Кайл осмотрелся, наморщив лоб.

– Кажется, я оставил здесь ключи вчера. Везде искал их. Эй, вон они, – он наклонился под барабанную установку и поднялся секунду спустя, победоносно звеня связкой ключей в руке. Он выглядел почти так же, как и день назад. Он был одет в голубую футболку и кожаную куртку, а на шее блестела золотая иконка. Его темные волосы были еще беспорядочнее. – Так что, – сказал Кайл, прислоняясь к одной из колонок. – Ты здесь, типа, спал? На полу?

Саймон кивнул.

– Меня выгнали из дома, – это не было всей правдой, но он посчитал это подходящим объяснением.

Кайл кивнул сочувственно.

– Мапочка нашла твою травку, да? Это отстойно.

– Нет. Не... травку, – Саймон пожал плечами. – Мы не сошлись во мнениях относительно моего образа жизни.

– Значит, она узнала, что у тебя две подружки? – Кайл ухмыльнулся. Он был симпатичным, признал Саймон, но не как Джейс, который выставлял это напоказ, потому что Кайл выглядел так, будто не расчесывался неделями. В нем было что-то от симпатичного щенка, и это привлекало. – Да, Кирк рассказал мне об этом. Рад за тебя, чувак.

Саймон покачал головой.

– Это не из-за этого.

Они помолчали какое-то время.

– Я... тоже не живу дома, – сказал, наконец, Кайл. – Я живу отдельно уже пару лет, – он обхватил руками голову и отпустил ее. Его голос был еле слышен. – С тех пор я не говорил со своими родителями. Я имею в виду, я в порядке, сам по себе, но... я свыкся.

– Твои татуировки, – сказал Саймон, легко касаясь своих рук. – Что они означают?

Кайл вытянул руки.

– Shaantih shaantih shaantih, – сказал он. – Это мантра из Упанишад. Санскрит. Молитва о мире.

Обычно Саймон подумал бы, что делать татуировки на Санскрите несколько претенциозно. Но не сейчас.

– Шалом, – сказал он.

Кайл моргнул с непониманием.

– Что?

– Это означает мир, – сказал Саймон. – На еврейском. Я просто подумал, что слова звучат похоже.

Кайл посмотрел на него оценивающе. Казалось, он размышлял. В итоге он сказал:

– Это звучит немного бредово...

– Ну, не знаю. Мое понимание бредовости немного изменилось за последние несколько месяцев.

– ...но у меня есть жилье. В Алфавит-сити. И мой сосед только что съехал. Там две комнаты, так что ты можешь спать на его месте. Там есть кровать и все остальное.

Саймон помедлил. С одной стороны, он совсем не знал Кайла, и переезжать к незнакомцу казалось глупостью вселенских масштабов. Кайл мог оказаться серийным убийцей, несмотря на татуировки «мира». С другой стороны, он совсем не знал Кайла, а значит, никто не станет его там искать. Да и что с того, если Кайл окажется серийным убийцей? Подумал он горько. Для Кайла это закончится хуже, чем для него, так же, как и для грабителя прошлой ночью.

– Знаешь, – сказал он, – я думаю, я приму твоё предложение, если ты не против.

Кайл кивнул.

– Мой фургон снаружи, если хочешь поехать в город со мной.

Саймон наклонился, поднимая свой походный рюкзак, и выпрямился, надевая ремень на плечо. Он положил телефон в карман и взмахнул руками, изображая готовность идти.

– Пойдем.

Глава пятая

Ад зовет ад

Квартира Кайла оказалась приятным сюрпризом. Саймон ожидал грязный дом без лифта на Д-авеню с тараканами, ползающими по стенам, и кроватью, сделанной из матрасной пены и ящиками из-под молока. На самом же деле это были две чистые спальни с небольшой гостиной, кучей книжных полок и фотографий знаменитостей на стенах. Хотя, стоит признать, что Кайл, похоже, выращивал марихуану на пожарной лестнице, но не бывает все идеально.

Комната Саймона была практически пустой. Тот, кто жил здесь раньше ничего не оставил, кроме хлопчатобумажного матраца. В ней были пустые стены, голый пол и одно-единственное окно, в которое Саймон мог видеть неоновую вывеску китайского ресторана на другой стороне улицы.

– Нравится? – спросил Кайл, остановившись в дверях, его карие глаза были дружелюбны.

– Прекрасная комната, – честно ответил Саймон. – Как раз то, что мне нужно.

Самой дорогой вещью в квартире был плоский телевизор в гостиной. Они уселись на диван и смотрели дурацкие программы, пока солнечный свет угасал на улице. Саймон

решил, что Кайл был классным. Он не приставал, не подглядывал, не задавал вопросов. Он ничего не просил взамен за комнату, кроме вклада Саймона в продукты. Да и просто был дружелюбным парнем. Саймон задался вопросом, помнил ли он вообще, какими были обычные люди.

Когда Кайл ушел на вечернюю смену, Саймон пошел в свою комнату и рухнул на матрас, слушая шум машин на Б-авеню.

Его преследовал образ его матери с тех пор, как он оставил ее: как она смотрела на него с ненавистью и страхом, словно он вторгся в ее дом. Даже без необходимости дышать, от этой мысли у него сжалось в груди. Но теперь...

Когда он был ребенком, он обожал путешествия, потому что, находясь в новом месте, он чувствовал себя вдали от проблем. Даже теперь, всего лишь через реку от Бруклина, воспоминания, гнетущие его, как кислота – смерть грабителя, реакция его матери на правду о нем – казались размытыми и далекими.

«Может, в этом весь секрет», – подумал он. – «В движении. Как акула. Идти туда, где никто тебя не найдет. Быть скитальцем и странником на земле».

Но это работало, только если ты не оставлял позади людей, о которых беспокоился.

Он плохо спал ночью. Его естественной потребностью было спать днем, несмотря на силу Светоча, и он поборол беспокойство и сны, прежде чем проснулся поздно, когда уже лучи солнца осветили комнату. После того, как он вытащил свежее белье из своего рюкзака, он вышел из комнаты на кухню, где застал Кайла за жаркой бекона и яичницы на тефлоновой сковороде.

– Привет, сосед, – бодро поприветствовал его Кайл. – Хочешь позавтракать?

Вид пищи заставил Саймона ощутить легкую тошноту.

– Нет, спасибо. Хотя, я выпью немного кофе, – он присел на один из немного искривленных барных стульев.

Кайл толкнул треснувшую кружку через стол в его сторону.

– Завтрак это главный прием пищи за день, брат. Даже если уже полдень.

Саймон обхватил руками кружку, чувствуя проникающее в его холодную кожу тепло. Он поразмыслил, о чем завести разговор – о темах, кроме той, почему он так мало ест.

– Я не спросил тебя вчера, чем ты занимаешься по жизни?

Кайл наколот на вилку кусочек бекона со сковородки и попробовал его. Саймон заметил, что золотой медальон на его шее изображал несколько листьев и фразу «Beati Bellicosi». Саймон знал, что «Beati» означало что-то связанное со святыми; должно быть, Кайл католик.

– Курьер, – сказал он, жуя. – Классная работа. Я могу кататься по городу, смотреть вокруг, общаться с кем угодно. Гораздо лучше старшей школы.

– Ты бросил ее?

– Забрал свой диплом после выпуска. Я предпочитаю школу жизни. – Саймон подумал, что это звучит нелепо, не скажи он «школа жизни» так же искренне, как все остальное. – А как насчет тебя? Какие планы?

Ну, знаешь, бродить по земле, неся смерть и разрушение невинным людям. Может, выпить немного крови. Жить вечно без каких-либо развлечений. Как обычно.

– Я пока обдумываю это.

– Имеешь в виду, что не собираешься быть музыкантом? – спросил Кайл.

К облегчению Саймона, его телефон зазвонил, прежде чем он должен был ответить. Он достал его из кармана и посмотрел на экран. Это была Майя.

– Привет, – поприветствовал он ее. – Как дела?

– Ты придешь на примерку платья с Клэри после обеда? – спросила она, ее голос проскрипел в трубке. Наверно, она звонила из штаб-квартиры стаи в Китайском Городке, где связь была не самой лучшей. – Она сказала мне, что уговорила тебя пойти за компанию.

– Что? А, да. Да. Я приду. – Клэри попросила, чтобы Саймон пошел с ней на примерку платья подружки невесты, чтобы после этого они могли купить комиксов, и она могла снова

ощутить себя, как она выразилась, «менее девочкой-барби».

– Ну, я тоже приду тогда. Мне надо передать кое-что Люку от стаи, и кроме того, я сто лет тебя не видела.

– Я знаю. Мне и правда жаль...

– Все нормально, – сказала она легко. – Но ты должен рассказать мне, что наденешь на свадьбу, иначе мы не будем смотреться вместе.

Она повесила трубку, оставляя Саймона глядящим на телефон. Клэри была права. Свадьба была решающим днем, и он был совершенно не готов к битве.

– Одна из твоих подружек? – спросил Кайл с любопытством. – Эта рыжеволосая в гараже одна из них? Потому что она симпатичная.

– Нет. Это Клэри, моя лучшая подруга. – Саймон убрал телефон в карман. – И у нее есть парень. Вроде как наикрутейший парень. Бомба, а не парень. Поверь мне.

Кайл ухмыльнулся.

– Я просто спросил, – он опустил сковороду из-под бекона, теперь уже пустую, в раковину. – Твои две девчонки. Как они выглядят?

– Они очень, очень... разные, – в некоторых смыслах, подумал про себя Саймон, они были противоположностями. Майя была спокойная и замкнутая; Изабель жила на пике приключений. Майя была ровным светом в темноте; Изабель была сияющей звездой, кружащей в вакууме. – Я хочу сказать, что они обе классные. Красивые и умные...

– И они не знают друг о друге? – спросил Кайл, облокотившись на стол. – В смысле, вообще?

Саймон начал объяснять – как он вернулся домой из Идриса (хотя он не упоминал название места), и они обе начали звонить ему, желая провести время вместе. И, поскольку они обе ему нравились, он согласился. И каким-то образом между ними возникли романтические чувства, но, казалось, ни разу не было возможности рассказать кому-нибудь из них, что ему нравилась и другая девушка. И все как-то закрутилось, и вот он, не желающий ранить кого-то из них и не знающий, что делать дальше.

– Ну, спроси ты мое мнение, – сказал Кайл, поворачиваясь и выливая остатки кофе в раковину, – тебе стоит выбрать одну из них и прекратить преследовать другую. Я просто высказался.

Так как он повернулся спиной к Саймону, тот не мог видеть его лицо, и на секунду он задумался, не был ли Кайл зол. Его голос звучал непривычно жестко. Но, когда Кайл повернулся, его выражение было открытым и дружелюбным, как всегда. Саймон решил, что ему показалось.

– Я знаю, – сказал он. – Ты прав, – он взглянул в сторону спальни. – Послушай, ты уверен, что мне стоит оставаться здесь? Я могу убраться, как только ты...

– Все нормально. Оставайся сколько захочешь, – Кайл открыл кухонный шкаф и пошарил там рукой, пока не нашел, что искал – связку ключей на резиновом кольце. – Эта связка для тебя. Ты абсолютно желанный гость здесь, понятно? Мне нужно идти на работу, но ты можешь развлекаться тут, если хочешь. Поиграй в Halo или еще что-нибудь. Ты будешь здесь, когда я вернусь?

Саймон пожал плечами.

– Возможно, нет. Мне нужно быть на примерке в три.

– Отлично, – сказал Кайл, надевая ремень сумки на плечо и направляясь к двери. – Попроси их сшить тебе что-нибудь красное. Этот цвет тебе очень пойдет.

– Итак, – сказала Клэри, выходя из примерочной. – Что ты думаешь?

Она повернулась, чтобы продемонстрировать платье. Саймон, расположившись на одном из неудобных белых стульев в магазине «Свадьба Кэрин», передвинулся, поморщился и сказал:

– Ты выглядишь замечательно.

Она выглядела лучше, чем просто замечательно. Клэри была единственной подружкой невесты своей матери, поэтому ей было позволено выбрать любое платье, которое она

захочет. Она выбрала очень простое, из медного шелка с узкими полосами, которые делали ее еще стройнее. Ее единственным украшением было кольцо Моргенштерна на цепочке вокруг шеи; очень простая серебряная цепь выделяла ее ключицы и изгиб шеи.

Еще несколько месяцев назад вид Клэри, наряженной для свадьбы, вызвал бы у Саймона смесь эмоций: мрачное отчаяние (она никогда не полюбит его) и сильное волнение (или, возможно, она полюбит его, если он наберется смелости рассказать ей о своих чувствах). Сейчас это вызывало у него лишь легкую тоску.

– Замечательно? – переспросила Клэри. – И все? Тьфу на тебя – она повернулась к Майе. – Что ты думаешь?

Майя сдалась в борьбе с неудобными стульями и сидела на полу, прислонившись к стене, украшенной диадемами и длинными прозрачными фатами. На ее коленях лежал карманный компьютер Саймона, и она казалась погруженной в игру Grand Theft Auto.

– Не спрашивай меня, – сказала она. – Я ненавижу платья. Я бы надела джинсы на свадьбу, если бы могла.

Это было правдой. Саймон редко видел Майю в чем-то, кроме джинсов и футболок. В этом она была противоположностью Изабель, которая носила платья и каблуки даже в самое неподходящее время. (Хотя, с тех пор, как он увидел ее убивающей демона Вермис при помощи каблука, он стал меньше беспокоиться об этом.)

Колокольчик на двери магазина зазвенел, и внутрь вошла Джослин, а за ней Люк. Оба держали дымящиеся стаканы кофе, и Джослин смотрела на Люка с покрасневшими щеками и сияющими глазами. Саймон вспомнил, что сказала Клэри о них: отвратительно влюбленные. Сам он не находил это отвратительным, но это, возможно, от того что они не были его родителями. Они оба казались такими счастливыми, и он думал, что это было скорее замечательно.

Глаза Джослин расширились, когда она увидела Клэри.

– Дорогая, ты выглядишь восхитительно!

– Конечно, ты должна сказать так. Ты же моя мама, – сказала Клэри, но все равно улыбнулась. – Эй, этот кофе случайно не черный?

– Ага. Считай это извинением за наше опоздание, – сказал Люк, протягивая ей стакан. – Нас задержали. То одна, то другая проблема с рестораном, – он кивнул Саймону и Майе. – Привет, ребята.

Майя кивнула головой. Люк был главой местной стаи оборотней, а Майя была ее членом. Хотя он отучил ее называть его «Мастер» или «Сэр», она все еще относилась уважительно к его присутствию.

– У меня есть к вам послание от стаи, – сказала она, откладывая игру. – У них возникли вопросы по поводу вечеринки в «Заводе»...

Пока Майя и Люк обсуждали вечеринку, которую стая оборотней устраивала в честь свадьбы их вожака, владелица свадебного магазина, высокая женщина, читавшая журналы за стойкой во время общения подростков, поняла, что заинтересованные в покупке люди как раз прибыли, и поспешила поприветствовать их.

– Я как раз получила ваше платье, и оно выглядит чудесно, – начала она, беря мать Клэри под руку и уводя вглубь магазина. – Пойдемте, примерим. – Когда Люк двинулся за ними, она указала ему предостерегающе пальцем. – Вы останетесь здесь.

Люк, глядя, как его невеста исчезла за белыми вращающимися дверьми с изображением свадебных колокольчиков, казался озадаченным.

– Обычные люди считают, что тебе нельзя видеть невесту в свадебном платье до церемонии, – напомнила ему Клэри. – Это плохая примета. Возможно, она вообще считает странным то, что ты пришел на примерку.

– Но Джослин хотела услышать мое мнение... – Люк замолчал и покачал головой. – Да и ладно. Обычаи людей такие странные, – он опустился в кресло и поморщился, когда резные листья на его спинке уперлись ему в спину.

– А что насчет свадеб сумеречных охотников? – спросила Майя с любопытством. – У

них есть свои обычаи?

– Есть, – медленно сказал Люк. – Но это не будет классическая церемония сумеречных охотников. Это не относится к случаям, когда один из участников не является сумеречным охотником.

– Правда? – Майя выглядела шокированной. – Я не знала этого.

– Частью свадебной церемонии сумеречных охотников является нанесение постоянных рун на тела участников, – сказал Люк. Его голос был спокоен, но взгляд был печальным. – Руны любви и долга. Но, разумеется, не сумеречный охотник не может носить руны ангела, поэтому Джослин и я вместо этого обменяемся кольцами.

– Паршиво, – сказала Майя.

Люк улыбнулся на это.

– На самом деле нет. Жениться на Джослин это то, чего я всегда хотел, и меня не волнуют детали. Кроме того, все меняется. Новые члены Совета совершили немалый прогресс, убеждая Конклав смириться с подобным...

– Клэри! – Это был голос Джослин, зовущий изнутри магазина. – Можешь подойти сюда на секунду?

– Иду! – крикнула Клэри, допивая кофе. – Ух. Похоже на примерочную срочность.

– Ну, удачи в этом, – Майя поднялась на ноги и отдала карманный компьютер Саймону, прежде чем наклониться и поцеловать его в щеку. – Мне нужно идти. Встреча с друзьями в «Луне Охотника».

Она приятно пахла ванилью. А под этим, как всегда, Саймон почувствовал соленый запах крови, смешанный с резким лимонным привкусом, который был специфичен для оборотней. Кровь каждого представителя Низшего Мира пахла по-разному – феи пахли сухими цветами, маги сгоревшими спичками, а другие вампиры металлом.

Клэри однажды спросила Саймона, чем пахла она. Солнцем, ответил он ей.

– Увидимся позже, малыш, – Майя выпрямилась, потрепав волосы Саймона и ушла. Когда дверь за ней закрылась, Клэри посмотрела на него испепеляющим взглядом.

– Ты должен разобраться со своими отношениями к следующей субботе, – сказала она. – Я серьезно, Саймон. Если ты не скажешь им, я сделаю это.

Люк выглядел обескураженно.

– Скажешь кому и что?

Клэри покачала головой Саймону.

– Ты ходишь по тонкому льду, Льюис. – С этими словами она ушла, держа в руках свою шелковую юбку. Саймона позабавило, что под ними виднелись ее зеленые кеды.

– Определенно, – сказал Люк, – здесь происходит что-то, о чем я не знаю.

Саймон посмотрел на него.

– Иногда мне кажется, что это мой девиз.

Люк поднял брови.

– Что-то случилось?

Саймон помедлил. Разумеется, он не мог рассказать Люку о своих любовных связях. Люк и Майя были в одной стае, а оборотни были более преданны друг другу, чем обычные банды. Это поставило бы Люка в очень неудобное положение. Хотя, оставалось правдой, что Люк был хорошим источником информации. В качестве вожака манхэттенской стаи волков, у него был доступ ко всевозможной информации и он был опытен в политике представителей Нижнего Мира.

– Ты слышал что-нибудь о вампире по имени Камилла?

Люк тихо присвистнул.

– Я знаю, кто она. И удивлен, что ты тоже.

– Ну, она является глава нью-йоркского клана вампиров. Я немного знаю о них, – сказал Саймон несколько напряженно.

– Я не знал об этом. Мне казалось, что ты хотел жить, как человек, так долго, как это возможно, – в голосе Люка не было осуждения, только любопытство. – На тот момент, когда

я заполучил стаю в центре города от предыдущего вожака, она поставила главой Рафаэля. Я не думаю, что кто-то знал, куда именно она отправилась. Но она это что-то вроде легенды. Невероятно старая вампирша, как я понял. Известная своей жестокостью и хитростью. Она превзошла бы Бледный Народ в своих способностях.

– Ты когда-нибудь видел ее?

Люк покачал головой.

– Думаю, что нет. Откуда такое любопытство?

– Рафаэль упомянул ее, – ответил Саймон уклончиво.

Люк нахмурился.

– Ты виделся с Рафаэлем в последнее время?

Прежде чем Саймон смог ответить, снова прозвенел магазинный колокольчик, и, к удивлению Саймона, внутрь вошел Джейс. Клэри не говорила, что он придет. И вообще, он обратил внимание, что Клэри редко упоминала Джейса последние дни.

Джейс посмотрел на Люка, а затем на Саймона. Он выглядел так, словно был удивлен увидеть их в магазине, хотя это сложно было определить. Хотя Саймон думал, что наедине с Клэри он показывал самые разные эмоции, чаще всего его лицо выражало агрессивное безразличие. «Он выглядит так», – сказал однажды Саймон Изабель, – «будто думает о чем-то очень глубоком и значимом, но если ты спросишь его об этом, он даст тебе в глаз». «Так не спрашивай его», – сказала Изабель, словно решила, что Саймон вел себя смешно. «Никто и не говорит, что вы должны быть друзьями».

– Клэри здесь? – спросил Джейс, закрывая за собой дверь. Он выглядел устало. Под его глазами были синяки, и, судя по всему, он не побеспокоился надеть куртку, хотя осенний ветер был холодным. Хотя холод больше не влиял на Саймона, глядя на Джейса в одних джинсах и теплой кофте, он почувствовал мурашки на коже.

– Она помогает Джослин, – пояснил Люк. – Но ты можешь подождать с нами здесь.

Джейс посмотрел тяжелым взглядом на стены вокруг, завешанные фатами, веерами, диадемами и жемчужными бусами.

– Все... такое белое.

– Конечно, белое, – сказал Саймон. – Это же свадьба.

– У сумеречных охотников белый это цвет похорон, – сказал Люк. – Но для обычных людей, Джейс, это свадебный цвет. Белый наряд невест символизирует их чистоту.

– Мне казалось, Джослин сказала, что ее платье не белое, – сказал Саймон.

– Ну, – сказал Джейс, – полагаю, этот корабль уже уплыл.

Люк подавился кофе. Прежде чем он мог сказать или сделать что-либо, в комнату вошла Клэри. Ее волосы теперь были подняты при помощи сверкающих шпилек, и только несколько локонов свисало вниз.

– Я не знаю, – говорила она на ходу. – Кэрин добралась до моих волос, но я не уверена насчет страз...

Она замолчала, когда увидела Джейса. Судя по ее выражению лица, она явно не ожидала увидеть его. Она открыла рот от удивления, но ничего не сказала. Джейс, в свою очередь, уставился на нее, и хотя бы раз Саймон был способен прочесть его выражение лица, как открытую книгу. Словно все вокруг в мире исчезло, кроме Джейса и Клэри, и он смотрел на нее с неприкрытой тоской и желанием, и Саймон даже почувствовал себя неловко, словно вмешался в личную ситуацию.

Джейс прокашлялся.

– Ты выглядишь великолепно.

– Джейс, – Клэри была еще больше озадачена, чем остальные. – Все в порядке? Мне казалось, ты сказал, что не придешь из-за встречи Конклава.

– Верно, – сказал Люк. – Я слышал о теле сумеречного охотника в парке. Есть какие-нибудь новости?

Джейс покачал головой, глядя на Клэри.

– Нет. Он не из членов нью-йоркского Конклава, но личность еще не установлена. Ни у

одного из тел. Безмолвные Братья осматривают его сейчас.

– Это хорошо. Братья разберутся, кто это, – сказал Люк.

Джейс ничего не ответил. Он все еще смотрел на Клэри, и это был очень странный взгляд, подумал Саймон – так смотрят на ту, кого любят, но никогда не смогут заполучить. Он подумал бы, что Джейс чувствовал это к Клэри ранее, но сейчас?

– Джейс? – сказала Клэри, шагая к нему.

Он оторвал свой взгляд от него.

– Куртка, которую ты взяла у меня вчера в парке, – сказал он. – Она все еще у тебя.

С еще более озадаченным взглядом Клэри показала на ту самую куртку, совершенно обычную коричневую куртку из замши, висящую на спинке одного из кресел.

– Вот она. Я собиралась занести ее тебе после...

– Ну, – сказал Джейс, забирая куртку и просовывая руки в рукава в спешке, словно ему неожиданно понадобилось уйти, – теперь тебе не придется.

– Джейс, – сказал Люк, своим спокойным тоном, – мы собираемся на ранний ужин в «Парк-Слоуп» после этого. Будем рады видеть тебя там.

– Нет, – сказал Джейс, застегивая молнию на куртке. – У меня тренировка после обеда. Я лучше пойду.

– Тренировка? – повторила Клэри. – Но мы только вчера тренировались.

– Некоторые из нас тренируются каждый день, Клэри, – голос Джейса не был разозленным, но грубым, и Клэри покраснела. – Увидимся позже, – добавил он, не взглянув на нее, и практически бросился к двери.

Когда дверь закрылась за ним, Клэри дотянулась рукой и со злостью выдернула шпильки из волос. Они кудрями упали ей на плечи.

– Клэри, – нежно сказал Люк. Он встал. – Что ты делаешь?

– Свою прическу. – Она резко выдернула последнюю шпильку. Ее глаза заблестели, и Саймон видел, что она сдерживала слезы. – Я не хочу идти с такой прической. Это глупо.

– Нет, не глупо. – Люк забрал у нее шпильки и положил их на один из маленьких белых столиков. – Послушай, свадьбы заставляют мужчин нервничать, понятно? Это ничего не значит.

– Точно, – Клэри попыталась улыбнуться. Она почти смогла сделать это, но Саймон видел, что она не поверила Люку. И вряд ли мог винить ее за это. Увидев выражение лица Джейса, Саймон тоже не поверил ему.

Закусочная на Пятой-авеню сияла, словно звезда, на фоне сумерек. Саймон шел рядом с Клэри вдоль домов по авеню, Джослин и Люк на несколько шагов впереди. Клэри переоделась из платья в джинсы, а вокруг шеи у нее был повязан толстый белый шарф. Периодически она поднимала руку и поворачивала кольцо, висящее на цепочке вокруг шеи, и он задавался вопросом, замечала ли она сама этот нервный жест.

Когда они покинули свадебный магазин, он спросил ее, знала ли она, что не так с Джейсом, но она не ответила ничего конкретного. Она ушла от темы и начала задавать вопросы о его делах, говорил ли он с матерью, был ли против того, чтобы оставаться у Эрика. Когда он сказал ей, что остался у Кайла, она удивилась.

– Но ты ведь почти его не знаешь, – сказала она. – Он может быть серийным убийцей.

– Я думал об этом. Я осмотрел квартиру, но если у него и есть холодильник с замороженными руками, я его еще не нашел. Как бы то ни было, он кажется довольно искренним.

– И как выглядит его квартира?

– Замечательно для Алфавит-Сити. Ты могла бы прийти в гости попозже.

– Не сегодня, – сказала Клэри, слегка отстраненно. Она снова дергала кольцо. – Может, завтра?

Похоже, он идет к Джейсу, подумал Саймон, но не стал настаивать. Если она не хотела говорить об этом, он не собирался заставлять ее.

– Мы пришли. – Он открыл дверь закуской для нее, и поток теплого запаха шаурмы

обволок их.

Они нашли кабинку возле одного из больших плоских телевизоров, висящих на стене. Они сели в нее, пока Джослин и Люк увлеченно обсуждали друг с другом свадебные планы. Стая Люка, оказалось, почувствовала себя оскорбленно из-за того, что их не пригласили на церемонию – даже несмотря на то, что список приглашенных был коротким – и настояла на своем отдельном празднике на восстановленной фабрике в Квинсе. Клэри слушала, ничего не говоря; пришла официантка и протянула им меню, заламинированные так жестко, что их можно было использовать вместо оружия. Саймон поставил свое на стол и уставился в окно. Через улицу располагался спортивный зал, и он видел людей через зеркальные стекла на бегущих дорожках, руки, отбивающие такт, прижатые к ушам наушники.

Вся эта беготня, без всякой цели, подумал он. История моей жизни.

Он попытался прогнать мрачные мысли из головы и почти преуспел в этом. Эта сцена была одна из наиболее знакомых ему, подумал он – угловая cabina в закусочной, он, Клэри и ее семья. Люк всегда был семьей, даже когда не был женат на матери Клэри. Саймон должен был ощущать себя дома. Он попытался улыбнуться, и осознал, что мама Клэри только что спросила его о чем-то, а он не расслышал ее. Все за столом смотрели на него с ожиданием.

– Извините, – сказал он. – Я не... что вы сказали?

Джослин терпеливо улыбнулась.

– Клэри рассказала мне, что вы взяли нового участника в группу?

Саймон знал, она спросила это из чистой вежливости. Такой вежливости, которую проявляют родители, чтобы казалось, что они воспринимают твои увлечения серьезно. Хотя, она приходила на несколько его концертов, просто чтобы создать аудиторию. Она всегда заботилась о нем. В самых дальних уголках сознания Саймон подозревал, что она знала о его чувствах к Клэри, и он думал о том, что она могла бы не захотеть, чтобы ее дочь сделала другой выбор, если бы могла в это вмешаться. Он знал, что она не особо любила Джейса. Это было понятно даже из того, как она произносила его имя.

– Да, – сказал он. – Кайла. Он немного странный, но очень классный.

Когда Люк поинтересовался, почему Кайл странный, Саймон рассказал им о квартире Кайла – опустив предусмотрительно то, что теперь он и сам жил там, – его работе курьера и древнем, разбитом пикапе.

– И он выращивает какие-то странные растения на балконе, – добавил он. – Не марихуану. Я проверил. У них немного серебристые листья...

Люк нахмурился, но прежде чем он сказал что-либо, подошла официантка, неся большой серебряный кофейник. Она была юной, с крашеными блондинистыми волосами, заплетенными в косы. Когда она наклонилась, чтобы наполнить кружку Саймона, одна из них скользнула по его руке. Он чувствовал запах ее пота, а под ним запах крови. Человеческой крови, самой сладкой по запаху. Он почувствовал знакомое ощущение, когда его желудок сжался. Его охватил холод. Он был голоден, и все, что осталось у Кайла в квартире, это кровь комнатной температуры, которая уже начала портиться – мерзкая перспектива даже для вампира.

«Ты никогда не пил кровь человека, правда? Когда-нибудь ты это сделаешь. И когда это случится, ты не пожалеешь».

Он закрыл глаза. Когда он открыл их, официантка ушла, а Клэри с любопытством смотрела на него через стол.

– Все хорошо?

– Нормально. – Он взял кружку с кофе в руку. Она дрожала. Над их головами по телевизору все еще показывали вечерние новости.

– Фу, – сказала Клэри, глядя на экран. – Ты слушаешь это?

Саймон проследил за ее взглядом. У телерепортера было такое выражение лица, которое они «надевали», когда рассказывали о чем-то особенно ужасном. «Никто не опознал мальчика, брошенного в переулке за больницей «Бет Израэль» несколько дней назад» – говорил он. «Ребенок белый, весит шесть фунтов и восемь унций, и в остальном совершенно

здоров. Он был обнаружен пристегнутым к детскому креслу за мусорными баками в переулке» – продолжал репортер. «Самое ужасное это записка от руки, подоткнутая под одеяло, в которой упрашивают управляющих больницы усыпить младенца, поскольку – цитирую: «У меня нет духа сделать это самостоятельно». Полиция считает, что, скорее всего, мать ребенка больна, и сообщает, что у них есть «серьезные зацепки». Любой, у кого есть информация о ребенке, должен позвонить в отдел по борьбе с преступностью...»

– Это так ужасно, – сказала Клэри вздрогнув, отворачиваясь от телевизора. – Я не понимаю, как люди могут вот так бросить своих детей точно мусор...

– Джослин, – сказал Люк обеспокоенным голосом. Саймон посмотрел на мать Клэри. Она была бледной, как полотно, и выглядела так, словно ее сейчас стошнит. Она оттолкнула свою тарелку, резко встала из-за стола, и поспешила в сторону ванной комнаты. Через мгновение, Люк бросил салфетку и пошел за ней.

– Вот, дерьмо, – Клэри прижала руку к губам. – Не могу поверить, что сказала это. Я такая глупая.

Саймон был совершенно сбит с толку.

– Что такое?

Клэри ссутулилась на своем кресле.

– Она подумала о Себастьяне, – сказала она. – Я имею в виду, Джонатане. Моем брате. Полагаю, ты помнишь его.

Она сказала это с сарказмом. Никто из них не смог бы забыть Себастьяна, чье настоящее имя было Джонатан, и кто убил Ходжа и Макса и почти преуспел в помощи Валентину выиграть войну, которая привела бы к уничтожению всех сумеречных охотников. Джонатан, у которого были горящие черные глаза и улыбка точно лезвие бритвы. Джонатан, чья кровь по вкусу напоминала кислоту, когда Саймон укусил его. Не то чтобы он пожалел об этом.

– Но твоя мать не отказывалась от него, – сказал Саймон. – Она продолжала его растить, даже когда узнала, что с ним было что-то не то.

– Правда, она ненавидела его, – сказала Клэри. – Не думаю, что она избавилась от этой ненависти. Представь себе ненависть к своему же ребенку. Она брала коробку, в которой были его детские вещи, и оплакивала их каждый год в день его рождения. Думаю, что она оплакивала сына, которого могла бы иметь. Если бы Валентин не сделал того, что он сделал...

– У тебя был бы брат, – сказал Саймон. – Вроде как нормальный. Не психопат-убийца.

Глядя сквозь слезы, Клэри оттолкнула свою тарелку.

– Я чувствую себя больной – сказала она. – Знаешь, чувство, когда ты голоден, но не можешь заставить себя есть?

Саймон просмотрел на официантку с обесцвеченными волосами, которая прислонялась к столику клиента.

– Да, – ответил он. – Знаю.

Наконец Люк вернулся к столику, но только чтобы сказать Клэри и Саймону, что он проводит Джослин домой. Он оставил немного денег, которые они использовали, чтобы расплатиться за ужин перед тем, как отправиться из закусочной в «Галактика Комиксы» на Седьмой-авеню. Ни один из них не мог сконцентрироваться достаточно, чтобы насладиться, тем не менее, они разошлись с обещанием увидеться на следующий день.

Саймон ехал в город с поднятым капюшоном и включенным плеером, музыка громко играла в наушниках. Музыка всегда была его способом отстраниться от мира. К тому времени, как он вышел на Вторую-авеню и направился вдоль по Хьюстон, начался небольшой дождь, его желудок скрутился в узел.

Он вышел на Первую улицу, которая была пуста, темная полоса между ярким светом Первой-авеню и авеню-А. Из-за iPod, он не слышал их, идущих позади него, пока они не оказались прямо за ним. Первым подозрительным моментом была длинная тень, которая упала на тротуар поверх его тени. Другая тень присоединилась к ней, на этот раз с другой

стороны. Он обернулся и увидел двух мужчин за спиной. Оба были одеты точно также как грабитель, который напал на него в ту ночь – серые тренировочные костюмы и серые капюшоны, скрывающие лица. Они были достаточно близко, чтобы коснуться его.

Саймон отскочил, с силой, которая удивила его самого. Поскольку его вампирская сила была нова, она все еще удивляла его. Когда, спустя мгновение, он оказался на крыльце, в нескольких метрах от грабителей, он был так удивлен тому, где находился, что даже замер.

Грабители наступали на него. Они говорили тем же гортанным языком, что и первый грабитель – Саймон начинал подозревать, что они вовсе не были грабителями. Грабители, насколько он знал, не работали в бандах, и маловероятно, что у первого грабителя были друзья уголовники, решившие отомстить ему за смерть своего товарища. Что-то здесь явно не так.

Они достигли крыльца, поймав его в ловушку на ступеньках. Саймон вырвал наушники iPod из ушей и торопливо поднял руки.

– Послушайте, – сказал он, – не знаю, в чем дело, но вам лучше оставить меня в покое.

Грабители только смотрели на него. Или, по крайней мере, он думал, что они смотрели на него.

Под тенью их капюшонов невозможно было разглядеть лица.

– Полагаю, что кто-то послал вас за мной, – сказал он. – Но это самоубийство. Серьезно. Не знаю, сколько вам платят, но этого явно недостаточно.

Одна из фигур в спортивном костюме засмеялась. Другая полезла в карман и что-то вытащила. Что-то, что сияло черным под уличными фонарями.

Пистолет.

– О, мужик, – сказал Саймон. – Тебе абсолютно точно не стоит этого делать. Я не шучу. – Он сделал шаг назад вверх по лестнице. Возможно, поднимись он достаточно высоко, он сможет перепрыгнуть через них, или мимо них. Что угодно, лишь бы не позволить им напасть на него. Он не думал, что сможет снова это вынести. Только не это.

Человек с оружием поднял его. Раздался щелчок и он спустил курок.

Саймон прикусил губу. Из-за паники у него обнажились клыки. Боль пронзила его, когда он прокусил свою кожу.

– Не...

С неба упало что-то темное. Сначала Саймон решил, что это просто свалилось с одного из окон – кондиционер, или кто-то поленился спустить мусор вниз. Но упавший, как увидел Саймон, был человеком – он падал в нужном направлении, с целью, грацией. Человек приземлился на грабителя, повалив его на землю. Пистолет вылетел из его руки, и он закричал тонким, писклявым голосом.

Второй грабитель наклонился и схватил пистолет. Прежде чем Саймон успел среагировать, парень поднял его и спустил курок. Огонек пламени показался на конце ствола.

И пистолет разорвало. Он разлетелся, и грабитель разлетелся вместе с ним так быстро, что не успел даже закричать. Он хотел быстрой смерти Саймону, а вместо этого еще быстрее погиб сам. Он рассыпался на части как стекло, как несущиеся в калейдоскопе цвета. Раздался слабый взрыв – шум потревоженного воздуха – и на его месте остались только мелкие брызги соли, падающие на тротуар, как град.

У Саймона поплыло в глазах, и он опустился на ступеньки. Он слышал громкий шум в ушах, а затем кто-то жестко схватил его за запястье и резко встряхнул.

– Саймон. Саймон!

Он поднял глаза. Человек, схвативший и трясущий его, был Джейсом. Он был одет в боевую форму, но под ней все еще были его джинсы и куртка, которую он забрал у Клэри. Его волосы были взъерошены, а одежда и лицо были заляпаны грязью и копотью. Волосы были мокрыми от дождя.

– Что это была за чертовщина? – спросил Джейс.

Саймон оглядел улицу. Она по-прежнему была пуста. Асфальт блестел, черный, мокрый и пустой. Второй грабитель исчез.

– Ты, – сказал он немного неуверенно. – Ты прыгнул на грабителей...

– Это были не грабители. Они преследовали тебя от самого метро. Кто-то послал этих парней, – сказал Джейс с полной уверенностью в голосе.

– Другой парень, – сказал Саймон. – Что случилось с ним?

– Он просто испарился. – Джейс щелкнул пальцами. – Он увидел, что случилось с его другом, и просто исчез. Я не знаю, кто они такие. Не демоны, но и не люди.

– Да, я это понял, спасибо.

Джейс посмотрел на него более пристально.

– То, что случилось с нападавшим... это был ты, так ведь? Твоя Метка, здесь, – он указал на свой лоб. – Я видел, как она засветилась, прежде чем тот парень просто... растворился.

Саймон ничего не сказал.

– Я многое повидал, – сказал Джейс. В его голосе для разнообразия не было сарказма или издевательства. – Но никогда не видел ничего подобного.

– Я не делал этого, – сказал Саймон спокойно. – Я ничего не сделал.

– Тебе и не нужно было, – сказал Джейс. Его золотистые глаза горели на заляпанном копотью лице.

– Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, сказал Господь.

Глава шестая

Пробуждение мертвеца

Комната Джейса была, как всегда, аккуратна – идеально заправленная постель, книги на полках расставлены по алфавиту, записки и тетради аккуратно сложены на столе. Даже его оружие было выстроено вдоль стены по размеру, от массивного палаша до маленьких кинжалов.

Клэри, стоя в дверях, сдержала вздох. Аккуратность это хорошо. Она привыкла к этому. Она всегда думала, что это был способ Джейса обрести контроль хотя бы над какими-то деталями его жизни, кажущимися охваченными хаосом. Он так долго жил, не зная, кем – или даже чем – он действительно был, что она вряд ли могла судить его за выстраивание сборников поэзии по алфавиту.

Но, как бы то ни было, она могла осудить тот факт, что его не было в комнате. Если он не отправился домой после посещения свадебного магазина, то куда он ушел? Пока она осматривала комнату, пришло ощущение нереальности происходящего. Невозможно, чтобы что-то из этого действительно происходило, верно? Она знала о расставаниях из жалобных разговоров других девушек. Сначала отстранение, потом нежелание писать или звонить в ответ. Размытые сообщения, что все в порядке, что другому просто нужно немного пространства. Затем разговор о том, что это не из-за тебя, это все я. Затем слезы.

Она никогда не думала, что что-то из этого произойдет с ней и Джейсом. Их отношения не были обычными, к ним не применялись обычные правила отношений и разрывов. Они абсолютно принадлежали друг другу, и всегда было только так.

Но, может, все так думали? Пока не поняли, что они, как все остальные, и то, что они считали настоящим, развалилось на части.

Что-то сверкнуло серебром на другом конце комнаты и привлекло ее внимание. Это была шкатулка, которую дала Джейсу Аматис, с изящным изображением птиц по бокам. Она знала, что он изучал ее содержимое, медленно читая письма, записки, просматривая фотографии. Он почти ничего не рассказывал ей об этом, и она не хотела вмешиваться. Его чувства по отношению к своему биологическому отцу были тем, с чем ему самому предстояло разобраться.

Хотя, она обнаружила, что подошла к шкатулке. Она вспомнила, как он сидел на ступеньках Зала Согласия в Идрисе, держа шкатулку на коленях. «Будто я мог бы разлюбить тебя» – сказал он. Она коснулась крышки шкатулки, и ее пальцы нащупали замок, который с

легкостью открылся. Внутри были перемешанные бумаги, старые фотографии. Она достала одну из них и посмотрела на нее, зачарованная. На фотографии было два человека – молодая девушка и мужчина. Она тут же узнала девушку – это была сестра Люка, Аматис. Она смотрела на молодого человека взглядом, лучащимся первой любовью. Он был симпатичным, высоким и со светлыми волосами, хотя его глаза были голубыми, а не золотистыми, а черты лица менее жесткими, чем у Джейса... и все равно, зная, кем он был – отцом Джейса – она почувствовала, как сжался ее желудок.

Она быстро положила фотографию Стефана Эрондейла и чуть не порезала палец о лезвие тонкого охотничьего ножа, который лежал поперек шкатулки. На рукоятке были вырезаны птицы. Его лезвие было запачкано ржавчиной или чем-то похожим на нее. Должно быть, его не очистили, как следует. Она быстро закрыла шкатулку и отвернулась, чувствуя вес вины на своих плечах.

Она подумала оставить записку, но решила, что лучше подождать и поговорить с Джейсом лично, поэтому она вышла из комнаты и пошла вдоль коридора к лифту. Она уже стучала в дверь Изабель, но, похоже, ее тоже не было дома. Даже колдовские огни в факелах вдоль стен, казалось, горели слабее обычного. Чувствуя себя совершенно подавленно, Клэри протянула руку к кнопке вызова лифта, но увидела, что она уже горит. Кто-то поднимался с первого этажа в Институт.

«Джейс», – подумала она тут же, и ее пульс ускорился. «Но, разумеется, это может быть и не он», – сказала она себе. «Это может быть Иззи или Мариза, или...»

– Люк? – сказала она, удивившись, когда двери лифта открылись. – Что ты здесь делаешь?

– Я мог бы спросить тебя то же самое, – он вышел из лифта, закрывая за собой решетку. Он был одет в отстроченную шерстью фланелевую куртку, которую Джослин пыталась заставить его выкинуть с тех пор, как они начали встречаться. «Это было мило, – подумала Клэри, – что практически ничто не могло изменить Люка, что бы ни случилось в его жизни». Он любил, что любил, и все. Даже если это был затасканный старый плащ. – Хотя, думаю, я могу догадаться. Итак, он здесь?

– Джейс? Нет, – Клэри пожала плечами, пытаясь не выдать своего беспокойства. – Ладно. Увижу его завтра.

Люк помедлил.

– Клэри...

– Люсьен.

Холодный голос из-за их спин принадлежал Маризе.

– Спасибо, что пришел так быстро.

Он повернулся и кивнул ей.

– Мариза.

Мариза Лайтвуд стояла в проходе, положив руку на дверной проем. Она носила перчатки, бледно-серые, как и ее сшитый на заказ серый костюм. Клэри задалась вопросом, носила ли Мариза когда-нибудь джинсы. Она ни разу не видела мать Изабель и Алека в чем-либо, кроме костюмов и формы.

– Клэри, – сказала она. – Я не знала, что ты здесь.

Клэри почувствовала, как покраснела. Казалось, Мариза не возражала насчет ее посещений, но она ни разу не признала, что Джейс и Клэри были вместе. Было трудно винить ее. Мариза все еще оплакивала смерть Макса, которая случилась всего шесть недель назад, и делала это в одиночестве, пока Роберт Лайтвуд оставался в Идрисе. У нее были дела поважнее, чем интимная жизнь Джейса.

– Я уже ухожу, – сказала Клэри.

– Я подброшу тебя домой, когда освобожусь, – сказал Люк, кладя руку ей на плечо. – Мариза, ничего, если Клэри останется здесь, пока мы разговариваем? Потому что я бы предпочел, чтобы она осталась.

Мариза покачала головой.

– Никаких проблем, полагаю. – Она вздохнула, проводя руками по волосам. – Поверь, мне вообще не хочется беспокоить тебя. Я знаю, что ты женишься через неделю – мои поздравления, кстати. Не знаю, сказала ли я тебе это ранее.

– Не сказала, – ответил Люк, – но я ценю это. Спасибо.

– Всего шесть недель, – Мариза слабо улыбнулась. – Прямо ураган ухаживаний.

Рука Люка сжалась на плече Клэри, единственный признак его раздражения.

– Не думаю, что ты позвала меня сюда, чтобы поздравить с помолвкой, не так ли?

Мариза покачала головой. Она выглядела очень устало, подумала Клэри, и в ее зачесанных наверх волосах были полосы серого, которых там не было раньше.

– Нет. Полагаю, ты слышал о телах, которые мы обнаружили за последнюю неделю?

– Мертвые сумеречные охотники, да.

– Мы нашли еще одно сегодня ночью. Запиханное в мусорный бак возле парка «Колумбус». На территории твоей стаи.

Люк вскинул брови.

– Да, но остальные...

– Первое тело было найдено в «Зеленой точке». Территория магов. Второе плавало в пруду в Центральном парке. Территория фей. Теперь у нас территория оборотней, – она посмотрела на Люка. – Что ты об этом думаешь?

– Что кто-то, недовольный новым Соглашением, и пытается настроить представителей Нижнего Мира против друг друга, – сказал Люк. – Могу тебя заверить, моя стая здесь ни при чем. Я не знаю, кто за этим стоит, но это очень неуклюжая попытка, если ты спросишь мое мнение. Надеюсь, Конклав заметит это.

– Это не все, – сказала Мариза. – Мы опознали первые два тела. Это заняло много времени, так как они были обожжены почти до неузнаваемости, а второе было сильно покалечено. Догадаешься, кто бы это мог быть?

– Мариза...

– Энсен Пэнгборн, – сказала она, – и Чарльз Фриман. Ни об одном из них, замечу, не слышали со смерти Валентина...

– Но это невозможно, – прервала Клэри. – Люк убил Пэнгборна в августе – в Ренвике.

– Он убил Эмиля Пэнгборна, – сказала Мариза. – Энсен был младшим братом Эмиля. Они вместе были в Круге.

– Как и Фриман, – сказал Люк. – Значит, кто-то убивает не просто сумеречных охотников, а прежних членов Круга? И оставляет их тела на территории Нижнего Мира? – он покачала головой. – Похоже на то, что кто-то пытается встряхнуть еще несколько... упорных членов Конклава. Возможно, чтобы заставить их переделать новое Соглашение. Нам следовало ожидать этого.

– Полагаю, да, – сказала Мариза. – Я уже встретилась с Королевой Фей и получила сообщение от Магнуса. Где бы он ни был.

Она закатила глаза; Мариза и Роберт, похоже, приняли отношения Алека с Магнусом, причем вполне изящно, но Клэри видела, что Мариза не воспринимала их серьезно.

– Я просто подумала, может... – Она вздохнула. – Я так измотана в последнее время. Чувствую себя так, словно и думать не могу. Я надеялась, что у тебя есть какие-то догадки, кто бы это мог быть. Что-то, до чего не додумалась я.

Люк покачал головой.

– Кто-то, обиженный на новую систему. Но это может быть кто угодно. Полагаю, на телах никаких улик?

Мариза вздохнула.

– Ничего конструктивного. Если бы только мертвые могли говорить, эх, Люсьен?

Мариза словно подняла руку и повесила занавес перед глазами Клэри; все потемнело, за исключением единственного символа, висящего, как сияющий знак в пустом ночном небе.

Оказалось, ее силы совсем не исчезли.

– Что, если... – сказала она медленно, поднимая взгляд на Маризу. – Что, если бы они

смогли?

Глядя на себя в зеркале ванной комнаты в маленькой квартире Кайла, Саймон не мог не задаться вопросом, откуда взялись все эти истории, что вампиры не могут видеть себя в зеркалах. Он мог прекрасно видеть себя на его поверхности – взлохмаченные каштановые волосы, большие карие глаза, белая, незапятнанная кожа. Он смыл кровь с прокушенной губы, хотя его кожа уже зажила.

Он осознал, что превращение в вампира сделало его более привлекательным. Изабель объяснила ему, что его движения стали более грациозными, и раньше выглядевший неопрятным, теперь он выглядел привлекательно помятым, словно только выбрался из постели. «Чьей-то постели», – заметила она, и он сказал ей, что и так понял, что она подразумевала.

Хотя, когда он смотрел на себя, он ничего этого не видел. Сплошная белизна его кожи, как всегда, беспокоила его, как и темные паутинки вен, заметные на висках, свидетельство того, что он не ел сегодня. Он выглядел чуждым и непохожим на себя. Возможно, сама идея о том, чтобы не видеть себя в зеркале, когда становишься вампиром, лишь желания и мечты. Может, ты просто переставал узнавать свое отражение.

Вымывшись, он вернулся в гостиную, где на диване развалился Джейс, читая потрепанную копию «Властилина Колец» Кайла. Он бросил ее на кофейный столик, когда Саймон вошел. Его волосы снова выглядели влажными, будто он плеснул на себя водой из кухонной раковины.

– Я вижу, почему тебе здесь нравится, – сказал он, показывая взмахом руки на Кайлову коллекцию постеров к фильмам и книг с научной фантастикой. – Все это покрыто тонким налетом кретинизма.

– Спасибо. Я ценю это.

Саймон тяжело посмотрел на Джейса. Вблизи, под ярким светом в комнате Джейс выглядел больным. Круги под его глазами, которые Саймон заметил ранее, стали видны еще больше, а кожа казалась туго натянутой на кости черепа. Его рука немного дрожала, когда он характерным жестом убрал волосы с лица.

Саймон встряхнул головой, словно пытаясь прочистить ее. С каких это пор он знал Джейса так, чтобы определить, какие жесты были для него характерными? Не похоже, чтобы они были друзьями.

– Ты выглядишь паршиво, – сказал он.

Джейс моргнул.

– Кажется, это неподходящее время для конкурса оскорблений, но если ты настаиваешь, я могу придумать что-нибудь достойное в ответ.

– Нет, я серьезно. Ты плохо выглядишь.

– И это я слышу от парня, обладающего сексуальной привлекательностью, как у пингвина. Слушай, я понимаю, ты можешь завидовать, что Господь Бог не выточил тебя той же мастерской рукой, что и меня, но это не причина для...

– Я не пытаюсь оскорбить тебя, – разозлился Саймон. – Я имею в виду, ты выглядишь больным. Когда ты в последний раз ел что-нибудь?

Джейс выглядел задумчиво.

– Вчера?

– Ты ел вчера? Ты уверен?

Джейс пожал плечами.

– Ну, я бы не поклялся на стопке Библий. Но, кажется, это было вчера.

Саймон осмотрел содержимое холодильника Кайла ранее, когда обыскивал место, и там было не густо. Засохший старый лайм, немного содовой, килограмм фарша и один замороженный пирожок в морозилке. Он сгреб свои ключи с кухонного стола.

– Пошли, – сказал он. – Там на углу супермаркет. Добудем тебе что-нибудь поесть.

Джейс посмотрел так, словно собирался возразить, потом пожал плечами.

– Хорошо, – сказал он тоном, словно совсем не заботился, куда они пойдут или что

делали здесь. – Пошли.

Снаружи, на ступеньках Саймон закрывал дверь за ними при помощи ключей, к которым все никак не мог привыкнуть, пока Джейс изучал список имен возле звонка.

– Это ведь твоя, да? – спросил он, указывая на квартиру 3А. – Почему тогда здесь написано только «Кайл»? Разве у него нет фамилии?

– Кайл хочет быть рок-звездой, – сказал Саймон, спускаясь по ступенькам. – Думаю, он прорабатывает идею только имени. Как Рианна.

Джейс последовал за ним, слегка сутулясь против ветра, хотя он не попытался застегнуть замшевую куртку, которую ранее добыл у Клэри.

– Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Уверен, это так.

Когда они обошли угол и вышли на Б-авеню, Саймон покосился на Джейса.

– Итак, – сказал он. – Ты следил за мной? Или это просто невероятное совпадение, что ты оказался на крыше здания, где я проходил во время нападения?

Джейс остановился на перекрестке, ожидая смены светофора. Очевидно, даже сумеречные охотники должны были подчиняться правилам дорожного движения.

– Я следил за тобой.

– Сейчас ты скажешь мне, что тайно в меня влюблен? Вампирский шарм снова в силе.

– Вампирского шарма не существует, – сказал Джейс, довольно пугающе повторяя более ранний ответ Клэри. – И я следил за Клэри, но затем она села в такси, а я не мог следить за такси. Поэтому я вернулся и стал следить за тобой. В основном, чтобы занять себя.

– Ты следил за Клэри? – спросил Саймон. – Вот тебе надежная подсказка: Большинство девочек не любят, когда их преследуют.

– Она оставила телефон в кармане моей куртки, – сказал Джейс, похлопывая по правому боку, где, предположительно, лежал телефон. – Я подумал, если выясню, чем она занимается, то смогу оставить его там, где она его найдет.

– Или, – сказал Саймон, – ты мог бы позвонить ей на домашний и сообщить, что ее телефон у тебя, а она могла прийти и забрать его.

Джейс ничего не сказал. Свет сменился, и они перешли улицу к супермаркету «Город Си». Он все еще был открыт. «Магазины в Манхэттене никогда не закрывались, – подумал Саймон, – что было хорошо, в отличие от Бруклина». Манхэттен был хорошим местом для вампира. Ты можешь ходить по магазинам в полночь, и никто не сочтет это странным.

– Ты избегаешь Клэри, – заметил Саймон. – Я полагаю, ты не собираешься сказать мне, почему?

– Нет, не собираюсь, – сказал Джейс. – Считаю, тебе повезло, что я следил за тобой, или...

– Или что? Еще один грабитель был бы мертв? – Саймон услышал горечь в своем собственном голосе. – Ты видел, что произошло.

– Да. И я видел выражение твоего лица, когда это случилось, – тон Джейса был нейтральным. – Это был не первый раз, правда?

Саймон начал рассказывать Джейсу о человеке в спортивном костюме, атаковавшем его в Вильямсбурге, и почему он решил, что это был просто грабитель.

– После гибели он обратился в соль, – завершил он. – Прямо как второй парень. Полагаю, это библейская особенность. Столпы соли. Как жена Лота.

Они дошли до супермаркета. Джейс открыл дверь, и Саймон проследовал за ним, хватая небольшую серебристую тележку на колесиках из ряда возле входной двери. Он покатил ее по одному из проходов, а Джейс шел за ним, явно потерянный в своих мыслях.

– Итак, полагаю, вопрос в том, – сказал Джейс, – имеешь ли ты хоть малейшее подозрение о том, кто хочет убить тебя?

Саймон пожал плечами. Вид всей этой еды вокруг него заставил его желудок скрутиться, напоминая, как он был голоден, хотя и не хотел того, что продавали здесь.

– Может, Рафаэль. Он, кажется, ненавидит меня. И он уже пытался убить меня...

– Это не Рафаэль, – сказал Джейс.

– Как ты можешь быть настолько уверен в этом?

– Потому что Рафаэль знает о твоей метке и он не настолько глуп, чтобы вот так нападать. Он отлично знает, что произойдет. Кто бы это ни был, это тот, кто знает о тебе достаточно, чтобы узнать, где ты можешь быть, но не знает о твоей метке.

– Но это может быть кто угодно.

– Точно, – сказал Джейс и усмехнулся. На мгновения он был почти похож на самого себя.

Саймон покачал головой.

– Слушай, ты знаешь, что ты хочешь съесть или ты только хочешь, чтобы я толкал тележку по проходам, чтобы развлечь тебя?

– Просто, – сказал Джейс, – я не особо знаком с тем, что продается в обычных магазинах. Мариза обычно готовит или мы заказываем еду, – он пожал плечами и взял фрукт наугад. – Что это?

– Это манго. – Саймон посмотрел на Джейса. Порой казалось, что сумеречные охотники с другой планеты.

– Не думаю, что когда-либо видел его не нарезанным, – размышлял Джейс. – Мне нравится манго.

Саймон взял манго и бросил в корзину.

– Прекрасно. Что еще тебе нравится?

Джейс задумался на мгновение.

– Томатный суп, – наконец сказал он.

– Томатный суп? Ты хочешь томатный суп и манго на ужин?

Джейс пожал плечами.

– Меня действительно не волнует еда.

– Хорошо. Какая разница. Стой здесь. Я скоро вернусь.

Сумеречные охотники. Тихо ворчал себе под нос Саймон, поворачивая за угол прохода, где стояли баночки с супами. Они были своего рода странной смесью людей-миллионеров, которые никогда не рассматривали незначительные моменты жизни, например, как поход в магазин за едой, или использование MetroCard в метро, и солдат, с их жесткой самодисциплиной и постоянными тренировками. Может, для них было легче идти по жизни с завесой на глазах, подумал он и взял суп с полки. Может это помогало сосредоточиться на большой картине – которая, когда твоя работа заключалась в спасении мира от зла, являлась довольно большой картиной действительности.

Он почувствовал почти жалость к Джейсу, когда приблизился к проходу, где оставил его и остановился. Джейс прислонился к корзине, вращая что-то в руках. С этого расстояния Саймон не мог разглядеть, что это, и не мог подойти ближе, потому что путь преградили две девушки подростка, стоящие посреди прохода, хихикая, толкаясь и болтая о чем-то. Они явно были одеты так, чтобы сойти за совершеннолетних, на высоких каблуках и в коротких юбках, в бюстгальтерах пуш-ап и без курток.

Они пахли блеском для губ. Блеском для губ, детской присыпкой и кровью.

Он, разумеется, мог их слышать, несмотря на шепот. Они разговаривали о Джейсе, о его сексуальности, подбивая друг друга подойти и заговорить с ним. Они много говорили о его прическе и прессе, хотя Саймон не понимал, как они могли видеть его пресс через футболку. Чушь. Подумал он. Это смешно. Он уже собирался сказать «Извините», когда одна из них, высокая и с более темными волосами, отошла и направилась к Джейсу, немного пошатываясь на своей платформе и каблуках. Джейс посмотрел на нее, когда она подошла, и взгляд его был настороженным, а Саймон внезапно испугался, что Джейс может принять ее за вампира или какого-нибудь суккуба, тут же вонзить в нее один из ангельских клинков, и их обоих арестуют.

Он зря беспокоился. Джейс только повел бровью. Девушка что-то сказала ему слабо, он

пожал плечами, она вложила что-то в его руку, а затем бросилась к своей подруге. Они вышли из магазина, хихикая.

Саймон подошел к Джейсу и бросил суп в тележку.

– И что это было?

– Кажется, – сказал Джейс, – она спросила, может ли потрогать мое манго.

– Она так сказала?

Джейс пожал плечами.

– Да, а потом дала мне свой номер.

Он показал Саймону кусок бумаги с выражением полного безразличия, затем бросил его в тележку.

– Теперь мы можем идти?

– Ты же не собираешься звонить ей, правда?

Джейс посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Забудь об этом, – сказал Саймон. – Должно быть, подобное постоянно случается с тобой, верно? Девушки, подходящие к тебе?

– Только, когда я не скрыт волшебством.

– Да, потому что, когда ты скрыт, девушки не могут видеть тебя, так как ты невидим. – Саймон покачал головой. – Ты угроза обществу. Тебя не следует выпускать на улицы в одиночестве.

– Зависть это очень некрасиво, Льюис, – Джейс ухмыльнулся кривой улыбкой, за которую Саймон обычно хотел его ударить. Хотя, не в этот раз. Он как раз понял, с чем играл Джейс, переворачивая в своих руках, словно это что-то драгоценное, опасное или одновременно и то, и другое. Это был телефон Клэри.

– Я все еще не уверен, хорошая ли это идея, – сказал Люк.

Клэри, скрестив руки от холода в Безмолвном Городе, покосилась на него.

– Может, тебе следовало сказать это до того, как мы сюда пришли.

– Я почти уверен, что говорил это. Несколько раз.

Голос Люка отразился эхом от каменных колон, которые возвышались над головами, украшенные полосами полудрагоценных камней – черного оникса, зеленого нефрита и голубого лазурита. Серебристый колдовской свет горел в факелах, прикрепленных к колоннам, освещая мавзолеи вдоль каждой стены до яркого белого цвета, на который было больно смотреть.

С тех пор, как Клэри была здесь в последний раз, Безмолвный Город почти не изменился. Он все еще казался чуждым и странным, хотя теперь стелющиеся вдоль пола руны из резных завитков и высеченных орнаментов дразнили ее воображение гранями смысла, тогда как в прошлый раз были совершенно непонятны. Мариза оставила ее и Люка здесь, у входа, когда они прибыли, предпочитая отправиться и пообщаться с Безмолвными Братьями самой. Гарантии, что им разрешать увидеть тела, не было, предупредила она Клэри. Тела нефилима принадлежали стражам Города Костей, и больше никто не мог решать, что делать с ними.

Не то чтобы осталось много стражей. Валентин убил почти всех из них, когда искал Меч Смерти, оставив в живых только нескольких, что не были в то время в Безмолвном Городе. К ним добавилось еще несколько новых членов братства, но Клэри сомневалась, что в мире осталось более десяти или пятнадцати Безмолвных Братьев.

Послышался громкий стук каблуков Маризы, прежде чем она появилась с Безмолвным Братом в робе за ее спиной.

– Вот вы где, – сказала она, как будто Клэри и Люк не остались там же, где она их оставила. – Это Брат Захария. Брат Захария, это девушка, о которой я тебе говорила.

Безмолвный Брат слегка приспустил капюшон. Клэри сдержала свое удивление. Он не выглядел, как Брат Иеремия, с его пустыми глазами и зашитым ртом. Глаза Брата Захарии были закрыты, а на каждой из высоких скул было по шраму от одной черной руны. Но его рот не был зашит, и она не думала, что его голова была лысой. С поднятым капюшоном было

сложно сказать, тень это была или темные волосы.

Она ощутила, как его голос коснулся ее сознания.

– Ты правда веришь, что можешь сделать это, дочь Валентина?

Она почувствовала, как покраснела. Она ненавидела, когда ей напоминали, чьей дочерью она была.

– Вы наверняка слышали о других вещах, что она сделала, – сказал Люк. – Ее руна связи помогла нам остановить Войну Смерти.

Брат Захария поднял капюшон, скрывая свое лицо.

– Пойдем со мной к Склепу.

Клэри взглянула на Люка, ожидая поощряющего кивка, но он смотрел перед собой и теребил свои очки, как всегда, когда нервничал. Со вздохом она пошла за Маризой и Братом Захарией. Он двигался тихо, как туман, тогда как каблуки Маризы стучали, словно выстрелы на мраморном полу. Клэри стало интересно, не была ли склонность Изабель к неподходящей обуви наследственной.

Они прошли вдоль вьющейся через колонны дорожки, миновав огромную площадь Говорящих Звезд, где Безмолвные Братья впервые сказали Клэри о Магнусе Бейне. За площадью был арка с огромными железными дверьми. На их поверхности были выжжены руны, которые Клэри распознала как руны смерти и мира. Над дверьми была надпись на латинском, которая заставила ее пожалеть, что при ней не было ее записей. Она была ужасно плоха в латинском для сумеречного охотника; большинство из них говорили на нем, как на втором языке.

«Taceant Colloquia. Effugiat risus. Nihil locus est ubi mors gaudet succurrere vitae».

– Прервите разговор. Перестаньте смеяться, – прочел Люк вслух. – Это место, где мертвые воссияют, чтобы научить живых.

Брат Захария положил руку на дверь.

– Последний из убитых подготовлен для тебя. Ты готова?

Клэри тяжело сглотнула, задумавшись, во что она себя сама втянула.

– Я готова.

Двери распахнулись, и они вошли внутрь. Внутри была огромная комната без окон со стенами из гладкого белого мрамора. В них были крючки, на которых висели серебристые инструменты для вскрытия: сияющие скальпели, что-то похожее на молотки, пилы для костей и щипцы для ребер. А возле них на полках были еще более необычные инструменты: большие орудия, похожие на штопор, листы наждачной бумаги и банки цветной жидкости, включая одну зеленоватую с надписью «Кислота», которая даже дымилась.

В центре комнаты стоял ряд высоких мраморных столов. Большинство были пусты. Три стола было занято, и на двух из них Клэри видела только человеческие силуэты, скрытые белыми простынями. На третьем лежало тело, простыня на котором была опущена, открывая туловище. Обнаженное от талии и выше, тело определенно принадлежало мужчине и, так же очевидно, сумеречному охотнику. Мертвенно-бледная кожа была покрыта Метками. Глаза мертвеца были перевязаны белым шелком по обычаю сумеречных охотников.

Клэри подавила тошноту и подошла к труп. Люк также подошел, положив руку ей на плечо; Мариза стояла напротив, разглядывая все своими любопытными голубыми глазами, как у Алека.

Клэри вытащила из кармана стило. Она ощутила прохладу мрамора через футболку, когда наклонилась над мертвецом. Вблизи она могла видеть детали – его волосы были рыжевато-коричневые, а его глотка была разорвана на полосы, словно огромными когтями.

Брат Захария протянул руку и снял шелковую повязку с глаз мертвеца. Под ней глаза были закрыты.

– Можешь начинать.

Клэри глубоко вдохнула и коснулась кончиком стило кожи на руке мертвого сумеречного охотника. Руна, которую она видела ранее в прихожей Института, стала видна ей так же ясно, как ее собственное имя. Она начала рисовать.

Черные линии Метки вились из-под кончика ее стило, почти как всегда – но рука ее была тяжелой, стило немного колебалось, словно она рисовала по грязи, а не коже. Словно инструмент смутился, скользя по поверхности мертвой кожи, ища живой дух сумеречного охотника, которого здесь больше не было. Желудок Клэри свело, пока она рисовала, и когда она закончила и убрала стило, она вспотела и ощутила тошноту.

Долгое время ничего не происходило. Затем, жутко неожиданно, глаза мертвого сумеречного охотника открылись. Они были голубыми, белки подернуты красной кровью.

Мариза шумно выдохнула. Было очевидно, она не верила, что руна сработает.

– О, ангел.

Шумное дыхание донеслось от мертвеца, звук кого-то, пытающегося дышать сквозь перерезанную глотку. Разорванная кожа на его шее затрепетала, как рыбы жабры. Его грудь поднялась, и губы произнесли слова.

– Больно.

Люк чертыхнулся и посмотрел на Захарию, но Безмолвный Брат выражал безразличие.

Мариза подошла ближе к столу с внезапно обострившимся взглядом, почти хищным.

– Сумеречный охотник, – сказала она. – Кто ты? Назови свое имя.

Голова человека задергалась из стороны в сторону. Его руки поднялись и упали конвульсивно.

– Боль... Остановите боль.

Стило Клэри почти выпало из ее руки. Это было гораздо ужаснее, чем она могла вообразить. Она посмотрела на Люка, который пятился от стола с расширенными от ужаса глазами.

– Сумеречный охотник, – голос Маризы был властным. – Кто сделал это с тобой?

– Пожалуйста...

Люк развернулся спиной к Клэри. Показалось, он копался среди инструментов Безмолвных Братьев. Клэри замерла, когда Мариза протянула руку в серой перчатке и схватила труп за плечо, впиваясь пальцами.

– Во имя ангела, я повелеваю тебе ответить мне!

Сумеречный охотник поперхнулся.

– Обитатель Нижнего Мира... Вампир...

– Какой вампир? – спросила Мариза.

– Камилла. Древняя вампириша...

Слова оборвались, когда черная кровь показалась из его рта.

Мариза поперхнулась и отдернула руку. Когда она это сделала, показался Люк, неся банку зеленой кислоты, которую Клэри заметила ранее. Одним движением он сдернул крышку и плеснул кислотой на Метку на руке трупа, уничтожая ее. Труп издал вскрик, когда плоть разъело – и затем упал на стол с пустыми глазами, что бы ни оживило их на то недолгое время – ушло.

Люк поставил пустую банку из-под кислоты на стол.

– Мариза. – Его голос был укоризненным. – Нам не следует так обращаться с мертвыми.

– Мне решать, как обращаться с нашими мертвецами, обитатель Нижнего Мира.

Мариза была бледна, а на щеках был румянец.

– Теперь у нас есть имя. Камилла. Возможно, мы сможем предотвратить другие смерти.

– Есть вещи хуже смерти, – Люк протянул руку к Клэри, не глядя на нее. – Пойдем, Клэри. Думаю, пришло время уйти.

* * *

– Значит, ты, и правда не можешь представить, кто еще может желать твоей смерти? – спросил Джейс не первый раз. Они обсудили список несколько раз, и Саймон уже устал слышать одни и те же вопросы снова и снова. Не учитывая, что по его подозрению Джейс только частично уделял ему внимание. Он уже съел суп, который купил Саймон – холодным, из банки при помощи ложки, что Саймон посчитал отвратительным – и прислонился к окну, слегка отодвинув занавеску, чтобы видеть движение транспорта на Б-авеню и ярко

освещенные окна квартир напротив. В них Саймон видел ужинающих, смотрящих телевизор и болтающих за столом людей. Обычные дела, которыми занимаются обычные люди. Это заставило его почувствовать странную пустоту.

– В отличие от тебя, – сказал Саймон, – не так много людей не любят меня.

Джейс проигнорировал это.

– Ты что-то недоговариваешь.

Саймон вздохнул. Он не хотел рассказывать о предложении Камиллы, но перед лицом кого-то, желающего его смерти, пусть и тщетно, секрет мог и не быть приоритетом. Он рассказал, что случилось на его встрече с вампиршей, пока Джейс глядел на него с интересом.

Когда он закончил, Джейс сказал:

– Интересно, но это вряд ли она пытается убить тебя. Во-первых, она знает о твоей Метке. И не думаю, что она хочет быть пойманной за нарушением Соглашения таким вот способом. Когда представители Нижнего Мира стары, они обычно знают, как держаться подальше от проблем.

Он поставил банку от супа.

– Мы могли бы снова выйти, – предложил он. – Посмотреть, не атакуют ли они в третий раз. Если мы сможем схватить одного из них, может быть мы...

– Нет, – сказал Саймон. – Почему ты постоянно пытаешься сделать так, чтобы тебя убили?

– Это моя работа.

– Это риск в твоей работе. По крайней мере, для большинства сумеречных охотников. Для тебя это, похоже, цель.

Джейс пожал плечами.

– Мой отец всегда говорил... – Он замолчал, его лицо помрачнело. – Извини. Я имел в виду Валентина. О, ангел. Каждый раз, когда я называю его так, кажется, что я предаю своего настоящего отца.

Саймон несмотря ни на что почувствовал сострадание по отношению к Джейсу.

– Слушай, ты считал его своим отцом сколько, шестнадцать лет? Это не пройдет за день. И ты никогда не встретишься с человеком, который был твоим настоящим отцом. И он мертв. Поэтому ты не можешь предать его. Просто думай о себе, как о человеке, у которого на время два отца.

– У тебя не может быть два отца.

– Конечно, может быть, – сказал Саймон. – Кто сказал, что нет? Мы можем купить тебе одну из тех книг для детей. «У Тимми два папы». Хотя, не думаю, что у них есть книга под названием «У Тимми два папы, и один из них ужасен». Эту часть тебе придется проработать самому.

Джейс закатил глаза.

– Это увлекательно, – сказал он. – Знаешь, все эти слова, они на английском, но когда ты соединяешь их в предложения, они просто бессмысленны, – он слегка потянул занавеску. – Я не ждал, что ты поймешь.

– Мой отец мертв, – сказал Саймон.

Джейс повернулся и посмотрел на него.

– Что?

– Я так понял, ты не знал, – сказал Саймон. – Я имею в виду, ты вроде бы не собирался спрашивать, да и вообще не заинтересован особо в моей жизни. Так что, да. Мой отец умер. И в этом мы похожи.

Внезапно выдохшийся, он лег на матрас. Он ощущал себя больным, чувствовал головокружение и усталость – глубокую усталость, которая, казалось, впилась в его кости. Джейс, с другой стороны, казался полным беспокойной энергии, которая немного беспокоила Саймона. Было нелегко смотреть, как он ел тот томатный суп. Он слишком походил на кровь, чтобы расслабиться.

Джейс разглядывал его.

– Как давно ты в последний раз... ел? Ты выглядишь довольно плохо.

Саймон вздохнул. Он предположил, что ничего не мог ответить после того, как заставил Джейса поесть.

– Подожди, – сказал он. – Я сейчас вернусь.

Оторвав себя от дивана, он пошел в свою комнату и достал последнюю бутылку крови из-под кровати. Он старался не смотреть на нее – разведенная кровь была противным зрелищем. Он сильно встряхнул бутылку, пока возвращался в гостиную, где Джейс все еще смотрел из окна.

Прислонившись к кухонному столу, Саймон открыл бутылку крови и отпил глоток. Обычно он не любил пить на людях, но это был Джейс, и ему было плевать, что Джейс подумает. Кроме того, не то чтобы Джейс не видел уже, как он пил кровь. По крайней мере, Кайла не было дома. Было бы сложно объяснить такое своему новому соседу. Никто не любил парней, хранящих кровь в холодильнике.

На него смотрели два Джейса – один настоящий, а второй – отражение в окне.

– Знаешь, ты не можешь прекратить питаться.

Саймон пожал плечами.

– Я ем сейчас.

– Да, – сказал Джейс, – но ты вампир. Кровь не как еда для тебя. Кровь это... кровь.

– Это очень все разъясняет.

Саймон уселся в кресло напротив телевизора; возможно, когда-то это был бледно-золотой вельвет, но сейчас он был изношен до серой груды.

– У тебя много важных мыслей вроде этой? Кровь это кровь? Тостер это тостер? Студенистый Куб это Студенистый Куб?

Джейс пожал плечами.

– Хорошо. Забей на мой совет. Позже ты пожалеешь.

Прежде чем Саймон смог ответить, он услышал, как открывается дверь. Он жестко посмотрел на Джейса.

– Это мой сосед. Кайл. Веди себя хорошо.

Джейс очаровательно улыбнулся.

– Я всегда веду себя хорошо.

У Саймона не было возможности ответить на это так, как он хотел бы, потому что секундой позже Кайл ворвался в комнату с горящими глазами.

– Мужик, я весь город объехал сегодня, – сказал он. – Я почти заблудился, но знаешь, что они говорят. В Бронксе, в Бэттери... – Он глянул на Джейса, с запозданием заметив, что в комнате есть кто-то еще. – О, привет. Я не знал, что ты привел друга, – он протянул руку. – Я Кайл.

Джейс не отреагировал по-доброму. К удивлению Саймона, Джейс весь замер, его бледно-желтые глаза сузились, все его тело показывало ту настороженность сумеречного охотника, которая превратила его из обычного подростка во что-то совершенно другое.

– Забавно, – сказал он. – Знаешь, Саймон ни разу не упомянул, что его новый сосед оборотень.

Клэри и Люк большую часть пути до Бруклина ехали молча. Клэри смотрела в окно, пока они ехали, наблюдая, как мимо пролетел Китайский Городок, а затем Вильямсбургский мост, светящийся словно бриллиантовая цепь в ночном небе. Вдалеке, над черной водой реки, она видела Ренвик, освященный, как всегда. Он снова выглядел развалиной, пустые черные окна зияли, словно глазницы в черепе. Голос мертвого сумеречного охотника прошептал в ее сознании:

«Боль... Прекратите боль».

Она вздрогнула и натянула куртку сильнее вокруг плеч. Люк взглянул на нее, но ничего не сказал. Он повернулся к ней и заговорил, только когда остановил машину возле своего дома и заглушил двигатель.

– Клэри, – сказал он. – То, что ты сделала...

– Это было ошибкой, – сказала она. – Я знаю, что это было неправильно. Я тоже там была. – Она вытерла лицо краем рукава. – Давай, кричи на меня.

Люк посмотрел через лобовое стекло.

– Я не собираюсь кричать на тебя. Ты не знала, что случится. Черт, я тоже думал, что это сработает. Я бы не пошел туда с тобой, если бы считал иначе.

Клэри знала, что это должно было помочь ей, но не помогло.

– Не вылей ты кислоту на руну...

– Но я сделал это.

– Я даже не знала, что можно сделать так. Уничтожить руну вот так.

– Если ты в достаточной мере испортишь ее, ты можешь уменьшить или уничтожить ее силу. Иногда в бою соперник пытается сжечь или срезать кожу сумеречного охотника, просто чтобы лишить его силы его рун, – сказал отстраненно Люк.

Клэри почувствовала, как задрожали ее губы, и сжала их, чтобы прекратить это. Иногда она забывала о самых страшных аспектах жизни сумеречного охотника. «Эта жизнь шрамов и убийств», как однажды сказал ей Ходж.

– Ну, – сказала она, – я не повторю этого снова.

– Что ты не повторишь снова? Именно эту руну? Я сомневаюсь, что ты не повторишь этого, но не думаю, что проблема в этом. – Люк постучал пальцами по рулю. – У тебя есть способность, Клэри. Великая способность. Но ты понятия не имеешь, что это означает. Ты совершенно не обучена. Ты почти ничего не знаешь об истории рун или что они значили для нефилима веками. Ты не сможешь отличить хорошую руну от плохой.

– Ты был доволен, когда позволил мне использовать свои силы с руной связи, – сказала она со злостью. – Ты не сказал мне тогда не создавать руны.

– Я и сейчас не говорю тебе не использовать свои способности. На деле, я думаю, проблема в том, как редко ты их используешь. Не то чтобы ты должна использовать их, чтобы перекрасить ногти или заставить вагон метро приехать, когда тебе нужно. Но ты используешь их только случайно в вопросах жизни и смерти.

– Руны приходят ко мне только в такие моменты.

– Может, потому что тебя еще не обучили, как работает твой дар. Вспомни Магнуса; его сила – это часть его. Ты думаешь о своей, как отдельной от тебя. О чем-то, что с тобой происходит. Но это не так. Это инструмент, которым ты должна научиться пользоваться.

– Джейс сказал, что Мариза хочет нанять эксперта по рунам, чтобы поработать со мной, но этого еще не произошло.

– Да, – сказал Люк, – полагаю, что у Маризы голова занята другим.

Он вытащил ключ зажигания и секунду посидел в тишине.

– Потерять ребенка, как она потеряла Макса, – сказал он. – Не могу представить себе этого. Мне следует проще относиться к ее поведению. Если бы что-то случилось с тобой, я..

Его голос оборвался.

– Хотела бы я, чтобы Роберт вернулся из Идриса, – сказала Клэри. – Не понимаю, почему она должна справляться с этим в одиночестве. Это должно быть ужасно.

– Много браков рушится, когда умирает ребенок. Женатые пары не могут перестать винить себя или друг друга. Думаю, что Роберт уехал, потому что ему нужно немного пространства, или оно нужно Маризе.

– Но они ведь любят друг друга, – сказала Клэри, потрясенная. – Разве не это значит любовь? Что ты должен быть рядом с человеком, что бы ни случилось?

Люк посмотрел на реку, на темную, медленно движущуюся воду под светом осенней луны.

– Порой, Клэри, – сказал он, – одной любви не достаточно.

Глава седьмая

Волки-защитники

Бутылка выскользнула из руки Саймона и упала на пол, разбившись, отчего осколки разлетелись в разные стороны.

– Кайл оборотень?

– Конечно оборотень, идиот, – сказал Джейс. Он посмотрел на Кайла. – Так ведь?

Кайл ничего не сказал. Выражение расслабленной шутливости исчезло с его лица. Его ореховые глаза стали жесткими и плоскими, как стекло.

– Кто спрашивает?

Джейс отошел от окна. В его поведение не было открытой враждебности и все же все в нем выражало явную угрозу. Его руки спокойно висели по бокам, но Саймон помнил, каким он видел Джейса раньше, внезапно действующего в один миг между мыслью и реакцией.

– Джейс Лайтвуд, – сказал он. – Из института Лайтвудов. К какой стае ты относишься?

– Господи, – сказал Кайл. – Ты сумеречный охотник? – он посмотрел на Саймона. – Симпатичная рыжеволосая девушка, которая была с вами в гараже тоже сумеречный охотник, верно?

Не ожидавший этого Саймон, кивнул.

– Ты знаешь, некоторые люди считают, что сумеречные охотники это только миф. Как мумии и джины. – Кайл усмехнулся Джейсу. – Ты можешь исполнять желания?

Тот факт, что Кайл назвал Клэри симпатичной не расположил его к Джейсу, чье лицо тревожно напряглось.

– Это зависит от желания, – сказал он. – Ты хочешь получить в лицо?

– Надо же, – сказал Кайл. – А я думал, вы все так посвящены Соглашению в эти дни...

– Соглашение применимо к вампирам и оборотням, относящимся к определенным общинам, – прервал Джейс. – Скажи мне, к какой стае ты относишься, или я сочту тебя вне закона.

– Ладно, хватит, – сказал Саймон. – Вы оба перестаньте вести себя так словно собираетесь ударить друг друга. – Он посмотрел на Кайла. – Ты должен был сказать мне, что ты оборотень.

– Я не заметил, чтобы ты мне сказал, что ты вампир. Может я подумал, что это не твое дело.

Все тело Самона дернулось от удивления.

– Что? – Он взглянул на осколки стекла и кровь на полу. – Я не... Я же не...

– Не беспокойся, – спокойно сказал Джейс. – Он может почувствовать, что ты вампир. Так же, как ты будешь в состоянии ощутить оборотней и другую нежить, когда у тебя будет немного больше опыта. Он знал кто ты, с тех пор, как встретил тебя. Не так ли? – Он встретился взглядом с ледяными карими глазами Кайла. Кайл ничего не ответил. – И кстати, знаешь, что он выращивает на балконе? Это аконит. Теперь ты знаешь.

Саймон скрестил руки на груди и уставился на Кайла.

– Ну, и что это за чертовщина? Ты подстроил это? Почему ты предложил мне пожить с тобой? Оборотни ненавидят вампиров.

– Я нет, – сказал Кайл. – Хотя, я не любитель их, – он ткнул пальцем в сторону Джейса. – Они думают, что они лучше остальных.

– Нет, – сказал Джейс. – Я думаю, что я лучше, чем все остальные. Мнение, подтвержденное достаточным количеством доказательств.

Кайл посмотрел на Саймона.

– Он всегда так общается?

– Да.

– Что-нибудь может заткнуть его? Что-то кроме выбивания из него дерьма, конечно.

Джейс отошел от окна.

– Я бы хотел, чтоб ты попытался.

Саймон встал между ними.

– Я не позволю вам драться друг с другом.

– И что ты собираешься предпринять... о, – взгляд Джейса перешел на лоб Саймона, и он нехотя улыбнулся. – Значит, ты угрожаешь превратить меня во что-то, чем ты можешь посыпать попкорн, если я не сделаю то, что ты говоришь?

Кайл выглядел сбитым с толку.

– Что ты...

– Я просто думаю, что вам двоим следует поговорить, – прервал его Саймон. – Итак, Кайл оборотень. Я вампир. И ты тоже не совсем чужак, – добавил он Джейсу. – Я говорю, мы должны разобраться, что происходит, и исходить от этого.

– Твое идиотское доверие не знает границ, – сказал Джейс, но сел на подоконник, скрестив руки на груди. Через мгновение Кайл тоже сел на кушетку. Они оба посмотрели друг на друга. «Все равно, – подумал Саймон. – Прогресс».

– Прекрасно, – сказал Кайл. – Я оборотень. – Я не отношусь к стае, но у меня есть союзники. Вы слышали о предводителе волков?

– Я слышал о волчанке, – сказал Саймон. – Разве это не болезнь?

Джейс одарил его уничтожающим взглядом.

«Lupus» означает «волк», – объяснил он. – И преторианцы были элитной римской группой войск. Так что я полагаю, это означает «Волки-Защитники», – он пожал плечами. – Я слышал о них, но они очень скрытны.

– А сумеречные охотники нет? – сказал Кайл.

– У нас есть веские причины.

– У нас тоже. – Кайл наклонился вперед. Мышцы на руках согнулись, когда он оперся локтями на колени. – Существует два вида оборотней, – продолжил он. – Вид, что рождается оборотнями с родителями оборотнями, и вид, что заражается ликантропией через укусы. – Саймон посмотрел на него с удивлением. Он бы не подумал, что Кайл, бездельник-укуроч и курьер, знает слово «ликантропия», не то чтобы способен его произнести. Но это был совсем другой Кайл – сосредоточенный, полный решимости, прямой. – Для тех из нас, кто обращен укусом, первые несколько лет являются ключевыми. Штамп демона, который вызывает ликантропию, также вызывает целый ряд других изменений – волны агрессии не поддающиеся контролю, неспособность управлять гневом, самоубийственным гневом и отчаянием. Стая может помочь с этим, но многим из недавно обращенных не удастся удачно присоединиться к стае. Они сами пытаются бороться со всеми этими изменениями, многие из них применяют насилие против других и самих себя. Отсюда высокий уровень самоубийств и насилия в семьях. – Он посмотрел на Саймона. – То же самое касается вампиров, даже может быть и хуже. Осиротевший новичок буквально не имеет ни малейшего понятия, что с ним случилось. Без руководства он не знает, как безопаснее питаться и даже как оставаться вне солнечного света. Вот тогда приходим мы.

– И что вы делаете? – спросил Саймон.

– Мы разыскиваем «осиротевших» обитателей Низших Миров – вампиров и оборотней, которые были недавно обращены и не осознают, что они такое. Иногда даже колдуны не понимают на протяжении нескольких лет, кто они. Мы вмешиваемся, пытаемся присоединить их стае или клану, пытаемся помочь им контролировать свои способности.

– Добрые самаритяне, не так ли? – глаза Джейса сверкали.

– Фактически, – Кайл, казалось, пытался сохранять свой голос спокойным. – Мы вмешиваемся до того как новообращенная нежить может причинить вред себе и другим. Я знаю, что бы случилось со мной, если бы не Стражи. Я совершал плохие вещи. Действительно плохие.

– Насколько плохие? – спросил Джейс. – Незаконные?

– Заткнись, Джейс, – сказал Саймон. – Ты не на работе, хорошо? Перестань быть сумеречным охотником хоть на секунду. – Он повернулся к Кайлу. – Так, как ты закончил тем, что прослушивался для моей отстойной группы?

– Я не думал, что ты знаешь, что она отстой.

– Просто ответь на вопрос.

– Мы получили сообщение о новом вампире – Светоче, живущим самостоятельно вне клана. Твой секрет не такой уж и секрет, как ты думаешь. Неоперившиеся вампиры без помощи клана могут быть очень опасны. Меня послали следить за тобой.

– Так вот что ты хочешь сказать, – сказал Саймон. – Ты не только не хочешь, чтобы я съехал, когда я узнал, ты оборотень, но ты и не позволишь мне съехать.

– Правильно, – сказал Кайл. – Я имею в виду, что ты можешь переехать, но тогда я пойду с тобой.

– В этом нет необходимости, – сказал Джейс. – Я сам могу не спускать глаз с Саймона. Он мой новичок из Нижних Миров, чтобы распоряжаться им и дразнить, а не твой.

– Заткнитесь! – закричал Саймон. – Оба. Ни одного из вас не было рядом, когда меня пытались сегодня убить...

– Я был, – возразил Джейс. – И ты отлично это знаешь.

Глаза Кайла вспыхнули, как волчьи ночью.

– Кто-то пытался убить тебя? Что случилось?

Взгляды Саймона и Джейса пересеклись через комнату. Они обменялись немим согласением не упоминать о Метке Каина.

– Два дня назад и сегодня, меня преследовали и напали парни в серых спортивных костюмах.

– Люди?

– Мы не уверены.

– И ты понятия не имеешь, что они от тебя хотят?

– Они определенно хотели моей смерти, – сказал Саймон. – Кроме этого, я не знаю, чего они хотели.

– У нас есть несколько зацепок, – сказал Джейс. – Мы будем расследовать.

Кайл покачал головой.

– Прекрасно. Независимо от того, что именно вы не договариваете, я все равно узнаю в итоге. – Он поднялся на ноги. – А сейчас я разбит. Я иду спать. Увидимся утром, – сказал он Саймону. – А ты, – сказал он Джейсу, – ну, полагаю, что увижу тебя снова. Ты первый сумеречный охотник, которого я встретил.

– Это очень плохо – сказал Джейс, – потому что всех тех, кого ты встретишь с этого дня, будут ужасным разочарованием.

Кайл закатил глаза и ушел, со стуком захлопывая за собой дверь.

Саймон посмотрел на Джейса.

– Ты же не собираешься обратно в институт, – спросил он, – так ведь?

Джейс отрицательно покачал головой.

– Тебе нужна защита. Кто знает, когда кто-то снова попытается убить тебя?

– Это твое избегание Клэри приняло эпический оборот, – сказал Саймон, поднимаясь. – Ты когда-нибудь пойдешь домой?

Джейс посмотрел на него.

– А ты?

Саймон последовал в кухню за веником и подмел битое стекло от бутылки. Это была его последняя. Он выбросил осколки в мусорку и прошел мимо Джейса в свою новую спальню, где избавился от кофты и обуви и упал на матрац.

Через мгновение в комнату вошел Джейс. Он осмотрелся, подняв свои светлые брови, с выражением забавы на лице.

– Довольно просторно у тебя здесь. Минимализм. Мне нравится.

Саймон перевернулся на бок и взглянул на Джейса с недоверием.

– Пожалуйста скажи мне, что ты не планируешь остаться в моей комнате.

Джейс поднялся на подоконник и посмотрел вниз на него.

– Ты и правда, не понимаешь сути телохранителя, да?

– Я даже не думал, что так тебе нравлюсь, – сказал Саймон. – Или это что-то из твоих правил вроде «держи-друзей-близко-а-врагов-еще-ближе»?

– А я считал, это называется «держи друзей при себе, чтобы кто-то мог вести машину, пока ты подъезжаешь к дому врага, чтобы наблещать в его почтовый ящик».

– Уверен, что это не так. И эта твоя защита скорее пугает меня, чем трогает, просто чтобы ты знал. Все хорошо. Ты видел, что случается, если кто-то пытается навредить мне.

– Да, видел, – сказал Джейс. – Но, в конце концов, человек, который пытается убить тебя, узнает о Метке Каина. А затем либо сдастся, либо найдет какой-то другой способ подобраться к тебе, – он прислонился к оконной раме. – И именно поэтому я здесь. Несмотря на свою усталость, Саймон не смог найти изъянов в этом доводе, ну или, по крайней мере, достаточно больших, чтобы они его беспокоили. Он перекатился на живот и спрятал лицо в руках. Через несколько минут он уже уснул.

Он шел через пустыню, по горячему песку, костям, белеющим на солнце. Он никогда так не хотел пить. Когда он глотал, его рот, словно заполнялся песком, а в горле торчали ножи.

Резкий звук его сотового телефона разбудил Саймона. Он перевернулся, и устало схватил куртку. К тому времени, когда он вытащил сотовый телефон, тот прекратил звонить.

Он перевернул его и посмотрел, кто звонил. Это был Люк.

Дерьмо. Бьюсь об заклад, что мама звонила Клэри домой, разыскивая меня, подумал Саймон, садясь. Его мозг все еще не оклемался после сна, и понадобилась секунда, чтобы вспомнить, что когда он заснул, он был в комнате не один.

Он быстро посмотрел на окно. Джейс был все еще там, но он спал сидя, прислонив голову к оконному стеклу. Бледно-синий свет рассвета обволакивал его. Он выглядел очень молодым, подумал Саймон. Не было насмешки в его выражении, ни бдительности, ни сарказма. Было почти понятно, что Клэри нашла в нем.

Было ясно, что он не принимал свои обязанности телохранителя всерьез, но это было очевидно с самого начала. Саймон не первый раз задавался вопросом, что черт возьми, происходит между Клэри и Джейсом.

Телефон снова зазвонил, продвигаясь сам к его ногам. Саймон мягкими шагами прошел в гостиную, нажимая кнопку вызова, прежде чем звонок не перешел снова голосовую почту.

– Люк?

– Прости, что разбудил тебя, Саймон. – Люк как всегда был вежлив.

– Я все равно не спал, – солгал Саймон.

– Мне нужно встретиться с тобой в парке Вашингтон-сквер через полчаса, – сказал Люк. – У фонтана.

Саймон был встревожен.

– Все хорошо? Клэри в порядке?

– С ней все хорошо. Это не из-за нее, – на заднем плане что-то шумело. Саймон предположил, что Люк заводил свой грузовик. – Просто встретимся в парке. И никого не приводи с собой.

Он отключился.

Звук завоющего грузовика Люка пробудил Клэри от тревожных снов. Она села и вздрогнула. Цепочка на шее запуталась в волосах, пока она спала, она сняла ее через голову, аккуратно освобождая от путаницы.

Она опустила кольцо себе на ладонь, цепь обвилась вокруг. Небольшой серебряный кружочек, на котором был отпечатан рисунок звезд, казалось, подмигнул ей. Она вспомнила, когда Джейс дал ей его, завернутый в письмо, оставил, когда ушел отслеживать Джонатана. «Несмотря ни на что, я не могу принять мысль потерять это кольцо навсегда, равно, как и мысль потерять тебя».

Это было почти два месяца назад. Она была уверена, что он любит ее, настолько уверена, что Королева Благословенного двора не могла соблазнить ее. Как она могла хотеть чего-то еще, когда у нее был Джейс?

Но, может быть, мы никогда не владеем кем-то. Подумала она. Возможно, независимо от того насколько ты любишь их, они могут ускользнуть как вода, и не было ничего, что

можно поделаться с этим. Она поняла, почему люди говорили о сердцах «разбитое»; она чувствовала, как будто ее было сделано из треснувшего стекла, и осколки походили на крошечные ножи в ее груди, когда она дышала. Представить свою жизнь без него, говорила Королева Благого двора...

Зазвонил телефон и на мгновение Клэри почувствовала облегчение от того, что что-то пресекло ее страдания. Второе о чем она подумала – был Джейс. Может он не смог дозвониться ей на мобильный и поэтому позвонил на домашний. Она бросила телефон на кровать и протянула руку, чтобы снять трубку. Она уже собиралась поздороваться, когда поняла, что телефон уже взяла ее мама.

– Алло? – ее мать казалась взволнованной, с удивительно бодрым голосом для столь раннего утра.

Голос на другом конце был незнакомым, с едва заметным акцентом.

– Это Катарина из больницы «Бет Израэль». Мне нужна Джослин.

Клэри застыла. Больница? Что-то случилось? С Люком? Он очень быстро съехал с проезжей части...

– Это Джослин. – Ее мать не звучала испуганной, а скорее так, будто ждала этот звонок. – Спасибо, что так быстро перезвонила.

– Конечно. Рада слышать тебя. Не так часто приходится видеть людей, которые оправились после такого. – Верно, подумала Клэри. Ее мать попала в больницу «Бет Израэль» в коме, вызванной зельем, которое она приняла, чтобы исключить возможность допроса со стороны Валентина. – И любой друг Магнуса Бейна является и моим другом.

Джослин казалась напряженной.

– Ты поняла мое сообщение? Поняла, по какому поводу я звонила?

– Ты хочешь знать о ребенке, – сказала женщина на другом конце линии. Клэри знала, что она должна была повесить трубку, но она не могла. Какой ребенок? Что происходит? – Тот, которого бросили.

В голосе Джослин было понимание.

– Да. Я подумала...

– Мне жаль говорить это, но он умер. Он умер прошлой ночью.

На мгновение Джослин затихла. Клэри могла чувствовать мамин шок через телефон.

– Умер? Как?

– Я не уверена, что сама понимаю происходящее. Священник приехал прошлой ночью, чтобы крестить ребенка и...

– О боже, – голос Джослин дрожал. – Могу я... пожалуйста, могу я прийти и посмотреть на тело?

Было длительное молчанье. Наконец медсестра сказала:

– Я не уверена насчет этого. Тело сейчас в морге, ожидая передачи в офис судебно-медицинского эксперта.

– Катарина, кажется, я знаю, что случилось с мальчиком. – Джослин затаила дыхание. – И если я смогу убедиться, возможно, я предотвращу повторение этого.

– Джослин...

– Я еду, – сказала мать Клэри и повесила трубку. Клэри мгновение пристально и безучастно смотрела на телефон, а затем повесила трубку. Она вскочила на ноги, прошлась расческой по волосам, бросила ее на джинсы и свитер, и вышла из своей комнаты, вовремя заставая свою мать в гостиной, за написанием записки в телефонном блокноте. Она увидела, как вошла Клэри и принялась оправдываться:

– Я как раз ухожу, – сказала она. – Некоторые приготовления к свадьбе напомнили о себе, и...

– Не стоит, не надо мне лгать, – сказала Клэри напрямую. – Я слышала разговор и точно знаю, куда ты направляешься.

Джослин побледнела. Она медленно отложила ручку.

– Клэри...

– Тебе пора прекратить попытки защитить меня, – сказала Клэри. – Готова поспорить, ты ничего не сказала Люку о звонке в больницу.

Джослин нервно убрала волосы назад.

– Это кажется несправедливым по отношению к нему. Со свадьбой на подходе и остальным...

– Правильно. Свадьба. У тебя свадьба. И почему? Потому что ты выходишь замуж. Тебе не кажется, что пришло время начать доверять Люку? И доверять мне?

– Я доверяю тебе, – мягко сказала Джослин.

– Значит, ты не возражаешь, если я поеду с тобой в больницу.

– Клэри, я не думаю...

– Я знаю, о чем ты думаешь. Ты считаешь, что это то же самое, что произошло с Себастьяном, то есть с Джонатаном. Ты думаешь, может быть, кто-то делает с младенцами то же, что Валентин сделал с моим братом.

Голос Джослин слегка дрожал.

– Валентин мертв. Но в Круге были и другие, кого так и не поймали.

И они не нашли тело Джонатана. Клэри не любила думать об этом. Кроме того, Изабель была там и совершенно непреклонно утверждала, что Джейс пронзил позвоночник Джонатана кинжалом, и что Джонатан был определенно мертвым в итоге. Она сказала, что спустилась к воде и проверила. У него не было пульса или сердцебиения.

– Мама, – сказала Клэри. – Он был моим братом. У меня есть право пойти с тобой.

Джослин очень медленно кивнула.

– Ты права. Полагаю, у тебя есть такое право, – она достала кошелек, висящий на крючке возле двери. – Ну, тогда пошли, и возьми свою куртку. В прогнозе погоды обещали дождь.

Парк Вашингтон-сквер был почти пуст рано утром. Воздух был свеж и по-утреннему чист, листья уже плотно покрывали мостовую красными, золотистыми и темно-зелеными цветами. Саймон пинал их, пока шел под каменной аркой в южной части парка.

Там было еще несколько людей – пара бездомных мужчин, спящих на скамейках, завернувшись в спальники или голые одеяла, и несколько человек в зеленой форме дворников, опустошающих мусорные баки. Еще один человек вез тележку по парку, продавая пончики, кофе и разрезанные рогалики. А в центре парка возле большого круглого каменного фонтана стоял Люк. На нем была надета зеленая ветровка на молнии, и он помахал, когда увидел Саймона.

Саймон немного неуверенно помахал в ответ. Он все еще не был уверен, что не ввязался в проблемы. Выражение лица Люка, которое Саймон разглядел, когда приблизился, только усилило ощущения Саймона. Люк выглядел устало и более чем измотанно. Его взгляд, нацелившийся на Саймона, был полон тревоги.

– Саймон, – сказал он. – Спасибо, что пришел.

– Конечно, – Саймону не было холодно, но он все равно сунул руки в карманы куртки, чтобы их занять. – Что-то не так?

– Я не сказал, что что-то не так.

– Ты бы не вытащил меня сюда на рассвете, будь все в порядке. Если это не насчет Клэри, тогда...?

– Вчера в свадебном магазине, – сказал Люк. – Ты спрашивал меня кое о ком. Камилле.

Стая птиц поднялась каркая с соседних деревьев. Саймон вспомнил рифму, которую его мать рассказывала ему о сороках. Нужно было их сосчитать и сказать: Одна для горя, две для радости, три для свадьбы, четыре для рождения; пять для серебра, шесть для золота, семь для тайны, которая никогда не раскрывалась.

– Правильно, – сказал Саймон. Он уже потерял счет птицам, которые там были. Семь, предположил он. Тайна, которая не была раскрыта. Что бы это ни было.

– Ты знаешь о сумеречных охотниках, которые были найдены мертвыми в городе на этой или прошлой неделе, так ведь, – сказал Люк. – Знаешь?

Саймон медленно кивнул. У него было дурное предчувствие, к чему это вело.

– Кажется, Камилла за это ответственна, – сказал Люк. – Я не мог не вспомнить, что именно ты спрашивал о ней. Слышать ее имя уже второй раз за день после того, как годами не знать о нем, было похоже на совпадение.

– Совпадения бывают.

– Бывают, – сказал Люк, – но очень редко. Сегодня вечером Марица вызовет Рафаэля, чтобы узнать о роли Камиллы во всем этом. Если выходит, что ты знал что-то о Камилле, что у вас была встреча с ней, я не хочу, чтобы ты оставался не в курсе, Саймон.

– Значит, нас таких двое, – голова Саймона снова начала гудеть. Даже у вампиров бывает головная боль? Он не мог вспомнить, когда она была у него в последний раз до событий последних дней. – Я встречался с Камиллой, – сказал он. – Четыре дня назад. Я думал, что меня вызвал Рафаэль, но это оказалась она. Она предложила мне сделку. Если я соглашусь работать на нее, она сделает меня вторым самым главным вампиром в городе.

– Почему она захотела, чтобы ты работал на нее? – тон Люка был нейтральным.

– Она знает о моей метке, – сказал Саймон. – Она сказала, что Рафаэль предал ее, и она может использовать меня, чтобы вернуть власть над кланом. Мне показалось, что она не очень-то любит Рафаэля.

– Это очень любопытно, – сказал Люк. – История, которую я слышал заключается в том, что Камилла взяла неопределенный отпуск от управления кланом приблизительно год назад и сделала Рафаэля своим временным преемником. Если она сама назначила его управлять кланом, почему она решила пойти против него?

Саймон пожал плечами.

– Не знаю. Я сказал тебе все, что сказала она мне.

– Почему ты не рассказывал нам о ней, Саймон? – очень спокойно спросил Люк.

– Она сказала мне не говорить, – Саймон осознал, как глупо это звучало. – Я никогда не встречал вампиров подобно ей до этого, – добавил он. – Только Рафаэля и других из Дюмонта. Сложно объяснить ее поведение. Все, что она говорила, хотелось поверить. Все, что она просила сделать, хотелось сделать. Я хотел ей понравиться даже при том, что знал, что она просто играет со мной.

Человек с тележкой кофе и пончиками прошел мимо снова. Люк купил кофе и рогалик и сел на край фонтана. Через мгновение Саймон присоединился к нему.

– Человек, который дал мне имя Камиллы назвал ее древней, – сказал Люк. – Я думаю, что она одна из самых старых вампиров в мире. Полагаю, что она заставит большинство людей чувствовать себя ничтожными.

– Она заставила меня почувствовать себя букашкой, – сказал Саймон. – Она пообещала, что, если через пять дней я не соглашусь работать на нее, она никогда не побеспокоит меня вновь. Поэтому, я сказал ей, что подумаю об этом.

– И что? Ты подумал об этом?

– Если она убивает сумеречных охотников, я не хочу иметь с ней никаких дел, – сказал Саймон. – Это я тебе могу точно сказать.

– Уверен, Марица будет рада узнать об этом.

– Сейчас это был просто сарказм.

– Нет, – сказал Люк, выглядя очень серьезным. Именно в подобные моменты, Саймон мог отложить свои воспоминания о Люке – как отчине Клэри, парне, который всегда был рядом, который мог подвезти домой из школы или дать тебе десять долларов на книги или билет в кино – и помнить, что Люк привел самую большую в городе стаю волков, что он был кем-то, кого, в решающие времена, слушал целый Конклав. – Ты забыл о том, кто ты есть, Саймон. Ты забыл о силе, которую имеешь.

– Хотел бы я забыть об этом, – горько сказал Саймон. – Хотел бы я просто не использовать ее, и просто исчезнуть.

Люк покачал головой.

– Власть это магнит. Она привлекает тех, кто желает ее. Камилла одна из них, но будут

и другие. В каком-то смысле нам повезло, что прошло так много времени, – он взглянул на Саймона. – Как думаешь, если она снова вызовет тебя, ты сможешь сказать мне или Конклаву, где ее найти?

– Да, – медленно ответил Саймон. – Она дала мне знать, как с ней можно связаться. Но это не похоже на то, что она обнаружится по моему волшебному свистку. В прошлый раз, когда она хотела встретиться со мной, она сделала так, что ее приспешники нашли меня и привели к ней. Поэтому присутствие людей бродящих вокруг меня, пока я пытаюсь связаться с ней, не работает. В противном случае вы попадете под ее влияние, но не получите ее.

– Хм. – Люк выглядел задумчивым. – Тогда мы должны придумать что-то похитрее.

– Лучше придумать быстрее. Она сказала, что дает мне четыре дня, что означает, что завтра она будет ожидать от меня сигнала.

– Полагаю, что будет, – сказал Люк. – Хотя, на самом деле, я рассчитываю на это.

Саймон осторожно открыл дверь в квартиру Кайла.

– Эй, – позвал он, проходя в прихожую и вешая свою куртку. – Есть кто дома?

Никто не ответил, но из гостиной Саймон услышал знакомые звуки катастрофы из видеоигры. Он направлялся в комнату, держа перед собой белый пакет рогаликов.

– Я принес завтрак....

Он умолк. Он не был уверен, чего ждать, когда его самозванные телохранители поняли, что он ушел из квартиры без их ведома. Определенно, это должно было содержать что-то вроде фразы «Сделаешь так еще раз, и я тебя убью». Чего это точно не должно было содержать, так это Кайла и Джейса, сидящих на диване бок о бок и выглядящих, как самые лучшие в мире друзья. У Кайла был джойстик от приставки в руках, а Джейс наклонился вперед, положив локти на колени, пристально наблюдая. Они будто бы не заметили, что пришел Саймон.

– Тот парень в углу смотрит в сторону, – сказал Джейс, указывая на экран телевизора. – Удар прялкой выведет его из строя.

– Я не могу избивать людей в этой игре. Я могу только застрелить их. Видишь? – Кайл надавил на несколько кнопок.

– Это глупо. – Джейс оглянулся, и казалось, только сейчас заметил Саймона. – Вернулся назад после утренней встречи, – сказал он без особо приветствия в тоне. – Держу пари, что ты думал, что был очень умен, уходя вот так.

– Средне умный, – признал Саймон. – Что-то среднее между Джорджем Клуни в «Одиннадцати друзьях Оушена» и теми парнями из «Разрушителей легенд», но симпатичнее.

– Я всегда так рад, что понятия не имею, о чем ты рассеянно болтаешь, – сказал Джейс. – Это вселяет в меня чувство покоя и благополучия.

Кайл нажал на кнопку джойстика, оставляя экран, замороженным на крупном плане огромного оружия с наконечником иглой.

– Я возьму рогалик.

Саймон бросил ему один, и Кайл, направился в кухню, которая была отделена от гостиной длинным столом, чтобы пожарить и намазать маслом свой завтрак. Джейс посмотрел на белый пакет и помахал свободной рукой.

– Нет, спасибо.

Саймон сел за кофейный столик.

– Ты должен съесть что-нибудь.

– Посмотрите, кто говорит.

– У меня нет сейчас крови, – сказал Саймон. – Если ты, конечно, не предлагаешь.

– Нет, спасибо. Мы шли по этому пути раньше, и думаю, что будет лучше оставаться просто друзьями. – Тон Джейса был слегка саркастичный, как всегда. Саймон заметил, как бледно он выглядел, и что его глаза окружали темные круги. Скулы на его лице выпирали заметнее, чем прежде.

– Seriously, – сказал Саймон, двигая пакет через стол Джейсу. – Ты должен что-нибудь съесть. Я не шучу.

Джейс мельком заглянул в пакет и вздрогнул. Веки его глаз были сероватыми и сильно истощены.

– Меня тошнит даже от мысли об этом, если честно.

– Ты заснул вчера вечером, – сказал Саймон. – Когда должен был охранять меня. Я знаю, что телохранитель это шутка, но все же. Как давно ты спал?

– В смысле, всю ночь? – Джейс задумался. – Две недели. Может три.

Рот Саймона открылся.

– Почему? Я имею в виду, что происходит?

Джейс изобразил подобие улыбки.

– Я мог бы заключиться в ореховую скорлупу и считать себя королем необъятного пространства, если бы не злые сны мои.

– Я знаю это. Гамлет. Ты говоришь, что не можешь заснуть из-за кошмаров?

– Вампир, – сказал он с усталой уверенностью в голосе, – ты понятия об этом не имеешь.

– Эй, – Кайл вышел из-за кухонного стола и плюхнулся в потертое кресло. Он откусил от своего рогалика. – Что происходит?

– Я ходил на встречу с Люком, – сказал Саймон и объяснил, что произошло, не видя причин скрывать это. Он не упомянул о том, что Камилла хотела завладеть им не только потому, что он Светоч, но и из-за Метки Каина. Кайл кивнул, когда он закончил рассказ.

– Люк Гарроуэй. Он глава стаи в центре города. Я слышал о нем. Он вроде большая шишка.

– Его настоящее имя не Гарроуэй, – сказал Джейс. – Он был сумеречным охотником.

– Верно. Об этом я тоже слышал. А теперь он способствует принятию нового Соглашения и так далее, – Кайл взглянул на Саймона. – Ты знаешь нужных людей.

– Важные люди это куча проблем, – сказал Саймон. – Камилла, например.

– Как только Люк расскажет Маризе о том, что происходит, Конклав позаботится о ней, – сказал Джейс. – Есть правила, по которым разбираются с нарушителями в Нижнем Мире, – на это Кайл отреагировал косым взглядом, но, похоже, Джейс не заметил. – Я уже сказал тебе, что не думаю, что это она пытается убить тебя. Она... – Джейс осекся. – Понимает, что это неправильный ход.

– И, кроме того, она хочет использовать тебя, – сказал Кайл.

– Хорошая мысль, – сказал Джейс. – Никто не избавится от ценного ресурса.

Саймон посмотрел на одного, затем на другого и покачал головой.

– Когда это вы двое стали такими приятелями? Прошлой ночью вроде все было «Я самый элитный воин!» – «Нет, это я самый лучший воин!». А сегодня вы играете в святых и подаете друг другу хорошие идеи.

– Мы поняли, что у нас есть кое-что общее, – сказал Джейс. – Ты раздражаешь нас обоих.

– По этой теме у меня есть идея, – сказал Саймон. – Не думаю, что кому-то из вас это понравится.

Кайл поднял брови.

– Давай выслушаем твою идею.

– Проблема в том, что вы, парни, следите за мной все время, – сказал Саймон, – поэтому из-за этого парни, пытающиеся меня убить, не рискнут попробовать снова, и, следовательно, мы не узнаем, кто хочет мой смерти, и плюс, вам придется постоянно следить за мной. А я полагаю, вам есть, чем еще заняться. Ну, – добавил он в адрес Джейса, – а может, и нет.

– И что? – сказал Кайл. – Что ты предлагаешь?

– Мы выманит их. Заставим напасть снова. Попытаемся поймать одного из них и найти того, кто их послал.

– Если вспомнить, – сказал Джейс, – я уже предлагал эту идею в тот день, но тебе она не особенно понравилась.

– Я был уставшим, – сказал Саймон. – Но теперь я подумал. И до сих пор, по моему опыту злодеи не уходят только потому, что их игнорируют. Они продолжают нападать, разными способами. Так что, я или заставлю их напасть на меня, или проживу вечность, ожидая их нападения.

– Я за, – сказал Джейс, хотя Кайл все еще выглядел озадаченно. – Так ты хочешь просто пойти на улицу и бродить до тех пор, пока они не покажутся снова?

– Я подумывал о том, чтобы облегчить им задачу. Появиться где-нибудь, где меня будут ждать.

– Ты имеешь в виду...? – сказал Кайл.

Саймон показал на флаер, приклеенный к холодильнику. «Millennium Lint», 16 октября, бар «Альто», Бруклин, 21:00.

– Я имею в виду концерт. Почему бы нет? – его головная боль все еще не прошла и расцвела в полную силу; он подавлял ее, стараясь не думать о том, насколько он был измотан или как он заставит себя выступать. Он обязательно должен был достать кровь. Должен.

Глаза Джейса сияли.

– Знаешь, это действительно хорошая идея, вампир.

– Ты хочешь, чтобы они напали на тебя прямо на сцене? – спросил Кайл.

– Это будет захватывающим зрелищем, – сказал Саймон с большей бравадой, чем он действительно ощущал. Мысль об очередном нападении была чуть ли не больше, чем он мог выдержать, даже если он и не опасался за свою личную безопасность. Он не был уверен, сможет ли снова смотреть, как Метка Каина делает свою работу.

Джейс покачал головой.

– Они не нападают публично. Они подождут окончания шоу. И мы будем там, чтобы разобраться с ними.

Кайл покачал головой.

– Не знаю...

Они спорили снова и снова, Джейс и Саймон на одной стороне спора, а Кайл на другой. Саймон чувствовал себя немного виноватым. Знай Кайл о метке, убедить его было бы гораздо проще. В итоге он уступил под давлением и неохотно согласился с тем, что он продолжал называть «глупым планом».

– Но, – сказал он, в итоге, поднимаясь на ноги и смахивая крошки от рогалика с футболки, – я делаю это, только потому, что осознаю, что вы двое поступите так в любом случае, одобряю я это или нет. Так что с таким же успехом я могу присутствовать там, – он взглянул на Саймона. – Кто бы мог подумать, что защитить тебя от самого себя будет так трудно?

– Я мог бы сказать тебе это, – сказал Джейс, пока Кайл набросил куртку и направился к двери. Он сказал им, что ему нужно было на работу. Оказалось, он действительно был курьером; Волки-Защитники, несмотря на опасное имя, не особо хорошо платили. Дверь закрылась за ним, и Джейс повернулся к Саймону.

– Значит, концерт в девять, так? Что мы делаем с остальной частью дня?

– Мы? – Саймон посмотрел на него с недоверием. – Ты вообще собираешься домой?

– Что, ты уже устал от моей компании?

– Можно, я спрошу тебя кое о чем, – сказал Саймон. – Ты считаешь, что со мной увлекательно?

– Что это было? – спросил Джейс. – Прости, мне кажется, я заснул на секунду. Продолжай, говори, какие бы увлекательные вещи ты ни рассказывал.

– Перестань, – сказал Саймон. – Прекрати свой сарказм хотя бы на секунду. Ты не ешь, ты не спишь. Знаешь, кто еще ведет себя так же? Клэри. Я не знаю, что между вами двумя происходит, потому что, по правде говоря, она ничего не говорила об этом. Полагаю, что она не хочет говорить об этом. Но довольно очевидно, что вы в ссоре. И если ты собираешься расстаться с ней..

– Расстаться с ней? – уставился на него Джейс. – Ты с ума сошел?

– Если ты продолжишь избегать ее, – сказал Саймон, – она порвет с тобой.

Джейс встал на ноги. Его расслабленное состояние прошло; теперь он был весь напряжен, как крадущаяся кошка. Он подошел к окну и беспокойно отодвинул занавеску; через отверстие на комнату упал свет позднего утра, обесцвечивая цвет его глаз.

– У меня есть причины, из-за которых я так поступаю, – сказал он в итоге.

– Замечательно, – сказал Саймон. – Клэри знает о них?

Джейс ничего не сказал.

– Она только и делает, что любит и доверяет тебе, – сказал Саймон. – Ты должен ей..

– Есть более важные вещи, чем доверие, – сказал Джейс. – Ты считаешь, мне нравится причинять ей боль? Думаешь, мне нравится осознавать, что я злю ее, может, даже заставляю ненавидеть меня? Как ты считаешь, почему я здесь? – он взглянул на Саймона с мрачным гневом в глазах. – Я не могу быть с ней, – сказал он. – А если я не могу быть с нею, для меня действительно не имеет значения, где я. Я с тобой, потому что, по крайней мере, если она будет знать, что я пытался защитить тебя, это может сделать ее счастливой.

– Значит, ты пытаешься сделать ее счастливой, несмотря на то, что она несчастна из-за тебя, прежде всего, – сказал Саймон без особой любезности. – Это кажется противоречащим, не так ли?

– Любовь противоречива, – сказал Джейс, и возвратился к окну.

Глава восьмая

Прогулка в темноте

Клэри уже и забыла, как сильно она ненавидела запах больниц, пока они не вошли в «Бет Израэль». Стерильность, металл, старый кофе и не достаточно хлорки, чтобы скрыть вонь болезни и несчастья. Воспоминание о болезни ее матери, Джослин, лежащей бессознательно и безответно в своем гнезде из трубок и проводов, ударило ее, как пощечина, и она резко вдохнула, стараясь не чувствовать запах.

– Ты в порядке? – Джослин опустила капюшон плаща и посмотрела на Клэри беспокойными зелеными глазами.

Клэри кивнула, сутулясь в своей куртке, и осмотрелась. Вестибюль был из холодного мрамора, металла и пластика. Там был большой справочный стол, за которым сидело несколько женщин, вероятно, медсестер; таблички, обозначающие направление к отделению интенсивной терапии, рентгену, хирургической онкологии, педиатрии и так далее. Она, наверно, могла бы найти дорогу к кафетерии даже во сне; она принесла оттуда достаточно кофе для Люка, чтобы можно было наполнить пруд в Центральном парке.

– Простите. – Худенькая медсестра, везущая пожилого человека в инвалидном кресле, прошла мимо них, чуть не прокатив кресло по ногам Клэри. Клэри посмотрела ей вслед – там что-то было – мерцание...

– Не пялься, Клэри, – сказала Джослин еле слышно. Она положила руку Клэри на плечи, поворачивая их обеих так, что теперь они стояли лицом к дверям, ведущим в комнату ожидания возле лаборатории, где люди сдавали кровь. Клэри видела отражение себя и ее матери в темном стекле дверей. Хотя она еще была на полголовы ниже своей матери, они действительно были похожи. В прошлом, когда люди говорили так, она не соглашалась. Джослин была красива, а она нет. Но форма их глаз и губ была одинаковой, так же, как их рыжие волосы, зеленые глаза и тонкие руки. Почему она унаследовала так мало от внешности Валентина, дивилась Клэри, тогда как ее брат получил ее почти целиком? Он унаследовал светлые волосы и удивительные темные глаза их отца. Хотя, думала она, пока присматривалась, была некая схожесть с Валентином в упрямой форме ее челюсти...

– Джослин. – Они обе повернулись. Медсестра, которая везла старика в инвалидном кресле, стояла перед ними. Она была худой и молодо выглядела, с темной кожей и глазами – а затем, пока Клэри смотрела на нее, волшебство ушло. Она все еще была стройной, молодо выглядящей женщиной, но теперь ее кожа была темно-голубой, а волосы, скрученные в

пучок на затылке, были белоснежными. Голубизна ее кожи сильно контрастировала с бледно-розовой формой.

– Клэри, – сказала Джослин. – Это Катарина Лосс. Она заботилась обо мне, пока я была здесь. Также, она подруга Магнуса.

– Вы колдунья.

Слова вылетели у Клэри изо рта, прежде чем она смогла их остановить.

– Тссс, – колдунья выглядела испуганной. Она уставилась на Джослин.

– Не припомню, чтобы ты сказала, что возьмешь с собой дочь. Она еще ребенок.

– Кларисса знает, как себя вести, – Джослин строго посмотрела на Клэри. – Разве нет?

Клэри кивнула. Она видела колдунов и прежде, помимо Магнуса, в битве в Идрисе. У всех колдунов были некие особенности, отличающие их от людей, заметила она, например, кошачьи глаза Магнуса. У некоторых были крылья или перепонки на пальцах, или когти. Но абсолютно голубая кожа это то, что тяжело скрыть контактными линзами или большой курткой. Катарина Лосс должна была скрывать себя волшебством каждый день, просто чтобы выйти на улицу – особенно, работая в человеческой больнице.

Колдунья указала большим пальцем на лифты.

– Пойдемте. Пойдем со мной. Давайте сделаем все быстро.

Клэри и Джослин поспешили за ней к лифтам, и зашли в первый, двери которого открылись. Когда двери лифта с шумом закрылись за ними, Катарина нажала кнопку, подписанную просто «М». Возле кнопки было углубление, судя по которому, на этаж «М» можно было попасть только с ключом доступа, но она коснулась кнопки, и из-под ее пальца показался голубой огонек, и кнопка загорелась. Лифт начал движение вниз.

Катарина качала головой.

– Не будь вы подругой Магнуса Бейна, Джослин Фэйрчайлд...

– Фрэй, – сказала Джослин. – Теперь я Джослин Фрэй.

– Больше никаких имен сумеречных охотников? – Катарина ухмыльнулась; ее губы выделялись алым на фоне ее голубой кожи. – Как насчет тебя, девочка? Ты будешь сумеречным охотником, как твой отец?

Клэри попыталась скрыть свое раздражение.

– Нет, – сказала она. – Я буду сумеречным охотником, но не буду похожей на своего отца. И меня зовут Кларисса, но вы можете звать меня Клэри.

Лифт остановился, и двери открылись. Голубые глаза колдуньи какое-то время изучали Клэри.

– О, я знаю твое имя, – сказала она. – Кларисса Моргенштерн. Маленькая девочка, которая остановила большую войну.

– Полагаю, да, – Клэри вышла из лифта после Катарины, а за ней ее мать. – Вы были там? Я не помню, чтобы видела вас.

– Катарина была там, – сказала Джослин, немного запыхавшись от спешки. Они шли вдоль почти неприметного коридора; там не было ни окон, ни дверей вдоль стен, которые были выкрашены в больной бледно-зеленый цвет. – Она помогла Магнусу использовать Книгу Белого, чтобы разбудить меня. А затем она осталась, чтобы присмотреть за ней, пока он был в Идрисе.

– Присмотреть за книгой?

– Это очень важная книга, – сказала Катарина, ее туфли на резиновой подошве шлепали по полу, пока она спешила впереди.

– Я думала, это была очень важная война, – пробормотала Клэри про себя.

Наконец они подошли к двери. В ней было стеклянное квадратное окошко, а над ним надпись «морг» большими черными буквами. Катарина повернула ручку с выражением забавы на лице и посмотрела на Клэри.

– В юности я узнала, что у меня есть дар исцеления, – сказала она. – Это магия, которой я владею. Поэтому я работаю здесь за гроши, в этой больнице, и делаю, что могу, чтобы вылечить обычных людей, которые закричали бы во всю глотку, если увидели бы меня

настоящую. Я могла бы стать богатой, продавая свои способности сумеречным охотникам и глупым простолюдинам, считающим, что они знают, что такое магия, но не стала. Я работаю здесь. Поэтому не показывай мне свое могущество, маленькая рыжеволосая девочка. Ты не лучше меня просто потому, что знаменита.

Клэри покраснела. Она никогда не считала себя знаменитой.

– Вы правы, – сказала она. – Простите.

Голубые глаза колдуньи сверкнули в сторону Джослин, которая выглядела бледной и напряженной.

– Вы готовы?

Джослин кивнула и посмотрела на Клэри, которая сделала то же самое. Катарина распахнула дверь, и они прошли за ней в морг.

Первое, что заметила Клэри, это холод. В комнате был практически мороз, и она быстро застегнула свою куртку. Вторым был запах, резкий запах очищающих средств поверх сладкого запаха разложения. Желтый свет наполнял комнату из флуоресцентных ламп над головой. Два больших пустых стола стояли в центре комнаты; там была раковина и металлическая стойка со шкалой для взвешивания органов. Вдоль одной стены был ряд стальных отделений, как сейфы в банке, но гораздо больше. Катарина пересекла комнату, подойдя к одному, взялась за ручку и потянула; она отъехала на роликах. Внутри, лежащее на металлической плите, было тело ребенка.

Джослин издала слабый звук. Секунду спустя она поспешила к Катарине; Клэри медленно последовала за ней. Она уже видела мертвых – она видела погибшего Макса Лайтвуда и знала его. Ему было всего девять лет. Но младенца...

Джослин приложила руку к губам. Ее глаза были большими и темными, прикованными к телу ребенка. Клэри посмотрела на него. На первый взгляд ребенок – мальчик – выглядел нормальным. У него было по десять пальцев на руках и ногах. Но присмотревшись – глядя так, как она смотрела бы сквозь чары – она увидела, что пальцы ребенка были когтями, изгибающимися наружу и острыми. Кожа ребенка была серой, а глаза, широко раскрытые и смотрящие вперед, абсолютно черными – не только зрачки, но и белки.

Джослин прошептала:

– Такими были глаза Джонатана, когда он родился, как черные тоннели. Они изменились потом, стали выглядеть более человеческими, но я помню...

Вздрагнув, она повернулась и поспешила из комнаты, а дверь морга закрылась за ней.

Клэри взглянула на Катарину, которая выглядела безразличной.

– Доктора не видели? – спросила она. – Я имею в виду, его глаза и эти руки...

Катарина покачала головой.

– Они не видят то, чего не хотят видеть, – сказала она и пожала плечами. – Здесь применена какая-то магия, которой я не видела прежде. Демоническая магия. Плохая. – Она достала что-то из кармана. Это был образчик ткани, засунутый в пластиковый пакет на застежке. – Это кусочек того, во что он был завернут, когда они принесли его. От этого тоже разит демонической магией. Отдай это матери. Может, она сможет показать это Безмолвным Братьям, посмотреть, что они смогут из этого узнать. Найти, кто это сделал.

Клэри одеревенело взяла его. Когда пакет оказался в ее руке, перед ее глазами возникла руна – сплетение линий и завитков, тень рисунка, которая исчезла, как только она положила пакет в карман куртки.

Ее сердце все еще колотилось. «Это не отправится к Безмолвным Братьям» – подумала она. «По крайней мере, пока я не узнаю, что сделает с этим руна».

– Свяжешься с Магнусом? – спросила Катарина. – Скажи ему, что я показала твоей матери то, что она хотела увидеть.

Клэри кивнула на автомате, как кукла. Внезапно все, чего она хотела, это убраться оттуда, из желтого света комнаты, подальше от запаха смерти и маленького тела, лежащего неподвижно на каталке. Она подумала о своей матери, каждый год в день рождения Джонатана доставшей коробочку и плачущей над локоном его волос, оплакивающей сына,

которого она должна была иметь, а вместо него было нечто вроде этого. «Не думаю, что она хотела это видеть» – подумала Клэри. «Я думаю, ее надеждой было то, что это невозможно». Но вместо этого сказала:

– Конечно, я передам ему.

Бар «Альто» был типичным неформальным притоном, размещенным под переходом скоростной автомагистрали Бруклин-Квинс в «Зеленой точке». Но каждую субботу туда пускали людей всех возрастов, и Эрик дружил с его владельцем, поэтому они позволяли группе Саймона довольно много играть в любую субботу, несмотря на тот факт, что они постоянно меняли название и не собирали толпу.

Кайл и остальные члены группы уже были на сцене, устанавливая оборудование и делая последние проверки. Они собирались отыграть одну из старых программ с Кайлом на вокале; он быстро выучил тексты, и они чувствовали себя довольно уверенно. Саймон согласился побыть за кулисами до начала выступления, что слегка убавило напряжение Кайла. Сейчас Саймон глядел сквозь пыльный вельветовый занавес сзади сцены, пытаясь разобрать, кто там был.

Когда то интерьер бара был стильно отделан, с лужеными стенами и потолком, напоминающими бары времен сухого закона, и матовым художественным стеклом за баром. Теперь он был гораздо безобразнее, чем при открытии, с вечными пятнами от дыма на стенах. Пол был покрыт опилками, которые слиплись в комочки от пролитого пива и еще чего похуже.

Хорошей стороной было то, что столики вдоль стен были почти все заняты. Саймон увидел Изабель, сидящую в одиночестве за столиком, одетую в короткое серебристое сетчатое платье, похожее на кольчугу, и ботинки для давки демонов. Ее волосы были собраны в неаккуратный пучок и заколоты серебристыми палочками. Саймон знал, каждая из этих палочек была остра, как лезвие, и ей можно было разрезать металл или кость. Ее помада была ярко-красной, как свежая кровь.

«Соберись», – сказал Саймон сам себе. «Хватит думать о крови».

Другие столы также были заняты друзьями группы. Блит и Кейт, соответственно, подруги Кирка и Мэтта, сидели вдвоем за столиком, разделяя тарелку бледно выглядящих чипсов. У Эрика было несколько подружек, сидящих за столиками по всему помещению, и большинство его друзей из школы также были здесь, отчего бар выглядел еще более заполненным. В углу одна за столиком сидела Марин, единственная поклонница Саймона – маленькая бродяжнического вида девочка, которая выглядела на двенадцать, но говорила, что ей шестнадцать. Он решил, что, скорее всего, ей на самом деле было четырнадцать. Увидев, что он высунул голову из-за занавеса, она помахала и энергично заулыбалась.

Саймон втянул голову, как черепаха, задергивая занавес.

– Эй, – сказал Джейс, сидящий на перевернутой колонке, глядя в телефон, – хочешь посмотреть фото Алека и Магнуса в Берлине?

– Не особо, – сказал Саймон.

– Магнус одет в комбинезон.

– Все равно, нет.

Джейс засунул телефон в карман и посмотрел на Саймона вопросительно.

– Ты в порядке?

– Да, – сказал Саймон, но это было не так. Он чувствовал головокружение, тошноту и напряжение, которые, как он считал, были из-за событий этой ночи. И от того, что он не поел, было только хуже; скоро ему придется что-то придумать. Он хотел бы, чтобы Клэри была здесь, но знал, что она не сможет прийти. У нее были какие-то планы, связанные со свадьбой, и она задолго предупредила его, что не сможет прийти. Он передал это Джейсу, прежде чем они пришли сюда. Джейс одновременно выразил печальное облегчение и разочарование, что было очень впечатляюще.

– Эй, – сказал Кайл, заглядывая за занавес. – Мы почти готовы начинать, – он посмотрел на Саймона. – Ты уверен насчет этого?

Саймон посмотрел на Кайла, а затем на Джейса.

– Вы в курсе, что вы сочетаетесь?

Они взглянули на себя, а затем друг на друга. Оба были одеты в джинсы и черные футболки с длинными рукавами. Джейс слегка потянул за низ футболки стеснительно.

– Я одолжил ее у Кайла. Моя футболка была довольно грязной.

– Вау, теперь вы носите одежду друг друга. Это что-то вроде отношений лучших друзей.

– Чувствуешь себя брошенным? – сказал Кайл. – Полагаю, ты тоже хочешь одолжить черную футболку.

Саймон не стал утверждать очевидное, что ничего из одежды Кайла или Джейса не подойдет к его худобе.

– Только если каждый будет носить свои штаны.

– Вижу, я вошел во время увлекательного разговора, – Эрик просунул голову через занавес. – Пойдем. Время начинать.

Когда Кайл и Саймон отправились на сцену, Джейс поднялся на ноги. Прямо под краем его одолженной футболки Саймон увидел сверкающее лезвие кинжала.

– Сломай там кому-нибудь ногу, – сказал Джейс с порочной улыбкой. – А я буду здесь, надеюсь, сломать чью-нибудь еще.

Рафаэль должен был прийти с наступлением сумерек, но он заставил их ждать почти три часа после назначенного времени, прежде чем его Проекция появилась в институтской библиотеке.

«Вампирские правила» – подумал Люк сухо. Глава нью-йоркского клана вампиров должен прийти, если сумеречные охотники зовут; но его не вызвали бы, если бы он не был пунктуальным. Люк потратил последние часы, убивая время за чтением различных библиотечных книг; Мариза не хотела разговаривать и большую часть времени простояла у окна, попивая красное вино из хрустального бокала и глядя на проезжающие по Йорк-авеню автомобили.

Она повернулась, когда показался Рафаэль, вырисовывающийся словно белым мелом в темноте. Сначала показались его бледное лицо и руки, а затем темная одежда и волосы. В итоге он показался целиком, материально выглядящая проекция. Он посмотрел на спешащую к нему Маризу и сказал:

– Звала, сумеречный охотник? – он повернулся, окидывая взглядом Люка. – И человек-волк тоже здесь. Меня вызвали на что-то вроде Совета?

– Не совсем, – Мариза поставила бокал на стол. – Ты слышал о недавних смертях, Рафаэль? Найденные тела сумеречных охотников?

Рафаэль поднял свои выразительные брови.

– Слышал. Но я не особо обратил на это внимание. Это не связано с моим кланом.

– Одно тело обнаружено на территории волшебников, другое на территории волков, а еще одно на территории фей, – сказал Люк. – Я так понимаю, твой народ будет следующим. Это кажется явной попыткой разжечь рознь среди обитателей Нижнего Мира. Я здесь, чтобы показать тебе, что не считаю тебя ответственным, Рафаэль.

– Какое облегчение, – сказал Рафаэль, но его глаза были темными и настороженными. – С чего это взялись бы предположения, что я причастен?

– Один из погибших сказал нам, кто его атаковал, – сказала Мариза осторожно. – Прежде чем он... умер... он сообщил нам, что за его смерть ответственна Камилла.

– Камилла, – голос Рафаэля был спокойным, но выражение его лица показало шок, прежде чем он взял его под контроль. – Но это невозможно.

– Почему невозможно, Рафаэль? – спросил Люк. – Она же глава твоего клана. Она очень сильна и известна своей безжалостностью. И, похоже, она исчезла. Она не приехала в Идрис, чтобы драться вместе с вами на войне. Она не подписала новое Соглашение. Ни один сумеречный охотник не видел и не слышал о ней месяцами до этого дня.

Рафаэль ничего не сказал.

– Что-то происходит, – сказала Мариза. – Мы хотели дать тебе шанс объяснить это нам, прежде чем мы сообщим Конклаву об участии Камиллы. Акт доверия.

– Да, – сказал Рафаэль. – Да, это определенно акт.

– Рафаэль, – сказал Люк не без доброты. – Ты не должен защищать ее. Если ты беспокоишься о ней...

– Беспокоюсь о ней? – Рафаэль повернулся и сплюнул, хотя, раз уж это была проекция, то это было скорее для выразительности, чем для результата. – Я ненавижу ее. Я презираю ее. Каждый вечер, когда я просыпаюсь, я хочу ее смерти.

– О, – сказала Мариза деликатно. – Тогда, возможно...

– Она возглавляла нас годами, – сказал Рафаэль. – Она была главой клана, когда меня превратили в вампира, и это было пятьдесят лет назад. До этого она приехала к нам из Лондона. Она была чужой в городе, но достаточно безжалостной, чтобы возглавить Манхэттенский клан всего через несколько месяцев. В последний год я стал вторым после нее в клане. Затем, несколько месяцев спустя, я узнал, что она убивала людей. Просто для развлечения и ради крови. Нарушая Закон. Это иногда случается. Вампиры нарушают правила, и ничто не может остановить их. Но чтобы такое случилось с главой клана... им нужно быть выше этого, – он стоял неподвижно, его темные глаза смотрели вникуда, потерянный в воспоминаниях. – Мы не похожи на волков, этих дикарей. Мы не убиваем лидера, чтобы обрести другого. Для вампира поднять руку на другого вампира – худшее из преступлений, даже если этот вампир нарушил Закон. А у Камиллы много союзников, много последователей. Я не мог рисковать, убив ее. Вместо этого я пошел к ней и сказал, что она должна оставить нас, убраться, или я пойду к Конклаву. Конечно, я не хотел делать этого, потому что знал, что если это откроется, пострадает весь клан. Нас беспокоили бы, проверяли. Нас бы стыдили и унижали перед другими кланами.

Мариза издала нетерпеливый звук.

– Есть вещи поважнее потери достоинства.

– Если ты вампир, это может быть разницей между жизнью и смертью, – голос Рафаэля упал. – Я поставил на то, что она поверит мне, и она поверила. Она согласилась уйти. Я прогнал ее прочь, но она оставила за собой дилемму. Я не мог занять ее место, потому что она не отказалась от него. Я не мог объяснить причины ее отъезда без ее разоблачения. Я представил это, как долгосрочное отсутствие, необходимость уехать. Страсть к путешествиям не в новинку для нашего вида; она возникает время от времени. Если ты можешь жить вечно, оставаться в одном месте может показаться тусклым заключением после многих, многих лет.

– И как долго ты считал, что сможешь скрывать все это? – спросил Люк.

– Так долго, как только смогу, – сказал Рафаэль. – До этих пор, судя по всему, – он отвернулся от них и посмотрел в окно на мерцающую ночь.

Люк прислонился к одной из книжных полок. Его несколько позабавило то, что он оказался возле секции перевертышей, заполненной рядами книг об оборотнях, нага, китсунах и селках.

– Возможно, тебе покажется интересным то, что о тебе она рассказывала почти то же самое, – сказал он, опуская момент, кому именно она это рассказала.

– Я думал, что она покинула город.

– Может и так, но она вернулась, – ответила Мариза. – И ее больше не удовлетворяет человеческая кровь, судя по всему.

– Я не знаю, что мне ответить, – сказал Рафаэль. – Я пытался защитить свой клан. Если Закон должен наказать меня, значит я приму наказание.

– Мы не заинтересованы в том, чтобы наказывать тебя, Рафаэль, – сказал Люк. – По крайней мере, пока ты готов сотрудничать.

Рафаэль снова повернулся к ним, его глаза горели.

– Сотрудничать в чем?

– Мы хотим схватить Камиллу. Живой, – сказала Мариза. – Мы хотим допросить ее.

Нам нужно знать, почему она убивала сумеречных охотников – в частности, этих.

– Если вы действительно верите, что сможете осуществить это, надеюсь, у вас есть очень хитрый план, – в голосе Рафаэля смешались забава и презрение. – Камилла коварна даже в сравнении с нашим видом, а мы очень коварны.

– У меня есть план, – сказал Люк. – В нем фигурирует Светоч. Саймон Льюис.

Рафаэль скорчил гримасу.

– Он мне не нравится, – сказал он. – Я бы не хотел быть частью плана, который основан на его привлечении.

– Ну, – сказал Люк, – очень жаль, но тебе придется с этим смириться.

«Глупая» – подумала Клэри. «Глупая, что не взяла зонт». Слабая морось, о которой ее с утра предупредила мать, превратилась практически в ливень к тому моменту, когда она добралась до бара «Альто» на Лоример-стрит. Она протолкнулась через толпу курящих на тротуаре людей и с благодарностью вошла в теплый бар.

«Millennium Lint» были уже на сцене, парни били по своим инструментам, а Кайл впереди сексуально рычал в микрофон. Клэри на секунду почувствовала удовлетворение. Это благодаря ее влиянию они вообще взяли Кайла, и он определенно заставил их гордиться.

Она осмотрела помещение, надеясь увидеть Майю или Изабель. Она знала, что не увидит обеих, потому что Саймон был осторожен и приглашал их только на разные концерты. Ее взгляд упал на стройную фигуру с черными волосами, и она пошла к столику, но остановилась на полпути. Это была совсем не Изабель, а гораздо более взрослая женщина с накрашенными черным глазами. Она была в форме и читала газету, определенно не обращая внимание на музыку.

– Клэри! Сюда! – Клэри повернулась и увидела реальную Изабель, сидящую за столиком у сцены. Она была в платье, которое переливалось, как серебристый маяк; Клэри сориентировалась по нему и присела на стул напротив Иззи.

– Вижу, ты попала под дождь, – заметила Изабель.

Клэри убрала свои влажные волосы с лица с унылой улыбкой.

– Если играешь с матушкой природой, то проигрываешь.

Изабель вскинула темные брови.

– Я думала, ты не придешь сегодня. Саймон сказал, у тебя были какие-то свадебные дела и бла-бла-бла.

Изабель не впечатляли свадьбы и прочая романтика, насколько Клэри было известно.

– Моя мама себя плохо чувствует, – сказала Клэри. – Она решила отложить это.

Это, по сути, было правдой. Когда они вернулись домой из больницы, Джослин ушла в свою комнату и заперла дверь. Клэри, ощущая себя беспомощно и расстроено, слышала сквозь дверь, как она тихо плачет, но мать не пустила ее внутрь и отказалась поговорить об этом. В итоге Люк вернулся домой, и Клэри с благодарностью оставила его заботиться о матери и отправилась скитаться по городу, прежде чем приехать на выступление Саймона. Она всегда старалась попасть на его концерты, если могла, и кроме того, общение с ним помогло бы ей почувствовать себя лучше.

– Вот как. – Изабель не стала ее расспрашивать. Иногда ее практически полное отсутствие интереса к жизни других людей было облегчением. – Ну, я уверена, Саймон будет рад, что ты пришла.

Клэри взглянула на сцену.

– Как тебе выступление?

– Отлично, – Изабель задумчиво пожевала соломинку. – Этот их новый солист очень классный. Он один? Я бы хотела прокатить его по городу как плохая, плохая лошадка...

– Изабель!

– Что? – Изабель взглянула на нее и пожала плечами. – Какая разница. Саймон и я можем встречаться с другими. Я ведь говорила тебе.

Если признаться, подумала Клэри, Саймон тоже особо на этом не настаивал. Но он все еще был ее другом. Она как раз собиралась сказать что-то в его защиту, когда взглянула на

сцену, и что-то привлекло ее внимание. Знакомая фигура, возникшая из двери за сценой. Она узнала бы его везде, в любой момент, не важно, насколько там было темно или насколько она не ожидала увидеть его.

Джейс. Он был одет, так по-простому: джинсы и обтягивающая черная футболка, сквозь которую было видно движение его мышц на плечах и спине. Его волосы сияли под освещением сцены. Тайные взгляды следили за ним, пока он подошел к стене и прислонился, пристально глядя вперед. Клэри почувствовала, как заколотилось ее сердце. Казалось, прошла вечность с тех пор, когда она видела его, хотя она знала, что прошел всего день. И все равно, она уже ощущала, что видит отстраненного чужака. Что он вообще здесь делал? Ему не нравился Саймон! Он ни разу не пришел, ни на один концерт группы.

– Клэри! – воскликнула Изабель с осуждением. Клэри повернулась и увидела, что опрокинула стакан Изабель, и вода капала на ее красивое платье.

Изабель, хватая салфетку, мрачно посмотрела на нее.

– Просто поговори с ним, – сказала она. – Я знаю, ты хочешь.

– Прости меня, – сказала Клэри.

Изабель прогнала ее жестом.

– Ступай.

Клэри встала, расправляя свое платье. Знай она, что тут будет Джейс, она надела бы что-нибудь получше красных колготок, ботинок и винтажного ярко-розового платья «Betsey Johnson», которое она нашла в одном из шкафов у Люка. Тогда ей показалось, что зеленые пуговицы в виде цветов спереди были забавными и классными, но теперь она почувствовала себя менее стильной и утонченной, чем Изабель.

Она прошла через танцпол, который был занят танцующими или просто стоящими людьми, попивающими пиво или качающимися в такт музыке. Она не могла не вспомнить, как впервые увидела Джейса. Это произошло в клубе, и она наблюдала за ним через танцпол, за его яркими волосами и высокомерной формой плеч. Она сочла его красивым, но не для нее. «Ты бы никогда не смогла встречаться с таким» – подумала она тогда. Он существовал отдельно от этого мира.

Он не заметил ее, пока она не оказалась прямо перед ним. Вблизи она увидела, каким усталым он выглядел, как будто не спал несколько дней. Его лицо было изможденным, из-под кожи торчали кости. Он прислонился к стене, просунув пальцы в петли на ремне, его бледно-золотистые глаза были насторожены.

– Джейс, – сказала она.

Он вздрогнул и повернулся к ней. На секунду его глаза засияли, как всегда, когда он видел ее, и она почувствовала дикую надежду в груди.

Почти моментально от них отвернули свет, и его лицо погрузилось во мрак.

– Я думал, – сказал Саймон, – что ты не придешь.

Она ощутила приступ тошноты и оперлась рукой о стену, чтобы почувствовать себя увереннее.

– Значит, ты пришел только потому, что думал, я не приду?

Он покачал головой.

– Я...

– Ты вообще собирался хотя бы поговорить со мной еще раз? – Клэри слышала, как повысился ее голос, и приложила усилие, чтобы прекратить это. Ее руки сжались в кулаки по бокам, а ногти впились в кожу. – Если ты собирался расстаться, самое меньшее, что ты мог сделать, это сказать мне об этом, а не просто перестать разговаривать и бросить меня разбираться с этим самой.

– Почему, – сказал Джейс, – черт возьми, все спрашивают меня, не собираюсь ли я с тобой расстаться? Сначала Саймон, а теперь...

– Ты говорил о нас с Саймоном, – Клэри покачала головой. – Почему? Почему ты не поговорил со мной?

– Потому что я не могу говорить с тобой, – сказал Джейс. – Я не могу разговаривать с

тобой, не могу быть с тобой, не могу даже смотреть на тебя.

Клэри с трудом вдохнула; она, словно вдыхала кислоту.

– Что?

Казалось, он осознал, что сказал, и потрясенно замолчал. Секунду они просто смотрели друг на друга. Затем Клэри развернулась и бросилась сквозь толпу, проталкиваясь через молотящие локти и группы разговаривающих людей, слепо пытаясь добраться из двери так быстро, как только могла.

– А теперь, – прокричал Эрик в микрофон, – мы собираемся исполнить новую песню, которую только написали. Посвящаю ее своей девушке. Мы вместе уже три недели, и, черт возьми, наша любовь настоящая. Мы будем всегда вместе, малышка. Песня называется «Bang You Like a Drum».

Люди смеялись и аплодировали из зала, когда зазвучала музыка, хотя Саймон не был уверен, осознавал ли Эрик, что они сочли его слова шуткой, или нет, потому что он не шутил. Эрик всегда был влюблен в каждую девушку, с которой только начал встречаться, и всегда писал об этом неподходящие песни. Обычно это не заботило Саймона, но он надеялся, что они уйдут со сцены после предыдущей песни. Он чувствовал себя хуже, чем когда-либо – его голова кружилась, он вспотел, во рту ощущался привкус металла, словно старая кровь.

Музыка грохотала вокруг него, словно в его барабанные перепонки вколачивали гвозди. Его пальцы скользили и промахивались мимо струн, пока он играл, и он заметил вопросительный взгляд Кирка в его сторону. Он пытался заставить себя сфокусироваться, сконцентрироваться, но это было так же трудно, как завести машину при помощи разряженного аккумулятора. В его голове словно звучал пустой звук завода, но не было искры.

Он уставился в бар, выискивая – он даже не был уверен, почему – Изабель, но видел только море бледных лиц, смотрящих на него, и вспомнил свою первую ночь в отеле «Дюмонт», когда к нему повернулись лица вампиров, словно белые бумажные цветы, раскрывающиеся во тьме. Его скрутило, и подступил приступ тошноты. Он отошел назад, опуская руки с гитары. Он ощущал себя так, словно земля под ногами движется. Другие члены группы, увлеченные музыкой, казалось, ничего не заметили. Саймон снял гитарный ремень с плеча и протолкнулся мимо Мэтта к занавесу сзади сцены, наклоняясь под него как раз вовремя, чтобы упасть на колени и сблювать.

Ничего не вышло. Его желудок был пустым, как колодец. Он встал и прислонился к стене, прижимая свои холодные руки к лицу. Он чувствовал холод или жар последний раз недели назад, но сейчас он ощущал лихорадку – и страх. Что с ним происходило?

Он вспомнил, как Джейс сказал: «Ты вампир. Кровь не еда для тебя. Кровь это... кровь». Могло ли такое произойти, потому что он не ел? Но он не ощущал голода или жажды. Он чувствовал себя таким больным, словно умирал. Может, его отравили. Может, метка Каина не защищала от подобных вещей?

Он медленно пошел к пожарному выходу, который вел на улицу позади клуба. Может, прохладный воздух снаружи очистит его голову. Может, это все истощение и нервы.

– Саймон? – раздался слабый голос, точно чириканье птицы. Он посмотрел с ужасом вниз и увидел, что Марин стояла возле него. Вблизи она выглядела еще меньше – маленькая, словно птичка, с копной очень бледных светлых волос, которая опускалась с ее плеч из-под вязаной розовой шапки. На ней были надеты длинные перчатки под цвет радуги и белая футболка с короткими рукавами и рисунком «Strawberry Shortcake». Саймон застонал про себя.

– Не самое лучшее время, Мо, – сказал он.

– Я просто хотела сфотографировать тебя на телефон, – сказала она, нервно убирая волосы за ухо. – Чтобы я могла показать фото своим друзьям, хорошо?

– Ладно, – сказал он. Это было нелепо. Он не был жертвой нашествия фанатов. Марин была буквально единственным фанатом группы, о котором он знал, и была, в конце концов, подругой его младшей двоюродной сестры. Он полагал, что не мог себе позволить

оттолкнуть ее. – Давай. Фотографируй.

Она подняла телефон и нажала на кнопку, а затем нахмурилась.

– Теперь еще одну, где мы вместе? – она быстро подошла к нему, прижавшись к его боку. Он почувствовал запах клубничного блеска для губ, а под ним сладкий запах соленой человеческой крови. Она посмотрела на него, держа телефон перед ними в вытянутой руке, и улыбнулась. У нее был промежуток между передними зубами, а на шее виднелась голубая вена. Она пульсировала, когда она вдыхала.

– Улыбнись, – сказала она.

Двойная боль пронзила Саймона, когда показались его клыки и вонзились в губы. Он видел, как ужаснулась Марин, а затем ее телефон вылетел, когда он схватил ее и повернул к себе, а его клыки вонзились в ее глотку.

Кровь хлынула ему в рот, ее вкус не похож ни на что другое. Будто бы он задышался, а теперь смог дышать, вдыхая огромные порции прохладного, чистого кислорода, а Марин боролась и пыталась оттолкнуть его, но он почти не замечал этого. Он даже не заметил, когда она обмякла, и ее мертвый вес притянул его к земле, так, что он лежал на ней, вцепившись руками в ее плечи, сжимая и разжимая, пока он пил.

«Ты никогда не питался простым человеком, верно?» – сказала Камилла. «Ты будешь. И когда ты это сделаешь, ты никогда не забудешь этого».

Глава девятая

Из огня в пламя

Клэри добралась до двери и выбежала на дождливый вечерний воздух. Дождь лил сплошным потоком, и она моментально промокла. Захлебываясь дождевой водой и слезами, она бросилась мимо знакомого желтого фургона Эрика – дождь скатывался с его крыши в канаву – и собиралась перебежать улицу на красный свет, когда рука схватила ее и развернула.

Это был Джейс. Он был таким же промокшим, как и она, дождь прибил его светлые волосы к голове, а футболку к телу, словно черную краску.

– Клэри, ты не слышала, как я тебя звал?

– Отпусти меня, – сказала она дрожащим голосом.

– Нет. Нет, пока ты не поговоришь со мной, – он посмотрел вперед и назад вдоль улицы, которая была пустынной, капли дождя разбивались о черную мостовую, как быстро распускающиеся цветы. – Пошли.

Все еще держа ее за руку, он практически потащил ее мимо фургона и в узкий переулок у бара «Альто». Высокие окна над ними пропускали приглушенные звуки музыки, которую все еще играли внутри. Переулок был окружен кирпичными стенами, определенно, заброшенное место, куда выбрасывали части более не нужной музыкальной аппаратуры. На земле валялись сломанные усилители и микрофоны вперемешку с разбитыми пивными бутылками и бычками от сигарет.

Клэри выдернула свою руку из хватки Джейса и повернулась к нему.

– Если ты хотел извиниться, не парься, – она убрала свои мокрые, тяжелые волосы с лица. – Мне не нужно твое извинение.

– Я хотел сказать тебе, что пытался помочь Саймону, – сказал он, дождевая вода стекала по его ресницам и щекам, словно слезы. – Я был в подобной его ситуации в прошлом...

– И ты не мог сказать мне? Не мог отправить одну несчастную строчку о том, где ты? О, подожди. Ты не мог, потому что мой чертов телефон все еще у тебя. Отдай его мне.

Молча он засунул руку в карман джинсов и протянул ей телефон. Он выглядел невредимым. Она засунула его в свою сумку, прежде чем его намочил дождь. Джейс наблюдал в это время за ней с таким выражением, словно она ударила его по лицу. Это только еще больше разозлило ее. Какое он имел право быть обиженным?

– Думаю, – медленно сказал он, – что счел наиболее близким способом быть с тобой,

это находится с Саймоном. Присматривать за ним. У меня была глупая мысль, что если ты поймешь, что я делал это для тебя, то простишь меня...

Весь гнев Клэри поднялся на поверхность горячим неостановимым течением.

– Я даже не знаю, за что по твоему мнению я должна тебя прощать, – прокричала она. – Или я должна простить тебя за то, что ты больше меня не любишь? Потому что если это то, чего ты хочешь, Джейс Лайтвуд, ты можешь взять и...

Она слепо шагнула назад и чуть не споткнулась о валявшуюся колонку. Ее сумка соскользнула на землю, когда она вытянула руку, чтобы сохранить равновесие, но Джейс был уже рядом. Он двинулся вперед, чтобы поймать ее, и продолжал двигаться, пока ее спина не достигла стены, а затем он обнял ее, и стал неистово целовать.

Она знала, что должна была оттолкнуть его; ее разум кричал ей, что это было правильным поступком, но остальные ее части не заботились о том, что было правильно. Не тогда, когда Джейс целовал ее так, словно считал, что отправится в ад за это, но это будет того стоить.

Она впиалась пальцами в его плечи, в мокрую ткань его футболки, чувствуя сопротивление мышц под ней, и ответила на его поцелуй со всем отчаянием последних дней от незнания, где он был и о чем думал, от ощущения, что у нее вырвали кусок сердца, и она никогда не сможет дышать по-настоящему.

– Скажи мне, – сказала она между поцелуями, пока их мокрые лица скользили друг о друга. – Скажи мне, что не так... О, – она охнула, когда он отстранился от нее, только чтобы обвить руками ее талию. Он поднял ее и поставил на сломанную колонку, благодаря чему они стали практически одного роста. Затем взял руками ее голову и наклонился вперед, так что их тела почти касались друг друга – но не совсем. Это нервировало. Она ощущала лихорадочный жар, исходящий от него; ее руки все еще лежали на его плечах, но этого было недостаточно. Она хотела, чтобы он обнял ее и крепко держал. – П-почему, – выдохнула она, – ты не можешь говорить со мной? Почему ты не можешь смотреть на меня?

Он наклонил лицо вниз, чтобы посмотреть ей в глаза. Его глаза, обрамленные потемневшими от дождя ресницами, были невероятно золотистыми.

– Потому что я люблю тебя.

Она не могла больше сдерживаться. Она убрала руки с его плеч, просунула пальцы в петли на его ремне и притянула его к себе. Он позволил ей сделать это без малейшего сопротивления, его руки опирались о стену, держа его тело против ее, пока они не оказались прижаты повсюду – в груди, бедрах, ногах – как элементы мозаики. Его руки скользнули к ее талии, и он поцеловал ее, долго и медленно, заставляя ее вздрогнуть.

Она отстранилась.

– Это не имеет никакого смысла.

– Не имеет, – сказал он, – но мне плевать. Меня тошнит от попыток притвориться, что я могу жить без тебя. Разве ты не понимаешь? Разве ты не видишь, что это убивает меня?

Она уставилась на него. Она видела, что он говорил правду, видела это по глазам, которые знала, как свои собственные, по темным кругам под этими глазами, пульсе на его шее. Ее желание получить ответы столкнулось с наиболее примитивной частью ее мозга и проиграло.

– Тогда поцелуй меня, – прошептала она, и он прижался губами к ее губам, а их сердца заколотились вместе, разделенные тонкими слоями мокрой ткани. И она тонула в этом, в ощущении его поцелуя; от дождя, стекающего с ее ресниц; от его рук, скользящих свободно по мокрой, смятой ткани ее платья, которая стала тонкой и липкой от дождя. Это походило на ощущение его рук на ее голой коже, груди, бедрах и животе. Когда он дошел руками до подола ее платья, то схватил ее ноги, прижимая ее сильнее к стене, пока она обхватила ими его талию.

Он издал удивленный низкий звук и вцепился пальцами в тонкую ткань ее колготок. Вполне ожидаемо, они порвались, и внезапно его мокрые пальцы оказались на обнаженной коже ее ног. Чтобы не отставать, она скользнула руками под край его промокшей футболки, и

позволила ее пальцам изучать то, что было под ней: упругую, горячую кожу поверх ребер, его рельефный живот, шрамы на его спине, уголки тазовых костей над поясом его джинсов. Это была неизученная область для нее, но, похоже, это сводило его с ума: он тихо застонал, продолжая целовать ее все сильнее и сильнее, будто этого было недостаточно, совсем недостаточно...

И тут в ушах Клэри разразился ужасный грохот, разрушивший ее мечту из поцелуев и дождя. Охнув, она оттолкнула Джейса так сильно, что он отпустил ее, а она соскочила с колонки, приземляясь неуверенно на ноги и поспешно поправляя свое платье. Ее сердце колотилось в груди, как таран, и она ощутила головокружение.

– Проклятье. – Изабель стояла в начале переулочка, ее влажные черные волосы, как мантия ниспадали на ее плечи, она пнула мусорный бак и свирепо уставилась на них. – О, ради всего святого, – сказала она. – Не могу поверить, что это вы. Что такое? Чем плохи спальни? И уединение?

Клэри взглянула на Джейса. Он был абсолютно промокшим, вода стекала с него потоками, его светлые волосы, прилипшие к голове, были почти серебристыми в слабом свете далеких уличных огней. От одного взгляда на него, Клэри захотелось снова прикоснуться к нему, несмотря на Изабель, это стремление почти причиняло ей боль. Он уставился на Иззи с выражением резко возбужденного человека – с недоумением, гневом и появляющимся осознанием.

– Я просто искала Саймона, – сказала Изабель, защищаясь, при виде выражения на лице Джейса. – Он сбежал со сцены, и я не имею ни малейшего понятия, куда он ушел. – Клэри поняла, что музыка прекратилась, но она не заметила, когда это произошло. – Как бы то ни было, он определенно не здесь. Продолжайте то, чем вы там занимались. Какой смысл в идеальной кирпичной стене, если тебе некого прижать к ней, как я обычно говорю. – И она зашагала прочь, обратно в бар.

Клэри посмотрела на Джейса. В другой ситуации они посмеялись бы вместе над угрюмостью Изабель, но в его выражении не было юмора, и она тут же поняла, что бы ни возникло тогда между ними

– что бы ни расцвело из его потери контроля – теперь это исчезло. Она ощутила вкус крови во рту и не была уверена, она ли прокусила свою губу, или он.

– Джейс... – она шагнула к нему.

– Не надо, – сказал он, его голос прозвучал грубо. – Я не могу.

И вдруг он умчался, убежал так быстро, как только мог, видение, которое растворилось вдалеке, прежде чем она успела хотя бы вдохнуть, чтобы окликнуть его.

– Саймон!

Гневный голос сотряс слух Саймона. Он бы уже отпустил Марин – или так он себе говорил – но у него не было возможности. Сильные руки схватили его за плечи, отрывая от нее. Он был поставлен на ноги бледным Кайлом, все еще взъерошенным и потным от выступления, которое они только закончили.

– Какого черта, Саймон. Какого черта...

– Я не хотел, – пробормотал Саймон. Его голос звучал смазанно даже для него самого; его клыки все еще торчали, и он еще не научился говорить через эти проклятые штуки. За Кайлом, на земле он увидел Марин, лежащую, помятую и до ужаса неподвижную. – Это просто произошло...

– Я предупреждал тебя. Я же говорил, – голос Кайла возвысился, и он с силой толкнул Саймона. Саймон отошел назад, его лоб горел, когда невидимая рука, казалось, подняла Кайла и швырнула об стену позади него. Он ударился о нее и упал на землю, приземляясь, как волк, на руки и ноги. Он встал на ноги, уставившись на него. – Боже. Саймон...

Но Саймон упал на колени рядом с Марин, его руки опустились на нее, неистово нащупывая пульс на ее шее. Когда он затрепыхал под кончиками его пальцев, слабый, но ровный, Саймон чуть не расплакался от облегчения.

– Отойди от нее, – сказал Кайл напряженным голосом и подошел к Саймону. – Просто

встань и отойди.

Саймон неохотно поднялся и стал лицом к лицу с Кайлом над безвольным телом Марин. Через щель между занавесками просачивался свет со сцены; он слышал там остальных членов группы, болтающих между собой, устраивающих разбор полетов. В любую минуту они выйдут сюда.

– Что ты сейчас сделал, – сказал Кайл. – Ты... толкнул меня? Потому что я не видел, чтобы ты двигался.

– Я не хотел, – снова сказал Саймон несчастно. Казалось, в последние дни он только это и говорил.

Кайл покачал головой, взмахнув волосами.

– Уйди отсюда. Иди и подожди возле фургона. Я разберусь с ней. – Он наклонился и поднял Марин на руки. Она выглядела миниатюрной на его громадном фоне, точно кукла. Он уставился Саймону в глаза. – Иди. Надеюсь, тебе, черт возьми, действительно паршиво.

Саймон пошел. Он подошел к пожарному выходу и открыл дверь. Тревога не сработала; она была сломана уже несколько месяцев. Дверь захлопнулась за ним, и он прислонился к задней стене клуба, поскольку каждая часть его тела начала дрожать.

Задняя стена клуба выходила на узкую улицу, граничащую со складами. Через дорогу была пустая парковка, ограниченная провисшей соединенной цепью оградой. Уродливые сорняки проросли через трещины в мостовой. Дождь лил, пропитывая мусор, разбросанный по улице, наполняя старые пивные банки в сточных канавах.

Саймон подумал, что красивее он ничего не видел в жизни. Вся ночь, казалось, виделась сквозь призму. Изгородь была связанной цепью из сияющих серебряных проводов, каждая капля дождя, была слезой из платины.

«Надеюсь, тебе, черт возьми, действительно паршиво», – сказал Кайл. Но это было гораздо хуже. Он чувствовал себя фантастически, таким живым он себя никогда не ощущал. Человеческая кровь, определенно, была чем-то идеально подходящим для вампиров. Волны энергии пробегали по его телу, как электрические разряды. Боль в его голове и желудке прошла. Он мог бы пробежать тысячу миль.

Это было ужасно.

– Эй, ты. Ты в порядке?

Голос, обратившийся к нему, был вежливым и развеселенным; Саймон повернулся и увидел женщину в длинном черном плаще, в руке у которой был раскрытый яркий желтый зонт. С его новым взглядом сквозь призму он был похож на сверкающий подсолнух. Сама женщина была красивой – хотя, сейчас для него все выглядело красиво – с блестящими черными волосами и накрашенными красной помадой губами. Он слабо припомнил, что она сидела за одним из столиков во время выступления группы.

Он кивнул, не доверяя своему голосу. Должно быть, он выглядел действительно шокированным, если абсолютные незнакомцы подходили к нему и спрашивали, все ли хорошо.

– Выглядит так, будто тебя ударили по голове вот там, – сказала она, показывая на его лоб. – Опасный ушиб. Ты уверен, что мне не нужно позвать кого-нибудь за тобой?

Он быстро протянул руку и опустил волосы на лоб, скрывая метку.

– Я в порядке. Ничего страшного.

– Хорошо. Как скажешь. – В ее голосе слышалось сомнение. Она засунула руку в карман, вытащила визитку и протянула ему. На ней было имя, Сатрина Кендалл. Под именем было наименование «Музыкальный продюсер», написанное маленькими заглавными буквами, а также номер телефона и адрес. – Это я, – сказала она. – Мне понравилось, как вы ребята выступали там. Если вы заинтересованы в том, чтобы делать что-то посерьезнее, позвоните мне.

С этими словами она развернулась и заскользила прочь, оставляя Саймона, уставившегося ей вслед. Уверен, подумал он, что эта ночь не могла бы быть более странной.

Качая головой – отчего капли воды разлетались от него во все стороны – он прохлюпал

за угол, где был припаркован фургон. Дверь бара была распахнута, и люди выходили наружу. Все до сих пор выглядело неестественно ярким, подумал Саймон, но его призматическое видение начало понемногу угасать. Перед ним была стандартная сцена – пустеющий бар, боковые двери распахнуты, и фургон с открытыми задними дверями, в который уже загружали оборудование Мэтт, Кирк и несколько их друзей. Когда Саймон подошел ближе, он увидел Изабель, прислонившуюся сбоку фургона, подняв ногу и вонзив каблук в ободранный корпус машины. Она могла бы помочь разобрать оборудование – Изабель была сильнее всех членов группы, за возможным исключением в виде Кайла – но ее это, определенно, не заботило. Саймон вряд ли ожидал другого.

Она подняла голову, когда он подошел ближе. Дождь стал слабее, но она явно была снаружи довольно долго; ее волосы свисали тяжелым мокрым покрывалом по спине.

– Эй, – сказала она, отстраняясь от фургона и подходя к нему. – Где ты был? Просто сбежал со сцены..

– Да, – сказал он. – Я плохо себя чувствовал. Прости.

– Ну, только если теперь тебе лучше, – она обвила его руками и улыбнулась. Он почувствовал облегчение, когда не ощутил желания укунить ее. А затем вину, когда вспомнил, почему.

– Ты не видела Джейса? – спросил он.

Она закатила глаза.

– Я застала его и Клэри за поцелуями, – сказала она. – Хотя, надеюсь, что они уже ушли домой. Два воплощения фразы «заведи свою комнату».

– Я не думал, что Клэри придет, – сказал Саймон, хотя это было не так уж странно; он предположил, что заказ торта отменили или что-то еще. У него не было даже желания быть раздраженным тем, каким ужасным телохранителем оказался Джейс. Не то чтобы он когда-то считал, что Джейс серьезно относился к его личной безопасности. Он просто надеялся, что Джейс и Клэри совсем разобрались, что бы это ни было.

– Плевать, – сказала с улыбкой Изабель. – Раз уж мы вдвоем, хочешь пойти куда-нибудь и...

Голос – очень знакомый голос – раздался из тени за пределами света ближайшего фонаря.

– Саймон?

О, нет, не сейчас. Только не сейчас.

Он медленно повернулся. Рука Изабель все еще свободно висела на его талии, хотя он знал, что ненадолго. Только если этот голос не принадлежал той, кого он подозревал.

И это было именно так.

Майя вышла на свет и посмотрела на него с недоверием во взгляде. Ее обычно кудрявые волосы прилипли к голове от дождя, ее янтарные глаза расширились, а джинсы и куртка промокли. В левой руке она сжимала скрученный кусок бумаги.

Саймон слабо осознал, что сбоку от него члены группы замедлились и открыто глазели. Рука Изабель соскользнула с его талии.

– Саймон? – сказала она. – Что происходит?

– Ты сказал мне, что будешь занят, – сказала Майя, глядя на Саймона. – Затем, утром кто-то подсунул под дверь станции вот это, – она развернула свернутую в трубочку бумагу; в ней сразу же можно было узнать один из флаеров на сегодняшнее выступление группы.

Изабель глядела то на Саймона, то на Майю, пока на ее лице медленно не отобразилось понимание происходящего.

– Подожди секунду, – сказала она. – Вы двое встречаетесь?

Майя подняла голову.

– А вы?

– Да, – сказала Изабель. – Уже несколько недель.

Глаза Майи сузились.

– Мы тоже. Мы встречаемся с сентября.

– Не могу поверить, – сказала Изабель. Она искренне выглядела так, будто не верила. – Саймон? – она повернулась к нему, положив руки на бока. – У тебя есть объяснение этому?

Участники группы, сложив все оборудование в фургон – ударные заняли заднюю скамью, а гитары и басы багажное отделение – выглядывали из задних дверей, не отрывая глаз. Эрик приложил руки ко рту на манер громкоговорителя.

– Дамы, дамы, – произнес он. – Нет необходимости ругаться. Саймона хватит на всех.

Изабель резко развернулась и одарила его таким ужасающим взглядом, что он тут же замолчал. Задние двери фургона закрылись с грохотом, и он уехал. Предатели, подумал Саймон, хотя, если говорить справедливо, они наверняка решили, что его подбросит Кайл на своей машине, которая была припаркована за углом. Если он доживет до того момента.

– Не могу поверить, Саймон, – сказала Майя. Она стояла, положив руки на бока, как и Изабель. – О чем ты думал? Как ты мог так поступить?

– Я не лгал, – возмутился Саймон. – Мы никогда не говорили, что не будем встречаться с другими!

– Он повернулся к Изабель. – И мы тоже! И я знаю, что ты встречалась с другими...

– Не с теми, кого ты знаешь, – огрызнулась Изабель. – Не с твоими друзьями. Как бы тебе понравилось, узнай ты, что я встречаюсь с Эриком?

– Если честно, я был бы потрясен, – сказал Саймон. – Он совсем не в твоём вкусе.

– Речь не об этом, Саймон, – Майя подошла ближе к Изабель, и теперь они вместе стояли лицом к лицу с ним, как недвижимая стена женского гнева. Бар полностью освободился, и улица была пуста, если не считать их троих. Он обдумал свой шанс убежать и решил, что он был довольно небольшим. Оборотни быстро бегут, а Изабель тренированная охотница на вампиров.

– Мне и правда жаль, – сказал Саймон. Заряд от выпитой им крови, к счастью, уже начал гаснуть. Он все меньше чувствовал опьянение от захватывающих ощущений, и все больше панику. Что было еще хуже, так это то, что его сознание возвращалось к Марин и тому, что он с ней сделал, и была ли она в порядке. Пожалуйста, пусть с ней все будет хорошо.

– Мне следовало рассказать вам. Просто... Вы обе мне нравитесь, и я не хотел ранить ваши чувства.

Как только он произнес это, он понял, как глупо звучал. Просто очередное ничтожество, придумывающее свои ничтожные оправдания. Саймон никогда не считал себя таким. Он был хорошим парнем из тех, кого не замечают, гонимый за сексуальными плохими парнями или творческими мучениками. За эгоистичными парнями, которые нормально относятся к тому, чтобы встречаться с двумя девушками одновременно, но не лгут об этом напрямую, просто не говорят всей правды.

– Вау, – пробормотал он. – Я ужасный засранец.

– Это, наверно, первая правдивая вещь, что ты сказал с тех пор, как я сюда пришла, – сказала Майя.

– Аминь, – дополнила Изабель. – Хотя, если хочешь мое мнение, ты опоздал...

Боковая дверь бара открылась, и кто-то вышел наружу. Это был Кайл. Саймон ощутил волну облегчения. Кайл выглядел серьезно, но не так, подумал Саймон, если бы нечто ужасное случилось с Марин.

Он стал спускаться по ступенькам к ним. Дождь капал совсем слабо. Майя и Изабель стояли спиной к нему; они буравили взглядом Саймона, со всем своим гневом.

– Надеюсь, ты не ждешь, что хоть одна из нас еще когда-либо заговорит с тобой, – сказала Изабель. – И я собираюсь поговорить с Клэри – очень, очень серьезно поговорить – о выборе друзей.

– Кайл, – сказал Саймон, не скрывая облегчения в своем голосе, когда тот подошел достаточно близко. – Эм, Марин... она...

Он не знал, как спросить то, что он хотел узнать, не давая Майе и Изабель понять, что случилось, но в итоге оказалось, что это не имело значения, поскольку ему не довелось

закончить свою речь. Майя и Изабель повернулись; Изабель выглядела раздраженно, а Майя удивленно, явно не понимая, кто такой Кайл.

Как только Майя действительно увидела Кайла, ее лицо изменилось; ее глаза расширились, а лицо побледнело. А Кайл, в свою очередь, уставился на нее взглядом человека, проснувшегося от кошмара и осознавшего, что он был реальностью. Он зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, но не издал ни звука.

– Вау, – сказала Изабель, глядя то на одного, то на другого. – Вы двое... знаете друг друга?

Майя открыла рот. Она все еще смотрела на Кайла. Саймон только успел подумать, что она никогда не смотрела на него так выразительно, когда она прошептала:

– Джордан. – И бросилась на Кайла, выпуская острые когти и погружая их в его глотку.

Часть вторая За каждую жизнь

Ничто не бесплатно. За все приходится платить. За каждую выгоду в чем-то одном приходится расплачиваться чем-то другим. За каждым рождением, есть смерть. Даже за твою музыку, которую мы так часто слушали, пришлось расплатиться. Твоя жена стала платой за музыку. Ад теперь удовлетворен.

Тэг Хагес, «Кости тигра».

Глава десятая Риверсайд Драйв

Саймон сидел в кресле в гостиной Кайла, уставившись на неподвижное изображение на экране телевизора в углу комнаты. Это была пауза во время игры, в которую Кайл играл с Джейсом, и это было изображение сыро выглядящего туннеля с кучей тел валяющихся на земле и очень реалистично выглядящих луж крови. Это напрягало, но у Саймона не было ни энергии или желания потрудиться выключить это. Образы, которые пробегали в его голове всю ночь, были хуже.

Свет, струящийся в комнату через окно, превратился из размытого рассветного в бледное сияние раннего утра, но Саймон этого практически не заметил. У него перед глазами все еще было обмякшее тело Марин, лежащее на земле, ее светлые волосы, перепачканные кровью. Его заплетающаяся походка в ночи, ее кровь, поющая в его венах. А затем Майя, набрасывающаяся на Кайла, рвущая его своими когтями. Кайл лежал там, даже не поднимая руки, чтобы защититься. Он, вероятно, позволил бы ей убить себя, не вмешайся Изабель, грубо оттащив Майю от него и бросив на мостовую, удерживая там, пока ее гнев не превратился в слезы. Саймон попытался подойти к ней, но Изабель удержала его своим разъяренным взглядом, обнимая другую девушку одной рукой и выставив вперед вторую.

– Убирайся отсюда, скомандовала она. – И прихвати его с собой. Я не знаю, что он ей сделал, но это должно быть что-то очень плохое.

Так и было. Саймону было знакомо это имя. Джордан. Оно уже всплывало ранее, когда он спросил ее, как она превратилась в оборотня. Ее бывший парень сделал это, сказала она. Он сделал это в диком и жестоком нападении, а затем сбежал, оставляя ее в одиночестве разбираться с последствиями.

Его звали Джордан.

Именно поэтому рядом со звонком у двери Кайла было только одна запись. Это была его фамилия. Его полное имя должно быть Джордан Кайл, догадался Саймон. Он был глуп,

невероятно глуп, раз не догадался об этом ранее. Ему не нужно было другой причины, чтобы ненавидеть себя в данный момент.

Кайл – или, скорее, Джордан – был оборотнем; он быстро исцелялся. Ко времени, когда Саймон поднял его без особой осторожности на ноги и повел назад к машине, глубокие царапины на его шее и под разорванной футболкой зажили до окровавленных шрамов. Саймон взял у него ключи и отвез его на Манхэттен, преимущественно без разговоров. Джордан сидел почти неподвижно на заднем сидении, уставившись на свои окровавленные руки.

– Марин в порядке, – сказал он в итоге, когда они ехали по Вильямсбургскому мосту. – Это выглядело хуже, чем было на самом деле. Ты еще не так хорош в питании человеческой кровью, так что она не слишком много потеряла. Я посадил ее в такси. Она ничего не помнит. Она считает, что ей стало плохо рядом с тобой, и очень смущена.

Саймон знал, что ему следовало отблагодарить Джордана, но он не мог заставить себя это сделать.

– Ты Джордан, – сказал он. – Бывший парень Майи. Тот, кто обратил ее в оборотня.

Они были уже в Кенмейре; Саймон повернул на север, направляясь по Боуэри с ее ночлежками и светящимися магазинами.

– Да, – наконец ответил Джордан. – Кайл это мое второе имя. Я стал использовать его, когда присоединился к Защитникам.

– Она убила бы тебя, если Изабель позволила бы ей.

– У нее есть абсолютное право убить меня, если она хочет, – сказал Джордан и замолчал. Он больше не сказал ни слова, пока Саймон искал парковку, и они поднимались по ступеням в квартиру. Он вошел в свою комнату, даже не снимая свою окровавленную куртку, и захлопнул дверь.

Саймон упаковал вещи в рюкзак и собрался уже покинуть квартиру, когда засомневался. Он не был уверен, почему, даже сейчас, но вместо того чтобы уйти он бросил сумку возле двери и сел в свое кресло, где и просидел всю ночь.

Он хотел позвонить Клэри, но было слишком раннее утро, и кроме того, Изабель сказала, что они с Джейсом ушли вместе, и мысль вмешаться посреди какого-нибудь особенного момента для них была не особо приятной. Он задумался, как дела у его матери. Увидь она его прошлой ночью с Марин, она решила бы, что он был именно тем монстром, за которого она его приняла.

Может, он им и был.

Он поднял взгляд, когда дверь Джордана скрипнула, и он возник из-за нее. Он был босой, все еще в тех же джинсах и футболке, которые надел вчера. Шрамы на его шее превратились в красные полосы. Он посмотрел на Саймона. Его ореховые глаза, обычно такие яркие и бодрые, были очень мрачными.

– Я подумал, что ты уйдешь, – сказал он.

– Я собирался, – сказал Саймон. – Но затем я решил, что стоит дать тебе шанс все объяснить.

– Нечего объяснять. – Джордан ушел на кухню и порылся в шкафчике, пока не достал фильтр для кофе. – Что бы Майя ни сказала обо мне, я уверен, это правда.

– Она сказала, что ты ударил ее, – сказал Саймон.

Джордан на кухне стал совершенно неподвижен. Он посмотрел на фильтр так, словно больше не знал, что с ним делать.

– Она сказала, что вы встречались несколько месяцев, и все было замечательно, – продолжил Саймон. – Затем ты стал жестоким и ревнивым. Когда она сказала тебе об этом, ты ударил ее. Она порвала с тобой, и когда однажды ночью она шла домой, что-то набросилось на нее и чуть не убило. А ты – ты сбежал из города. Без извинений, без объяснений.

Джордан положил фильтр на кухонный стол.

– Как она сюда добралась? Как она нашла стаю Люка Герруэя?

Саймон покачал головой.

– Она прыгнула в поезд до Нью-Йорка и выследила их. Она боец, эта Майя. Она не позволила тому, что ты с ней сделал, уничтожить ее. Многие позволили бы.

– Ты поэтому остался? – спросил Джордан. – Сказать мне, что я ублюдок? Потому что я и так это знаю.

– Я остался, – сказал Саймон, – из-за того, что я сделал прошлой ночью. Если бы я узнал это о тебе вчера, я бы ушел. Но после того, что я сделал с Марин... – он прикусил губу. – Я считал, что контролирую то, что со мной произошло, но это не так, и я ранил того, кто этого не заслуживал. Вот поэтому я и остаюсь.

– Потому что если я не чудовище, то и ты не чудовище.

– Потому что я хочу знать, как жить, и может быть, ты расскажешь мне. – Саймон наклонился вперед. – Потому что ты хорошо относился ко мне с тех пор, как я тебя встретил. Я никогда не видел тебя грубым или злым. А затем я подумал о Волках-Защитниках, и как ты сказал, что присоединился к ним, потому что творил плохие вещи. И я решил, может Майя – тот плохой поступок, который ты пытаешься искупить.

– Я пытался, – сказал Джордан. – Это она.

Клэри сидела за своим столом в небольшой комнате в доме Люка, кусок ткани, который она принесла из морга «Бет Израэль» лежал перед ней. Она положила его концы на карандаши и нависла над ним, держа стило в руке, пытаясь вспомнить руну, которая привиделась ей в больнице.

Было трудно сфокусироваться. Она все еще думала о Джейсе, о прошлой ночи. Куда он мог уйти. Почему он был так несчастен. Она не осознавала, пока не увидела его, что он был так же несчастен, как она, и это корбило ее сердце. Она хотела позвонить ему, но сдержала себя от этого несколько раз с тех пор, как добралась домой. Если бы он хотел сказать ей, в чем проблема, он бы сделал это сам. Она достаточно хорошо знала его, чтобы понимать это.

Она прикрыла глаза и попыталась заставить себя представить руну. Она была не ее изобретением, Клэри была уверена. Эта руна уже существовала, хотя она не знала точно, видела ли ее в Серой Книге. Ее образ говорил скорее о раскрытии, нежели о переводе, об открытии изображения чего-то скрытого внутри, стряхивания пыли с этого чего-то, чтобы прочесть надпись под ней...

Стило дернулось в ее руке, и она открыла глаза, чтобы обнаружить к своему удивлению, что она умудрилась нарисовать небольшой символ на краю ткани. Он был похож на простое пятно со странными лучами, исходящими из него во всех направлениях, и она нахмурилась, удивляясь, не потеряла ли она свой навык. Но ткань начала мерцать, словно пар, поднимающийся от разгоряченного асфальта. Она уставилась, когда слова развернулись вдоль ткани, будто их написала невидимая рука:

«Собственность церкви Таль то. Риверсайд Драйв, 232».

Ее охватило волнение. Это была зацепка, настоящая зацепка. И она нашла ее сама, без какой-либо помощи.

Риверсайд Драйв, 232. Это на Верхнем Вест Саиде, подумала она, возле Риверсайд-парка, как раз через реку от Нью-Джерси. Не так уж и далеко. Церковь Тальто. Клэри отложила свое стило, нахмурившись. Что бы это ни было, это походило на плохие новости. Она придвинула свой стул к старому настольному компьютеру Люка и зашла в интернет. Она не удивилась, когда поиск по запросу «Церковь Тальто» не дал внятных результатов. Что бы ни было написано в углу того куска ткани – это было на пургатском, ктонианском или каком-то еще демоническом языке.

В одном она была уверена: чем бы ни была церковь Тальто, она была тайной, и скорее всего плохой. Если это было связано с превращением человеческих младенцев в существа с когтями вместо пальцев, то это не было связано с какой-либо настоящей религией. Клэри стало интересно, была ли мать ребенка, бросившая его возле больницы, членом церкви, и знала ли, во что ввязывалась еще до того, как ее ребенок был рожден.

Она вся похолодела, доставая телефон, и замерла с ним в руке. Она собиралась

позвонить своей матери, но не могла сообщить Джослин об этом. Джослин только что прекратила плакать и согласилась пойти с Люком выбирать кольца. И, даже если Клэри и считала свою мать достаточно сильной, чтобы справиться с любой правдой, которая раскроется, она без сомнения получит массу неприятностей от Конклава за то, что расследование зашло так далеко без их ведома.

Люк. Но Люк был с ее матерью. Она не могла позвонить ему.

Может быть, Мариза. Сама идея позвонить ей казалась чуждой и устрашающей. К тому же, Клэри знала, – даже не желая признаваться самой себе, что это имело значение – что если она позволит заняться этим Конклаву, ей запретят участвовать. Оттолкнут ее на обочину тайны, которая казалась очень личной. Не говоря уже о том, что это было бы похоже на предательство по отношению к ее матери.

Но отправиться туда самой, не зная, что она там встретит... Пускай она и тренировалась, но не настолько много. И она знала, что обычно сначала делала, а потом думала. Неохотно она притянула к себе телефон, помедлила секунду и отправила сообщение: «Риверсайд Драйв, 232. Встреть меня там, как можно скорее. Это важно». Она нажала кнопку отправки и подождала секунду, пока экран не засветился от ответа: «Хорошо».

Со вздохом облегчения, Клэри отложила телефон и пошла за своим оружием.

– Я любил Майю, – сказал Джордан. Он сидел на матрасе, сделав таки в итоге кофе, хотя и не отпив ни глотка. Он просто держал кружку в руках, вращая ее, пока говорил. – Ты должен знать об этом, прежде чем я скажу что-то еще. Мы оба были из этой проклятой дыры в Нью Джерси, и она бесконечно страдала оттого, что ее отец был черным, а мать белой. У нее был также брат, абсолютный псих. Не знаю, рассказывала ли она тебе о нем. Дэниэл.

– Не особо, – сказал Саймон.

– При всем при этом ее жизнь была довольно адской, но она не позволяла себе из-за этого расстраиваться. Я встретил ее в музыкальном магазине за покупкой старых записей. Пластинок. Мы разговорились, и я понял, что она была самой классной девчонкой на мили вокруг. И красивой. И милой, – взгляд Джордана был отстраненным. – Мы сходили на свидание, и оно было фантастическим. Мы влюбились друг в друга. Так, как влюбляются в шестнадцать. Затем меня укусили. Однажды ночью я влез в драку в клубе. Я часто это делал. Я привык, что меня могут пнуть или ударить, но укусить? Я посчитал парня, который это сделал, сумасшедшим, но неважно. Я пошел в больницу, меня зашили, и я забыл об этом.

Около трех недель спустя это началось. Волны неконтролируемого гнева и злобы. Перед глазами все темнело, и я не знал, что происходит. Я разбил окно на кухне рукой, потому что был закрыт ящик. Я жутко ревновал Майю, убежденный, что она искала себе другого, уверенный в этом... Я даже не знаю, что я думал тогда. Просто знаю, что сломался. Я ударил ее. Хотел бы я сказать, что не помню этого, но я помню. А затем она порвала со мной... – его голос осекся. Он глотнул кофе; Саймон подумал, что он выглядит больным. Должно быть, он не особо делился этой историей раньше. Или вообще не делился. – Пару ночей спустя я пошел на вечеринку, и она была там. Танцевала с другим. Целовала его, будто хотела доказать мне, что все кончено. Она выбрала для этого плохую ночь, хотя конечно не знала об этом. Это было первое полнолуние с тех пор, как меня укусили, – его костяшки побелели оттого, как он сжимал чашку. – Первая ночь, когда я перекинулся. Трансформация разорвала мое тело, отделила кожу от костей.

Меня терзала агония, и не только из-за этого. Я хотел ее, хотел, чтобы она вернулась, хотел объяснить, но все, что я мог делать, это выть. Я помчался вдоль улиц, и тогда я увидел ее, идущую через парк к ее дому. Она шла домой...

– И ты напал на нее, – сказал Саймон. – Ты укусил ее.

– Да. – Джордан погрузился мыслями в прошлое. – Когда я проснулся следующим утром, я знал, что наделал. Я попытался прийти к ней домой, чтобы объяснить. Я был на полпути к ее дому, когда здоровый парень пересек мой путь и уставился на меня. Он знал, кем я был, знал все обо мне. Он объяснил, что он член Волков-Защитников, и его приставили ко мне. Он был очень недоволен, что опоздал, что я уже укусил кого-то. Он не позволил мне

подобраться к ней. Он сказал, я сделаю только хуже. Пообещал, что Волки-Защитники будут присматривать за нею. Он сказал, что раз я уже укусил человека, что было под запретом, единственный способ избежать наказания это присоединиться к Защитникам и научиться контролировать себя.

Я бы не сделал этого. Я бы плюнул ему в лицо и принял любое наказание, которое они придумают. Я в достаточной мере ненавижу себя. Но когда он объяснил, что я могу помочь людям, вроде меня, возможно, остановить то, что произошло со мной и Майей, я словно увидел свет в конце тоннеля, путь в будущее. Словно это был шанс исправить то, что я натворил.

– Хорошо, – медленно сказал Саймон. – Но не странное ли это совпадение, что тебя в итоге приставили ко мне? К парню, который встречался с девушкой, которую ты укусил и превратил в оборотня?

– Это не совпадение, – сказал Джордан. – Твое дело было одним из кучи, которую мне дали. Я выбрал тебя, потому что в записях была упомянута Майя. Оборотень и вампир встречаются. Знаешь, это что-то вроде значимого дела. Тогда я впервые осознал, что она стала оборотнем после того... что я сделал.

– Ты не пытался узнать об этом ранее? Это кажется как-то...

– Я пытался. Волки не хотели, чтобы я узнавал, но я сделал все, что смог, чтобы узнать, что случилось с ней дальше. Я знал, что она сбежала из дома, но жизнь там все равно была дерьмовой, так что это мне ни о чем не сказало. И нет никаких государственных регистров для оборотней, где я мог бы поискать ее. Я просто... надеялся, что она не обратилась.

– Значит, ты выбрал меня из-за Майи?

Джордан покраснел.

– Я подумал, может, если встречу тебя, то смогу узнать, что произошло с ней. Все ли с ней в порядке.

– Вот почему ты сказал мне разобраться с моими двумя девушками, – сказал Саймон, вспоминая. – Ты хотел защитить ее.

Джордан посмотрел на него поверх края кружки с кофе.

– Да, ну это было по-свински.

– И это ты положил флаер нашей группы под ее дверь. Так ведь? – Саймон покачал головой. – И, вмешательство в мои отношения было частью назначения или просто личным дополнением?

– Я сломал ей жизнь, – сказал Джордан. – Я не хотел видеть, как это сделает кто-то еще.

– И до тебя не дошло, что если она придет на наше выступление, то попытается оторвать тебе голову? Если бы она не опоздала, возможно, успела бы даже сделать это, пока ты на сцене. Это было бы увлекательным дополнением для зрителей.

– Я не знал, – сказал Джордан. – Я не знал, что она настолько ненавидит меня. Я имею в виду, я не ненавижу парня, который обратил меня; я вроде как понимаю, что он мог не контролировать себя в тот момент.

– Ага, – сказал Саймон, – но ты никогда не любил этого парня. У тебя не было отношений с ним. Майя любила тебя. Она считает, что ты укусил ее и бросил, и больше никогда не вспоминал о ней. Она будет ненавидеть тебя так же сильно, как когда-то любила.

Прежде чем Джордан успел ответить, прозвенел звонок – не тот, который использовался на двери внизу, а тот, в который звонили, если стояли прямо за дверью. Парни обменялись непонимающими взглядами.

– Ты ждешь кого-то? – спросил Саймон.

Джордан покачал головой и отставил кружку с кофе. Вдвоем они вышли в маленькую прихожую. Джордан показал Саймону, чтобы тот встал за его спину, пока он открывает дверь.

Там никого не было. Вместо этого там был свернутый лист бумаги на коврике, придавленный большим камнем. Джордан наклонился, поднимая бумагу, и распрямился нахмурившись.

– Это тебе, – сказал он, протягивая лист Саймону.

Озадаченный, Саймон развернул бумагу. Посреди листа, написанное детскими печатными буквами, было послание:

«Саймон Льюис. У нас твоя подружка. Ты должен прийти на Риверсайд Драйв, 232 сегодня. Будь там до темноты, или мы перережем ей глотку».

– Это шутка, – сказал Саймон, уставившись на бумагу. – Это должно быть шутка.

Без единого слова Джордан схватил Саймона за руку и потянул в гостиную. Отпустив его, он порывлся в поисках беспроводного телефона, пока не нашел его.

– Позвони ей, – сказал он, прижимая телефон к груди Саймона. – Позвони Майе и убедись, что она в порядке.

– Но это может быть не она.

Саймон уставился на телефон, пока весь ужас ситуации овладевал его разумом, как упырь, воющий за окнами дома и умоляющий впустить его внутрь. «Сфокусируйся, – сказал он себе. – Без паники. Это может быть Изабель».

– О, боже, – Джордан впился в него взглядом. – У тебя есть еще подружки? Может, нам составить список тех, кому звонить?

Саймон выдернул у него телефон и развернулся, набирая номер.

Майя ответила на второй гудок.

– Алло?

– Майя... Это Саймон.

Дружелюбие пропало из ее голоса.

– Чего ты хочешь?

– Просто хотел убедиться, что ты в порядке, – сказал он.

– Я в порядке, – ответила она твердо. – Не то чтобы то, что произошло между нами, было очень серьезно. Я не особо счастлива, но я переживу. Хотя, ты все равно засранец.

– Нет, – сказал Саймон. – Я имею в виду, я хотел убедиться, что с тобой все хорошо.

– Это из-за Джордана? – он почувствовал сдержанный гнев, когда она произнесла его имя. – Точно. Вы же ушли вместе, так ведь? Вы теперь друзья или что-то вроде того, да? Ну, можешь передать ему, чтобы держался от меня подальше. Хотя, на самом деле, это вас обоих касается.

Она повесила трубку. Звук гудка шумел в телефоне, как раздраженная пчела.

Саймон взглянул на Джордана.

– Она в порядке. Она ненавидит нас обоих, но судя по всему все остальное нормально.

– Хорошо, – сказал Джордан напряженно. – Звони Изабель.

Изабель подняла только со второй попытки. Саймон уже почти запаниковал к тому времени, как ее голос послышался на линии, звуча отстраненно и раздраженно.

– Кто бы это ни был, лучше тебе иметь хорошую причину.

По его венам разлилось облегчение.

– Изабель. Это Саймон.

– О, бога ради. Чего тебе надо?

– Я просто хотел убедиться, что ты в порядке...

– Вот как. А что, я должна быть расстроена, потому что ты врущий, встречающийся одновременно с двоими сукин сын...

– Нет. – Это уже начало раздражать Саймона. – Я имел в виду, у тебя все хорошо? Тебя не похитили или еще что-нибудь?

На другом конце повисло долгое молчание.

– Саймон, – сказала Изабель в итоге. – Это самая глупая отмазка для звонка с примирением, которую я когда-либо слышала. Что с тобой не так?

– Я не уверен, – сказал Саймон и повесил трубку, прежде чем она могла бы сделать это. Он протянул телефон Джордану. – С ней тоже все нормально.

– Не понимаю. – Джордан выглядел озадаченно. – Кто делает подобные угрозы, когда они ни на чем не основаны? Я имею в виду, слишком просто проверить и убедиться, что это ложь.

– Может, они думают, что я глупец, – начал Саймон, а затем замолчал, осознав ужасную мысль. Он выхватил телефон у Джордана и начал набирать номер одеревеневшими пальцами.

– Кто это? – сказал Джордан. – Кому ты звонишь?

Телефон Клэри зазвонил, когда она как раз повернула за угол Девяносто шестой улицы на Риверсайд Драйв. Казалось, дождь смыл привычную городскую грязь; солнце светило с ясного неба на ярко-зеленую полосу парка, расположенного вдоль реки, вода которой казалась почти голубой.

Она порылась в сумке в поисках телефона, достала его и раскрыла.

– Алло?

На линии послышался голос Саймона.

– О, слава... – он осекся. – С тобой все в порядке? Тебя не похитили?

– Похитили? – Клэри взглянула на номера зданий, шагая по городу. 220, 224. Она не была уверена, что именно искала. Будет ли это выглядеть, как церковь? Или что-то другое, зачарованное в виде заброшенной стоянки? – Ты не пьян?

– Рановато для этого, – в его голосе явно слышалось облегчение. – Нет, я просто... я получил странную записку. Кто-то угрожает мне, что схватит мою подружку.

– Которую?

– Ха-ха-ха, – произнес Саймон без веселья в голосе. – Я уже позвонил Майе и Изабель, и с ними все в порядке. Затем я подумал о тебе – я имею в виду, мы много времени проводим вместе. Кто-то мог получить неверное впечатление. Но теперь я не знаю, что думать.

– Я тоже, – внезапно перед Клэри показался Риверсайд Драйв, 232 – большое квадратное каменное здание с заостренной крышей. С какой-то стороны, оно могло быть церковью, подумала она, хотя сейчас оно было не особо похоже на нее.

– Кстати, Майя и Изабель узнали друг о друге прошлой ночью. Это было не очень красиво, – добавил Саймон. – Ты была права насчет игры с огнем.

Клэри изучила фасад здания 232. Большинство зданий вдоль дороги были богато отделаны, со швейцарами в ливреях внутри. У этого же были только высокие деревянные двери с изогнутыми верхушками и старомодные металлические ручки вместо обычных.

– Да ну. Мне жаль, Саймон. Хотя одна из них разговаривает с тобой?

– Не особо.

Она схватилась за одну ручку и толкнула. Дверь открылась с мягким звуком. Клэри понизила голос.

– Может это кто-то из них оставил записку?

– Это не похоже на их стиль, – сказал Саймон, звуча искренне озадаченно. – Думаешь, Джейс сделал бы это?

Звук его имени был, как удар в живот. Клэри задержала дыхание и ответила:

– Не думаю, что он способен на такое, даже будь он зол, – она убрала телефон от уха. Заглянув в полуоткрытую дверь, она увидела то, что внутри обычной церкви было бы успокаивающим – длинный проход и мерцающий свет. Один взгляд внутрь определенно не повредит. – Мне нужно идти, Саймон, – сказала она. – Я позвоню тебе позже.

Она закрыла телефон и шагнула внутрь.

– Ты и правда думаешь, что это была шутка? – Джордан шагал взад вперед по квартире, как тигр в клетке зоопарка. – Не знаю. Мне это кажется реально больной шуткой.

– Я не сказал, что она не больная, – Саймон взглянул на записку, которая лежала на кофейном столике. Печатные буквы можно было легко разглядеть даже с этого расстояния. Один взгляд на них вызывал у него тошноту, хотя он знал, что они бессмысленны. – Я просто пытаюсь понять, кто мог прислать такое. И зачем.

– Может, мне следует перестать следить за тобой на один день и понаблюдать за ней, – предложил Джордан. – Знаешь, на всякий случай.

– Полагаю, ты говоришь о Майе, – сказал Саймон. – Я знаю, что это из лучших побуждений, но не думаю, что она захочет, чтобы ты ошивался рядом.

Челюсть Джордана сжалась.

- Я буду на расстоянии, чтобы она меня не видела.
- Ух ты. Ты все еще любишь ее, не так ли?
- У меня есть ответственность, – сказал Джордан твердо. – Что я чувствую – неважно.
- Поступай, как знаешь, – сказал Саймон. – Но думаю...

Звонок зазвенел снова. Двое парней обменялись одним единственным взглядом, прежде чем броситься снова к двери. Джордан достиг ее первым. Он схватил вешалку, стоящую возле двери, сбросил с нее одежду и распахнул дверь, держа вешалку над головой, как копье.

За порогом стоял Джейс. Он моргнул.

– Это вешалка?

Джордан поставил вешалку на пол и вздохнул.

– Будь ты вампиром, она бы пригодилась гораздо больше.

– Да, – сказал Джейс. – Или просто кем-то с кучей курток.

Саймон просунул голову мимо Джордана и сказал:

– Извини. У нас было напряженное утро.

– Ага, хорошо, – сказал Джейс. – Сейчас оно станет еще более напряженным. Я пришел, чтобы забрать тебя в Институт, Саймон. Конклав хочет увидеть тебя, и они не любят ждать.

В тот момент, когда дверь церкви Тальто захлопнулась за Клэри, она ощутила себя в другом мире, шум и суматоха Нью-Йорка были абсолютно заглушены. Пространство внутри здания было огромным и высоким, с потолком далеко над головой. По сторонам узкого прохода стояли ряды скамеек, а толстые коричневые свечи горели в подсвечниках вдоль стен. Помещение показалось Клэри слабо освещенным, хотя, возможно, это было из-за ее привычки к яркости колдовского света.

Она пошла вдоль прохода, ее кеды мягко шуршали вдоль пыльных камней. «Странно, – подумала она, – церковь совсем без окон». В конце прохода она оказалась рядом с апсидой, от которой несколько ступеней вели к выступу, на котором располагался алтарь. Она моргнула, глядя на него и понимая, что еще было странным: в церкви не было крестов. Вместо них на алтаре была каменная табличка, на которой располагалась резная фигурка совы. На табличке была надпись:

«ДОМ ЕЕ ВЕДЕТ К СМЕРТИ, И СТЕЗИ ЕЕ К МЕРТВЕЦАМ.

НИКТО ИЗ ВОШЕДШИХ В НЕЕ НЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ,

И НЕ ВСТУПАЕТ НА ПУТЬ ЖИЗНИ»

Клэри моргнула. Она не особо хорошо знала Библию – она определенно не могла, как Джейс, рассказать наизусть огромный ее кусок – но, хоть это и звучало религиозно, было как-то странно для церкви. Она вздрогнула и подошла ближе к алтарю, где лежала большая закрытая книга. Одна из страниц, казалось, была отмечена; когда Клэри потянулась, чтобы открыть книгу, она поняла, что то, что показалось закладкой, было кинжалом с черной рукояткой и резными оккультными символами. Она видела эти символы раньше в своих учебниках. Это был атам, часто используемый при вызове демонов.

У нее внутри похолодело, но она все равно наклонилась, чтобы изучить отмеченную страницу, настроенная узнать что-нибудь – только чтобы понять, что она была исписана изящным стилизованным почерком, который было бы сложно разобрать, будь это даже английский. Но это был не он; острый, похожий на иглы алфавит, который, она была уверена, она не видела раньше. Слова располагались под изображением, которое Клэри опознала как круг для вызова – такие круги рисовали колдуны на земле, прежде чем произносить заклинания. Круги должны были притянуть и собрать магическую силу. Этот, нарисованный зелеными чернилами, был из двух concentрических кругов с квадратом посередине. Между кругами были нарисованы руны. Клэри не знала их, но ощутила язык рун глубоко в своих костях, и это заставило ее вздрогнуть. Смерть и кровь.

Она быстро перевернула страницу, и натолкнулась на несколько иллюстраций, заставивших ее резко вдохнуть.

Это была последовательность изображений, которая началась с картинка женщины с

птицей на левом плече. Птица, вероятно, ворон, выглядела зловещей и коварной. На второй картинке птицы не было, а женщина была явно беременна. На третьей, женщина лежала на алтаре, не отличимом от того, возле которого сейчас стояла Клэри. Возле нее стояла фигура в мантии, с на удивление современным шприцем в руке. Шприц был наполнен темно-красной жидкостью. Женщина определенно знала, что эту жидкость введут ей, потому что она кричала.

На последней картинке женщина сидела с младенцем на коленях. Она выглядела практически нормально, за исключением того, что ее глаза были абсолютно черными, без белков. Женщина смотрела на своего ребенка с выражением ужаса.

Клэри ощутила, как закололо заднюю сторону ее шеи. Ее мать была права. Кто-то пытался сделать еще детей вроде Джонатана. Хотя, они уже сделали это.

Она отошла от алтаря. Каждый нерв в ее теле кричал, что что-то с этим местом было не так. Она не думала, что может оставаться еще хоть на секунду там. Лучше выйти наружу и ждать там подкрепления. Она могла обнаружить разгадку сама, но результат этого был больше, чем она могла вынести.

И тогда она услышала звук.

Мягкий шепот, будто медленное течение, который исходил из пространства над ее головой. Она взглянула наверх, твердо сжимая атам в своей руке. И обомлела. Вдоль всей верхней галереи стояли ряды безмолвных фигур. Они были одеты в серые спортивные костюмы – кеды, бледно-серые толстовки и куртки на молниях с поднятыми капюшонами. Они были абсолютно неподвижны, их руки лежали на перилах галереи, и они смотрели на нее. По крайней мере, ей показалось, что они смотрели. Их лица были полностью скрыты в тени; она даже не могла определить, мужчинами они были или женщинами.

– Я... Простите, – сказала она. Ее голос отразился громким эхом в каменном помещении. – Я не хотела вмешиваться или...

Ответа не последовало, только тишина. Тишина, как тяжелая ноша. Сердце Клэри заколотилось быстрее.

– Я просто пойду тогда, – сказала она, с трудом сглатывая. Она шагнула вперед, положила атам на алтарь и повернулась, чтобы уйти. Она ощутила запах за секунду, прежде чем повернуться – знакомый запах гниющего мусора. Между ней и дверью, возвышаясь, как стена, была кошмарная груда чешуи, острых зубов и длинных когтей.

Последние семь недель Клэри училась противостоять демонам в битве, даже огромным. Но теперь, когда это случилось в реальности, все что она могла делать, это кричать.

Глава одиннадцатая

Наш вид

Демон сделал выпад на Клэри, она резко прекратила кричать и бросилась назад, к алтарю – идеальный флип – и на одно причудливое мгновение ей стало жаль, что Джейса не было рядом, и он не видел этого. Она ударилась об пол приседая, сильно ударившись обо что-то на алтаре, заставляя вибрировать камень.

Вой зазвучал через всю церковь. Клэри поднялась на колени, и выглянула за край алтаря. Демон не был таким уж крупным, как ей сначала показалось, но он не был и маленьким – размером с холодильник, с тремя головами на покачивающемся основании. Головы были слепыми с огромными зияющими челюстями, из которых нитями свисали зеленоватые слюни. Казалось, демон ударился своей левой головой об алтарь, когда ринулся за ней, потому что сейчас он тряс головой туда-сюда, будто пытаясь очистить ее.

Клэри дико взглянула наверх, но фигуры в костюмах все еще стояли на своих местах. Ни одна из них не шевельнулась. Казалось, они просто наблюдают за тем, что произойдет дальше с отстраненным интересом. Она повернулась, посмотрела назад, но там, казалось, не было никаких выходов из церкви помимо двери, через которую она вошла, и демон в настоящее время блокировал ее путь к выходу. Понимая, что теряет драгоценные секунды,

она поднялась на ноги и схватила атам. Она выдернула его из алтаря и нырнула вниз в тот миг, как демон накинулся на нее снова. Она перевернулась на бок, когда голова, качаясь на толстом стержне шеи, метнулась к алтарю, и толстый черный язык высунулся наружу, пытаясь достать до нее. С криком она вонзила атам в шею существа один раз, и отдернула руку, карабкаясь назад и в сторону.

Существо кричало, его голова была откинута назад, черная кровь брызгала из раны, которую она нанесла. Но это не было смертельным ударом. Пока Клэри смотрела, рана начала медленно затягиваться, черновато-зеленая плоть демона, срасталась, словно ее сшили. Ее сердце упало. Конечно. Смысл использования рунического оружия сумеречными охотниками было в том, что руны предотвращали исцеление демона.

Она потянулась к стило за поясом левой рукой, и быстро выдернула его, когда демон снова бросился на нее. Она прыгнула в сторону и больно ударилась об лестницу, катясь, пока не остановилась напротив первого ряда церковных скамей. Демон повернулся с шумом и снова направился к ней. Осознав, что она все еще держала и стило и клинок – на деле, клинок даже ранил ее, когда она переворачивалась, и кровь быстро пропитала ее куртку – она взяла клинок в левую руку, а стило в правую, и с отчаянной быстротой начертила руну енкели на рукоятке атама.

Прежние символы на ней стали растворяться и исчезать, когда руна ангельской силы взяла верх. Клэри подняла взгляд; демон почти подобрался к ней, три его головы тянулись вперед, а пасти были открыты. Встав на ноги, она отвела руку назад и метнула клинок так сильно, как только смогла. К ее удивлению, он вонзился в среднюю голову прямо посередине черепа, погружаясь вглубь до рукоятки. Голова задергалась, и демон заревел – на сердце у Клэри полегчало – а затем голова просто упала, ударяясь о землю с противным звуком. Демон все равно надвигался, таща теперь мертвую голову на обмякшей шее за собой в сторону Клэри.

Сверху раздался топот множества ног. Клэри подняла взгляд. Фигуры в спортивных костюмах исчезли, галерея была пуста. Зрелище не особо ее успокоило. С сердцем, танцующим танго в ее груди, Клэри развернулась и побежала к входной двери, но демон был быстрее ее. Хрюкнув от усилия, он прыгнул через нее и приземлился возле дверей, преграждая ей путь. С шипением он двинулся на нее, покачивая своими двумя оставшимися головами, а затем поднялся, вытягиваясь в полный рост и готовясь напасть на нее...

Что-то сверкнуло в воздухе, как огненная стрела, отливающая золотом. Головы демона взвились, шипение превратилось в рев, но было слишком поздно – серебристая лента, плотно обвившая их, туго затянулась, и с брызгами черной крови оставшиеся две головы отделились от тела. Клэри откатилась с дороги, когда кровь забрызгала ее, обжигая кожу. Затем она наклонила голову, когда безголовое тело покачнулось, упав в ее сторону...

И пропало. Оно сжалось, демон испарился, когда его засосало назад в его измерение. Клэри осторожно подняла голову. Входные двери церкви были распахнуты, и в проходе стояла Изабель в ботинках и черном платье, ее кнут из электрума в ее руке. Она медленно обвивала его вокруг своего запястья, оглядывая в процессе церковь, ее темные брови были нахмурены. Когда ее взгляд упал на Клэри, она ухмыльнулась.

– Проклятье, девочка, – сказала она. – Во что ты ввязалась?

Прикосновения рук слуг к коже Саймона были холодными и быстрыми, как прикосновение ледяных крыльев. Он вздрагивал немного от их сухой и грубой кожи по мере того как они снимали повязку с его головы, закончив они поклонились и отступили.

Моргнув, он огляделся. Секунду назад, он стоял в лучах солнца на углу Семьдесят Восьмой улицы и Второй-авеню, достаточно далеко от Института, что он счел безопасным для использования могильной земли и связи с Камиллой, не вызвав подозрений. Сейчас же он находился в тускло освещенной комнате, достаточно большой, с гладким мраморным полом и элегантными колоннами, держащими высокий потолок. Вдоль левой стены был ряд застекленных кабинок, над каждой из которых висела табличка с медными буквами «КАССИР». Другая медная табличка на стене гласила, что это «Национальный Банк Дуглас».

Толстый слой пыли покрывал пол и столы, где когда-то стояли люди, чтобы выписать чеки или заполнить бланки, а украшенные медью лампы, свисающие с потолка, были покрыты медянкой.

В центре комнаты было высокое кресло, на котором расположилась Камилла. Ее серебристые волосы были распущенны и ниспадали на плечи словно дождь. Ее красивое лицо не было накрашено, но ее губы были очень красные. В полумраке банка, они были чуть ли не единственным цветом, который Саймон мог видеть.

– Обычно я не соглашаюсь на встречу в дневное время, Светоч, – сказала она. – Но для тебя я сделала исключение.

– Спасибо. – Он не заметил стул поставленный для него и продолжал неловко стоять. Если бы его сердце все еще билось, подумал он, оно бы бешено колотилось. Когда он согласился сделать это для Конклава, он забыл, насколько Камилла пугала его. Может это нелогично – что она могла действительно сделать ему? – но что-то было не так.

– Полагаю, это означает, что ты рассмотрел мое предложение, – сказала Камилла. – И ты согласен.

– Почему вы думаете, что я согласен? – спросил Саймон, очень надеясь, что она не заподозрит в бессмысленности его вопроса то, что он тянет время.

Она выглядела слегка нетерпеливой.

– Ты вряд ли захотел бы доставить новость лично о том, что решил отказать мне. Тебе стоило бы остерегаться моего нрава.

– Мне стоит бояться вашего нрава?

Улыбаясь, Камилла откинулась на спинку кресла. Кресло выглядело современно и роскошно, в отличие от всего остального в заброшенной банке. Должно быть доставлено сюда откуда-то слугами Камиллы, которые стояли с каждой стороны, как молчаливые статуи.

– Многие боятся, – сказала она. – Но у тебя нет причин для этого. Ты очень меня порадовал. Хотя ты ждал до последнего момента, чтобы связаться со мной, я чувствую, что ты сделал правильный выбор.

Телефон Саймона в ту минуту начал настойчиво вибрировать. Он вскочил, чувствуя, как струйка холодного пота спускается по его спине, поспешно доставая его из кармана пиджака.

– Простите, – сказал он, раскрывая телефон. – Телефон.

Камилла выглядела испуганной.

– Не отвечай на него.

Саймон начал подносить телефон к уху. Пока он это делал, он умудрился несколько раз нажать на кнопку камеры пальцем.

– Это займет всего секунду.

– Саймон.

Он нажал кнопку отправки и быстро захлопнул телефон.

– Простите. Я не подумал.

Грудь Камиллы вздымалась и опускалась от ярости, несмотря на то, что она на самом деле не дышала.

– От своих слуг я требую больше уважения, – прошипела она. – Ты никогда не будешь делать этого снова, или...

– Или что? – спросил Саймон. – Вы не можете причинить мне вред, как и любой другой. И вы сказали мне, что я не буду слугой. Вы сказали, что я буду вашим партнером, – он сделал паузу, добавляя немного высокомерия своему голосу. – Возможно, мне стоит пересмотреть принятие вашего предложения.

Глаза Камиллы помрачнели.

– О, бога ради. Не будь маленьким дураком.

– Как вы можете произносить это слово? – спросил Саймон.

Камилла вскинула тонкие брови.

– Какое слово? Ты расстроен, из-за того что я назвал тебя дураком?

– Нет. Ладно, да, но я не это слово имел в виду. Вы сказали, «О...» – Его голос

надорвался. Он все еще не мог произнести этого. Бог.

– Поскольку я не верю в него, глупый мальчишка, – сказала Камилла. – А ты все еще веришь, – она наклонила голову, рассматривая его, как птица рассматривает червяка на тротуаре, прежде чем съесть его. – Думаю, возможно, пришло время поклясться на крови.

– Что... поклясться на крови? – Саймон усомнился, не ослышался ли он.

– Я постоянно забываю, что твои знания обычаев нашего вида настолько ограничены. – Камилла покачала своей серебристой шевелюрой. – Тебе придется принести клятву на крови в том, что ты предан мне. Это предотвратит твое неповиновение моей воле в будущем. Считай, что это своего рода... брачный договор. – Она улыбнулась, и он увидел блеск ее клыков. – Ко мне. – Она властно щелкнула пальцами, и ее приспешники двинулись в ее сторону с опущенными седыми головами. Первый достиг ее и вручил что-то вроде старомодной стеклянной ручки, с завитым заостренным концом для использования чернил. – Ты должен порезать себя и подписаться своей собственной кровью, – сказала Камилла. – Обычно я делаю это собственноручно, но Метка не позволит мне. Поэтому мы должны импровизировать.

Саймон колебался. Это было плохо. Очень плохо. Он достаточно знал о мире сверхъестественного, чтобы понимать все последствия клятвы. Это не пустые обещания, которые можно нарушить. Они сковывали как невидимые наручники. Если он поклянется, то действительно станет верным Камилле. Возможно навсегда.

– Соглашайся, – сказала Камилла, в ее голосе было нетерпение. – Не трани понапрасну время.

Сглотнув, Саймон с большой неохотой сделал шаг вперед, потом еще один. Слуга встал перед ним, преградив путь. Он держал нож для Саймона – злобного вида штуку с узким лезвием. Саймон взял его, и поднял над запястьем. Затем он опустил его.

– Знаете, – сказал он, – я очень не люблю боль. Или ножи...

– Сделай это, – зарычала Камилла.

– Должен быть другой способ.

Камилла встала с кресла, и Саймон увидел, что ее клыки были полностью выдвинуты. Она была по-настоящему в ярости.

– Если ты не прекратишь тратить мое время...

Появился неопределенный звук, разрывающий что-то огромное посередине. Большое мерцающее окно появилось у противоположной стены. Камилла повернулась к нему, ее губы застыли в шоке, когда она увидела, что это. Саймон знал, она поняла что это, так же как и он. Это могло быть только одно.

Портал. И через него появилось, по меньшей мере, десяток сумеречных охотников.

– Хорошо, – сказала Изабель, убирая быстрым жестом аптечку. Они были в одной из многочисленных гостевых комнат Института, предназначенных для гостей членов Конклава. Каждая из них была оборудована кроватью, комодом и шкафом, и небольшой ванной комнатой. И, конечно же, в каждой из них была аптечка с бинтами, припарками, и даже запасными стиле. – Это очень хорошие иратце, но исцеление займет некоторое время, чтобы исчезли синяки. А эти, – она провела рукой по следам ожогов на предплечье Клэри, где кровь демона брызнула на нее, – вероятно, не исчезнут полностью до завтра. Хотя, если ты отдохнешь, они заживут быстрее.

– Все нормально. Спасибо, Изабель. – Клэри посмотрела на свои руки, вокруг правой не было повязки, ее рубашка была порвана и окровавлена, хотя руны Иззи исцелили порезы снизу. Она подумала, что могла бы сделать иратце сама себе, но было приятно, что кто-то заботится о ней, и Иззи, хотя и не была самой приятной персоной для Клэри, могла быть способной и доброй, она чувствовала это. – И спасибо за появление и, ну ты понимаешь, спасение моей жизни от какого бы то ни было...

– Гидра-демон. Я говорила тебе. Они имеют много голов, но довольно глупы. И ты неплохо справлялась и до моего прихода. Мне понравилось то, что ты сделала с кинжалом. Хорошо соображаешь в минуту опасности. Быть сумеречным охотником это больше, чем

учиться, как пробивать дыры в вещах.

Изабель плюхнулась на кровать рядом с Клэри и вздохнула.

– Мне, вероятно, стоит пойти посмотреть, что я могу узнать о церкви Тальто до возвращения Конклава. Может быть, это поможет нам выяснить, что происходит. Больница, младенцы... – она вздрогнула. – Как я не люблю это.

Клэри рассказала Изабель многое из того, что могла, о том, почему она была в церкви, даже о демоне ребенке в больнице, но она сделала вид, что это она была подозрительной, и исключила свою маму из рассказа. Изабель выглядела удрученной, когда Клэри описала черты дитя. Он выглядел как нормальный ребенок, за исключением черных глаз и маленьких когтей вместо рук.

– Думаю, что они пытались сделать еще одного ребенка, такого же, как мой брат. Похоже, что они экспериментировали на малоимущей женщине, – сказала Клэри. – Но она не смогла вынести этого, когда родился ребенок, и сошла с ума. Только вот кто будет делать нечто подобное? Один из последователей Валентина? Тот, кто никогда не был пойман, может попытаться повторить то, что он делал?

– Может быть. Или это просто какая-то секта демонопоклонников. Их много сейчас развелось. Хотя я не могу представить, кто захочет сделать больше существ схожих с Себастьяном. – Ее голос повысился от ненависти, когда она произнесла его имя.

– Его настоящее имя – Джонатан.

– Джонатан имя Джейса, – сухо сказала Изабель. – Я не буду называть этого монстра именем моего брата. Для меня он всегда будет Себастьяном.

Клэри признала, что Изабель была права. Ей тоже было трудно думать о нем, как о Джонатане. Она подумала, что это было не справедливо по отношению к истинному Себастьяну, но ведь никто из них на самом деле не знал его. Было легче присвоить чужое имя порочному сыну Валентина, чем называть его так, что заставляет его чувствовать себя ближе к ее семье, ближе к ее жизни.

Изабель говорила непринужденно, но Клэри предположила, что ее разум напряженно работает, размышляя над различными задачами.

– В любом случае, я рада, что ты написала мне, что собираешься сделать. Я поняла, что происходит нечто странное, из твоего сообщения, и честно говоря, мне было скучно. Все уехали на какое-то тайное дело с Конклавом, но я не захотела идти, потому что там был Саймон, а я ненавижу его сейчас.

– Саймон с Конклавом? – Клэри был поражена. Она заметила, что Институт казался еще более пустым, чем обычно, когда они прибыли в него. Джейса, конечно же, здесь не было, но она не ожидала, что он будет, хотя не знала, почему. – Я разговаривала с ним сегодня утром, и он ничего не сказал о своих делах с ними, – добавила Клэри.

Изабель пожала плечами.

– Это как-то связано с вампирскими делами. Это все, что я знаю.

– Как думаешь, он в порядке?

Голос Изабель звучал раздраженно.

– Он больше не нуждается в твоей защите, Клэри. У него Метка Каина. Он может быть взорван, расстрелян, утоплен, и избит, но с ним все будет в порядке. – Она сердито посмотрела на Клэри. – Я заметила, что ты не спрашиваешь меня, почему я ненавижу Саймона, – сказала она. – Полагаю, ты знала, что он встречался с нами обеими?

– Знала, – признала Клэри. – Я сожалею.

Изабель отмахнулась от ее признания.

– Ты его лучший друг. Было бы странно, если бы ты не знала.

– Мне следовало рассказать тебе, – сказала Клэри. – Просто, понимаешь, я никогда не допускала мысли, что ты серьезно относишься к Саймону.

Изабель нахмурилась.

– Я и не относилась. Просто, я думала, что, по крайней мере, он к этому серьезно относится. Поскольку я из его лиги и все такое. Думаю, я ожидала от него большего, чем от

других парней.

– Может быть, – тихо сказала Клэри, – Саймон не ходит на свидания только с теми, о ком думает, что они из его лиги. – Изабель посмотрела на нее, и Клэри почувствовала, что краснеет. – Прости. Ваши отношения действительно не мое дело.

Изабель накручивала свои темные локоны, что она всегда делала, когда чувствовала себя напряженно.

– Нет, это не так. Полагаю, что могу спросить тебя, почему ты написала мне, чтобы я пришла в церковь и встретилась с тобой, а не Джейсу, но не буду. Я не глупая. Я знаю, что-то случилось между вами, несмотря на страстные объятия в переулке. – Она внимательно посмотрела на Клэри. – Вы двое уже успели переспать?

Клэри почувствовала прилив крови к лицу.

– Что... я имею в виду, нет, мы не переспали, но не понимаю как это взаимосвязано.

– Это не взаимосвязано, – сказала Изабель, приглаживая свои локоны. – Это всего лишь любопытство. Что сдерживает вас?

– Изабель... – Клэри подтянула к себе ноги, обняла колени и вздохнула. – Ничего. Мы просто ждем подходящего момента. У меня еще никогда... понимаешь.

– А у Джейса было, – сказала Изабель. – Я имею в виду, что полагаю, что было. Я не знаю наверняка. Но если тебе когда-нибудь что-то понадобится... – Она позволила предложению висеть в воздухе.

– Понадобится?

– Защита. Понимаешь. Чтобы ты могла обезопаситься, – сказала Изабель. Она говорила так невозмутимо, как говорят о запасных пуговицах. Можно подумать, что ангел был настолько дальновидным, чтобы дать нам противозачаточную руну, но ничего такого нет.

– Конечно, я буду осторожна, – Клэри зарделась. – Хватит об этом. Это как-то неудобно.

– Это девичьи разговоры, – сказала Изабель. – Ты просто думаешь, что это неудобно, потому что проводила все время с Саймоном, твоим единственным другом. И ты не можешь поговорить с ним о Джейсе. Это было бы неловко.

– А Джейс и правда, тебе ничего не сказал? О том, что беспокоит его? – спросила Клэри, тихим голосом. – Ты ручаешься?

– А ему и не нужно этого делать, – сказала Изабель. – Ваше поведение, и как Джейс ходит вокруг, будто кто-то умер, было бы странно, если бы я ничего не заметила. Тебе следовало прийти и поговорить со мной раньше.

– С ним, по крайней мере, все в порядке? – очень тихо спросила Клэри.

Изабель встала с кровати и посмотрела на нее сверху вниз.

– Нет, – ответила она. – Он очень сильно не в порядке. А с тобой?

Клэри покачала головой.

– Так я и думала, – сказала Изабель.

К удивлению Саймона, Камилла, увидев сумеречных охотников, не стала оставаться на месте. Она вскрикнула и побежала к двери, только затормозила, когда поняла, что на улице уже было светло, и что на выходе из банка, она быстро сторит. Она зашипела и прижалась спиной к стене, ее клыки обнажились, из горла донесся свист.

Саймон отступил назад, когда сумеречные охотники из Конклава окружили его, все в черном, как стая ворон. Он увидел Джейса, его лицо было бледным, словно белый мрамор, и он пронзил одного из слуг широким палашиом так, словно прибил муху. Мариза вышла вперед, ее струящиеся черные волосы напомнили Саймону об Изабель. Она обезвредила второго слугу резким движением ее ангельского клинка, и пошла на Камиллу с вытянутым сияющим мечом. С ней рядом был Джейс и еще один сумеречный охотник – высокий мужчина с черными вьющимися по предплечьям рунами, похожими на виноградные лозы.

Остальные сумеречные охотники разбежались по банку, проверяя его с этими их странными штуками – сенсорами – в поисках демонической активности. Они игнорировали слуг Камиллы, неподвижно лежащих и истекающих кровью. Саймона они также игнорировали. Он мог бы быть одной из колонн, учитывая, сколько внимания они ему

уделили.

– Камилла Белкорт, – произнесла Мариза, и ее голос эхом отразился от мраморных стен. – Вы нарушили Закон и должны понести наказание. Вы можете сдаться и пойти с нами, или будете сопротивляться?

Камилла плакала, не предпринимая никаких попыток, чтобы скрыть слезы, которые были окрашены кровью. Они стекали по ее белому лицу красными полосами, пока она всхлипывала.

– Уокер... и мой Арчер...

Мариза выглядела растерянной. Она повернулась к мужчине слева.

– О чем она, Кадыр?

– Ее слуги, – ответил он. – Полагаю, что она оплакивает их смерть.

Мариза отвернулась, отмахиваясь рукой.

– Это противозаконно делать из людей слуг.

– Я создала их до того, как обитатели Нижнего Мира стали подчиняться вашим законам, сука. Они были со мной 200 лет. Они были детьми для меня.

Рука Маризы сжала рукоять клинка.

– Что ты знаешь о детях? – прошипела она – Что ваш вид, вообще знает, кроме разрушения?

Все в слезах, лицо Камиллы на мгновение озарилось триумфом.

– Я знаю то, – сказала она, – что, несмотря на то, что ты еще скажешь, несмотря на любую ложь, ты ненавидишь наш вид. Не так ли?

Лицо Маризы ожесточилось.

– Взять ее, – приказала она. – Отведите ее к Святилищу.

Джейс быстро подошел к Камилле и схватил ее руку, Кадир взял ее за другую руку. Вместе, они связали ее.

– Камилла Белкорт, вы обвиняетесь в убийстве людей, – провозгласила Мариза. – И в убийстве сумеречных охотников. Вас отправят в Святилище, где и допросят. Наказание за убийство сумеречных охотников – смерть, но не исключено, что если вы будете сотрудничать, ваша жизнь будет сохранена. Понятно? – спросила Мариза.

Камилла вызывающе тряхнула головой.

– Есть только один человек, которому я отвечу, – сказала она. – Если вы не приведете его, то я ничего не скажу. Вы можете убить меня, но я ничего не скажу.

– Очень хорошо, – сказала Мариза. – Кто же этот человек?

Камилла обнажила свои клыки.

– Магнус Бейн.

– Магнус Бейн? – Мариза выглядела изумленной. – Верховный маг Бруклина? Почему вы хотите говорить с ним?

– Я отвечу только ему, – сказала Камилла снова. – Или никому не отвечу.

И больше она не произнесла ни слова. Когда ее уводили сумеречные охотники, Саймон провожал ее взглядом. Он не чувствовал ничего, хотя как считал, должен был ощущать торжество. Он чувствовал себя опустошенным, с ноющим желудком. Он посмотрел на тела убитых прислуг – они ему вообще-то не особо нравились, – но вообще-то они не просили быть теми, кем они были. В некотором смысле, может быть, и Камилла тоже. Но все же она была монстром для нефилима. И может быть, не только потому, что убила сумеречных охотников; может быть, действительно, для них не было возможности думать о ней иначе.

Камилла была выдворена за дверь. Джейс стоял с другой стороны, нетерпеливо махая Саймону, чтобы тот следовал за ним.

– Ты идешь или нет? – Позвал он.

«Несмотря на то, что ты еще скажешь, несмотря на любую ложь, ты ненавидишь наш вид».

– Иду, – сказал Саймон и неохотно двинулся вперед.

Глава двенадцатая

Святылище

– Как думаешь, зачем Камилла хочет встретиться с Магнусом? – спросил Саймон.

Он и Джейс стояли у задней стены Святылища, которое было массивной комнатой, прилегающей к основной части Института через узкий проход Оно, по сути, не являлось частью Института, и было специально оставлено неосвященным, чтобы могло использоваться для заключения демонов и вампиров. Джейс рассказал Саймону, что Святылища вышли из моды, примерно тогда, когда были изобретены Проекции, но с тех пор им периодически находилось применение. Видимо, это был как раз такой случай.

Это была большая каменная комната с колоннами и отделанным камнем выходом за широкими двойными дверьми; выход вел в коридор, соединяющий комнату с Институтотом. Большие выбоины в полу показывали, что, что бы ни было запертым здесь за годы существования помещения – оно было довольно мерзким и большим. Саймон не мог не подивиться, как много еще огромных комнат с колоннами ему придется увидеть за свое существование. Камилла прислонилась к одной из колонн, убрав руки за спину, и с каждой стороны от нее стояли сумеречные охотники. Мариза шагала туда-сюда, иногда обмениваясь фразами с Кадиром, определенно пытаясь выработать какой-то план. В комнате не было окон, по понятным причинам, но ведьмин свет горел повсюду, придавая всему своеобразный беловатый оттенок.

– Не знаю, – ответил Джейс. – Может, ей нужен модный совет.

– Ха, – сказал Саймон. – Кто этот парень, с твоей матерью? Он выглядит знакомо.

– Это Кадир, – ответил Джейс. – Возможно, ты встречал его брата. Малика. Он погиб при нападении на корабль Валентина. Кадир второй по важности человек в Конклаве после моей матери. Она во многом полагается на него.

Саймон наблюдал, как Кадир потянул Камиллу за руки, так чтобы они обвились вокруг колонны, и сцепил их у запястий. Вампирша тихо вскрикнула.

– Освященный металл, – сказал Джейс без тени эмоций. – Он жжет их.

«Их», – подумал Саймон. «Ты имел в виду «вас». Я такой же, как она. Я не отличаюсь от нее только потому, что ты знаешь меня».

Камилла плакала. Кадир отступил, его лицо было бесстрастным. Руны, темнее его темной кожи, овивали полностью его руки и горло. Он повернулся, чтобы сказать что-то Маризе, Саймон уловил слово «Магнус», и «огненное сообщение».

– Снова Магнус, – сказал Саймон. – Разве он не в путешествии?

– Магнус и Камилла оба очень стары, – сказал Джейс. – Полагаю, что не особо странно, что они знают друг друга. – Он пожал плечами, казалось, не заинтересовавшись в этой теме. – Во всяком случае, я вполне уверен, что они не собираются вызвать Магнуса обратно сюда. Мариза хочет получить информацию, и очень сильно. Она знает, что Камилла не убивала тех сумеречных охотников только ради крови. Есть более простые способы добычи крови.

Саймон на мгновение подумал о Марин, и почувствовал себя плохо.

– Что ж, – сказал он, стараясь казаться равнодушным. – Думаю, это означает, что Алек вернется. Это хорошо, не так ли?

– Конечно. – Голос Джейса звучал безжизненно. Он и сам выглядел не очень хорошо; белый свет комнаты отбрасывал тени на углы его скул – более острые, чем обычно, показывая, что он потерял в весе. Его ногти были покусаны до крови у основания, и под глазами были темные тени.

– По крайней мере, твой план сработал, – добавил Саймон, пытаясь внести некую радость в страдание Джейса. Это было идеей Джейса, чтобы Саймон сделал фото своим сотовым телефоном, и послал его в Конклав, что позволит им открыть портал туда, где они были. Это была хорошая идея.

– Я знал, что это работает, – комплимент не повлиял на скуку Джейса. Он видел, как

двойные двери Института распахнулись, и Изабель прошла через них, ее темные волосы развивались. Она осмотрела комнату, едва взглянув на Камиллу и других сумеречных охотников, и направилась к Джейсу и Саймону, стуча сапогами о каменный пол.

– Что это за шумиха насчет того, чтобы выдернуть несчастных Магнуса и Алека из их отпуска? – спросила Изабель. – У них билеты в оперу!

Джейс объяснил, пока Изабель стояла, уперев кулаки в бока и полностью игнорируя Саймона.

– Прекрасно, – сказала она, когда он закончил. – Но это же нелепо. Она просто тянет время. Что она может сказать Магнусу? – Она оглянулась через плечо на Камиллу, которая была теперь не только в наручниках, но и привязана к столбу длинной серебристо-золотой цепочкой. Она обхватывала ее тело вокруг торса, коленей и даже под лодыжками, удерживая ее совершенно неподвижной. – Это освященный металл?

Джейс кивнул.

– Наручники не ранят ее запястий, но если она двинется слишком сильно... – он издал шипящий звук. Саймон, вспомнив, как его руки горели от прикасания к Звезде Давида в темнице Идриса, как его кожа кровоточила, и подавил желание укунить его.

– Ну, пока вы заманивали вампиров, я была в верхней части города, отбиваясь от демона-гидры, – сказала Изабель. – С Клэри.

Джейс, проявляющий только насущный интерес к чему-либо происходящему вокруг него до сих пор, резко подскочил.

– С Клэри? Ты взяла ее с собой на охоту на демона? Изабель...

– Конечно, нет. Она уже влезла в драку, когда я добралась туда.

– Но, откуда ты узнала?

– Она написала мне, – сказала Изабель. – Поэтому я пришла, – она изучила свои ногти, которые, как всегда, были идеальны.

– Она написала тебе? – Джейс схватил Изабель за запястье. – Она в порядке? Ее не ранили?

Изабель посмотрела вниз на его руку, охватывающую ее запястье, а затем на его лицо. Саймон не мог сказать, было ли ей больно, но ее взгляд мог разрезать стекло, как и сарказм в ее голосе.

– Да, она истекает кровью наверху, но я думала, что не стану говорить тебе сразу же, потому что мне нравится выдерживать паузу.

Джейс, словно внезапно осознав, что он делает, отпустил запястье Изабель.

– Она здесь?

– Она наверху, – сказала Изабель. – Отдыхает...

Но Джейса уже не было, он бежал к двери. Он пронесся через них и исчез. Изабель, глядя ему вслед, покачала головой.

– Ты же не думала, что он поступит как-то иначе, – сказал Саймон.

Мгновение она не говорила ничего. Он подумал, возможно, она только планирует игнорировать все, что он сказал всю оставшуюся вечность.

– Знаю, – сказала она, наконец. – Просто хочу понять, что между ними происходит.

– Я не уверен, что они сами знают.

Волнение Изабель выдавала ее нижняя губа. Внезапно она показалась очень юной и непривычно обеспокоенной для Изабель. Что-то явно происходило с ней, и Саймон терпеливо ждал, пока она, казалось, пришла к какому-то решению.

– Я не хочу вмешиваться в это, – сказала она – Пойдем. Я хочу поговорить с тобой. – Она повела головой в сторону двери института.

– Поговорит? – Саймон был ошеломлен.

Она обернулась и посмотрела на него.

– Прямо сейчас, да. Но не могу обещать, сколько времени это продлится.

Саймон примирительно выставил вперед ладони.

– Я хочу поговорить с тобой, Изи. Но я не могу войти в Институт.

Она нахмурила брови.

– Почему? – Она замолчала, переводя взгляд от него на двери, на Камиллу, и обратно. – Ах да. Точно. Как вы вообще сюда попали?

– Через портал, – ответил Саймон. – Но Джейс сказал, что есть лестничная площадка, которая приводит к ряду дверей, которые выходят наружу. Так вампиры могут войти сюда ночью. – Он указал на узкую дверь в стене в нескольких метрах. У двери была ржавая железная задвижка, будто она не использовалась некоторое время.

Изабель пожала плечами.

– Ладно.

Задвижка издала визжащий шум, когда она дернула ее назад, отбрасывая хлопья ржавчины в воздух в виде красноватых хлопьев. За дверью была небольшая каменная комната, как ризница церкви, и ряд дверей, которые, скорее всего, вели на улицу. Здесь не было окон, но холодный воздух шел сквозь щели дверей, что вызвало дрожь у Изабель, которая была в коротком платье.

– Слушай, Изабель, – сказал Саймон, полагая, что он должен был первым начать разговор. – Я действительно сожалею о том, что я сделал. Этому нет оправдания...

– Нет, нету, – сказала Изабель. – И пока ты здесь, не хочешь рассказать мне, почему ты зависаешь с парнем, который превратил Майю в оборотня?

Саймон рассказал ей историю, которую Джордан рассказал ему, стараясь, чтобы его объяснения были беспристрастны. Он чувствовал, как было важно объяснить Изабель, что он не знал, кем Джордан в действительности был изначально, а также, что Джордан сожалел о том, что сделал.

– Не то чтобы это нормально, – подытожил он. – Но, ты же понимаешь... – Все мы совершали плохие поступки, хотел сказать он. Но не смог заставить себя рассказать ей о Морин. Не сейчас.

– Понимаю, – сказала Изабель. – И я слышала о Волках-Защитниках. Если они готовы принять его к себе, видимо, он не полностью безнадёжен. – Она всмотрелась в Саймона. – Хотя, я не понимаю, почему тебе нужен кто-то, чтобы защищать тебя. У тебя есть... – Она показала на свой лоб.

– Я не могу прожить остаток жизни с тем, что люди нападают на меня, а метка убивает их, – сказал Саймон. – Мне нужно знать, кто пытается меня убить. Джордан помогает мне в этом. Джейс тоже.

– Неужели ты думаешь, что Джордан помогает тебе? Потому что у Конклава есть связи с Защитниками. Мы можем его заменить.

Саймон колебался.

– Да, – сказал он. – Я действительно думаю, что он помогает. И я не всегда могу положиться на Конклав.

– Хорошо. – Изабель прислонилась к стене. – Ты когда-нибудь задумывался, почему я так сильно отличаюсь от моих братьев? – спросила она без предисловий. – Алека и Джейса, я имею в виду.

Саймон моргнул.

– Ты имеешь в виду, кроме того, что ты девочка, а они... нет?

– Нет. Не это, идиот. Я имею в виду, посмотри на них. У них нет проблем с тем, чтобы влюбиться. Они оба влюблены. Своего рода навсегда. Посмотри на Джейса. Он любит Клэри как не любит никого другого в мире и никогда не будет. С Алеком то же самое. И Макс, – ее голос надорвался. – Я не знаю, как бы это было у него. Но он верил каждому. И, как ты мог заметить, я не доверяю никому.

– Все люди разные, – сказал Саймон, стараясь казаться понимающим. – Это не значит, что они счастливее, чем ты...

– Конечно, означает, – сказала Изабель. – Думаешь, что я не понимаю этого? – Она сурово посмотрела на Саймона. – Ты знаешь моих родителей.

– Не очень. – Они никогда не хотели, чтобы Изабель встречалась с вампиром, и

Саймона не особо радовало осознание того, что он был всего лишь последним в длинном ряду нежелательных женихов.

– Ну, ты знаешь, что они оба были в Кругу. Но я уверена, что ты не знал, что все это затея моей матери. Мой отец никогда не питал энтузиазма к Валентину или любому из Круга. А затем, когда все случилось, и они были изгнаны, они осознали, что практически разрушили свои жизни, думаю, что он винил ее. Но у них уже был Алек и должна была появиться я, так что он остался, хотя думаю, что он хотел уйти. А потом, когда Алеку было около девяти, он нашел кого-то еще.

– Вау, – сказал Саймон. – Твой отец изменял матери? Это... это ужасно.

– Она рассказала мне, – сказала Изабель. – Мне было около тринадцати лет. Она рассказала мне, что он хотел бросить ее, но они узнали, что она была беременна Максом, поэтому они остались вместе, и он порвал отношения с другой женщиной. Мать не сказала мне, кем она была. Она просто сказала мне, что нельзя доверять мужчинам. И она сказала мне, никому не рассказывать.

– А ты? Рассказала кому-нибудь?

До сих пор, нет, – Изабель сказала.

Саймон подумал о маленькой Изабель, хранящей тайну, ни разу не обмолвившись никому, скрывая ее от своих братьев. Знать вещи про их семью, которые они никогда не узнают.

– Она не должна была просить тебя делать это, – сказал он сердито. – Это было несправедливо.

– Может быть, – сказала Изабель. – Я думала, что это делало меня особенной. Я не думала о том, как это, возможно, изменило меня. Но я наблюдаю, как мои братья дарят свои сердца, и задумываюсь над тем, что все могло быть иначе. Сердца хрупки. И мне кажется, что даже когда залечиваешь раны, уже никогда не будешь таким как прежде.

– Может быть, ты станешь лучше, – сказал Саймон. – Я знаю, что я стал лучше

– Ты имеешь в виду Клэри, – сказала Изабель. – Потому что она разбила твое сердце.

– На мелкие кусочки. Знаешь, когда кто-то предпочитает своего собственного брата тебе, это не прибавляет уверенности. Я думал, что как только она осознала, что никогда не будет с Джейсом, она отступит и вернется ко мне. Но теперь я наконец понял, что она никогда не разлюбит Джейса, независимо от того будет она с ним или нет. И я понял что, если она была со мной только потому, что не могла быть с ним, мне проще оставаться одиночкой, поэтому я порвал с ней.

– Я не знала, что это ты порвал с ней, – сказала Изабель. – Мне казалось....

– Что у меня нет чувства собственного достоинства? – Саймон криво улыбнулся.

– Я думала, что ты все еще влюблен в Клэри, – сказала Изабель. – И что ты не сможешь серьезно относиться к кому-либо еще.

– Потому что ты выбираешь парней, которые никогда не будут серьезно относиться к тебе, – сказал Саймон. – Таким образом, тебе никогда не придется серьезно относиться к ним.

Глаза Изабель засияли, когда она посмотрела на него, но она ничего не сказала.

– Я забочусь о тебе, – сказал Саймон. – Я всегда заботился о тебе.

Она шагнула к нему. Они стояли довольно близко друг к другу в маленькой комнате, и он чувствовал ее дыхание, и слабый пульс ее сердцебиения. От нее пахло шампунем, потом, ароматом гардении и кровью сумеречного охотника.

Мысль о крови заставила его вспомнить Морин, и его тело напряглось. Изабель заметила это – конечно, она заметила, она была воином, и четко реагировала на малейшее движение у других – и резко отступила.

– Ладно, – сказала она. – Рада, что мы поговорили.

– Изабель...

Но она уже исчезла. Он пошел за нею в Святилище, но она двигалась быстро. К тому времени, когда дверь ризницы закрылась позади него, она проделала уже полпути через

комнату. Он сдался и смотрел, как она исчезла через двойные двери в Институте, понимая, что он не может последовать за ней.

Клэри села, покачивая головой, чтобы прийти в себя. Ей потребовался момент, чтобы вспомнить, где она была – в запасной спальне в Института, в комнате с легким освещением, которое проникало через единственное окно. Это было синий свет – свет сумерек. Она лежала укутанная в одеяло, ее джинсы, куртка и ботинки были сложены аккуратно на стуле возле кровати. И около нее был Джейс, глядя на нее так, словно она вызвала его образ из своих мечтаний о нем.

Он сидел на кровати, одетый в снаряжение, как будто он только что вернулся из боя, и его волосы были растрепаны, тусклый свет из окна освещал тени под его глазами, впадины на висках, кости его скул. В этом свете у него была чрезвычайная и почти нереальная красота живописи Модильяни, все эти четкие грани и углы.

Она потеряла глаза, щурясь от сна.

– Который час? – спросила она. – Как долго...

Он притянул ее к себе и поцеловал, и на мгновение она застыла, внезапно осознав, что все, во что она была одета это тонкая футболке и нижнее белье. Она почувствовала себя беспомощной рядом с ним. Это был своего рода затяжной поцелуй, который превратил ее внутренности в воду. Такого рода поцелуй, который может дать почувствовать, что ничего не произошло, что дела, как они были прежде, и он был просто рад ее видеть. Но когда его руки попытались поднять подол ее футболки, она оттолкнула их.

– Нет, – сказала она, ее пальцы схватили его запястья. – Ты не можешь просто продолжать хватать меня каждый раз, когда видишь меня. Это не заменит разговор.

Он перевел дыхание и сказал:

– Почему ты написала Изабель, а не мне? Если ты была в беде...

– Потому что я знала, что она придет, – сказала Клэри. – И я не была уверена в тебе. Не сейчас.

– Если что-то случилось с тобой...

– Тогда, полагаю, ты, в конце концов, об этом узнаешь. Ну, когда, наконец, будешь брать трубку.

Она все еще держала его запястья; теперь она их отпустила и села обратно. Было тяжело, физически тяжело, находиться так близко к нему и не прикасаться, но она заставила себя прижать руки к себе и сидеть так.

– Или ты говоришь мне, что происходит, или можешь уходить из комнаты.

Его губы раскрылись, он ничего не сказал; она не говорила с ним так резко в течение долгого времени.

– Прости, – наконец, сказал он. – В смысле, я знаю, что после того, как я себя вел, у тебя нет причин выслушать меня. И мне, возможно, не стоило сюда приходить. Но когда Изабель сказала, что ты ранена, я не смог себя остановить.

– Пара ожогов, – сказала Клэри. – Ничего особенного.

– Для меня важно все, что с тобою происходит.

– Ну, тогда это объясняет, почему ты сразу не перезвонил мне. А в последний раз, когда я тебя видела, ты сбежал, даже не сказав почему. Это как встречаться с призраком.

Рот Джейса слегка дернулся.

– Не совсем так. Вот Изабель точно встречается с призраком. Она может тебе рассказать...

– Нет, – сказала Клэри. – Это была метафора. И ты понимаешь, о чем я говорю.

Какое-то время он молчал. А затем сказал:

– Можно мне посмотреть твои ожоги.

Она протянула ему руки. На внутренней стороне запястья были красные пятна, там, куда попала кровь демона. Он взял ее за запястья, сначала взглянул на нее для разрешения, а потом перевернул их. Она вспомнила первый раз, когда он осматривал их на улице за кафе «Джава Джоунс», в поисках меток, которых у нее не было.

– Кровь демона, – произнес он. – Они исчезнут через несколько часов. Больно?

Клэри покачала головой.

– Я не знал, – сказал он. – Не знал, что был нужен тебе.

Его голос дрогнул.

– Ты всегда нужен мне.

Он наклонился и поцеловал ожог на ее запястье. Вспышки тепла пронзили ее, как горячий шип, который прошел от ее запястья вглубь живота.

– Я не осознавал, – сказал он. Он поцеловал следующий ожог, на ее предплечье, а затем следующий, двигаясь вверх по руке к ее плечу, давя на ее тело, пока она не лежала на подушках, глядя на него. Он оперся на локти, чтобы не раздавить ее своим весом, и посмотрел на нее.

Его глаза всегда темнели, когда они целовались, как будто желание коренным образом меняло их цвет. Он коснулся белой метки в форме звезды на ее плече, обладателями которой были только они двое. Так были отмечены дети тех, кто был связан с ангелами.

– Я знаю, что странно себя вел, – сказал он. – Но дело не в тебе. Я люблю тебя. И это никогда не изменится.

– Тогда что...?

– Я думаю, что все случилось в Идрисе – Валентин, Макс, Ходж, даже Себастьян – я пытался затолкать все это в себя поглубже, старался забыть, но оно настигает меня. Я... я исправлюсь. Я стану лучше. Обещаю.

– Ты обещаешь.

– Клянусь ангелом. – Он склонил голову, поцеловав ее в щеку. – Черт с этим. Я клянусь нами.

Клэри запустила свои пальцы в рукав его футболки.

– Почему нами?

– Потому что нет ничего, во что бы я сильнее верил. – Он склонил голову на бок. – Будем мы женаты, – начал он, и не мог не почувствовать, как она напряглась под ним, потому что улыбнулся. – Без паники, я не делаю сейчас предложение. Мне просто интересно, что ты знаешь о свадьбах сумеречных охотников.

– Никаких колец, – сказала Клэри, водя пальцами по тыльной стороне его шеи, где кожа была очень нежная. – Только руны.

– Одна здесь, – сказал он, нежно коснувшись пальцем руки, где у нее был шрам. – А другая, здесь. – Он скользнул пальцем вверх по ее руке, провел по ключице, и пустился вниз, пока не остановился там, где стремительно билось ее сердце. – Ритуал берет свое начало из Песни Соломона: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как перстень, на руку твою: ибо любовь крепка, как смерть».

– Наша, сильнее, чем все это, – прошептала Клэри, вспоминая, как вернула его к жизни. И на этот раз, когда его глаза потемнели, она потянулась и наклонилась к его рту.

Они долго целовались, пока большая часть света не исчезла из комнаты, и они не стали лишь тенью. Хотя Джейс не убрал свои руки, он не пытался и коснуться ее, у нее было ощущение, что он ждет ее разрешения.

Она поняла, что должна быть единственной, кто пойдет с ним дальше, если она захочет – и она действительно хотела. Он признался, что что-то не так и что она не имела ничего общего с этим. Это был прогресс: положительный шаг вперед. Он должен быть вознагражден, верно? Ее рот изогнулся в небольшой ухмылке. Кого она обманывает? Она хотела намного большего. Потому что это был Джейс, потому что она любила его, потому что он был таким прекрасным, что временами она чувствовала необходимость ткнуть его в руку только, чтобы быть уверенной в том, что он реальный.

Она так и сделала.

– Ой, – сказал он. – К чему это?

– Снимай свою футболку, – прошептала она. Только она хотела ему помочь, как он уже стянул ее через голову и бросил на пол. Он тряхнул своими волосами, и она была

практически уверена, что увидит золотые искры в темноте.

– Садись, – сказала она мягко. Ее сердце часто билось. Обычно она не командовала в таких ситуациях, но, похоже, он не был против. Он сел и потянул ее за собой, пока они не уселись на смятом одеяле. Она заползла к нему на колени, обхватив ногами его бедра. Теперь они оказались лицом к лицу. Он потянулся снять рубашку с нее, но она вежливо убрала его руки, и сама прикоснулась к нему. Она смотрела за своими руками, скользящими по его телу, с его груди на его руки, его бицепсы, покрытые рунами. Она провела своим пальчиком от бицепса по его накачанному животу. Они оба тяжело дышали, когда ее рука настигла пряжку на его джинсах. Он не сдвинулся с места, только смотрел на нее с выражением на лице: *Делай то, что считаешь нужным.*

Ее сердце бешено колотилось, она сняла свою собственную рубашку через голову. Она хотела бы оказаться в более изящном лифчике в этот момент – этот же был обыкновенным хлопковым – но когда она снова посмотрела на Джейса, ее мысли испарились. Его губы были открыты, глаза были черными. Она могла увидеть себя в их отражении. И ей было бы все равно, будь она в белом, черном или ярко зеленом лифчике. Все что он видел – была она.

Она взяла его руки и положила себе на талию, как бы говоря, теперь можешь потрогать. Он повернулся, ее губы снова встретились с его. И они снова целовались. Только теперь это был бешеный, пламенный поцелуй. Они повалились на кровать. Она оказалась под ним. Они соприкасались кожей. Теперь их отделяли только лифчик, трусики и его джинсы. Она запустила руки в его густые шелковистые волосы, и держала его голову, пока он целовал ее шею. Как далеко мы зайдем? Что мы делаем? Маленькая часть ее сознания задавала вопросы, а остальная часть просила маленькую часть заткнуться. Она хотела трогать его, целовать его; она хотела, чтобы он обнял ее и никогда не отпускал.

Его пальцы нащупали застежку ее лифчика. Она напряглась. Его глаза были огромными и светились в темноте.

– Все хорошо?

Она кивнула. Ее дыхание начало учащаться. За всю ее жизнь еще никто не видел ее топлес – никто из парней, во всяком случае. Как будто почувствовав ее нервозность, он осторожно повернул ее лицо. Его губы дразнили, мягко касаясь ее, пока все ее тело не затряслось от напряжения. Его рука начала скользить с ее щеки к плечу, успокаивая ее. Она все еще была на пике эмоций, ожидая, что его другая рука вернется к застежке на лифчике, что бы снова потрогать ее. Но он начал, что-то искать за собой. Что он там делает?

Вдруг Клэри вспомнила слова Изабель о средствах предохранения. Она напряглась немного и отстранилась.

– Джейс, я не уверена.

В темноте вспыхнуло, что-то серебряное, а затем что-то холодное и острое вонзилось ей в руку. На секунду она почувствовала удивление, потом боль. Она отдернула руку назад и увидела темную кровь на своей коже.

– Ой! – сказала она, больше от раздражения и удивления чем от боли. – Что...

Джейс одним движением оторвал себя от нее и от постели. Неожиданно он возник посреди комнаты без рубашки и бледный как привидение.

Крепко обхватив рану, Клэри начала садиться.

– Джейс, чт...

Она умолкла на полуслове. В его левой руке был нож – нож с серебряной рукояткой, который хранился в коробке принадлежавшей ее отцу. На нем было тонкий след крови.

Она посмотрела вниз на свою руку, потом снова на него.

– Я не понимаю...

Он разжал руку, и нож упал на пол. На мгновение он выглядел готовым убежать. Потом он упал на пол и схватился за голову.

– Я похожа на нее, – сказала Камилла, как только дверь закрылась за Изабель. – Она напоминает мне саму себя.

Саймон повернулся, чтобы посмотреть на нее. В Святилище было мало света, но он

четко видел ее, стоявшей спиной к колонне, с руками связанными за спиной. Дверь в Институт охранял сумеречный охотник, но либо он не слышал Камиллу, либо не был заинтересован.

Саймон приблизился к Камилле. Цепи, что удерживали ее, странным образом манили его. Освященный металл. Цепи, казалось, мягко поблескивали на ее бледной коже, и ему показалось, что он видел несколько струек крови, просачивающихся вокруг наручников на ее запястьях.

– Она совсем на тебя не похожа.

– Ты так думаешь. – Камилла склонила голову набок, ее светлые волосы, казалось, искусно уложены вокруг ее лица, хотя он знал, что она не могла коснуться их. – Ты их так любишь, – сказала она, – своих друзей, сумеречных охотников. Как сокол любит охотника поймавшего и приручившего его.

– Все совсем не так, – сказал Саймон. – Сумеречные охотники и обитатели Нижних Миров не враги.

– Ты даже не можешь к ним домой зайти, – сказала она. – Ты оградились ото всех. Ты жаждешь служить им. Ты встал на их сторону против своего собственного вида.

– У меня нет вида, – сказал Саймон. – Я не один из них. Но и не один из вас. Но скорее я похож на них, чем на вас.

– Ты один из нас. – Она нетерпеливо дернулась, гремя своими цепями, и прерывисто дыша от боли.

– Есть кое-что, о чем я тебе не сказала, тогда в банке. Но это правда. – Она улыбнулась через боль. – Я чувствую человеческую кровь на тебе. Ты недавно питался. Человеком.

Саймон почувствовал как внутри него, что то вздрогнуло.

– Я...

– Это было замечательно, не правда ли? – Ее красные губы скривились. – Впервые с тех пор как ты вампир ты не голоден.

– Нет, – сказал Саймон.

– Ты лжешь. – В ее голосе звучала уверенность. – Они пытаются заставить нас сражаться с себе подобными, нефилимами. Они примут нас, только если мы будем притворяться не теми, кто мы есть – не охотниками, не хищниками. Твои друзья никогда не примут тебя таким, какой ты есть. То, что ты делаешь для них, они никогда не сделают для тебя.

– Я не понимаю, почему тебя это заботит, – сказал Саймон. – Что сделано, то сделано. Я не собираюсь тебя отпускать. Я сделал свой выбор. Мне не нужно то, что ты предлагаешь.

– Может не сейчас, – мягко сказала Камилла. – Но потом, тебе потребуется.

Сумеречный охотник, охраняющий дверь, отступил, когда дверь открылась и Мариза вошла в комнату. За ней следовали две фигуры хорошо знакомых Саймону: Брат Изабель Алек, и его друг, колдун Магнус Бейн.

Алек был одет в черный строгий костюм; Магнус, к удивлению Саймона, был одет так же, с добавлением длинного белого шелкового шарфа, с кисточками на концах, и парой белых перчаток. Его волосы торчали как обычно, но без присущего им блеска. Камилла, увидев их, замерла.

Магнус не показывал виду, что заметил ее; он слушал Маризу, которая неловко говорила о том, как хорошо, что они прибыли так быстро.

– Мы не ждали вас раньше завтрашнего дня.

Алек издал приглушенный звук раздражения и уставился в пустоту. Он выглядел так, словно совсем не был счастлив оказаться здесь. Кроме того, заметил про себя Саймон, он выглядел почти таким же, как всегда – те же самые темные волосы, те же самые спокойные голубые глаза – хотя было что-то еще, расслабленность, которой не было в нем прежде.

– К счастью, здесь есть портал расположенный вблизи Венского оперного театра, – сказал Магнус, забросив свой шарф через плечо. – Как только мы получили твое послание, мы поспешили сюда.

– Я все еще не понимаю, как все это связано с нами, – сказал Алек. – Вы поймали вампира, который собирался сделать нечто мерзкое. Разве они не поступают так постоянно?

Саймон почувствовал, как его желудок скрутило. Он посмотрел на Камиллу, чтобы убедиться, что она не смеется над ним, но ее взгляд был сосредоточен на Магнусе.

Алек, в первый раз обративший внимание на Саймона, залился краской. Это было тем более заметно из-за его бледной кожи.

– Извини, Саймон. Я не имел в виду тебя. Ты другой.

«Сказал бы ты так, увидь ты меня вчера вечером, когда я пил кровь из четырнадцатилетней девочки?» – подумал Саймон. Но не сказал этого, а просто кивнул Алеку.

– Она может быть замешана в вашем деле по поводу смерти трех сумеречных охотников, – сказала Мариза. – Нам нужна информация, а она будет говорить только с Магнусом.

– Серьезно? – Алек смотрел на Камиллу с загадочным интересом. – Только с Магнусом?

Магнус проследил за его взглядом, и в первый раз – или так только показалось Саймону – посмотрел прямо на Камиллу. Что-то пронеслось между ними, своего рода энергия. Рот Магнуса изогнулся в уголках в загадочную улыбку.

– Да, – сказала Мазейс, замешательство исчезло с ее лица, как только она уловила взгляд между колдуном и вампиром. – Так и есть, если Магнус пожелает.

– Я готов, – сказал Магнус, снимая перчатки. – Я поговорю с Камиллой ради вас.

– Камилла? – Алек посмотрел на Магнуса, подняв брови. – Так ты ее знаешь? Или... она знает тебя?

– Мы знаем друг друга. – Магнус слегка пожал плечами, как бы говоря: и что с того? – Когда-то она была моей девушкой.

Глава тринадцатая

Девушка найдена мертвой

– Твоя девушка? – Алек выглядел пораженным. Впрочем, как и Мариза. Саймон не мог сказать, что не был удивлен. – Ты встречался с вампиром? С девушкой – вампиром?

– Это было 130 лет назад, – сказал Магнус. – С тех пор мы не виделись.

– Почему ты не сказал мне? – допытывался Алек.

Магнус вздохнул.

– Александр, я ведь живу уже сотни лет. Я был с мужчинами, с женщинами – с феями и с магами, с вампирами и даже был у меня джинн, или двое. – Он покосился на Маризу, которая выглядела, объятая ужасом. – Слишком много информации?

– Все нормально, – сказала она, хотя голос ее звучал немного расстроенным. – Мне нужно кое-что обсудить с Кадиром. Я скоро вернусь.

Она отошла в сторону, присоединившись к Кадиру, а затем они вдвоем исчезли за дверью. Саймон тоже отошел на несколько шагов назад, притворяясь, что рассматривает один из витражей, но его вампирский слух был достаточно хорошим, чтобы он слышал каждое слово, произнесенное Магнусом или Алеком, хотел он того или нет. Он знал, что Камилла тоже могла их слышать. Она склонила голову набок, прислушиваясь, ее глаза были полуприкрыты и задумчивы.

– Как много было других? – спросил Алек. – Хотя бы примерно.

Магнус покачал головой.

– Я не смогу сосчитать, да это и не важно. Единственное, что имеет значение это то, что я чувствую к тебе.

– Больше сотни? – спросил Алек. Магнус выглядел смущенным. – Две сотни?

– Не могу поверить, что мы сейчас обсуждаем это, – сказал Магнус, ни к кому в частности не обращаясь. Саймон был согласен с ним и желал, чтобы этого не происходило у

него на глазах.

– Почему так много? – синие глаза Алека ярко горели в темноте. Саймон не мог сказать, был ли он в гневе. Он не звучал гневно, просто очень напряженно, но Алек был замкнутой личностью, и, возможно, его гнев сейчас достиг своего пика. – Тебе быстро становится скучно с людьми?

– Я живу вечно, – тихо сказал Магнус. – Не все так могут.

Алек выглядел так, словно его ударили.

– Так значит, ты просто остаешься с ними так долго, пока они живы, а потом находишь себе кого-то другого?

Магнус ничего не сказал. Он посмотрел на Алека, его глаза сияли как у кошки.

– Предпочтешь, чтобы я лучше провел вечность в одиночестве?

Рот Алека дернулся.

– Пойду искать Изабель, – произнес он, и больше не сказав ни слова, повернулся и ушел обратно в Институт.

Магнус наблюдал за ним с печальным взглядом. Но это была печаль не человека, подумал Саймон. Его глаза, казалось, выражали вековую печаль, будто острые грани человеческой печали были стерты до чего-то более мягкого с годами, как морская вода притупляет острые края стекла.

Словно прочитав мысли Саймона, Магнус покосился на него.

– Подслушиваешь, вампир?

– Вообще-то, мне не нравится, когда меня так называют, – сказал Саймон. – У меня есть имя.

– Полагаю, мне лучше его запомнить. В конце концов, через сто, двести лет останемся только ты и я. – Магнус задумчиво рассматривал Саймона. – Мы будем всем, что осталось.

От этой мысли Саймон почувствовал себя так, как будто он был в лифте, который сорвался со своих креплений и начал падать на землю, на тысячи этажей вниз. Конечно же, эта мысль и раньше приходила ему в голову, но он отбрасывал ее. Мысль, что ему так и будет шестнадцать, в то время как Клэри станет старше, Джейс старше, все, кого он знает, станут старше, вырастут, у них появятся дети, а у него ничего не изменится, была слишком невероятной и ужасающей, чтобы думать об этом.

Быть вечно шестнадцатилетним кажется прекрасным, пока ты действительно об этом не задумаешься. Потом уже это не будет такой заманчивой перспективой.

Кошачьи глаза Магнуса были ясными, золотисто-зелеными.

– Глядя вечно в лицо, – произнес он. – Не так уж это весело, да?

Прежде, чем Саймон смог ответить, вернулась Мариза.

– Где Алек? – спросила она, оглядываясь в недоумении.

– Он пошел навестить Изабель, – ответил Саймон, прежде чем Магнус успел заговорить.

– Очень хорошо, – Мариза разгладила свой пиджак, хотя он не был помятым. – Если вы не против...

– Я поговорю с Камиллой, – сказал Магнус. – Но я хочу сделать это один. Если ты захочешь подождать меня в Институте, я присоединюсь к тебе там, когда закончу.

Мариза колебалась.

– Ты знаешь, о чем ее спрашивать?

Взгляд Магнуса был непоколебим.

– Я знаю, как с ней разговаривать, так что, да. Если ей хочется что-то сказать, она мне это скажет.

Они, кажется, оба забыли о присутствии Саймона.

– Мне тоже уйти? – спросил он, прерывая их поединок взглядов.

Мариза взглянула на него, полу-отвлеченная.

– Ах, да. Спасибо тебе за помощь, но больше мы в ней не нуждаемся. Если хочешь, можешь идти домой.

Магнус вообще ничего не сказал. Пожав плечами, Саймон повернулся и пошел к двери, которая вела к ризнице и выходу на улицу. Он задержался у двери и оглянулся назад. Мариза и Магнус все еще разговаривали, хотя охранник уже держал приоткрытой дверь Института, готовый выйти. Казалось, только Камилла помнит о том, что он вообще здесь. Она улыбалась ему от своей колонны, ее губы изогнулись в уголках, а глаза сияли обещанием.

Саймон вышел, и дверь за ним захлопнулась.

— Это происходит каждую ночь. — Джейс сидел на полу, скрестив ноги, его руки обнимали колени. Он положил нож на кровать рядом с Клэри; она положила на нож руку, пока он говорил — скорее, чтобы успокоить его, нежели если бы она нуждалась в защите. Вся энергия, казалось, ушла из Джейса, и даже голос его казался пустым и далеким, пока он говорил с ней так, будто обращался с большого расстояния.

— Мне снится, что ты приходишь ко мне в комнату и мы... начинаем делать то, что только что делали. И потом я ударяю тебя. Я режу тебя или душу или ударяю тебя, и ты умираешь, глядя на меня своими зелеными глазами, в то время как твоя жизнь утекает между моими руками.

— Это всего лишь сны, — мягко сказала Клэри.

— Ты только что видела, что это не так, — сказал Джейс. — Я не спал, когда взял нож.

Клэри знала, что он прав.

— Ты переживаешь, что сходишь с ума?

Он медленно покачал головой. Волосы упали ему на глаза, но он их отдернул обратно. Его волосы отрасли слишком длинными; он давно не стриг их, и Клэри задалась вопросом, думал ли он вообще об этом. Как она могла не обратить внимания на синяки под его глазами, обкусанные ногти и его истощенный вид? Она была так обеспокоена, любил ли он ее, что не могла думать ни о чем другом.

— Я не так уж обеспокоен этим, — сказал он. — Я волнуюсь, что могу ранить тебя. Я боюсь, что какой бы яд не разъедал мои сны, он проберется в мою сознательную жизнь и я... — казалось, ему сдавило горло.

— Ты никогда бы не ранил меня.

— Этот нож был у меня в руке, Клэри, — он взглянул на нее, а затем отвернулся. — Если я раню тебя...

— его голос надорвался. — Сумеречные охотники погибают молодыми очень часто, — сказал он. — Мы все знаем это. И ты хотела стать сумеречным охотником, и я никогда бы не остановил тебя, потому что не мое дело говорить тебе, что делать со своей жизнью. Особенно, когда я также принимаю этот риск. Кем бы я был, если сказал тебе, что для меня в порядке вещей рисковать жизнью, а для тебя нет? Поэтому я думал о том, каково мне будет, если ты умрешь. Бьюсь об заклад, ты тоже думала об этом.

— Я знаю, каково это, — сказала Клэри, вспоминая озеро, меч и кровь Джейса на песке. Он был мертв, и ангел возвратил его обратно, но те минуты были худшие в ее жизни. — Мне хотелось умереть. Но я знала, как ты разочаруешься во мне, если я так просто сдамся.

Он едва заметно улыбнулся.

— И я подумал то же самое. Если ты умрешь, я не захочу жить. Но я не покончу жизнь самоубийством, ведь что бы ни ждало нас за порогом смерти, я хочу быть там с тобой. И если я убью себя, я знаю, ты никогда не заговоришь со мной снова. В любой жизни. Поэтому я буду жить и пытаться что-то сделать в своей жизни, пока снова не смогу быть с тобой. Но если я причиню тебе боль, если я стану причиной твоей смерти, не останется ничего, что бы смогло удержать меня от уничтожения самого себя.

— Не говори так. — Клэри чувствовала, как мороз пробрал ее до мозга костей. — Джейс, ты должен был рассказать мне.

— Я не мог, — его голос был твердым, не терпящим возражений.

— Почему нет?

— Я думал, что я Джейс Лайтвуд, — сказал он. — Я подумал, что, может быть, мое воспитание не повлияло на меня. Но теперь я думаю, что, может быть, люди не способны

измениться. Может быть, я всегда буду Джейсом Моргенштерном, сыном Валентина. Он растил меня десять лет, и может быть, это пятно никогда не отмоется.

– Ты думаешь, что это из-за твоего отца, – сказала Клэри, и в ее голове пронесся отрывок истории, рассказанной ей однажды Джейсом, что любить – значит разрушать. А потом она подумала, как странно, что она зовет Валентина отцом Джейса, хотя его (Валентина) кровь текла в ее жилах, а не Джейса. Но она никогда не относилась к Валентину, как к отцу. А Джейс да. – И ты не хотел, чтобы я знала?

– Ты все, чего я хочу, – сказал Джейс. – И может быть, Джейс Лайтвуд заслуживает того, чтобы получить все, что он хочет. Но Джейс Моргенштерн нет. Где-то внутри я должен это знать. И я не буду пытаться разрушать то, что у нас есть.

Клэри глубоко вдохнула и медленно выдохнула.

– Я так не думаю.

Он поднял голову и моргнул.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты думаешь, что это психология, – сказала Клэри. – И что с тобой что-то не так. Ну, а я нет. Я думаю, что кто-то делает это с тобой.

– Я не знаю...

– Израэль посылал мне сны, – сказала Клэри. – Может быть, кто-то посылает сны и тебе.

– Израэль послал тебе сны, пытаюсь помочь. Чтобы направить тебя к истине. В чем смысл этих снов? Они жуткие, бессмысленные, садистские...

– Может быть, они имеют смысл, – сказала Клэри. – Может, ты просто не осознал этого смысла. Или, может быть тот, кто посылает их, пытается причинить тебе вред.

– Кто стал бы это делать?

– Тот, кто не очень сильно не любит нас, – сказал Клэри, и оттолкнула образ королевы Фей.

– Может быть, – тихо сказал Джейс, глядя на свои руки. – Себастьян...

Он не хочет называть его Джонатоном, заметила Клэри. Она не винила его. Это было его собственное имя тоже.

– Себастьян мертв, – сказала она, чуть более резко, чем хотела. – И имей он такую власть, он использовал бы ее раньше.

Сомнение и надежда последовали друг за другом по лицу Джейса.

– Ты действительно думаешь, что кто-то другой мог сделать это?

Сердце Клэри тяжело забилося в груди. Она не была уверена; она так хотела, чтобы это было правдой, но это не было, и она не хотела зря обнадеживать Джейса. Их обоих.

Но затем она почувствовала, что Джейс уже давно не выглядел обнадеженным по какому-либо поводу.

– Я думаю, что мы должны пойти в Безмолвный Город, – сказала она. – Братья могут забраться в твою голову и выяснить, если кто-то там напакостил. То, что они сделали со мной.

Джейс открыл рот и закрыл его снова.

– Когда? – спросил он, наконец.

– Сейчас, – ответила Клэри. – Я не хочу ждать. А ты?

Он ничего не ответил, просто поднялся с пола и взял футболку. Он посмотрел на Клэри, и почти улыбнулся.

– Если мы собираемся в Безмолвный Город, ты должна одеться. Я имею в виду, я ценю бюстгальтер и трусики, но я не знаю, оценят ли их Безмолвные Братья. Их осталось всего несколько, и я не хочу, чтобы кто-то из них умер от возбуждения.

Клэри встала с кровати и бросила в него подушку, чувствуя главным образом облегчение. Она потянулась за одеждой и начала натягивать свою рубашку. Прежде чем просунуть голову в горловину, она посмотрела на нож, лежащий на покрывале и сияющий, как вилка из серебристого пламени.

– Камилла, – сказал Магнус. – Прошло много времени, не так ли?

Она улыбнулась. Ее кожа была белее, чем он помнил, и темные паутинки вен были видны под ее поверхностью. Ее волосы все еще были серебристого цвета, а глаза зелены, как у кошки. Она по-прежнему была красива. Глядя на нее, он снова ощутил себя в Лондоне. Он увидел фонари и почувствовал запах дыма и лошадей, металлический привкус тумана, аромат цветов в садах Кю. Он увидел мальчика с черными волосами и голубыми глазами, как у Алека. Девушку с длинными каштановыми кудрями и серьезным лицом. В мире, где все, в конце концов, покидали его, она была одной из немногих оставшихся констант.

А потом была Камилла.

– Я скучала по тебе, Магнус, – сказала она.

– Нет, не скучала. – Он присел на пол Святилища, ощутив холодный камень через одежду. Он был рад, что надел шарф. – Так почему ты позвала меня? Просто тянешь время?

– Нет, – она наклонилась вперед, звеня цепями. Он почти слышал шипение в том месте, где освященный металл коснулся кожи запястья. – Я слышала о тебе, Магнус. Я слышала, что ты находишься под крылом сумеречных охотников в эти дни. Я слышала, что ты выиграл любовь к одному из них. Этот мальчик, с которым ты только что говорил, как я понимаю. Но твои вкусы всегда были разнообразны.

– Ты слышала слухи обо мне, – сказал Магнус. – Но ты могла просто спросить меня. Все эти годы я был в Бруклине, совсем недалеко, и ты не связалась со мной. Никогда не видел тебя на своих вечеринках. Между нами была ледяная стена, Камилла.

– Я не строила ее. – Ее зеленые глаза расширились. – Я всегда любила тебя.

– Ты бросила меня, – сказал он. – Ты сделала из меня домашнего питомца, а потом бросила. Будь любовь пищей, я бы умер с голода от костей, которые ты кидала мне, – он говорил, основываясь на фактах. Это было давно.

– Но мы все вечны, – возразила она. – Ты должен был знать, что я хотела вернуться к тебе.

– Камилла. – Магнус говорил с бесконечным терпением. – Чего ты хочешь?

Ее грудь быстро поднималась и опускалась. Поскольку ей не нужно было дышать, Магнус понимал, что это было в основном для эффекта.

– Я знаю, что сумеречные охотники прислушиваются к тебе, – сказала она. – Я хочу, чтобы ты говорил с ними от моего имени.

– Ты хочешь, чтобы я вмешался в это дело ради тебя, – перефразировал Магнус.

Она уставилась на него.

– Твоя речь, к сожалению, всегда была такой современной.

– Говорят, что ты убила трех сумеречных охотников, – сказал Магнус. – Это правда?

– Они были членами Круга, – сказала она, ее нижняя губа дрожала. – Они пытались убивать вампиров в прошлом...

– И поэтому ты убила их? Месть? – Когда она промолчала, Магнус добавил, – Ты знаешь, что они делают с убийцами нефилима, Камилла.

Ее глаза светились.

– Мне нужно, чтобы ты заступился за меня, Магнус. Я хочу неприкосновенности. Хочу подписанное обещание от Конклава, что если я обеспечу их информацией, они сохранят мне жизнь и освободят меня.

– Они никогда не освободят тебя.

– Тогда они никогда не узнают, почему их коллеги должны были умереть.

– Должны были умереть? – переспросил Магнус. – Интересная формулировка, Камилла. Я прав, если скажу, что в этом есть что-то большее, чем видно на первый взгляд? Что-то большее, чем кровь или месть?

Она молчала, глядя на него, ее грудь притворно вздымалась и опускалась. Все в ней было притворным – ниспадающие серебристые волосы, изгиб ее горла, даже кровь на ее запястьях.

– Если ты хочешь, чтобы я оправдал тебя перед ними, – сказал Магнус, – ты должна

рассказать мне хоть что-то. Показать свои добрые намерения.

Она широко улыбнулась.

– Я знала, что ты вступишься за меня перед ними, Магнус. Я знала, что прошлое не мертво для тебя.

– Считай его живым, если хочешь, – сказал Магнус. – Правду, Камилла.

Она облизнула нижнюю губу.

– Скажи им, – сказала она, – что я получила приказ убить тех сумеречных охотников. Меня это не заботило, потому что они убивали мою родню, и их смерти были заслужены. Но я бы не сделала этого, не заставь меня другой, кое-кто гораздо могущественнее меня.

Сердце Магнуса забилося немного быстрее. Ему не понравились эти слова.

– Кто?

Но Камилла покачала головой.

– Неприкосновенность, Магнус.

– Камилла...

– Они вытащат меня на солнце и оставят умирать, – сказала она. – Именно так они поступают с убийцами нефилима.

Магнус поднялся на ноги. Его шарф был в пыли от лежания на земле. Он взглянул на пятна печально.

– Я сделаю все, что смогу, Камилла. Но не могу ничего обещать.

– Ты бы никогда этого не сделал, – пробормотала она, полуприкрыв глаза. – Подойди сюда, Магнус. Подойди поближе ко мне.

Он не любил ее, но она была мечтой из его прошлого, поэтому он пошел к ней, пока не встал достаточно близко, чтобы коснуться ее.

– Помнишь, – сказала она тихо. – Помнишь Лондон? Вечеринки у Де Квинси? Помнишь Уилла Эрондейла? Я знаю, что помнишь. Этот твой мальчик, этот Лайтвуд. Они даже выглядят одинаково.

– Да? – сказал Магнус, словно никогда не задумывался об этом.

– Симпатичные мальчики всегда были твоей слабостью, – сказала она. – Но что даст тебе какой-то смертный ребенок? Десять лет, двадцать, прежде чем его придется оставить. Сорок лет, пятьдесят, прежде чем его заберет смерть. Я могу дать тебе всю вечность.

Он коснулся ее щеки. Она была холоднее, чем пол.

– Ты можешь дать мне прошлое, – сказал он немного печально. – Но Алек это мое будущее.

– Магнус... – начала она.

Дверь Института открылась, и в проходе появилась Мариза, освещенная ведьмовским светом. Рядом с ней был Алек, скрестив руки на груди. Магнус подумал, не слышал ли Алек часть его разговора с Камиллой сквозь дверь.

– Магнус, – сказала Мариза Лайтвуд. – Вы пришли к какому-нибудь соглашению?

Магнус опустил руку.

– Я не уверен, что назвал бы это соглашением, – сказал он, обращаясь к Маризе. – Но полагаю, у нас есть о чем поговорить.

Одевшись, Клэри пошла с Джейсом в его комнату, где он собрал небольшую сумку, который решил взять с собой в Безмолвный Город, будто, подумала она, собирался туда с ночевкой. В основном, оружие – несколько ангельских клинков; его стило; и в завершение он добавил нож с серебряной рукояткой, теперь очищенный от крови. Он натянул свою кожаную, черную куртку, и она наблюдала, как он застегивал ее, вытаскивая свободные локоны светлых волос из-за воротника. Когда он повернулся, чтобы взглянуть на нее, перебрасывая сумку через плечо, он слабо улыбнулся, и она увидела небольшой скол на его левом резце, который всегда нравился ей, небольшой недостаток в чем-то слишком идеальном. Ее сердце сжалось, и на мгновение она отвернулась от него, едва дыша.

Он протянул ей руку.

– Пойдем.

Вызвать Безмолвных Братьев за ними было невозможно, поэтому Джейс и Клэри взяли такси, направившись в центр города к Хьюстону и Мраморному Кладбищу. Клэри предположила, что они могли бы создать Портал в Город Костей – она уже бывала там и знала, как он выглядит – но Джейс сказал, что были определенные правила, и Клэри не могла избавиться от ощущения, что Безмолвные Братья сочли бы это грубостью.

Джейс сидел рядом с ней на заднем сидении такси, держа ее руку и рисуя пальцем узоры по ее наружной стороне. Это отвлекало, но не настолько, чтобы она не могла сфокусироваться на том, как он посвятил ее в подробности истории с Саймоном, историю о Джордане, как они схватили Камиллу и о ее требовании поговорить с Магнусом.

– Саймон в порядке? – сказала она взволнованно. – Я не знала. Он был в Институте, и я даже не видела его...

– Он не был в Институте; он был в Святилище. И, кажется, он держится. Лучше, чем я ожидал бы от того, кто совсем недавно был обычным человеком.

– Но план кажется опасным. Я имею в виду Камиллу, она абсолютно безумна, не так ли?

Джейс провел пальцами по ее костяшкам.

– Тебе следует перестать считать Саймона простецким мальчиком, которого ты знала. Тем, кто сильно нуждался в защите. Ему практически невозможно навредить теперь. Ты не видела, как работает та метка, которую ты ему нанесла. А я видел. Словно божий гнев опустился на землю. Полагаю, тебе стоит гордиться.

Она вздрогнула.

– Не знаю. Я сделала это, потому что должна была, но это все равно проклятие. И я не знала, через что ему пришлось пройти. Он не рассказывал. Я знала, что Изабель и Майя узнали друг о друге, но о Джордане я не слышала. Что он был на самом деле бывшим парнем Майи – вообще хоть что-то.

Потому что ты и не спрашивала. Ты была слишком занята беспокойством о Джейсе. Как нехорошо.

– Ну, – сказал Джейс, – а ты ему рассказывала, чем занимаешься? Потому что все должно быть по-честному.

– Нет. На самом деле я никому не сказала, – ответила Клэри и рассказала Джейсу о своем путешествии в Безмолвный Город с Люком и Маризой о том, что она узнала в морге «Бет Израэль» и о последующем обнаружении церкви Тальто.

– Никогда не слышал о ней, – сказал Джейс. – Но Изабель права, существует много диких сект, поклоняющихся демонам. Большинство из них не преуспело в вызывании демонов. Похоже, этой удалось.

– Думаешь, они поклонялись демону, которого мы убили? Думаешь, теперь они могут... прекратить это?

Джейс покачал головой.

– Это был просто демон-гидра, что-то вроде сторожевой собаки. Кроме того, «Дом ее ведет к смерти, и стези ее к мертвецам». Мне кажется, это демон женского пола. И именно в культах поклонения демонам женского пола часто совершают жуткие вещи с младенцами. У них полно извращенных идей о рождаемости и младенцах. – Он облокотился о сидение, полуприкрыв глаза. – Я уверен, Конклав сходит в эту церковь и проверит ее, но ставлю двадцать к одному, что они ничего не найдут. Вы убили сторожевого демона, так что секта все вычистит там и бросит концы в воду. Нам придется подождать, пока они не организуют все снова еще где-нибудь.

– Но... – желудок Клэри сжался. – Тот ребенок. И фотографии в книге, которую я видела. Я думаю, что они пытаются создать больше детей подобных Себастьяну.

– Они не могут, – сказал Джейс. – Они перелили младенцу кровь демона, что очень плохо, да. Но получить кого-то вроде Себастьяна можно, только используя кровь демона на ребенке сумеречных охотников. Вместо этого ребенок умер. – Он слегка сжал ее ладонь, успокаивая ее. – Вряд ли их можно назвать хорошими людьми, но не могу поверить, чтобы

они повторили это, учитывая первую неудачу в эксперименте.

Такси со скрежетом затормозило на углу Хьюстона и Второй-авеню.

– Счетчик не работает, – сказал таксист. – С вас десять баксов.

Джейс, который в других обстоятельствах сделал бы, вероятно, какое-нибудь саркастическое замечание, протянул таксисту двадцатку и вылез из машины, придерживая дверь для Клэри.

– Ты готова? – спросил он, когда они направились к железной решетке, ведущей в Город.

Она кивнула.

– Не могу сказать, что моя последняя поездка сюда была особенно радостной, но я готова. – Она взяла его руку. – Пока мы вместе, я готова ко всему.

Безмолвные Братья ждали их на входе в Город, как будто ожидали их прихода. Клэри узнала Брата Захария среди группы. Они образовали безмолвный ряд, преграждая Клэри и Джейсу дальнейший путь в Город.

– Зачем вы пришли сюда, дочь Валентина и сын Института? – Клэри не могла точно сказать, прозвучал ли в ее голове голос одного из них или всех разом. – Не в наших обычаях, когда дети приходят в Безмолвный Город без присмотра.

Обращение «дети» задело, хотя Клэри знала, что среди сумеречных охотников все до восемнадцати лет были детьми и субъектами разных правил.

– Нам нужна ваша помощь, – сказала Клэри, когда стало очевидно, что Джейс не собирался ничего говорить. Он рассматривал Безмолвных Братьев одного за другим с любопытством и апатией, как кто-то, кто получил несколько разных диагнозов от различных врачей и теперь, дойдя до конца, ждал приговора специалиста. – Разве это не ваша работа, помогать сумеречным охотникам?

– Все же мы не ваши слуги, бегущие по любому зову. Не каждая проблема находится в нашей юрисдикции».

– Но эта да, – сказала Клэри. – Я считаю, что кто-то влез в разум Джейса – кто-то с силой – и приводит в беспорядок его воспоминания и сны. Заставляет его делать вещи, которые он не хочет делать.

– Гипномантия, – произнес один из Безмолвных Братьев. – Магия снов. Это область только величайших и самых сильных пользователей магии.

– Вроде ангелов, – сказала Клэри и была вознаграждена застывшим, удивленным молчанием.

– Возможно, – сказал Брат Захария в итоге, – вам следует пройти с нами к Говорящим Звездам.

Это явно не было приглашением, скорее, приказом, потому что они тут же развернулись и начали свой путь к сердцу Города, не ожидая, последуют за ними Джейс и Клэри или нет.

Они дошли до зала Говорящих Звезд, где Братья заняли свои места за черным базальтовым столом. Меч Смерти был снова на своем месте, сияя на стене позади них, как крыло серебристой птицы. Джейс прошел в центр помещения и уставился на последовательность металлических звезд, вплавленных в алую и золотистую плитку пола. Клэри наблюдала за ним, ощущая боль в сердце. Было трудно видеть, как вся его обычно горящая энергия уходит, подобно ведьминому свету угасающему под пеплом.

Он поднял свою светлую голову, моргая, и Клэри поняла, что Безмолвные Братья говорят в его сознании, говоря слова которые она не могла слышать. Она видела его покачивания головой и слышала, как он говорит:

– Я не знаю. Я думал, это просто обычные сны. – Затем его губы сжались, и она не могла догадаться, о чем они его спрашивали. – Видения? Не думаю. Да, я действительно сталкивался с ангелом, но это у Клэри были пророческие сны. Не у меня.

Клэри насторожилась. Они подбирались до ужаса близко к тому, чтобы спросить, что произошло с Джейсом и ангелом той ночью у озера Лин. Она не подумала об этом. Когда Безмолвные Братья забрались в твою память, что они видели? Только то, что они искали?

Или все?

Затем Джейс кивнул.

– Отлично. Я готов, если вы готовы.

Он закрыл глаза, и Клэри, наблюдая за ним, немного расслабилась. Она подумала, что именно так ощущал себя Джейс, наблюдая за ней, когда Безмолвные Братья впервые погрузились в ее память. Она заметила детали, о которых не знала в первый раз, потому что была поймана в сети их и ее сознания, возвращаясь в свои воспоминания, потерянная для всего мира.

Она увидела, как Джейс напрягся, словно они коснулись его руками. Его голова наклонилась назад. Его руки по бокам раскрылись и сжались, когда звезды на полу под его ногами засияли ослепительно серебристым светом. Она моргнула, ослепленная; он стоял грациозным темным силуэтом напротив яркого серебра, будто находился в центре водопада. Вокруг них все наполнилось шумом, мягким, неразборчивым шепотом.

Пока она наблюдала, он упал на колени и оперся ладонями о пол. Ее сердце сжалось. Вмешательство Безмолвных Братьев в ее голову чуть не довело ее до тошноты, но Джейс ведь был сильнее, не так ли? Медленно, он согнулся, сжав руками живот, в каждой его черте была видна агония, хотя он ни разу не вскрикнул. Клэри больше не могла смотреть – она бросилась к нему, сквозь полотно света, и упала на колени рядом с ним, обнимая его руками. Шепчущие голоса вокруг выразили бурю протестов, когда он повернулся и посмотрел на нее. Серебряный свет выбелил его глаза, и они казались плоскими и белыми, как мраморная плитка. Его губы произнесли ее имя.

А затем все пропало – свет, звук, все, и они стояли на коленях вдвоем на голом полу зала, а вокруг них была лишь тень и тишина. Джейс дрожал, и когда его руки разжались, она увидела, что они были в крови там, где ногти впивались в кожу. Все еще держа его за руку, она посмотрела на Безмолвных Братьев, борясь со своим гневом. Она знала, это как быть злой на врача, который должен был произвести болезненное, но жизненно важное лечение, но это было тяжело – так тяжело – быть разумной, когда дело касалось того, кого любишь.

– Ты что-то утаила, Кларисса Моргенштерн, – сказал Брат Захария. – Секрет, который вы двое храните.

Сердце Клэри сжалось от страха.

– Что вы имеете в виду?

– На этом мальчике метка смерти. – Это произнес другой Брат. Энох, вспомнила она.

– Смерти? – сказал Джейс. – Хотите сказать, что я умру? – Он не выглядел удивленным.

– Мы имели в виду, что ты уже был мертв. Ты побывал за порогом смерти, твоя душа покинула тело.

Клэри и Джейс обменялись взглядами. Она сглотнула.

– Ангел Разиэль... – начала она.

– Да, его следы тоже есть на этом мальчике. – Голос Эноха не выражал эмоций. – Существует только два способа вернуть мертвого. Некромантия, черная магия колокола, книги и свечи. Это вернет подобие жизни. Но только ангел – правая рука Господа – может поместить человеческую душу назад в тело так же легко, как вдохнули жизнь в первого человека. – Он покачал головой. – Равновесие жизни и смерти, хорошего и плохого – очень деликатное дело, юные сумеречные охотники. Вы нарушили его.

– Но Разиэль и есть ангел, – сказала Клэри. – Он может делать, что пожелает. Вы поклоняетесь ему, не так ли? Если он сделал этот выбор...

– Сделал ли он? – спросил другой из братьев. – Он сам выбрал?

– Я... – Клэри взглянула на Джейса. Она подумала: «Я могла попросить о чем угодно во всей вселенной. Мир во всем мире, излечение болезни, вечной жизни. Но все, чего я хотела – это тебя».

– Нам знаком ритуал Инструментов, – сказал Захария. – Мы знаем, что тот, кто владеет ими, кто ими командует, может попросить у ангела об одном одолжении. Я не думаю, что он мог отказать тебе.

Клэри вскинула подбородок.

– Ну, – сказала она, – ничего не вернешь.

Джейс издал подобие смешка.

– Знаете, они в любой момент могли бы убить меня, – сказал он. – Вернуть равновесие.

Ее руки сжались вокруг его руки.

– Не будь нелепым. – Но голос ее был слаб. Она напряглась еще больше, когда Брат Захария отделился от тесной группы Безмолвных Братьев и приблизился к ним, мягко скользя ногами по Говорящим Звездам. Он подошел к Джейсу, и Клэри пришлось побороть желание оттолкнуть его прочь, когда он наклонился и положил свои длинные пальцы на подбородок Джейса, поднимая лицо мальчика к себе. Пальцы Захарии были тонкими и гладкими – пальцы молодого человека. Она никогда прежде не задумывалась о возрасте Безмолвных Братьев, учитывая, что они казались ссохшимися и старыми.

Джейс с колен смотрел на Захарию, который уставился сверху вниз на него с безразличным, невыразительным лицом. Клэри не могла не подумать о средневековых картинах святых, стоящих на коленях, смотрящих вверх с лицами, залитыми сияющим золотым светом.

– Будь я рядом, – сказал он неожиданно мягким голосом, – когда ты рос. Я увидел бы правду на твоем лице, Джейс Лайтвуд, и знал бы, кто ты.

Джейс выглядел озадаченным, но не пытался вырваться.

Захария повернулся к остальным.

– Мы не можем и не должны вредить мальчику. Между Братями и Эрондейлами хранится старая связь. Мы обязаны ему помочь.

– Помочь с чем? – потребовала ответа Клэри. – Вы увидели, что с ним что-то не так – что-то внутри его головы?

– Когда сумеречный охотник рождается, выполняется ритуал, перечисляются защитные периоды, помещенные в ребенка обоими – Безмолвными Братями и Железными Сестрами.

Железные Сестры, как Клэри знала из своих занятий, были родственной сектой Безмолвных Братьев; даже больше склонные к уединению чем их братья, они отвечали за обработку оружия сумеречных охотников.

– Когда Джейс умер, – продолжал Брат Захария, – а затем был воскрешен, он родился во второй раз, эти защиты и ритуалы снялись. Это оставило его беззащитным, как приоткрытую дверь для любого демонического влияния или недоброжелательности.

Клэри облизнула пересохшие губы.

– Вы имеете в виду одержимость?

– Не одержимость. Влияние. Я подозреваю, что мощная демоническая сила шепчет в твои уши, Джонатан Эрондейл. Ты силен, ты сопротивляешься, но она преодолевает тебя, как море стачивает песок.

– Джейс, – прошептал он сквозь белые губы. – Джейс Лайтвуд, а не Эрондейл.

Клэри, сильно напрягшись, спросила:

– Как вы можете быть уверены, что это демон? И что мы можем сделать, чтобы его оставили в покое?

Енох, задумчиво, сказал:

– Ритуал должен быть повторен, защиты наложены на него второй раз, как будто он только что родился.

– Вы можете это сделать? – спросила Клэри.

Захария склонил голову набок.

– Это можно сделать, но требуется подготовка. Необходимо вызвать одну из Железных Сестер, приготовить амулет... Он умолк. – Джонатан должен остаться с нами, пока ритуал не будет закончен. Это самое безопасное место для него.

Клэри посмотрела на Джейса, ища выражения любого выражения надежды, облегчения, радости, чего угодно. Но его лицо было бесстрастным.

– На какой срок? – спросил он.

Захария развел тонкими руками.

– День, может быть два. Ритуал предназначен для детей грудного возраста; нам придется изменить его, изменить его в соответствии с взрослым. Будь ты старше восемнадцати лет, это было бы невозможным, а так, это будет трудным, но в рамках возможного.

В рамках возможного. Это было не тем, что надеялась услышать Клэри. Она рассчитывала услышать, что проблема была простой, легко решаемой. Она посмотрела на Джейса. Его голова была опущена, волосы ниспадали вперед, затылок выглядел таким уязвимым, что заставил ее сердце сжаться.

– Хорошо, – сказала она тихо. – Я останусь здесь с вами.

– Нет, – ответили в унисон Братья, голосами, не принимающими возражений. – Он должен остаться здесь один. Для того, что мы должны сделать, он не может себе позволить отвлекаться.

Она почувствовала, что тело Джейса напряглось. В прошлый раз, когда он один остался в Безмолвном Городе, он был незаконно заключен в тюрьму, присутствовал при ужасных смертях большинства Безмолвных Братьев, и был замучен Валетином. Она не могла себе представить, насколько ужасна для него мысль, провести еще одну ночь в одиночестве в Городе.

– Джейс, – прошептала она. – Я сделаю все, что ты хочешь, чтобы я сделала. Если ты хочешь уйти...

– Я останусь, – сказал он. Он поднял голову, и его голос был сильным и четким. – Я останусь. Я буду делать все, что я должен сделать, чтобы исправить это. Мне нужно, чтобы ты позвонила Иззи и Алеку. Скажи им... скажи им, что я останусь у Саймона, чтобы присматривать за ним. Скажи им, что я навещу их завтра или послезавтра.

– Но...

– Клэри. – Он осторожно взял ее руки. – Ты была права. Это не исходит изнутри меня. Что-то делает это со мной. С нами. Ты знаешь, что это значит? Если я смогу... исцелится... то не буду больше бояться находиться рядом с тобой. Я проведу тысячу ночей в Безмолвном Городе ради этого.

Она наклонилась вперед, не обращая внимания на Безмолвных Братьев, и поцеловала его, быстро прижавшись своими губами к его.

– Я вернусь, – прошептала она. – Завтра вечером, после вечеринки в «Заводе», я вернусь к тебе.

Надежды в его глазах было достаточно, чтобы разбить ее сердце.

– Может быть, я исцелюсь к тому времени.

Она коснулась его лица кончиками пальцев.

– Может быть, исцелишься.

Саймон проснулся, по-прежнему чувствуя себя обессиленным после долгой ночи плохих снов. Он перевернулся на спину и уставился на свет, проникающий через окно в его спальне.

Он не мог не задаться вопросом, стал бы он лучше спать, если подобно другим вампирам делал это в дневное время. Несмотря на то, что солнце не могло навредить ему, он ощущал притяжение ночи, желание быть под темным небом и мерцающими звездами. Было что-то в нем, что хотело жить в тених, что воспринимало солнечный свет тонкой, подобной порезу ножом болью – точно так же было в нем нечто требующее кровь. И осознание того, чем сопротивление этому обернулось для него.

Он сел прямо и набросил на себя кое-какую одежду, а затем вышел в гостиную. Пахло тостами и кофе. Джордан сидел на одном из табуретов, его волосы торчали во все стороны, как обычно, а плечи были ссутулены.

– Эй, – сказал Саймон. – В чем дело?

Джордан посмотрел на него. Он был бледен под своим загаром.

– У нас есть проблемы, – сказал он.

Саймон не видел своего соседа оборотня по комнате со вчерашнего дня. Он пришел вчера вечером из Института, и упал в изнеможении. Джордана не было, и Саймон предположил, что тот был на работе. Но, может быть, что-то случилось.

– Что стряслось?

– Это было сунуто под нашу дверь. – Джордан толкнул сложенную газету к Саймону. Это была «Нью-Йоркская Утренняя Хроника» открытая на одной из страниц. Там был жуткий снимок поверх заголовка, жуткое изображение тела лежащего на мостовой, с торчащими худыми конечностями, изогнутыми в странных ракурсах. Это едва выглядело человеком, мертвое тело не может так выглядеть. Саймон хотел спросить, Джордана, почему он должен был смотреть на это, когда заметил текст под фотографией.

«ДЕВУШКА НАЙДЕНА МЕРТВОЙ».

«Полицейские сообщают, что проводят расследование гибели четырнадцатилетней Морин Браун, чье тело было обнаружено воскреснем вечером в одиннадцать часов, в мусорном баке за забегаловкой на Третьей-авеню. Хотя официальная причина смерти еще не указана следователем, Майкл Гарса, владелец, который обнаружил тело, сообщил, что ее горло было перерезано. Полиция еще не обнаружила оружие...»

Больше не в состоянии читать, Саймон тяжело опустился на стул. Теперь он понял, что фотография была определенно Морин. Он узнал ее перчатки всех цветов радуги, глупую розовую шляпу, которая была на ней, когда он последний раз видел ее. Боже мой, хотел он сказать. О, Боже. Но не смог произнести ни слова.

– Разве в той записке не говорилось, – сказал Джордан мрачным голосом, – что, если ты не придешь по этому адресу, они перережут горло твоей подружке?

– Нет, – прошептал Саймон. – Это не возможно. Нет.

Но он помнил.

Младшая кузина друга Эрика. Как ее звали? Та, что запала на Саймона. Она приходила на все наши концерты и рассказывала всем, что она его подруга.

Саймон помнил ее телефон, ее маленький розовый телефон с наклейками на нем, как она подняла его, чтобы сделать его фото. Чувствовал ее руку на своем плече, легкую как бабочка. Четырнадцать лет. Он обхватил себя руками вокруг груди, словно пытался себя достаточно маленьким, чтобы полностью исчезнуть.

Глава четырнадцатая

Куда приводят мечты

Джейс встревоженно перевернулся на узкой кровати в Безмолвном Городе. Он не знал, где Братья спали, и они, казалось, не склонны были говорить об этом. Единственным местом, где он мог прилечь, оказалась одна из комнат, куда они обычно помещали преступников. Они оставили дверь открытой для него, чтобы он не чувствовал себя, как в тюрьме, но даже при самом богатом воображении это место нельзя было назвать приятным.

Воздух был спертым и влажным. Он снял футболку и лежал поверх одеяла только в одних джинсах, но все равно было слишком жарко. Стены были скучно-серыми. Кто-то нацарапал буквы «JG» на камнях над спинкой кровати, и он задумался над тем, что они значили. В комнате не было ничего, кроме кровати, треснувшего зеркала, отражавшего его искаженным, и раковины. Не упоминая более чем неприятные воспоминания, которые всколыхнула комната.

Братья копались в его сознании всю ночь, пока он не ощутил себя, как выжатая тряпка. Так как они были очень скрытными, он не имел ни малейшего понятия, добились ли они успеха. Они не показались ему довольными, хотя, они никогда и не были таковыми.

Он знал, что настоящим испытанием был сон. Что ему приснится? Сон – это возможность видеть сны. Он перевернулся на бок, пряча лицо в ладонях. Он думал, что не вынесет еще хоть один сон о том, как причинит боль Клэри. Он подумал, что реально мог сойти с ума и эта идея пугала его. Перспектива умереть никогда сильно не пугала его, но

мысль о безумии, была, пожалуй, худшей вещью, которую он мог вообразить. Но единственным способом узнать это, было уснуть. Он закрыл глаза и пожелал себе заснуть.

Он спал и видел сон.

Он вернулся в долину – долину в Идрисе, где он воевал с Себастьяном и чуть не погиб. Только сейчас была осень, а не разгар лета, как в прошлый раз, когда он был там. Листва была окрашена в золотой, красновато-коричневый, оранжевый и красный цвета. Он стоял на берегу небольшой речки, – ручья по сути – который делил долину на две части. Издалека кто-то приближался к нему, кто-то кого он не мог видеть отчетливо, но походка человека была уверенной и целеустремленной.

Он был так уверен, что это Себастьян, что только когда человек подошел довольно близко, он разглядел и осознал, что это не он. Себастьян был высок, выше Джейса, но этот человек был невысоким – он оставался в тени, но точно на голову или две ниже Джейса – и худощавым, с узкими детскими плечами и костлявыми запястьями, торчащими из-под слишком коротких рукавов.

Макс.

Вид младшего брата сразил Джейса, как удар, и он упал на колени, прямо на зеленую траву. Ему не было больно. Все было слегка размыто, как и бывает во сне. Макс выглядел как обычно. Несуразная фигура мальчика как раз на грани взросления и перехода к подростку от ребенка. Теперь этого никогда не случится.

– Макс, – сказал Джейс. – Макс, мне очень жаль.

– Джейс. – Макс стоял на месте. Подул небольшой ветер и убрал его каштановые волосы с лица. Его глаза за очками были серьезны. – Я здесь не ради себя, – сказал он. – И не для того, чтобы преследовать тебя или заставить почувствовать вину.

«Конечно, нет» – сказал голос в голове Джейса. Макс всегда любил только тебя, равнялся на тебя, считал тебя потрясающим.

– Сны, которые тебе снятся, – сказал Макс. – Это сообщения.

– Сны это влияние демона, Макс. Безмолвные Братья сказали...

– Они не правы, – быстро сказал Макс. – Их осталось несколько и их силы стали слабее, чем раньше. Эти сны предназначены, чтобы сообщить тебе кое-что. Ты неправильно понял их. Они не говорят тебе причинить вред Клэри. Они предостерегают тебя от того, что ты уже это делаешь.

Джейс медленно покачал головой.

– Я не понимаю.

– Ангелы послали меня поговорить с тобой, потому что я знаю тебя, – сказал Макс чистым детским голосом. – Я знаю какой ты с людьми, которых любишь, и ты никогда не причинишь им вред намеренно. Но ты все еще не искоренил влияние Валентина внутри себя. Его голос все еще шепчет тебе, и хоть ты и не думаешь, что слушаешь его, но это так. Сны говорят тебе, что, пока ты не уничтожишь эту часть себя, ты не можешь быть с Клэри.

– Тогда я расправлюсь с этим, – сказал Джейс. – Я сделаю все, что придется. Просто скажи мне, как это сделать.

Макс открыто и лучезарно улыбнулся и протянул что-то в руке. Это был кинжал с серебряной ручкой Стивена Эрондейла из коробки, Джейс сразу же узнал его.

– Возьми его, – сказал Макс. – И используй против себя. Часть тебя, которая находится здесь во сне со мной, должна умереть. То, что восстанет после этого, будет очищено.

Джейс взял кинжал.

– Хорошо. – Улыбнулся Макс. – Многие из нас здесь, на другой стороне, беспокоятся о тебе. Твой отец здесь.

– Не Валентин...

– Твой настоящий отец. Он попросил меня сказать, чтобы ты использовал кинжал. Это удалит все гнилое из твоей души.

Макс улыбнулся, как ангел, когда Джейс развернул кинжал к себе, лезвием внутрь. Затем, в последний момент Джейс засомневался. Слишком это было похоже на то, что сделал

с ним Валентин, пронзая его сердце. Он взял нож и сделал длинный надрез в правом предплечье, чуть выше запястья. Никакой боли не было. Он переложил нож в правую руку и сделал то же самое на другой руке. Кровь хлынула из длинных порезов на его руках, более алая, чем в реальности, кровь цвета рубина. Она стекала по его коже и капала на траву.

Он услышал, как Макс тихо выдохнул. Мальчик наклонился и провел пальцами правой руки по крови. Когда он поднял их, они блестели алым цветом. Он сделал шаг к Джейсу, а затем еще один. Так близко Джейс мог ясно разглядеть лицо Макса – его идеальную детскую кожу, полупрозрачные веки, глаза – Джейс не думал, что у него такие темные глаза. Макс положил ладонь Джейсу на грудь, чуть выше сердца, и начал рисовать узор кровью – руну. Такой руны Джейс еще не видел, в ней накладывались углы, а форма была странной.

Закончив, Макс опустил руку и отошел, наклонив голову, как художник, изучающий свою работу. Джейса пронзил внезапный шок агонии. Он чувствовал себя так, будто кожа на его груди горела. Макс стоял, наблюдая за ним, улыбаясь и сжимая свою окровавленную руку.

– Тебе больно, Джейс Лайтвуд? – спросил он, и голос его уже не был голосом Макса. Он был другим, высоким, хриплым и знакомым.

– Макс... – прошептал Джейс.

– Какую боль ты причинил, такую и познаешь, – сказал Макс, чье лицо начало мерцать и меняться.

– Сколько горя ты причинил, столько и познаешь. Ты теперь мой, Джейс Лайтвуд. Ты мой.

Муки ослепляли. Джейс рухнул вниз, цепляясь руками за грудь, а затем провалился во тьму.

Саймон сидел на диване, уткнув лицо в ладони. Его сознание гудело.

– Это моя вина, – сказал он. – Я мог бы просто убить Марин, когда пил ее кровь. Она умерла из-за меня.

Джордан развалился в кресле напротив него. Он был в джинсах и зеленой футболке поверх теплой рубашки с длинными рукавами и дырами на манжетах; он продел в них большие пальцы и теребил ткань. На его шее блестел золотой медальон Волков-Защитников.

– Да ладно тебе, – сказал он. – Ты не мог ничего предугадать. Она была в порядке, когда я посадил ее в такси. Эти парни, должно быть, схватили и убили ее позже.

Саймон почувствовал головокружение.

– Но я укусил ее. Она не вернется, так ведь? Она не собирается стать вампиром?

– Нет. Перестань, ты знаешь все это не хуже меня. Ты должен дать ей своей крови, чтобы она стала вампиром. Выпей она твоей крови, а затем умри, то да, мы были бы на кладбище, наблюдая. Но она этого не сделала. Я имею в виду, что ты запомнил бы такое.

Саймон почувствовал вкус прогорклой крови в горле.

– Они думали, что она моя подруга, – сказал он. – Они предупредили меня, что убьют ее, если я не приду, и когда я не пришел, они перерезали ей глотку. Она, должно быть, прождала там весь день, гадая, приду ли я. Надеюсь, что я появлюсь... – Его желудок скрутило, и он согнулся, тяжело дыша, пытаясь сдержать тошноту.

– Так и есть, – сказал Джордан, – но вопрос в том, кто они? – Он строго посмотрел на Саймона. – Думаю это тот случай, когда нужно звонить в Институт. Я не люблю сумеречных охотников, но я всегда слышал, что их архивы очень точны. Может быть, у них есть что-то на этот адрес в записях.

Саймон колебался.

– Ну же, – сказал Джордан. – Ты достаточно дерьма совершил ради них. Пускай сделают что-то для тебя.

Пожав плечами, Саймон пошел за своим телефоном. Возвращаясь в гостиную, он набрал номер Джейса. Изабель ответила после второго гудка.

– Снова ты?

– Извини, – сказал неловко Саймон. Видимо, их маленькая интерлюдия в Святилище не

смягчила ее к нему настолько, насколько он надеялся. – Я искал Джейса, но, полагаю, могу поговорить с тобой...

– Очаровательно, как всегда, – сказала Изабель. – Я думала, Джейс с тобой.

– Нет. – Саймон ощутил тревогу. – Кто тебе сказал это?

– Клэри, – сказала Изабель. – Может быть, они хотели провести время вместе, чтобы им никто не мешал, или что-то вроде этого. Как бы то ни было, Джейс оставил телефон в комнате. Если увидишь его, напомни, что он вроде собирался посетить вечеринку в «Заводе» сегодня вечером. Если он не появится, Клэри убьет его.

Саймон уже почти забыл, что он должен быть на вечеринке этим вечером ночью.

– Хорошо, – сказал он. – Послушай, Изабель. У меня проблема.

– Валяй. Я люблю проблемы.

– Не знаю, понравится ли тебе эта, – сказал он с сомнением и быстро ввел ее в курс дела. Она вздохнула, когда он добрался до той части рассказа, где укусил Марин, и он почувствовал, как сжалось его горло.

– Саймон, – прошептала она.

– Знаю, знаю, – сказал он с горечью. – Думаешь, мне не жаль? Мне очень жаль

– Убей ты ее, ты нарушил бы Закон. Стал бы преступником и мне пришлось бы убить тебя.

– Но я не убивал, – сказал он, его голос слегка дрожал. – Я не делал этого. Джордан клянется, что она была в порядке, когда он посадил ее в такси. И в газете сообщили, что ей перерезали горло. Я не делал этого. Кто-то сделал это, чтобы добраться до меня. Я только не знаю, зачем.

– Мы еще не закрыли тему, – ее голос был суров. – Но сначала иди и найди записку, которую они прислали. Прочти ее мне.

Саймон сделал, как она попросила, и услышал резкий вздох на другом конце линии.

– Этот адрес кажется мне знакомым, – сказала она. – Это то место, где Клэри сказала мне, чтобы я с ней встретился вчера. Это церковь, в верхней части города. Штаб-квартира поклонения какому-то демоническому культу.

– Что секта демонопоклонников может хотеть от меня? – спросил Саймон и заметил любопытный взгляд Джордана, который слышал только половину разговора.

– Я не знаю. Ты Светоч. Ты заполучил безумные способности. Ты станешь мишенью для сумасшедших и черных магов. Вот и все. – Изабель могла бы быть чуть более сострадательной, подумал Саймон. – Слушай, ты ведь собираешься на вечеринку в «Завод», правильно? Мы можем встретиться там и поговорить о дальнейших действиях. И я расскажу маме о том, что произошло с тобой. Они уже изучают церковь Тальто, так что могут добавить это в кучу.

– Полагаю, да, – сказал Саймон. Последнее в мире чего бы он хотел, так это идти на вечеринку.

– И возьми с собою Джордана, – сказала Изабель. – Тебе может пригодиться телохранитель.

– Я не могу этого сделать. Майя собирается туда.

– Я поговорю с ней, – сказала Изабель. Ее голос звучал гораздо более уверенно, чем Саймон чувствовал бы себя на ее месте. – До встречи.

Она прервала звонок. Саймон повернулся к Джордану, который лежал на диване, положив голову на одну из подушек.

– Сколько из этого ты слышал?

– Достаточно, чтобы понять, что мы собираемся на вечеринку сегодня вечером, – сказал Джордан.

– Я слышал об этом мероприятии в «Заводе». Я не в стае Гарроуэй, поэтому меня не пригласили.

– Полагаю, теперь ты пойдешь туда как мой спутник. – Саймон сунул телефон обратно в карман.

– Я слишком уверен в своей мужественности, чтобы согласиться на это, – сказал Джордан. – Нам стоит подыскать тебе подходящую одежду, – крикнул он, когда Саймон направился в свою комнату. – Я хочу, чтобы ты хорошо выглядел.

* * *

Годами ранее, когда Лонг-Айленд был центром индустрии, а не модным районом, полным художественных галерей и кофейных магазинов, «Завод» был фабрикой по производству ткани. Теперь это было громадное кирпичное здание, которое внутри было переоборудовано в большое, но красивое место. Пол был сделан из перекрывающих друг друга квадратов из зачищенной стали; над головой изгибались изящные стальные лучи, украшенные небольшими белыми лампочками. Декоративные железные лестницы поднимались спиралями к проходам, украшенным растениями. Огромный стеклянный потолок позволял видеть ночное небо над ним. Снаружи даже была терраса, построенная над Ист-Ривер и позволяющая обозревать мост над Пятдесят Девятой улицей с особого ракурса – он возвышался над головой, растянувшись от Квинса до Манхэттена, как копье из сверкающего льда.

Стая Люка превзошла себя, стараясь, чтобы место выглядело замечательно. Вокруг были художественно расставлены оловянные вазы, в которых стояли белые цветы на длинных стеблях, и накрытые белыми скатертями столы стояли кругом вокруг сцены, на которой струнный квартет оборотней исполнял классику. Клэри не могла не пожелать, чтобы Саймон был здесь; она была почти уверена, что он счел бы «Werewolf String Quartet» отличным названием для группы.

Клэри шаталась от стола к столу, перекладывая вещи, которые не нужно было перекладывать, теребя цветы и поправляя серебро на столах, и так лежащее ровно. Пока прибыло всего несколько гостей, и она не знала никого из них. Ее мать и Люк стояли около входа, приветствуя входящих и улыбаясь, Люк выглядел неуверенным в костюме, а Джослин сияла в сшитом для нее голубом платье. После событий последних нескольких дней было приятно видеть ее мать счастливой, хотя Клэри было интересно, сколько в этой радости было настоящего, а сколько игры. Губы Джослин были странно напряжены, так что Клэри беспокоилась, была ли она действительно счастлива или просто улыбалась сквозь боль?

Не то чтобы Клэри не знала, что она чувствовала. Что бы ни происходило, она не могла не думать о Джейсе. Что Безмолвные Братья делали с ним? Был ли он в порядке? Смогут ли они исправить то, что с ним не так, устранить влияние демона? Ночь перед этим вечером она провела без сна, уставившись в темноту своей комнаты и переживая, пока не ощутила себя буквально больной.

Больше всего на свете она хотела, чтобы он был рядом. Она выбирала платье, которое надела сегодня вечером – бледно-золотое и более облегающее ее тело, чем обычно – с явной надеждой, что оно понравится Джейсу; теперь он ее в нем не увидит. Она знала, что глупо было беспокоиться о подобных вещах; она бы проходила всю жизнь, одетая в бочку, если бы это только помогло Джейсу оправиться. Кроме того, он всегда говорил ей, что она красивая, и никогда не жаловался, что она в основном носила джинсы и кеды, но она подумала, что ему бы это понравилось.

Стоя перед зеркалом сегодня вечером, она почти ощутила себя красивой. Ее мать всегда говорила, что она была поздним цветком, и Клэри, глядя на свое отражение, задавалась вопросом, не было ли то же самое с ней. Она больше не была плоской, как доска – в этом году она покупала бюстгалтеры большего размера – и, когда она прищурилась, она подумала, что могла разглядеть – да, определенно бедра. У нее была фигура. Не слишком выделяющаяся, но надо же с чего-то начинать.

Она выбрала простые украшения – очень простые.

Она подняла руку и коснулась кольца Моргенштернов на цепочке вокруг шеи. Она снова надела его этим утром, впервые за несколько дней. Она чувствовала, что это был молчаливый жест веры в Джейса, способ показать ее лояльность, знал он об этом или нет. Она решила, что будет носить его, пока снова его не увидит.

– Клэри Моргенштерн? – Произнес мягкий голос за ее плечом.

Клэри удивленно обернулась. Голос не был знакомым. Это была стройная высокая девушка, выглядящая лет на двадцать. Ее кожа была молочно-бледной, а сквозь нее проступали зеленые вены, и ее светлые волосы были также зеленоватого оттенка. Ее глаза были холодно-голубыми, как мрамор, и она была одета в легкое голубое платье, такое тонкое, что Клэри подумала, она должно быть замерзла. Воспоминание медленно поднялось из глубин памяти.

– Кейли, – медленно произнесла Клэри, признавая в ней фею официантку из «Таки», которая обслуживала ее и Лайтвудов несколько раз. Мысль напомнила ей, что когда-то был некий намек, что между Кейли и Джейсом однажды что-то было, но этот факт показался таким незначительным перед лицом всего остального, что она даже не могла заставить себя ревновать. – Я не знала... Ты знаешь Люка?

– Не прими меня ошибочно за гостя на этом мероприятии, – сказала Кейли, ее тонкая рука изобразила безразличный жест в воздухе. – Моя госпожа послала меня сюда найти тебя... не ради развлечений, – она любопытно взглянула через плечо, ее полностью голубые глаза сияли. – Хотя я и не знала, что твоя мать выходит замуж за оборотня.

Клэри вскинула брови.

– И?

Кейли оглядела ее с ног до головы с неким весельем.

– Моя госпожа сказала, что ты довольно крепкая, несмотря на свой рост. При Дворе на тебя бы смотрели снизу вверх из-за такой низкорослости.

– Мы не при Дворе, – сказала Клэри. – И мы не в «Таки», что означает, ты пришла ко мне, и у тебя есть пять секунд, чтобы рассказать мне, что Королева Фей хочет. Я не большая ее поклонница, и я не в настроении для ее игр.

Кейли указала своим тонким пальцем с зеленым ноготком Клэри на горло.

– Моя госпожа сказала спросить тебя, – сказала она, – почему ты носишь кольцо Моргенштернов. Это чтобы выразить признательность своему отцу?

Рука Клэри поднялась к ее шее.

– Это для Джейса... поскольку Джейс дал мне его, – сказала она, прежде чем смогла сдержаться, а затем молча прокляла себя. Было не очень разумно говорить Королеве Фей больше, чем нужно.

– Но он не Моргенштерн, – сказала Кейли, – а Эрондейл, и у них есть свое кольцо. Рисунок с цаплями, а не утренними звездами. И разве оно не идет ему больше – душе, которая парит, словно птица в полете, а не падает, как Люцифер?

– Кейли, – прорычала Клэри сквозь зубы. – Чего хочет Королева Фей?

Девушка-фея рассмеялась.

– Чего, – сказала она. – Да просто отдать тебе это. – Она держала что-то в руке, небольшой серебряный колокольчик-подвеску с петлей на конце, чтобы его можно было надеть на цепочку. Когда Кейли протянула руку ближе, колокольчик зазвенел легко и сладко, как дождь.

Клэри сжалась.

– Я не хочу подарков от твоей госпожи, – сказала она. – Поскольку они идут в комплекте с ложью и ожиданиями. Я не хочу быть обязанной Королеве.

– Это не подарок, – сказала Кейли нетерпеливо. – Это способ вызова. Королева прощает тебя за твое прежнее упрямство. Она ожидает, что скоро настанет время, когда тебе понадобится ее помощь. Она готова предложить ее тебе, если ты попросишь. Просто позвони колокольчиком, и слуга Двора придет и заберет тебя к ней.

Клэри помотала головой.

– Я не стану звонить в него.

Кейли пожала плечами.

– Тогда тебе ничего не стоит взять его.

Будто во сне Клэри увидела, как она протянула руку, и ее пальцы заколебались над

колокольчиком.

– Ты сделаешь что угодно, чтобы спасти его, – сказала Кейли, ее голос был тонкий и сладкий, как звон колокольчика, – чего бы тебе это ни стоило, что бы ты ни задолжала Небесам или Преисподней, разве нет?

Привычные голоса зазвучали в голове Клэри. «Ты хотя бы остановилась и задумалась, сколько неправды может быть в рассказах твоей матери, которые послужили своей цели? Ты и правда думаешь, что знаешь все секреты своего прошлого?»

Мадам Дорофея сказала Джейсу, что он влюбится не в того человека.

Его еще можно спасти. Но это будет сложно.

Колокольчик звякнул, когда Клэри взяла его, сворачивая в ладони. Кейли улыбнулась, ее голубые глаза сияли, как стеклянные бусины.

– Мудрый выбор.

Клэри помедлила. Но, прежде чем она могла бросить колокольчик обратно девушке-фее, она услышала, как кто-то зовет ее по имени, и повернулась, чтобы увидеть свою мать, идущую ей навстречу сквозь толпу. Она спешно повернулась назад, но не была удивлена, когда увидела, что Кейли пропала, растворившись в толпе, словно туман, растворяющийся в утреннем солнце.

– Клэри, – сказала Джослин, подходя к ней, – я искала тебя, а затем Люк показал на тебя, стоящую тут в одиночестве. Все в порядке?

«Стоящую здесь в одиночестве». Клэри стало интересно, что за волшебство использовала Кейли; ее мать видела сквозь большинство из них.

– Я в порядке, мама.

– Где Саймон? Я думала, что он придет.

Конечно, она сначала вспомнила Саймона, подумала Клэри, не Джейса. Хотя Джейс должен был прийти и как парень Клэри он должен был прийти раньше.

– Мам, – сказала она и замолчала. – Как думаешь, ты когда-нибудь полюбишь Джейса?

Зеленые глаза Джослин смягчились.

– Я заметила, что его здесь нет, Клэри. Я просто не знала, хочешь ли ты говорить об этом.

– Я имею в виду, – продолжала Клэри настойчиво, – как думаешь, он может сделать что-нибудь, чтобы понравиться тебе?

– Да, – сказал Джослин. – Он может сделать тебя счастливой, – она легко коснулась лица Клэри, и Клэри сжала ладонь, чувствуя, как впивается в кожу колокольчик.

– Он делает меня счастливой, – сказала Клэри. – Но он не может контролировать все в мире, мама. Случаются разные вещи... – она подыскивала слова. Как она могла объяснить, что это не Джейс делал ее несчастной, а то, что происходило с ним, не рассказывая, что это?

– Ты так его любишь, – сказала Джослин мягко. – Это меня пугает. Я всегда хотела защитить тебя.

– И посмотри, что из этого стало, – начала Клэри, а затем смягчила голос. Было не время винить свою мать или ругаться с ней, только не сейчас. Не когда Люк смотрит на них от дверей, и его лицо светится от любви и беспокойства. – Если бы ты только знала его, – сказала она немного безнадежно. – Но, полагаю, все так говорят о своих парнях.

– Ты права, – сказала Джослин, удивляя ее. – Я не знаю его, практически совсем. Я вижу его, и он напоминает мне немного свою мать. Я не знаю, почему... он не похож на нее, за исключением того, что она тоже была красивой, и в ней была эта ужасная уязвимость, которая есть и в нем...

– Уязвимость? – Клэри была шокирована. Она никогда не думала, что кто-то кроме нее самой считал Джейса уязвимым.

– О, да, – сказала Джослин. – Я хотела ненавидеть ее за то, что она увела Стефана у Аманис, но нельзя было заставить себя не хотеть защитить Селин. У Джейса это тоже немного есть, – она звучала потерянной в мыслях. – Или, может, просто красивые вещи легко ломаются жизнью. – Она опустила руку.

– Это не имеет значения. У меня есть воспоминания, с которыми я борюсь, но это мои воспоминания. Джейс не должен нести их груз. Хотя, я скажу тебе одну вещь. Если бы он не любил тебя, как он делает, а это у него на лбу написано, когда он смотрит на тебя, то я не стала терпеть его даже на мгновение. Так что не забывай об этом, когда злишься на меня.

Она отмахнулась от возражения Клэри, что она не злилась, с улыбкой и похлопала по щеке, а затем пошла назад к Люку с последним предложением для Клэри – смешаться с толпой и познакомиться. Клэри кивнула и ничего не ответила, глядя, как ее мать уходила, и, чувствуя, как колет ладонь колокольчик там, где она его сжала, словно головка горячей спички.

Пространство вокруг «Завода» было в основном заполнено складами и художественными галереями, такими местами, которые пустеют к ночи, так что найти парковку не составило труда для Джордана и Саймона. Саймон выпрыгнул из фургона, только чтобы увидеть, что Джордан уже на тротуаре и смотрит на него оценивающе.

Саймон не взял какие-либо другие вещи, когда покидал дом – у него не было ничего круче, чем военный жилет его отца – поэтому он и Джордан провели время после обеда, рыская по Ист-Вилледж в поисках приличной одежды. В итоге они нашли старый костюм «Zegna» в магазине под названием «Любовь спасает день», в котором в основном продавались ботинки на платформе с блестками и шарфы «Russi» из шестидесятых. Саймон подозревал, что именно здесь Магнус покупал большую часть своей одежды.

– Что? – сказал он, скромно оттягивая вниз рукава своего пиджака. Он был немного маловат ему, хотя Джордан отметил, что если не застегивать его, никто не заметит. – Насколько плохо я выгляжу?

Джордан пожал плечами.

– Зеркала от твоего вида не треснут, – сказал он. – Я просто хотел спросить, вооружился ли ты. Нужно что-нибудь? Кинжал, может? – Он слегка распахнул свой пиджак, и Саймон увидел что-то длинное и металлическое, сияющее на фоне подкладки.

– Не удивительно, что вы с Джейсом так друг друга любите. Вы оба просто сумасшедшие ходячие арсеналы. – Саймон покачал головой от усталости и повернулся ко входу в «Завод». Он был через дорогу, широкий золотистый навес, бросающий прямоугольную тень на тротуар, который украсили темно-красным ковром с золотым изображением волка, вышитым на нем. Саймон не мог не развеселиться от этого.

К одной из опор навеса прислонилась Изабель. Она собрала волосы в пучок и надела длинное алое платье с разрезом на боку, обнажающим почти всю ее ногу. На ее правой руке были надеты золотые браслеты. Они выглядели, как браслеты, но Саймон знал, что это был ее хлыст. Все ее тело было покрыто Метками. Они оплетали ее руки, плелись по ее бедру, окружали шею и украшали грудь, большая часть которой была видна, спасибо болтающемуся вырезу ее платья. Саймон старался не смотреть туда.

– Привет, Изабель, – сказал он.

Рядом с ним Джордан тоже старался не пялиться.

– Эм, – сказал он. – Привет. Я Джордан.

– Мы встречались, – холодно сказала Изабель, игнорируя его протянутую руку. – Майя пыталась разодрать тебе лицо. Кстати, довольно справедливо.

Джордан выглядел обеспокоенно.

– Она здесь? Она в порядке?

– Она здесь, – сказала Изабель. – Не то чтобы ее состояние было твоим делом...

– Я чувствую ответственность, – сказал Джордан.

– И где же это чувство находится? Может, в твоих штанах?

Джордан выглядел возмущенным.

Изабель махнула изящной украшенной рукой.

– Слушай, что бы ты ни натворил в прошлом, это в прошлом. Я знаю, что теперь ты среди Волков-Защитников, и я сказала Майе, что это означает. Она готова принять тот факт, что ты здесь, и игнорировать тебя. Но это все, что ты получишь. Не беспокой ее, не пытайся

заговорить с ней, даже не смотри на нее, или, скажу я тебе, ты очень быстро станешь похож на маленького оборотня-оригами.

Саймон фыркнул.

– Смейся-смейся, – Изабель указала на него. – Она и с тобой не хочет разговаривать. Так что, как бы соблазнительно она ни выглядела сегодня вечером – и, если бы я любила девочек, я бы точно повелась – ни один из вас не может говорить с ней. Понятно?

Они кивнули, глядя на свои ботинки, как школьники, которым только что дали бегунки для отработки.

Изабель оторвалась от опоры.

– Великолепно. Пойдемте внутрь.

Глава пятнадцатая

Божественная воинственность

Внутри «Завода» было много гирлянд с мерцающими разноцветными огнями. Некоторые гости уже сидели, но многие слонялись вокруг, неся бокалы с шампанским наполненные бледной, шипящей жидкостью. Официанты – которые также были оборотнями, заметил Саймон, все мероприятие кажется было устроено членами стаи Люка, – перемещались среди гостей, подавая бокалы с шампанским. Саймон отказался. С тех пор как он побывал на вечеринке у Магнуса, он не чувствовал себя безопасно выпивая что-либо, чего он не приготовил сам, и кроме того он никогда не знал как жидкость (не кровь) подействует на него и может ли заставить его почувствовать себя плохо.

Майя стояла возле одной из кирпичных колонн, разговаривая с двумя оборотнями и смеясь. Она была одета в блестящее оранжевое атласное платье, которое выделяло ее темную кожу, и ее волосы диким ореолом коричнево-золотых кудрей окружали ее лицо. Она увидела Саймона и Джордана, и подчеркнуто отвернулась. Задняя часть ее платья была V-образным вырезом, который демонстрировал часть обнаженной кожи, включая татуировку с изображением бабочки на нижней части спины.

– Не думаю, что они были, когда я узнал ее, – сказал Джордан. – Татуировка, я имею в виду.

Саймон посмотрел на Джордана. Он таращился на свою экс-подружку с выражением очевидной тоски, Саймон подозревал, что если он попытается подойти, то получит удар кулаком в лицо от Изабель, если не будет осторожен.

– Пойдем, – сказал он, положив руку на спину Джордана и слегка его подтолкнув. – Пойдем и посмотрим, где мы сидим.

Изабель, которая наблюдала за ними через плечо, улыбнулась кошачьей улыбкой.

– Хорошая мысль.

Они пробились через толпу в область, где были столы, найдя единственный который был занят всего наполовину. Клэри сидела на одном из стульев, смотря вниз на бокал шампанского, наполненный тем, что наиболее вероятно было имбирным пивом. Рядом с ней были Алек и Магнус, оба в темных костюмах, которые они носили, когда вернулись из Вены. Магнус, казалось, играл с краями своего длинного белого шарфа. Алек, скрестив руки на груди, свирепо смотрел вдаль.

Клэри, увидев Саймона и Джордана, вскочила на ноги, на ее лице читалось облегчение. Она обошла стол, чтобы поприветствовать Саймона, и он увидел, что она одета в очень простое золотисто шелковое платье и золотые сандалии на низкой подошве. Без каблучков прибавляющих ей роста, она выглядела крошечной. Кольцо Моргенштернов висело на ее шее, его серебро блестело на фоне цепочки, которая держала его. Она потянулась, чтобы обнять его и прошептала:

– Думаю, что Алек с Магнусом в ссоре.

– Похоже на то, – прошептал он в ответ. – А где твой парень?

После этого она убрала руки с его шеи.

– Он был вынужден задержаться в Институте. – Она повернулась. – Привет, Кайл.
Он улыбнулся несколько неловко.

– На самом деле, Джордан.

– Да я слышала. – Клэри жестом указала на стол. – Ну, мы можем сесть. Полагаю, что довольно скоро подадут жаркое и отбивные. А затем, надеюсь, еду.

Они все сели. Наступила долгая и неловкая пауза.

– Итак, – наконец произнес Магнус, пробежавшись своим длинным белым пальцем по краю своего бокала для шампанского. – Джордан. Я слышал, ты в числе Волков-Защитников. Вижу, ты носишь один из их медальонов. Что на нем написано?

Джордан кивнул. Он покраснел, его ореховые глаза искрились, а внимание явно только частично было направлено на разговор. Его взгляд следовал по всей комнате за Майей, а пальцы нервно сжимали и разжимали краешек скатерти, лежащей на столе. Саймон сомневался, что он знает об этом.

– *Beati bellicosi* – Священные воины.

– Хорошая организация, – сказал Магнус. – Я знал того, кто основал ее, где-то в 1800-х годах. Вулси Скотт. Старая уважаемая семья оборотней.

Алек издал противный звук из глубины своей глотки.

– И с ним ты тоже спал?

Кошачьи глаза Магнуса расширились.

– Александр!

– Разве мне что-нибудь известно о твоём прошлом? – упрямо заявил Алек. – Ты ничего не рассказываешь мне, ты только что заявил, что это не важно.

Лицо Магнуса не выражало никаких эмоций, но в голосе звучал оттенок злости.

– Означает ли это, что каждый раз, как я упоминаю кого-нибудь, кого встречал, ты будешь спрашивать, не было ли у меня с ним романа?

Выражение лица Алека было упрямым, но Саймон не мог не почувствовать вспышку симпатии к нему; за его голубыми глазами ясно читалась боль.

– Возможно.

– Однажды я встретил Наполеона, – сказал Магнус. – Хотя у нас и не было романа. Он был поразительно чопорным для француза.

– Вы встречали Наполеона? – Джордан, который, похоже, пропустил большую часть разговора, выглядел потрясенным. – Значит, это правда, что рассказывают о колдунах?

Алек очень неприятно посмотрел на него.

– Что, правда?

– Александр, – сказал Магнус сурово, и Клэри встретила с глазами Саймона через стол. Ее широкие, зеленые и полные выражения говорили «Упс». – Ты не можешь грубить каждому, кто заговорит со мной.

Алек сделал широкий, размашистый жест.

– А почему нет? Порчу твой стиль, да? Я имею в виду, может, ты надеялся пофлиртовать с мальчиком-оборотнем здесь. Он очень привлекательный, если тебе нравятся волосатые, широкоплечие, рельефно выглядящие типы.

– Эй, успокойтесь, – сказал Джордан мягко.

Магнус положил руки на голову.

– Или здесь есть много симпатичных девушек, поскольку очевидно твой вкус идет в обоих направлениях. Здесь есть хоть кто-нибудь, кто тебе не нравится?

– Русалки, – пробормотал Магнус сквозь пальцы. – Они всегда пахнут морскими водорослями.

– Это не смешно, – сказал Алек свирепо и, оттолкнув назад свой стул, встал из за стола и пошел прочь в толпу.

Магнус все еще держал свою голову в руках, черные космы его волос торчали между пальцами.

– Я просто не понимаю, – сказал он, не обращая ни к кому в частности, – почему

прошлое должно иметь значение.

К удивлению Саймона, ответил Джордан.

– Прошлое всегда имеет значение, – произнес он. – Именно это они говорят тебе, когда присоединяешься к Защитникам. Ты не можешь забыть ошибки своего прошлого, иначе ты никогда не научишься на них.

Магнус поднял взгляд, его золотисто-зеленые глаза сверкали сквозь пальцы.

– Сколько тебе лет? – настойчиво спросил он. – Шестнадцать?

– Восемнадцать, – сказал Джордон, выглядя слегка напуганным.

Возраста Алека, прикинул Саймон, сдерживая внутри ухмылку. Он действительно не находил ничего забавного в драме Алека и Магнуса, но было трудно не почувствовать определенное горькое развлечение при выражении Джордана. Джордан был в два раза больше Магнуса – несмотря на рост, Магнус был очень худым – но Джордан явно боялся его. Саймон повернулся, ища взгляд Клэри, но она пристально смотрела на входную дверь, ее лицо вдруг стало блее кости. Положив свою салфетку на стол, она пробормотала «Извините» и, поднявшись, практически выбежала из-за стола.

Магнус вскинул руки вверх.

– Ну, если это массовое бегство... – сказал он и встал, изящно обернув свой шарф вокруг шеи. Он исчез в толпе, очевидно в поисках Алека.

Саймон посмотрел на Джордана, который снова поглядывал на Майю. Она стояла спиной к ним и разговаривала с Люком и Джослин, смеясь и откидывая свои вьющиеся волосы назад.

– Даже не думай об этом, – сказал Саймон, и поднялся. Он указал на Джордана. – Ты остаешься здесь.

– И делаю что? – спросил Джордан.

– Что обычно делает Волк-Защитник в такой ситуации. Медитируй. Созерцай свою силу Джедая.

Что угодно. Я вернусь через пять минут, и тебе лучше к этому времени все еще быть здесь.

Джордан откинулся на спинку стула, протестующе скрестив руки на груди, но Саймон уже перестал обращать на него внимание. Он повернулся и двинулся в толпу, следуя за Клэри. Она была пятном красного и золотого среди движущихся тел, окруженная вихрем своих ярких волос.

Он поймал ее возле одного из обернутых фонариками столбов, и положил руку на ее плечо. Она повернулась с испуганным вскриком – глаза большие, рука поднялась, как если бы она собиралась оттолкнуть его. Она расслабилась, когда увидела, кто это был.

– Ты напугал меня!

– Заметно, – сказал Саймон. – Что происходит? Чем ты так напугана?

– Я... – Она опустила руку, пожимая плечами; несмотря на ее попытки выглядеть непринужденно, пульс на ее шее стучал как молоток. – Я думала, что увидела Джейса.

– Я догадался, – сказал Саймон. – Но...

– Что, но?

– Ты действительно выглядишь испуганной. – Он не был уверен, зачем он это сказал, или почему надеялся, что она ему ответит. Она закусил губу, как обычно делала, когда нервничала. Ее взгляд был устремлен вдаль; это было знакомо Саймону. Одна из вещей, которые он всегда любил в Клэри, то, как легко она оказывается в своем воображении, как легко она может отгородить себя стеной, уйдя в иллюзорные миры, от проклятий и принцев, судьбы и магии. Когда-то он был способен делать то же самое – быть в воображаемом мире так захватывающе из-за чувства безопасности – потому что мир был воображаемым. Сейчас, когда реальное и вымышленное столкнулись, он задавался вопросом хотела ли она, как и он, вернуться назад, в нормальное прошлое. Он задавался вопросом была ли нормальность чем-то подобным видению или тишине тем, что ты не ценишь пока не потеряешь.

– У него сейчас тяжелый период, – сказала она, понизив голос. – Я боюсь за него.

– Знаю, – сказал Саймон. – Слушай, не хочу вмешиваться, но... он узнал, что с ним происходит? Или кто-то другой?

– Он... – Она осеклась. – С ним все в порядке. У него просто тяжелые времена, он пытается разобраться с некоторыми вещами, связанными с Валентином. Ты ведь понимаешь. – Саймон действительно понимал. А также он понимал, что она лгала. Клэри, которая практически никогда не лгала ему. Он пристально посмотрел на нее.

– Ему снятся кошмары, – сказала она. – Он опасается, что здесь не обошлось без демона...

– Не обошлось без демона? – повторил Саймон, с недоверием. Он знал, что у Джейса были кошмары – тот рассказал об этом – но Джейс ни разу не упомянул демонов.

– Ну, очевидно, это какие-то демоны, которые пытаются добраться до тебя через сны, – сказала Клэри, и прозвучало это так, будто она уже пожалела, что завела эту тему. – Но я уверена, что ничего особенного. У каждого бывают кошмары, ведь так? – Она положила ладонь на руку Саймона. – Я просто собираюсь проверить, как он там. Я вернусь, – ее взгляд уже умчался прочь, к дверям, которые вели на террасу; он отошел с кивком и дал ей пройти, наблюдая, как она пробиралась сквозь толпу.

Она казалась такой миниатюрной – маленькой, как в первом классе, когда он провожал ее до дверей ее дома и наблюдал, как она поднималась по лестнице, хрупкая и серьезная, а ее коробка для ланча болталась у колена. Он почувствовал, как дрогнуло его сердце, которое больше не билось, и задался вопросом, есть ли в мире что-то болезненнее, чем ощущение, что не можешь защитить того, кого любишь.

– Ты выглядишь больным, – сказал голос сзади. Хриплый и знакомый. – Ты размышляешь о том, какой ты ужасный человек?

Саймон обернулся и увидел Майю, прислонившуюся к столбу позади него. Полоса маленьких сияющих белых огней была обернута вокруг ее шеи, а ее лицо размякло от шампанского и теплого помещения.

– Или, может мне стоит сказать, – продолжала она, – какой ты ужасный вампир. Только это звучит так, будто из тебя вышел плохой вампир.

– Из меня вышел плохой вампир, – сказал Саймон. – Но это не значит, что я плох как бойфренд.

Она криво улыбнулась.

– Бэт говорит, мне не стоит злиться на тебя так, – сказала она. – Он говорит, что парни совершают глупые поступки, когда это касается девушек. Особенно, ботаны, у которых не было большого опыта общения с девушками.

– Будто он может заглянуть мне в душу.

Майя помотала головой.

– Мне трудно злиться на тебя, – сказала она. – Но я над этим работаю. – Она отвернулась.

– Майя, – сказал Саймон. Его голова начала болеть, и он испытывал небольшое головокружение. Если он не поговорит с ней сейчас, то уже никогда. – Пожалуйста. Подожди.

Она повернулась и посмотрела на него, вопросительно вскинув брови.

– Я извиняюсь за все, что сделал, – сказал он. – Я знаю, что говорил уже это прежде, но сейчас я действительно подразумеваю это.

Она пожала плечами, без эмоций и ничего не сказав.

Он пытался не обращать внимания на головную боль.

– Может Бэт прав, – сказал он. – Но думаю, здесь есть кое-что еще. Я хотел быть с тобой потому что

– и это прозвучит эгоистично – ты давала мне почувствовать себя нормальным. Похожим на человека, которым я был раньше.

– Я оборотень, Саймон. Что точно не нормально.

– Но ты это ты, – сказал он, слегка запинаясь между словами. – Ты искренняя и естественная. Одна из самых естественных среди всех, кого я знаю. Ты любишь приходить и

играть в Halo. Ты любишь говорить о комиксах и ходить на концерты, танцевать и заниматься другими нормальными вещами. И ты относишься ко мне, как к нормальному. Ты никогда не называла меня Светочем или вампиром, или как-то иначе, а только Саймоном.

– Это нормально для друзей, – сказала Майя. Она снова прислонилась к колонне, ее глаза мягко сияли, пока она говорила. – Не для девушки.

Саймон просто смотрел на нее. Его головная боль пульсировала, как биение сердца.

– А затем появляешься ты, – добавила она, – притащив с собой Джордана. О чем ты думал?

– Это несправедливо, – возмутился Саймон. – Я понятия не имел, что он твой бывший...

– Я знаю. Изабель сказала мне, – перебила его Майя. – Я просто не могу не оторваться на тебе за это.

– Вот как? – Саймон взглянул на Джордана, который сидел в одиночестве за круглым столом, как парень, чья подруга не пришла. Саймон внезапно ощутил себя очень уставшим – уставшим от переживаний обо всех, от чувства вины за вещи, которые он сотворил и, возможно, еще натворит в будущем. – Ну, а Иззи сказала тебе, что Джордан взялся за мое дело, чтобы быть рядом с тобой? Слышала бы ты, как он спрашивает о тебе. Как он даже произносит твоё имя. Он почти набросился на меня, когда подумал, что я тебе изменяю... – Ты не изменял. Мы встречались не только друг с другом. Измена это другое...

Саймон улыбнулся, когда Майя запнулась, краснея.

– Думаю, хорошо, что ты его настолько ненавидишь, что примешь мою сторону в любой ситуации, – сказал он.

– Прошли годы, – сказала она. – Он ни разу не попытался связаться со мной. Ни разу.

– Он пытался, – сказал Саймон. – Ты знала, что той ночью, когда он тебя укусил, он впервые обратился?

Она помотала головой, взмахнув кудрями, ее большие ореховые глаза были серьезны.

– Нет. Я думала, он знал...

– Что он оборотень? Нет. Он знал, что как-то теряет контроль, но кто догадается, что он превращается в оборотня? На следующий день после того, как укусил тебя, он отправился тебя искать, но Защитники помешали ему. Они держали его подальше от тебя. И даже тогда он не прекратил искать. Не думаю, что за прошедшие два года был хотя бы день, чтобы он не думал, где ты...

– Почему ты защищаешь его? – прошептала она.

– Потому что ты должна знать, – сказал Саймон. – Я был плохим парнем для тебя, и я тебе задолжал. Ты должна знать, что он не хотел бросать тебя. Он взялся за меня только потому, что твоё имя было упомянуто в записях по моему делу.

Ее губы разомкнулись. Она помотала головой, и сверкающие огоньки ее ожерелья блеснули, как звезды.

– Я просто не знаю, что я должна с этим делать, Саймон. Что мне делать?

– Не знаю, – сказал Саймон. Его голова болела так, словно в нее вбивали гвозди. – Но одно я могу сказать тебе точно. Я последний парень на Земле, у которого тебе следует спрашивать совета по теме отношений. – Он прижал руку ко лбу. – Я пойду на улицу. Подышу свежим воздухом. Джордан там за столом, если ты захочешь поговорить с ним.

Он указал на стол, а затем повернулся прочь от ее вопрошающих глаз, от взглядов остальных гостей в помещении, от звука громких голосов и смеха и заковылял к дверям.

Клэри вышла через двери, ведущие на террасу, и была встречена порывом холодного воздуха. Она задрожала, пожалев, что ее плащ был не с ней, но не хотела тратить время, возвращаясь к столу за ним. Она вышла на террасу и закрыла за собой дверь.

Терраса была просторным местом из каменных плит, окруженных железными перилами. Фонарики Тики горели в больших оловянных подставках, но они слабо прогревали воздух – что, возможно, объясняло, почему здесь не было никого, кроме Джейса. Он стоял у перил, глядя на реку.

Она захотела подбежать к нему, но не могла не засомневаться. Он был в темном костюме, пиджак распахнут поверх белой рубашки, и его голова была повернута вбок, прочь от нее. Она никогда не видела его одетым, как сейчас, и это делало его немного старше и отдаленнее. Ветер, поднявшийся от реки, всколыхнул его светлые волосы, и она увидела небольшой шрам вдоль шеи, где Саймон однажды его укусил, и вспомнила, что Джейс позволил быть укушенным, рисковал жизнью ради нее.

– Джейс, – сказала она.

Он повернулся, посмотрел на нее и улыбнулся. Улыбка была знакомой и, казалось, добралась до чего-то внутри нее, дав ей свободу пробежать через камни к нему и обнять его. Он подхватил ее и надолго оторвал от земли, зарывшись лицом в ее шею.

– Ты в порядке, – сказала она в итоге, когда он поставил ее обратно. Она взволнованно вытерла слезы с лица, которые выступили у нее на глазах. – Я имею в виду, что Безмолвные Братья не позволили бы тебе уйти, не будь ты в порядке, но мне казалось, они сказали, что ритуал займет много времени? Даже дней?

– Вышло иначе. – Он положил руки на обе стороны ее лица и улыбнулся ей. Позади него над водой изогнулся Квинсборский мост. – Ты же знаешь Безмолвных Братьев. Они любят преувеличивать все, что делают. Но на самом деле это довольно простая церемония, – он улыбнулся. – Я чувствовал себя немного глупо. Это церемония для маленьких детей, но я просто держал в мыслях, что если я быстро с этим разделаюсь, то успею увидеть тебя в сексуальном вечернем платье. Это помогло мне. – Его глаза осмотрели ее с ног до головы. – И, позволь признать, я не разочарован. Ты великолепна.

– Ты тоже выглядишь довольно хорошо, – она слегка рассмеялась сквозь слезы. – Я даже не знала, что у тебя есть костюм.

– У меня не было. Мне пришлось купить его. – Он провел большими пальцами по ее скулам, где лицо было влажным от слез. – Клэри...

– Почему ты вышел сюда? – спросила она. – Здесь холодно. Не хочешь вернуться внутрь?

Он покачал головой.

– Я хотел поговорить с тобой наедине.

– Так говори, – сказала Клэри полупшепотом. Она убрала его руки от своего лица и положила к себе на талию. Ее охватило желание, чтобы он прижал ее к себе. – Что-то не так? Ты будешь в порядке? Пожалуйста, не скрывай ничего от меня. После всего того, что случилось, ты должен знать, я могу справиться с плохими новостями. – Она понимала, что нервно болтала, но не могла остановиться. Ее сердце колотилось со скоростью тысяча миль в минуту. – Я просто хочу, чтобы ты был в порядке, – сказала она так спокойно, как могла.

Его золотистые глаза потемнели.

– Я все еще изучаю ту коробку, которая принадлежала моему отцу. Я ничего не чувствую при виде нее. Письма, фото. Я не знаю, кто эти люди. Они не кажутся мне настоящими. Валентин был настоящим.

Клэри моргнула; она не этого ожидала такого от него услышать.

– Помнишь, я сказала, что это займет время...

Казалось, он даже не слышал ее.

– Будь я и правда Джейсом Моргенштерном, ты бы любила меня? Будь я Себастьяном, ты бы любила меня?

Она сжала его ладони.

– Ты бы не стал таким.

– Если бы Валентин сделал со мной то же, что и с Себастьяном, ты бы любила меня?

В этом вопросе было столько эмоций, что она не поняла. Клэри сказала:

– Но тогда это был бы не ты.

Он затаил дыхание, словно ее слова ранили его – но как такое возможно? Это было правдой. Он не был похож на Себастьяна. Он был похож на самого себя.

– Я не знаю, кто я, – сказал он. – Я смотрю на себя в зеркало и вижу Стефана

Эрондейла, но я веду себя, как Лайтвуд, и разговариваю, как отец – как Валентин. Поэтому я вижу, кто я есть, в твоих глазах, и стараюсь быть этим человеком, поскольку ты веришь в него, и я считаю, что веры может быть достаточно, чтобы сделать из меня того, кого ты хочешь.

– Ты и есть тот, кого я хочу. И всегда им был, – сказала Клэри, но она не могла не почувствовать, что будто кричала в пустую комнату. Будто бы Джейс не слышал ее, сколько бы раз она ни повторила, что любит его. – Я знаю, ты чувствуешь себя так, будто не знаешь, кто ты, но я то знаю. Я знаю. И однажды ты тоже узнаешь. И все это время ты не можешь волноваться, что потеряешь меня, потому что этого никогда не произойдет.

– Есть способ... – Джейс поднял на нее свой взгляд. – Дай мне руку.

Удивленная, Клэри протянула ему руку, вспоминая, как он взял ее руку в первый раз. Теперь у нее была руна с открытым глазом на задней стороне руки, которую он искал тогда и не нашел. Ее первая постоянная руна. Он перевернул ее руку, обнажая запястье и уязвимую кожу предплечья.

Она вздрогнула. Ветер от реки был таким, будто проникал до костей.

– Джейс, что ты делаешь?

– Помнишь, что я рассказывал о свадьбах сумеречных охотников? Как вместо обмена кольцами мы наносим друг другу метки при помощи рун любви и обязательств? – Он взглянул на нее большими и уязвимыми глазами под слоем пушистых золотистых ресниц. – Я хочу нанести тебе Метку, которая свяжет нас вместе, Клэри. Это просто небольшая Метка, но это навсегда. Ты хочешь этого?

Она поколебалась. Постоянная руна, когда они так молоды – ее мать очень разозлится. Но, казалось, больше ничего не срабатывает; ничего, чтобы убедило его. Может, это сработает. Молча, она вытащила свое стило и протянула ему. Он взял его, касаясь ее пальцев. Теперь она дрожала еще больше, холод был везде, кроме тех мест, где он касался ее. Он прижал ее руку к себе и опустил стило, легко касаясь им кожи, осторожно двигая им вверх и вниз, а затем, когда она не возразила, нажал сильнее. Она так замерзла, что обжигающее стило ее даже порадовало. Она наблюдала, как темные линии вились из-под его кончика, формируя рисунок из жестких, острых линий.

Ее нервы напряглись с внезапной настороженностью. Узор не говорил о любви и преданности; там было что-то еще, нечто темное, что говорило о контроле и подчинении, о потере и темноте. Он что, рисовал неверную руну? Но это был Джейс; конечно, он знал руны достаточно хорошо. И все равно, по ее руке начало распространяться онемение от места, где ее коснулось стило – болезненная колкость, будто нервы просыпались – и она ощутила головокружение, будто земля двигалась под ней...

– Джейс, – повысила она голос, волнуясь. – Джейс, я не думаю, что это правильно...

Он отпустил ее руку. Он легко держал стило на ладони с той же грацией, как любое оружие.

– Прости, Клэри, – сказал он. – Я хочу быть связан с тобою. Я бы никогда не солгал об этом.

Она раскрыла рот, чтобы спросить его, о чем он говорил, но не смогла ничего сказать. Темнота надвигалась слишком быстро. Последнее, что она помнила, это руки Джейса вокруг нее, когда она падала.

После, казалось, вечности шатания вокруг, как он считал, жутко скучной вечеринки, Магнус в итоге нашел Алека, сидящего в одиночестве за столом в углу за искусственными белыми розами. На столе было несколько бокалов с шампанским, большинство наполовину полные, словно проходящие мимо гости оставили их здесь. Алек тоже выглядел брошенным. Он уперся подбородком в ладони и бессмысленно смотрел в пустоту. Он не поднял взгляда, даже когда Магнус споткнулся о стул напротив, развернул его и сел, положив руки на спинку.

– Хочешь вернуться в Вену? – спросил он.

Алек не ответил, продолжая смотреть в пустоту.

– Или мы можем поехать еще куда-нибудь, – сказал Магнус. – Куда захочешь. Таиланд, Южная Каролина, Бразилия, Перу – о, подожди, нет, мне нельзя в Перу. Я забыл об этом. Это долгая история, но забавная, если хочешь ее услышать.

Выражение Алека сказало само за себя, что он очень не хотел слышать ее. Он целенаправленно отвернулся и стал рассматривать комнату, как будто струнный квартет оборотней увлекал его.

Раз уж Алек игнорировал его, Магнус решил позабавить себя, изменяя цвет шаманского в бокалах на столе. Он сделал один голубым, другой розовым и работал над зеленым, когда Алек потянулся через стол и шлепнул его по запястью.

– Прекрати это, – сказал он. – Люди смотрят.

Магнус взглянул на свои пальцы, с которых сыпались голубые искры. Может, это и было немного заметно. Он сжал пальцы в кулак.

– Ну, – сказал он. – Мне нужно занять себя чем-то, чтобы не умереть от скуки, раз ты не разговариваешь со мной.

– Это не так, – сказал Алек. – Что я не разговариваю с тобой, я имею в виду.

– Да ну? – сказал Магнус. – Я только что спросил, не хочешь ли ты поехать в Вену или Таиланд, или на луну, и не припомню, что бы ты что-то ответил.

– Я не знаю, чего я хочу.

Алек, опустив голову, играл с брошенной пластиковой вилкой. Хотя его глаза явно были опущены, их бледно-голубой цвет был виден даже сквозь опущенные веки, которые были бледны, словно пергамент. Магнус всегда считал людей более красивыми, чем все остальные создания на Земле, и всегда удивлялся, почему. Всего несколько лет до распада, сказала Камилла. Но именно смертность делала их тем, чем они были, пламенем, горящим ярче из-за своей недолговечности. Смерть – мать красоты, – как сказал поэт. Он задался вопросом, думал ли Ангел когда-либо о том, чтобы сделать своих человеческих слуг, нефилимов, бессмертными. Но нет, даже с их силами они падали в битвах, как и люди, веками.

– У тебя снова этот взгляд, – сказал Алек раздраженно, глядя из-под ресниц. – Будто ты смотришь на что-то, чего я не вижу. Ты думаешь о Камилле?

– Нет, – сказал Магнус. – Как много из моего разговора с ней ты подслушал?

– Большую часть, – Алек поддел скатерть вилкой. – Я подслушивал под дверью. Достаточно.

– Совсем недостаточно, полагаю.

Магнус уставился на вилку, и она вылетела из пальцев Алека и пронеслась через стол к нему. Он расплющил ее рукой и сказал:

– Перестань баловаться. Что такого я сказал Камилле, что тебя так беспокоило?

Алек поднял свои голубые глаза.

– Кто такой Уилл?

Магнус издал что-то похожее на смех.

– Уилл? Боже мой. Это было давным-давно. Уилл был сумеречным охотником, как и ты. И да, он действительно был похож на тебя, но ты ничем не похож на него. Джейс имеет намного больше общего с Уиллом, по крайней мере, в особенностях характера – и мои отношения с тобой не похожи на те, которые были у меня с Уиллом. Это то, что тебя беспокоило?

– Мне не нравится думать, что ты со мной только потому, что я похож на некого мертвого парня, которого ты любил.

– Я никогда не говорил этого. Камилла подразумевала это. Она мастер подтекстов и манипулирования. Она всегда им была.

– Ты не сказал ей, что она неправа.

– Если ты позволишь Камилле, она будет атаковать тебя со всех фронтов. Защити один фронт, и она будет атаковать другой. Единственный способ иметь с ней дело, это притвориться, что тебе все равно.

– Она говорила, что красивые мальчики были твоим слабым местом, – сказал Алек. –

Что заставляет это звучать похожим на то, что я один из длинной очереди игрушек для тебя. Один умирает или уходит от тебя, и ты находишь другого. Я – ничто. Я – незначительный.

– Александр...

– Что, – продолжал Алек, снова уставившись в стол, – особенно несправедливо, потому что для меня ты кто угодно, но не банальность. Я изменил всю свою жизнь из-за тебя. Но ничто никогда не изменится для тебя, не так ли? Я полагаю, что это то, что означает жить вечно. Ничто даже не значит так много.

– Я говорю тебе, что ты значишь...

– Белая Книга, – внезапно сказал Алек. – Почему ты так хотел ее?

Магнус смотрел на него, озадаченный.

– Ты знаешь почему. Это очень мощная книга заклинаний.

– Но ты хотел ее для чего-то особенного, разве нет? Заклинание, которое было в ней? – Алек резко вдохнул. – Тебе не обязательно отвечать; я могу определить по твоему лицу, что это так. Это было... Это было заклинание, чтобы сделать меня бессмертным?

Магнус был шокирован до глубины души.

– Алек, – прошептал он. – Нет. Нет, я... Я не сделал бы такое.

Алек уставился на него своими пронзительными голубыми глазами.

– Почему нет? Почему за все годы отношений, которые у тебя были, ты ни разу не попытался сделать кого-нибудь из них бессмертным? Если бы ты мог быть со мной вечно, разве ты бы не захотел этого?

– Конечно, захотел! – Магнус, понимая, что он почти кричал, приложил усилие, чтобы понизить голос. – Но ты не понимаешь. Ты ничего не получаешь просто так. Цена вечной жизни...

– Магнус, – это была Изабель, спешившая к ним с телефоном в руке. – Магнус, мне нужно поговорить с тобой.

– Изабель. – Обычно, Магнус любил сестру Алека, но в данный момент не особо. – Прекрасная, чудесная Изабель. Не могла бы ты, пожалуйста, уйти? Сейчас не лучшее время.

Изабель перевела взгляд с Магнуса на своего брата, и снова на Магнуса.

– Значит, ты не хочешь, чтобы я рассказала тебе, что Камилла только что сбежала из Святилища, и моя мать требует, чтобы ты немедленно вернулся в Институт и помог им найти ее?

– Нет, – сказал Магнус. – Я не хочу этого слышать.

– Что ж, очень плохо, – сказала Изабель. – Потому что это правда. Я имею в виду, ты не обязан идти, но...

Остальная часть предложения повисла в воздухе, но Магнус и так знал, о чем она говорила. Если он не придет, Конклав заподозрит, что он помог Камилле сбежать, и этого он хотел меньше всего. Мариза будет в ярости, что осложнит его отношения с Алеком еще больше. И все же...

– Она сбежала? – спросил Алек. – Никто еще не сбежал из Святилища.

– Ну, – сказала Изабель, – теперь кое-кто сделал это.

Алек сполз ниже на своем стуле.

– Иди, – сказал он. – Это экстренный случай. Просто иди. Мы можем поговорить позже.

– Магнус... – сказала Изабель с сожалением, но в ее голосе была безошибочная срочность.

– Отлично, – Магнус поднялся. – Но, – добавил он, останавливаясь возле стула Алека и наклоняясь ближе к нему, – ты не банален.

Алек покраснел.

– Если ты так считаешь, – пробормотал он.

– Я так считаю, – сказал Магнус, а затем развернулся и последовал за Изабель к выходу.

Снаружи, на опустевшей улице, Саймон прислонился к стене ««Завода»», к обвитому плющом кирпичу и уставился в небо. Огни моста затмили свет звезд, так что все, что он увидел, это полотно черного вельвета. С внезапной яростью он пожелал, чтобы мог вдохнуть

прохладный воздух и очистить разум, чтобы мог почувствовать его на лице, коже. На нем была лишь тонкая рубашка, и все же. Он не мог дрожать, и даже воспоминание об этом, казалось, понемногу уходило из его памяти с каждым днем, ускользая, как память о другой жизни.

– Саймон?

Он замер, где стоял. Этот голос, слабый и знакомый, повис, как нить в прохладном воздухе. «Улыбнись». Это было последнее, что она сказала ему.

Но это невозможно. Она была мертва.

– Не взглянешь на меня, Саймон? – ее голос был таким же тихим, как всегда, почти как дыхание. – Я здесь.

Страх сковал ему позвоночник. Он открыл глаза и медленно повернул голову.

Марин стояла в круге света от фонаря на углу бульвара Вернон. На ней было девственно-белое длинное платье. Ее прямые волосы спадали на плечи, сияя желтым в уличном свете. В них все еще было немного грязи. На ее ногах были маленькие белые шлепки. Ее лицо было мертвенно-белым, на скулах были круги румян, а губы накрашены темно-розовым, будто это сделали при помощи фломастера.

Колени Саймона задрожали. Он сполз по стене, к которой прислонялся, пока не оказался на земле, поджав ноги. Его голова готова была взорваться.

Марин слабо по-девичьи рассмеялась и вышла из круга света. Она подошла к нему и взглянула вниз; ее лицо выражало забаву и удовлетворение.

– Я думала, ты удивишься, – сказала она.

– Ты вампир, – сказал Саймон. – Но... как? Я не делал этого с тобой. Я знаю, что не делал.

Марин покачала головой.

– Это был не ты. Но это было из-за тебя. Они сочли меня твоей девушкой, понимаешь. Они вытащили меня из моей спальни ночью, а затем продержали в клетке весь день. Они сказали мне не беспокоиться, потому что ты придешь за мной. Но ты не пришел. Ты не пришел.

– Я не знал, – голос Саймона надломился. – Я бы пришел, если знал.

Марин смахнула свои светлые волосы назад жестом, который внезапно болезненно напомнил Саймону о Камилле.

– Неважно, – сказала она своим тихим девчачьим голосом. – Когда солнце село, они сказали мне, что я могу выбрать – умереть или жить такой. Вампиршей.

– И ты выбрала это?

– Я не хотела умирать, – выдохнула она. – А теперь я буду красивой и вечно молодой. Я могу всю ночь гулять, и мне не нужно возвращаться домой. И она заботится обо мне.

– О ком ты говоришь? Кто она? Ты имеешь в виду Камиллу? Слушай, Марин, она безумна. Тебе не следует ее слушать. – Саймон поднялся на ноги. – Я могу найти тебе помощь. Найти место, где ты сможешь оставаться. Научить тебя быть вампиром...

– О, Саймон, – она улыбнулась и ее маленькие белые зубки стали явно видны. – Я не думаю, что ты умеешь быть вампиром. Ты не хотел укусить меня, но сделал это. Я помню. Твои глаза стали черными, как у акулы, и ты укусил меня.

– Мне так жаль. Если ты позволишь мне помочь тебе...

– Ты можешь пойти со мной, – сказала она. – Это помогло бы мне.

– Пойти с тобой куда?

Марин оглядела пустую улицу. В своем тонком белом платье она была похожа на привидение. Ветер колыхал его вокруг ее тела, но она явно не ощущала холода.

– Тебя выбрали, – сказала она. – Потому что ты Светоч. Те, кто сделали это со мной, хотят тебя. Но они знают, что теперь у тебя есть Метка. Они не могут добраться до тебя, пока ты не выберешь этого сам. Поэтому я здесь в качестве их посыльного.

Она склонила голову набок, как птица.

– Я, может, и не из тех, кто тебе важен, – сказала она, – но в следующий раз это будут

они. Они будут подбираться к людям, которых ты любишь, пока никого не останется, так что ты можешь просто пойти со мной и узнать, чего они хотят.

– Ты знаешь? – спросил Саймон. – Ты знаешь, чего они хотят?

Она помотала головой. Она была такой бледной под светом фонаря, что казалась прозрачной, словно Саймон мог видеть сквозь нее. Как, он полагал, он обычно и делал.

– Это важно? – спросила она и протянула руку.

– Нет, – сказал он. – Нет, полагаю, не важно.

И он взял ее руку.

Глава шестнадцатая

Ангелы Нью-Йорка

– Мы на месте, – сказала Марин Саймону.

Она остановилась посреди мостовой и смотрела на массивное каменно-стеклянное здание, которое выросло перед ними. Оно явно было сконструировано так, чтобы выглядеть, как один из роскошных комплексов, построенных в Манхэттене в Верхнем Ист-Сайде до Второй мировой войны, но современные детали выдавали его – высокие окна, медные крыши, не тронутые ржавчиной, баннеры, висящие вдоль здания и обещающие «Роскошные квартиры от 750 000\$». Очевидно, приобретение одной из них включает пользование садом на крыше, фитнес-центром, теплым бассейном и круглосуточное обслуживание портье, начиная с декабря. Сейчас здание все еще строилось, и таблички «Не входить: Частная собственность» были прикреплены к строительным лесам, которые окружали здание.

Саймон взглянул на Марин. Казалось, она привыкала к жизни вампира довольно быстро. Они пробежали через Квинсборский мост и по Второй-авеню, чтобы добраться сюда, и ее белые шлепанцы были порваны. Но она ни разу не замедлилась и не удивилась, что не устала. Сейчас она смотрела вверх на здание с блаженным выражением, ее маленькое личико светилось с ожиданием, как показалось Саймону.

– Место закрыто, – сказал он, зная, что утверждает очевидное. – Марин...

– Тихо – Она протянула маленькую ручку и потянула за плакат, прицепленный на углу ограждения. Он отошел со звуком рвущегося картона и вырванных гвоздей. Некоторые из них зазвенели под ногами у Саймона. Марин отбросила картонный квадрат в сторону и улыбнулась дыре, которую она сделала.

Пожилой мужчина, проходивший неподалеку с маленьким одетым в курточку пуделем на поводке, остановился и посмотрел на них.

– Тебе следовало надеть плащ на младшую сестру, – сказал он Саймону. – Такая худенькая, как она, замерзнет в такую погоду.

Прежде чем Саймон смог ответить, Марин развернулась к человеку со злорадной ухмылкой, обнажая все свои зубы, включая клыки.

– Я не его сестра, – прошипела она.

Мужчина побледнел, подхватил свою собаку и заспешил прочь.

Саймон повернул голову к Марин.

– Тебе не стоит этого делать.

Ее клыки пронзили нижнюю губу, такое часто случалось с Саймоном, пока он не привык к ним. Струйки крови сбежали по ее подбородку.

– Не говори, что мне делать, – сказала она раздраженно, но ее клыки убрались. Она провела тыльной стороной ладони по подбородку, по-детски, размазывая кровь. Потом повернулась к отверстию, которое она сделала. – Пойдем.

Она нырнула в него, и он последовал за ней. Они миновали место, куда команда строителей явно сбрасывала мусор. Там были сломанные инструменты, разбитые кирпичи, старые пластиковые пакеты и банки Колы, валяющиеся на земле. Марин подняла свои юбки и аккуратно выбирала, куда наступить, среди обломков с выражением отвращения на лице. Она перепрыгнула узкую траншею и забралась по сломанным каменным ступенькам. Саймон

последовал за ней.

Лестница вела к стеклянным дверям, подпертым в открытом состоянии. За дверьми был декорированный мраморный вестибюль. С потолка свисала огромная выключенная люстра, и в помещении не было света, который мог отражаться от ее кристаллов. Для человека в помещении было слишком темно, чтобы что-то увидеть. Здесь был мраморный стол для портье, зеленый диванчик под зеркалом с позолоченной рамой, и с каждой стороны в помещении были лифты. Марин нажала кнопку лифта, и, к удивлению Саймона, она загорелась.

– Куда мы направляемся? – спросил он.

Лифт прозвенел, и Марин шагнула внутрь, Саймон последовал за ней. Лифт был отделан красным и золотым, и в каждую стенку было вмонтировано зеркало.

– Наверх.

Она нажала кнопку крыши и хихикнула.

– Наверх, к Небу, – сказала она, и двери закрылись.

– Я не могу найти Саймона.

Изабель, которая стояла, прислонившись к колонне в «Заводе», и старалась не переживать, подняла взгляд на Джордана, нависающего над ней. Он действительно был необычайно высоким, решила она. Он, должно быть, достигал метра девяносто. Когда она его впервые увидела, то подумала, что он был очень привлекательным с его спутанными темными волосами и зеленоватыми глазами, но теперь, когда она знала, что он бывший парень Майи, она твердо убрала его мысленно в пространство неподходящих парней.

– Ну, я его не видела, – сказала она. – Я думала, ты присматривал за ним.

– Он сказал мне, что тут же вернется. Это было сорок минут назад. Я решил, что он отправился в туалет.

– И что ты за телохранитель? Разве тебе не следовало пойти в туалет вместе с ним? – спросила Изабель.

Джордан выглядел шокированным.

– Приятели, – сказал он, – не ходят друг с другом в туалет.

Изабель вздохнула.

– Скрытая боязнь гомосексуальности всегда выдает тебя, – сказала она. – Пойдем. Поищем его.

Они обошли вечеринку, двигаясь среди гостей. Алек сидел обиженный в одиночестве за своим столом, играя с пустыми бокалами из-под шампанского.

– Нет, я не видел его, – сказал он в ответ на их вопрос. – Хотя, признаюсь, я не искал.

– Ну, ты можешь поискать вместе с нами, – сказала Изабель. – Тебе будет, чем заняться, кроме того, чтобы выглядеть несчастным.

Алек пожал плечами и присоединился к ним. Они решили разделить и прочесать помещение. Алек направился наверх, чтобы осмотреть площадки на втором этаже. Джордан пошел на улицу, чтобы проверить террасы и вход. Изабель осматривала вечеринку. Она уже начала задумываться, будет ли поиск под столами выглядеть глупо, когда позади нее появилась Майя.

– Все в порядке? – спросила она. Она взглянула на Алека, а затем в направлении, где исчез Джордан. – Я узнаю, если люди занимаются поисками, когда вижу их. Что вы, ребята, ищете? Какие-то проблемы?

Изабель посвятила ее в ситуацию с Саймоном.

– Я разговаривала с ним полчаса назад.

– Как и Джордан, но теперь он исчез. И, раз уж его последнее время пытаются убить...

Майя поставила свой бокал на стол.

– Я помогу вам с поисками.

– Ты не обязана. Я знаю, что сейчас ты не чувствуешь большой симпатии к Саймону...

– Это не означает, что я не хочу помочь, если у него проблемы, – сказала Майя, словно Изабель несла чушь. – Разве Джордан не должен был следить за ним?

Изабель развела руками.

– Да, но, оказалось, приятели не сопровождают друг друга в туалет или еще куда-то. Он не произвел особого впечатления.

– Парни всегда такие, – сказала Майя и пошла за ней. Они смешивались с толпой и выходили из нее, хотя Изабель уже была довольно уверена, что они не найдут Саймона. В желудке у нее рос холодный ком, который становился только больше и холоднее. Ко времени, когда они все собрались за их столом, она ощущала себя так, будто выпила стакан ледяной воды.

– Его здесь нет, – сказала она.

Джордан выругался, а затем виновато уставился на Майю.

– Извини.

– Я слышала и похуже, – сказала она. – И каковы следующие действия? Кто-то пытался звонить ему?

– Там автоответчик, – сказал Джордан.

– Есть идеи, куда он мог пойти? – спросил Алек.

– В лучшем случае, может быть, назад в квартиру, – сказал Джордан. – В худшем люди, которые преследовали его, в итоге добрались до него.

– Какие люди? – Алек выглядел озадаченным; пока Изабель рассказывала историю Майе, у нее не было шанса посвятить в нее своего брата.

– Я отправлюсь назад в квартиру и поищу его, – сказал Джордан. – Если он там, замечательно. Если нет, я бы все равно начал оттуда. Они знают, где он живет, они отправляли туда сообщения. Может, там будет сообщение, – сказал он без особой надежды.

Изабель приняла решение в долю секунды.

– Я иду с тобой.

– Ты не должна...

– Нет, должна. Я сказала Саймону, что ему следует прийти сегодня; я ответственна за это. Кроме того, я все равно дерьмово провожу время здесь.

– Да, – сказал Алек, оживившись от перспективы покинуть вечеринку. – Я тоже. Может, нам всем следует пойти. Может, скажем Клэри?

Изабель покачала головой.

– Это вечеринка ее матери. Это будет несправедливо. Давайте посмотрим, что мы вдвоем сможем сделать.

– Втроем? – спросила Майя, и в ее голосе послышалось слабое раздражение.

– Ты хочешь поехать с нами, Майя? – спросил Джордан. Изабель замерла; она не знала, как Майя отреагирует, если ее бывший заговорит с ней напрямую. Губы другой девушки слегка сжались, и всего секунду она смотрела на Джордана не так, будто бы ненавидела его, а задумчиво.

– Это Саймон, – сказала она в итоге, будто это все определяло. – Я возьму свой плащ.

Двери лифта распахнулись в пространство, полное темноты и теней. Марин снова пискляво хихикнула и протанцевала в темноту, вздохнув Саймон последовал за ней.

Они стояли в большой мраморной комнате без окон. Здесь не было ламп, но в стене слева от лифта были громадные стеклянные двери. Через них Саймон мог видеть гладкую поверхность крыши, а над ней

– черное ночное небо, слабо освещенное звездами.

Ветер снова усилился. Он последовал за Марин к дверям и наружу, под холодный резкий ветер; ее платье трепыхалось вокруг нее, как моль, бьющая крыльями против бури. Сад на крыше был элегантен, как и обещали вывески. Пол был сделан из гладких шестиугольных каменных плит, за стеклами были цветы и изящно постриженные изгороди в форме монстров и животных. Дорожка, по которой они шли, была украшена небольшими сияющими огнями. Вокруг них возвышались громадные стеклянno-стальные здания, их окна сияли от света.

Дорожка привела к обложенным плиткой ступеням, сверху которых была широкая

площадка, окруженная с трех сторон высокой стеной, обрамляющей сад. Это явно было пространство, где жильцы здания могли бы пообщаться. В центре площади был большой бетонный блок, на котором мог бы располагаться гриль, а само пространство было окружено аккуратно постриженными кустами роз, которые зацветут в июне, тогда как решетки вдоль стен однажды исчезнут за зеленым покровом листьев. Однажды здесь будет очень красиво, шикарный сад пентхауза на Верхнем Ист-Сайде, где можно расслабляться, сидя в кресле, и смотреть, как сверкает на закате Ист-Ривер, а город простирается перед тобой, словно мозаика мерцающих цветов.

За одним исключением. Плитка на полу была ободрана и заляпана какой-то черной липкой жидкостью, использованной, чтобы нарисовать неаккуратный круг внутри большего круга. Пространство между кругами было заполнено нацарапанными рунами. Хотя Саймон и не был сумеречным охотником, он видел достаточно рун нефилимов, чтобы узнать некоторые из Серой Книги. Эти ей не принадлежали. Они казались угрожающими и неправильными, как проклятье на незнакомом языке.

В самом центре круга был бетонный блок. На нем стоял прямоугольный предмет, завернутый в темную ткань. Его форма не отличалась от формы гроба. Вокруг основания блока были тоже нацарапаны руны. Если бы в венах Саймона все еще текла кровь, она бы заledenела.

Марин хлопнула в ладони.

– Ох, – сказала она своим тонким эльфийским голосом. – Так красиво.

– Красиво? – Саймон быстро взглянул на сторбленный образ наверху бетонного блока. – Марин, какого черта...

– Значит, ты привела его, – произнес женский голос, интеллигентный, сильный и – знакомый. Саймон повернулся. На дорожке позади него стояла высокая женщина с короткими темными волосами. Она была очень худая, одетая в длинный темный плащ, подпоясанный вокруг талии, как роковая женщина из фильмов про шпионов сороковых годов. – Благодарю, Марин, – продолжила она. Черты ее лица были строгими и красивыми, с высокими скулами и большими темными глазами. – Ты поступила очень хорошо. Теперь ты можешь идти, – она перевела взгляд на Саймона. – Саймон Льюис, – сказала она.

– Спасибо, что пришел.

В момент, когда она произнесла его имя, он узнал ее. Последний раз, когда он видел ее, она стояла под проливным дождем снаружи бара «Альто».

– Вы. Я помню вас. Вы дали мне свою визитку. Музыкальный продюсер. Вау, вы, должно быть, действительно хотели продвинуть мою группу. Я даже не думал, что мы настолько круты.

– Оставь свой сарказм, – сказала женщина. – Он бессмыслен, – она посмотрела в сторону. – Марин. Ты можешь идти.

В этот раз ее голос прозвучал жестко, и Марин, которая колебалась, как маленькое приведение, слабо пискнула и бросилась к дверям, через которые пришла. Он наблюдал, как она испарилась за дверьми, ведущими к лифтам, ощущая почти сожаление, что она ушла. Марин была не особо хорошей компанией, но без нее он чувствовал себя очень одиноко. Кем бы ни была эта странная женщина, от нее явно исходила аура темной силы, которую он, опьяненный кровью, не заметил ранее.

– Ты заставил меня постараться, Саймон, – сказала она, и теперь ее голос исходил с другой стороны в нескольких метрах от него. Саймон повернулся и увидел, что она стояла возле бетонного блока в центре круга. Тучи быстро неслись по небу, отбрасывая движущиеся узоры из теней на ее лицо. Из-за того, что он был у подножия ступенек, ему пришлось вскинуть голову, чтобы посмотреть на нее. – Я думала, что поймать тебя будет просто. Всего лишь обычный вампир. Новичок, тем более. Я даже сталкивалась со Светочами, хотя уже сотню лет ни одного не было. Да, – добавила она с улыбкой в ответ на его взгляд, – я старше, чем кажусь.

– Вы выглядите довольно старой.

Она проигнорировала оскорбление.

– Я послала за тобой своих лучших людей, и вернулся только один с какой-то глупой сказкой о святом огне и руке Господа. После этого он стал мне довольно бесполезен. Мне пришлось убрать его. Это напрягает меня больше всего. После этого я решила, что должна разобраться с тобой сама. Я пошла за тобой на твоё глупое музыкальное выступление, а после, когда я подошла к тебе, я увидела твою Метку. Как та, кто знал Каина лично, я очень знакома с её формой.

– Знал Каина лично? – Саймон покачал головой. – Вы не можете ожидать, что я поверю в это.

– Верь этому или нет, – сказала она. – Мне без разницы. Я старше, чем сны твоего народа, маленький мальчик. Я ходила по дорожкам сада в Эдеме. Я знала Адама до Евы. Я была его первой женой, но не была послушна ему, поэтому Бог изгнал меня и создал для Адама новую жену из его собственного тела, чтобы она всегда была ему послушна, – она слабо улыбнулась. – У меня много имен. Но ты можешь звать меня Лилит, первая из демонов.

Услышав это, Саймон, который не чувствовал холода месяцами, вздрогнул. Он слышал имя Лилит прежде. Он не мог точно вспомнить, где, но знал, что это имя ассоциировалось с тьмой, злом и жуткими вещами.

– Твоя метка поставила меня в тупик, – сказала Лилит. – Видишь ли, Светоч, ты мне нужен. Твоя жизненная сила – твоя кровь. Но я не могу заставить тебя или навредить тебе.

Она сказала это так, будто нужда в его крови была самой естественной вещью в мире.

– Вы... пьете кровь? – спросил Саймон. Он ощущал головокружение, словно застрял в странном сне. Разумеется, это не могло происходить в реальности.

Она рассмеялась.

– Кровь это не пища для демонов, глупое дитя. То, чего я хочу от тебя, не для меня самой, – она протянула тонкую руку. – Подойди ближе.

Саймон помотал головой.

– Я не войду в этот круг.

Она пожала плечами.

– Ну, что ж, хорошо. Я просто хотела, чтобы у тебя был лучший обзор.

Она слегка подвигала пальцами, почти невзначай, жест кого-то, отодвигающего занавеску. Черная ткань, накрывающая похожий на гроб предмет между ними, испарилась.

Саймон уставился на то, что открылось его взору. Он не ошибся насчет схожести с гробом. Это была большая стеклянная коробка, длинная и достаточно широкая, чтобы в ней мог лежать человек. «Стеклянный гроб, – подумал он, – как у Белоснежки». Но это была не сказка. Внутри гроба была мутная жидкость, а в ней плавал – обнаженный выше пояса, его белые волосы плавали вокруг него, как бледные водоросли – Себастьян.

К двери квартиры Джордана не было прицеплено записок, ничего не было ни на, ни под ковриком, и ничто не бросалось в глаза и в квартире. Пока Алек охранял внизу, а Майя и Джордан рылись в вещах Саймона в гостиной, Изабель, стоя в дверях спальни Саймона молча смотрела на место, где он спал последние несколько дней. Она была такой пустой – просто четыре стены без какой-либо отделки, голый пол с матрасом и белое одеяло, свернутое в ногах, и еще окно, которое выходило на Б-авеню.

Она слышала шум города – города, в котором она выросла, чьи звуки всегда окружали её с тех пор, как она была младенцем. Она сочла тишину Идриса чуждой без звуков сигнала, кричащих людей, сирен скорой помощи и играющей музыки, которая в Нью-Йорке никогда по сути не умолкала, даже глубокой ночью. Но сейчас, стоя здесь и глядя на маленькую комнату Саймона, она думала, как одиноко звучал этот шум, как отдаленно, и чувствовал ли он себя одиноко здесь по ночам, глядя в потолок в одиночестве.

Хотя, не то чтобы она видела его спальню дома, которая, скорее всего, была заполнена плакатами групп, спортивными трофеями, коробками от любимых игр, музыкальными инструментами, книгами – всеми ненужными вещами обычной жизни. Она никогда не просилась в гости, а он никогда не предлагал. Она стеснялась знакомиться с его мамой,

сделать что-то, что подразумевает более серьезные отношения, чем она хотела. Но теперь, глядя на эту пустую комнату, ощущая темную суету мегаполиса вокруг нее, она ощутила укол страха за Саймона – смешанный с такой же долей сожаления.

Она развернулась к остальной части квартиры, но замерла, когда услышала тихие голоса из гостиной. Она узнала голос Майи. Она не была разозлена, что само по себе удивляло, учитывая, как сильно она вроде бы ненавидела Джордана.

– Ничего, – сказала она. – Какие-то ключи, стопка бумаг с записями из игры. – Изабель высунулась из дверного проема. Она увидела Майю, стоявшую с одной стороны кухонного стола, ее рука была в кармане рюкзака Саймона. С другой стороны стола за ней наблюдал Джордан. Наблюдал за ней, подумала Изабель, не за тем, что она делала – так парни наблюдают за тобой, когда они настолько влюблены, что увлечены каждым движением, которое ты делаешь. – Я проверю его бумажник.

Джордан, который переоделся из формальной одежды в джинсы и кожаный жилет, нахмурился.

– Странно, что он оставил его. Можно взглянуть? – он протянул руку через стол.

Майя дернулась назад так быстро, что уронила бумажник, а ее рука отлетела.

– Я не хотел... – Джордан медленно убрал руку. – Прости.

Майя глубоко вдохнула.

– Слушай, – сказала она, – я говорила с Саймоном. Я знаю, что ты не хотел обращать меня. Я знаю, что ты не знал, что с тобой происходит. Я помню, каково это. Я помню это состояние ужаса.

Джордан медленно и осторожно положил руки на стол. Это было странно, решила Изабель, видеть, как кто-то такой высокий пытается выглядеть безобидным и маленьким.

– Мне стоило быть там ради тебя.

– Но Защитники не позволили бы тебе, – сказала Майя. – И, давай посмотрим фактам в глаза, ты не знал, как быть оборотнем; мы были бы, как двое с завязанными глазами, спотыкающиеся в круге. Может, даже лучше, что тебя там не было. Это заставило меня сбежать туда, где мне помогут. К Стае.

– Сначала я надеялся, что Волки-Защитники возьмут тебя в стаю, – прошептал он. – Чтобы я снова смог увидеть тебя. Потом я понял, что это было эгоистично, а я должен был мечтать, чтобы ты не заразилась. Я знал, что это пятьдесят на пятьдесят. Я подумал, что ты можешь быть одной из счастливиц.

– Ну, я не стала, – сказала она как ни в чем не бывало. – И с годами я убедила себя, что ты кто-то вроде монстра. Я думала, что ты знал, что делал, когда сотворил это со мной. Я думала, это было мстью за то, что я поцеловала того парня. Поэтому я ненавидела тебя. И эта ненависть сделала все куда проще. Появился кто-то, кого можно винить.

– Ты и должна была винить меня, – сказал он. – Это моя вина.

Она пробежала пальцами по краю стола, избегая его взгляда.

– Я виню тебя. Но... не так, как раньше.

Джордан поднял руку и схватил себя за волосы, сжав кулаки.

– Дня не проходит, чтобы я не думал о том, что сделал с тобой. Я укусил тебя. Я обратил тебя. Я сделал тебя тем, что ты есть. Я поднял на тебя руку. Я ударил тебя. Единственного человека, которого люблю больше всего на свете.

Глаза Майи заблестели от слез.

– Не говори так. Это не поможет. Ты думаешь, от этого лучше?

Изабель громко прокашлялась, входя в гостиную.

– Итак. Нашли что-нибудь?

Майя отвернулась, быстро моргая. Джордан, опуская руки, сказал:

– На самом деле, нет. Мы как раз собирались проверить его бумажник. – Он подобрал его оттуда, куда Майя его уронила. – Вот, – он бросил его Изабель.

Она поймала бумажник и открыла. Пропуск в школу, нью-йоркское государственное удостоверение не-водителя, медиатор, засунутый в отделение для кредитной карты.

Десятидолларовая купюра и купон на игру. Кое-что еще привлекло ее внимание – визитка, засунутая под фото Саймона и Клэри, подобные фото можно сделать в дешевой фото-кабинке. Они оба улыбались.

Изабель достала карточку и посмотрела на нее. На ней был узор из парящих гитар на фоне облаков. А ниже было имя.

Сатрина Кендалл. Музыкальный продюсер. Еще ниже был номер телефона и адрес на Верхнем Ист-Сайде. Изабель нахмурилась. Некое воспоминание, всколыхнулось на краю ее сознания.

Изабель протянула карточку Джордану и Майе, которые были заняты тем, что избегали взглядов друг друга.

– Что вы об этом думаете?

Прежде чем они смогли ответить, дверь квартиры открылась, и внутрь вошел Алек. Он хмурился.

– Нашли что-нибудь? Я уже полчаса там внизу стою, и ничего даже отдаленно угрожающего не прошло мимо. Не считая студента нью-йоркского университета, которого стошнило на ступени.

– Вот, – сказала Изабель, протягивая карточку своему брату. – Взгляни на это. Ничего не кажется странным?

– Не считая факта, что ни один музыкальный продюсер не был бы заинтересован в отстойной группе Льюиса? – спросил Алек, беря карточку двумя длинными пальцами. Между его глазами появилась морщинка. – Сатрина?

– Это имя о чем-то тебе говорит? – спросила Майя. Ее глаза все еще были красными, но голос был ровным.

– Сатрина это одно из семнадцати имен Лилит, матери всех демонов. Это в честь нее колдунов называют детьми Лилит, – сказал Алек. – Потому что она рождала демонов, а они породили расу колдунов.

– И ты все семнадцать имен знаешь наизусть? – спросил изумленно Джордан.

Алек холодно посмотрел на него.

– Напомни, кто ты?

– Ой, заткнись, Алек, – сказала Изабель тоном, который она использовала только с братом. – Слушай, не у всех из нас такая память на скучные факты. Полагаю, что ты не знаешь остальных имен Лилит?

С видом собственного превосходства Алек начал перечислять их:

– Сатрина, Лилит, Ита, Кали, Батна, Тальто...

– Тальто! – вскрикнула Изабель. – Вот оно. Я знала, что что-то было в памяти. Я знала, что была связь! – Она быстро рассказала им о церкви Тальто о том, что Клэри нашла там, и как это связано с младенцем полу-демоном в «Бет Израэль».

– Хотел бы я, чтобы ты рассказала мне об этом раньше, – сказал Алек. – Да, Тальто это еще одно из имен Лилит. А Лилит всегда была связана с младенцами. Она была первой женой Адама, но сбежала из эдемского сада, потому что не хотела подчиняться Адаму или Богу. Бог проклял ее за непослушание – все дети, которых она родит, умрут. По легенде она снова и снова пыталась завести ребенка, но они рождались мертвыми. В результате она поклялась, что отомстит Богу, ослабляя и убивая человеческих младенцев. Можно сказать, что она демоническая богиня мертвых детей.

– Но ты сказал, что она мать демонов, – сказала Майя.

– Она была способна рождать демонов, бросая капли своей крови на землю в месте под названием Эдом, – сказала Алек. – Они рождались от ее ненависти к Богу и человечеству, поэтому становились демонами. – Осознав, что они все устали на него, он пожал плечами. – Это просто предания.

– Все предания правдивы, – сказала Изабель. Это был ее принцип с детства. Все сумеречные охотники верили в это. Не было религии, правды – или мифа, в которых не было смысла. – Ты знаешь это, Алек.

– Я знаю еще кое-что, – сказал Алек, протягивая ей карточку. – Этот телефонный номер и этот адрес абсолютно бессмысленны. Ни при каких обстоятельствах они не могут существовать.

– Может быть, – сказала Изабель, убирая карточку в свой карман. – Но нам больше негде начать поиски. Значит, мы начнем отсюда.

Саймон мог только смотреть. Тело, плавающее внутри гроба – тело Себастьяна – не казалось ему живым; по крайней мере, он не дышал. Но он явно не был абсолютно мертвым. Прошло два месяца. Будь он мертв, Саймон был уверен, он выглядел бы гораздо хуже, чем сейчас. Его тело было очень белым, как мрамор; одна рука была забинтованной культей, но в основном он был цел. Он казался спящим, его глаза закрыты, а руки свободно лежали по бокам. Только тот факт, что его грудь не вздымалась и не опускалась, доказывал, что было что-то очень неправильное.

– Но, – сказал Саймон, зная, что прозвучит глупо, – он мертв. Джейс убил его.

Лилит положила бледную руку на стеклянную поверхность гроба.

– Джонатан, – сказала она, и Саймон вспомнил, что на самом деле это было его именем. Ее голос стал на удивление мягким, когда она произнесла его, будто она пела колыбельную ребенку. – Он прекрасен, не правда ли?

– Эм, – произнес Саймон, глядя с ненавистью на создание внутри гроба, которое убило девятилетнего мальчика, Макса Лайтвуда. Создание, которое убило Ходжа. Которое пыталось убить их всех. – По правде говоря, не в моем вкусе.

– Джонатан уникален, – сказала она. – Он единственный известный мне сумеречный охотник с кровью Высшего Демона в венах. Это делает его очень могущественным.

– Он мертв, – сказал Саймон. Он ощущал, что, почему-то, было важно продолжать утверждать это, хотя Лилит и не обращала на это внимания.

Лилит, глядя на Себастьяна, нахмурилась.

– Это правда. Джейс Лайтвуд подошел к нему сзади и вонзил нож в спину, сквозь сердце.

– Откуда вы...

– Я была в Идрисе, – сказала Лилит. – Когда Валентин открыл проход в демонические миры, я прошла сквозь него. Не для того, чтобы сражаться в его глупой битве. Скорее, из любопытства, чем еще по какой-то причине. У этого Валентина, должно быть, такая гордыня... – Она осеклась, пожимая плечами. – Небеса покарали его за это, разумеется. Я видела жертву, которую он принес; я видела, как ангел появился и обратился против него. Я видела, что все обратилось вспять. Я старейшая из демонов; мне знакомы Старые Законы. Жизнь за жизнь. Я устремилась к Джонатану. Было почти слишком поздно. Его человеческая часть умерла мгновенно – его сердце перестало биться, а легкие дышать. Старых Законов было не достаточно. Я пыталась вернуть его. Но он ушел слишком далеко. Это все, что я смогла сделать. Сберечь его для этого мгновения.

Саймон на миг задумался, что случится, если он рванется мимо безумного демона и сбросится с крыши здания. Ему не могли навредить другие; это был результат действия Метки, но он сомневался, что ее сила распространялась на защиту его от удара о землю. Все же, он был вампиром. Если он упадет с высоты сорока этажей и сломает каждую кость в своем теле, выживет ли он? Он тяжело сглотнул и увидел, что Лилит смотрит на него с весельем во взгляде.

– Ты разве не хочешь узнать, – сказала она своим холодным, чарующим голосом, – какой момент я имела в виду?

Прежде чем он успел ответить, она наклонилась ближе, оперевшись локтями о гроб.

– Полагаю, ты знаешь историю о том, как появились нефилимы? Как ангел Разиэль смешал свою кровь с кровью человека и дал ему выпить, а затем он стал первым нефилимом?

– Я слышал об этом.

– В результате ангел создал новую расу. А теперь, с Джонатаном, была рождена другая

раса. Как Джонатан сумеречный охотник возглавил первых нефилимов, так этот Джонатан поведет новую расу, которую я хочу создать.

– Новая раса, которую вы хотите... – Саймон поднял ладони. – Знаете, что, хотите вести новую расу, начинающуюся с мертвого парня, удачи. Я не понимаю, как это связано со мной.

– Это сейчас он мертвый. Ему не обязательно оставаться таким. – Голос Лилит был холодным, без эмоций. – Есть, конечно, определенный вид обитателей Нижнего Мира, чья кровь дает возможность, так сказать, восстановления.

– Вампиры, – сказал Саймон. – Вы хотите, чтобы я обратил Себастьяна в вампира?

– Его имя Джонатан, – ее тон был резким. – И да, в каком-то смысле, я хочу, чтобы ты укусил его, выпил его крови, а затем дал ему своей в обмен...

– Я не стану этого делать.

– Ты так уверен в этом?

– Мир без Себастьяна, – Саймон использовал это имя нарочно, – лучше, чем с ним. Я не сделаю этого. – Гнев быстро охватывал Саймона. – В любом случае, я не смог бы, даже если хотел. Он мертв. Вампиры не могут вернуть к жизни мертвых. Вы должны знать это, если так много знаете. Когда душа покинула тело, ничто не может вернуть человека назад. К счастью.

Лилит опустила взгляд на него.

– Ты и правда не знаешь, да? – сказала она. – Клэри не сказала тебе.

Саймон был сыт по горло.

– Не сказала что?

Она усмехнулась.

– Око за око, зуб за зуб, жизнь за жизнь. Чтобы предотвратить хаос, должен быть порядок. Если жизнь отдана Свету, то и Тьме должна быть отдана жизнь.

– Я, – медленно и решительно сказал Саймон, – совершенно не имею понятия, о чем вы говорите. И мне плевать. Вы задумали недоброе, и ваши жуткие евгенические планы начинают надоедать мне. Так что сейчас я уйду. Вы можете попытаться остановить меня, угрожая или причиняя мне боль. Я даже призываю вас попытаться.

Она взглянула на него и ухмыльнулась.

– Каин восстал, – сказала она. – Ты походишь на того, чью Метку носишь. Он был упрямым, как и ты. И безрассудным.

– Он пошел против... – Саймон поперхнулся на слове бог. – А я имею дело всего лишь с вами, – он повернулся, чтобы уйти.

– Я бы не стала поворачиваться ко мне спиной, Светоч, – сказала Лилит, и было что-то в ее голосе, что заставило его обернуться и посмотреть туда, где она облокотилась на гроб Себастьяна. – Ты думаешь, что тебя нельзя ранить, – сказала она с ухмылкой. – Я и вправду не могу поднять на тебя руку. Я не идиотка; я видела святой огонь Всевышнего. У меня нет желания, чтобы он повернулся против меня. Я не Валентин, чтобы заключать сделки с тем чего не понимаю. Я демон, но очень старый. Я знаю человеческую натуру лучше, чем ты можешь представить. Я понимаю слабость гордости, жажду власти, желаний плоти, жадности, тщеславия и любви.

– Любовь не слабость.

– Разве? – спросила она, посмотрев холодным взглядом куда-то мимо него.

Он обернулся, не желая этого, но зная, что должен, и посмотрел позади себя.

На кирпичной площадке стоял Джейс. На нем был темный костюм и белая рубашка. Перед ним стояла Клэри, по-прежнему одетая в свое красивое золотое платье, в котором она была на вечеринке. Ее длинные, волнистые рыжие волосы выбились из прически и свисали ей на плечи. Она стояла неподвижно в тесной хватке рук Джейса. На первый взгляд это могло показаться романтическими объятиями, если бы не тот факт, что в одной из рук Джейс держал длинный блестящий нож с костяной рукояткой, прижатый к горлу Клэри.

Саймон в полном шоке смотрел на Джейса. Лицо Джейса не выражало ни единой эмоции, в его глазах не было огня. Он выглядел абсолютно безразличным.

Он слегка склонил голову.

– Я привел ее, госпожа Лилит, – сказал он. – Как вы и просили.

Глава семнадцатая И восстал Каин

Клэри еще никогда не было так холодно.

Даже когда она выбралась из озера Лин, выплевывая ядовитую воду на берегу, ей не было так холодно. Даже когда она думала, что Джейс погиб, она не чувствовала такого ледящего холода в сердце и когда она сгорала от гнева, гнева на своего отца. Сейчас же она чувствовала ледящий холод по всему телу до самых ног.

Она пришла в сознание в мраморном холле странного здания, в тени не горевшей люстры. Джейс держал ее на руках, одной под ее коленями, другой поддерживая ее голову. Все еще чувствуя слабость и головокружение, она уткнулась головой в его шею на мгновение, пытаясь вспомнить, где она.

– Что произошло? – прошептала она.

Они подошли к лифту. Джейс нажал кнопку, и Клэри услышала грохот, означавший, что кабина пришла в движение и направляется к ним. Но где они были?

– Ты была без сознания, – сказал он.

– Но как... – затем она вспомнила и затихла. Его руки на ее руках, обжигающая боль от stile на ее коже, волна тьмы, в которую она погрузилась. Что-то было неправильное в той руне, которую он на ней нарисовал, в том, как она выглядела и ощущалась. Она какое-то время оставалась неподвижной в его руках, а затем сказала:

– Опустите меня.

Он поставил ее на ноги, а затем они посмотрели друг на друга. И только крошечное расстояние разделяло их. Она могла протянуть руку и прикоснуться к нему, но впервые с тех пор, как она встретила его, ей не хотелось. У нее было ужасное чувство, что она смотрит на незнакомца. Он выглядел, как Джейс, и говорил, как он, и на ощупь был прежним. Но его глаза были чужими и далекими, как и улыбка, играющая на его губах.

Двери лифта открылись перед ним. Она вспомнила, как стояла в Институте и говорила «Я люблю тебя» в закрытые двери лифта. За ним зияла пропасть, черная, словно устье пещеры. Она поискала стило в кармане; его не было.

– Ты вырубил меня, – сказала она. – С помощью руны. Ты принес меня сюда. Зачем?

Его красивое лицо было абсолютно пустым.

– Я должен был это сделать. У меня не было выбора.

Тогда она развернулась и побежала, направляясь к двери, но он оказался быстрее, чем она. Так было всегда. Он преградил ей путь и протянул к ней руки.

– Клэри, не убегай, – сказал он. – Пожалуйста. Ради меня.

Она недоверчиво посмотрела на него. Его голос был тем же и звучал как голос Джейса, но все же не совсем так, словно это была его запись, решила она, все тона и тембр были теми же, но жизнь, управляющая ими, ушла. Как же она не поняла этого раньше? Она думала, что он звучит так из-за стресса и боли, но нет. Просто его больше не было. Ее желудок скрутило, и она снова бросилась к двери, только чтобы он поймал ее за талию и дернул назад к себе. Она толкнула его, впиваясь пальцами в ткань его рубашки, разрывая ее.

Она застыла, уставившись на него. У него на груди, прямо над сердцем, была руна.

Прежде она подобной никогда не видела. Она не была черной, как остальные руны сумеречных охотников, она была темно-красной, цвета крови. И в ней не было деликатной изящности, как у рун из Серой Книги. Она была небрежной, уродливой, ее линии были острые и грубые, а не извивающиеся и изящные.

Джейс, казалось, не замечал ее. Он взглянул на свое тело, словно удивляясь, на что она смотрит, а затем посмотрел на нее, озадаченный.

– Все в порядке. Ты мне не навредила.

– Эта руна... – начала она, но резко оборвала себя. Может, он и не знал о ней. – Дай мне

уйти, Джейс, – сказала она вместо этого, пятась от него. – Ты не должен делать этого.

– В этом ты ошибаешься, – сказал он и снова схватил ее.

В этот раз она не сопротивлялась. Что произойдет, если она убежит? Она не могла просто оставить его здесь. Джейс все еще был там, размышляла она, пойманный в ловушку где-то за этими пустыми глазами, может быть, зовущий ее. Она должна была остаться с ним. Должна была узнать, что происходит. Она позволила ему подхватить ее и отнести к лифту.

– Безмолвные Братья заметят, что ты ушел, – сказала она, когда кнопки этаж за этажом загорались по мере продвижения лифта вверх. – Они предупредят Конклав. Они придут искать...

– Я не опасаюсь Братьев. Я не был пленником; они не ждали, что я захочу уйти. Они не заметят этого, пока не придут будить меня завтра утром.

– Что если они проснутся раньше?

– О, – произнес он с холодной уверенностью, – не проснутся. Скорее, другие гости в «Заводе» заметят, что ты пропала. Но что они могут с этим поделать? Они не будут знать, куда ты ушла, а слежка в этом здании заблокирована. – Он провел по ее волосам, убирая их с лица, и она замерла. – Ты просто должна довериться мне. Никто не собирается тебе навредить.

Он не вытаскивал нож, пока они не вышли из лифта, а затем сказал:

– Я никогда не причиню тебе вред. Ты же знаешь это, да? – говорил он, даже когда убрал ее волосы кончиком лезвия и прижал его к ее шее. Ледяной воздух коснулся ее голых плеч и рук, как только они вышли на крышу. Руки Джейса были теплыми там, где он касался ее, и она могла чувствовать его тепло через свое тонкое платье, но оно не согревало ее, не внутри. Внутри ее заполняли острые осколки льда.

И все же ей стало еще холоднее, когда она увидела Саймона, смотрящего на нее своими огромными темными глазами. Его лицо было абсолютно пустым от шока, как белый лист бумаги. Он смотрел на нее и на Джейса позади, словно увидел что-то абсолютно неправильное – человека с лицом наизнанку или карту мира, на которой нет материков, а только океан.

Она едва взглянула на женщину рядом с ним с темными волосами и худым, жестоким лицом. Взгляд Клэри моментально упал на прозрачный гроб, стоящий на пьедестале из камня. Казалось, он светился изнутри, будто подсвеченный молочным внутренним светом. Вода, в которой лежал Джонатан, была, возможно, не водой, а какой-то менее натуральной жидкостью. Нормальная Клэри, подумала она хладнокровно, закричала бы при виде своего брата, лежащего неподвижно и мертво в стеклянном гробу, как Белоснежка. Но оцепеневшая Клэри просто уставилась отстраненно, прибывая в шок.

Губы красные, как кровь, кожа белая, как снег, волосы черные, как эбонит. Ну, кое-что из этого было правдой. Когда она встретила Себастьяна, его волосы были черными, но сейчас они были серебристо-белыми, плавающими вокруг его головы, как водоросли-альбиносы. Того же цвета, как волосы ее отца. Их отца. Его кожа была такой бледной, будто была сделана из светящихся кристаллов. Но его губы тоже были бесцветными, как и веки.

– Спасибо, Джейс, – сказала женщина, которую Джейс назвал Леди Лилит. – Хорошо сделано и очень быстро. Я подумала вначале, что с тобой у меня будут проблемы, но, судя по всему, я зря беспокоилась.

Клэри уставилась на нее. Хотя женщина не казалась ей знакомой, ее голос казался знаком. Она уже слышала этот голос. Но где? Она попыталась отстраниться от Джейса, но он только сжал ее крепче. Кончик лезвия коснулся ее шеи. Случайность, решила она. Джейс – даже этот Джейс – никогда не причинит ей боль.

– Вы, – сказала она Лилит сквозь зубы. – Что вы сделали с Джейсом?

– Дочь Валентина заговорила, – темноволосая женщина улыбнулась. – Саймон? Не хочешь объяснить?

Саймон выглядел так, будто его сейчас стошнит.

– Не имею представления, – сказал он, словно задыхался. – Поверь мне, вас двоих я

меньше всего ожидал увидеть.

– Безмолвные Братья сказали, что это демон сотворил с Джейсом то, от чего он страдал, – сказала Клэри и увидела, что Саймон стал еще более озадачен. Хотя женщина просто наблюдала за ней глазами плоскими, как обсидиановые круги. – Этим демоном были вы, да? Но почему Джейс? Что вы хотите от нас?

– Нас? – Лилит рассмеялась. – Будто бы ты что-то значишь здесь, моя девочка. Почему ты? Потому что все связано с тобой. Потому что мне были нужны эти два мальчика, и они оба любят тебя. Потому что Джейс Эрондейл – единственный, кому ты доверяешь больше всего в мире. И ты та, кого Светоч любит достаточно сильно, чтобы отдать за тебя свою жизнь. Может, тебе и нельзя навредить, – сказала она, поворачиваясь к Саймону. – Но ей можно. Неужели ты настолько упрям, что будешь сидеть и смотреть, как Джейс перережет ей глотку, вместо того чтобы дать своей крови?

Саймон, бледный как сама смерть, медленно помотал головой, но прежде чем он успел заговорить, Клэри сказала:

– Саймон, нет! Не делай этого, что бы то ни было. Джейс не навредит мне.

Бездонные глаза женщины повернулись к Джейсу. Она улыбнулась.

– Порежь ее, – сказала она. – Совсем слегка.

Клэри ощутила, как напряглись плечи Джейса, как это было обычно в парке, где он учил ее драться. Она почувствовала что-то на шее, как жалящий поцелуй, холодный и горячий одновременно, и ощутила теплую струю жидкости, стекающую на ее ключицу. Глаза Саймона расширились.

Он порезал ее. Он действительно сделал это. Она подумала о Джейсе, скрюченном на полу своей спальни в Институте, его боль видна в каждой линии тела. «Мне снится, что ты приходишь ко мне в комнату. А затем я раню тебя. Я режу или душу, или пронзаю тебя, и ты умираешь, глядя на меня своими зелеными глазами, пока твоя жизнь вытекает сквозь мои пальцы».

Она не верила ему. Не особо. Он был Джейсом. Он бы никогда не ранил ее. Она посмотрела вниз и увидела кровь, запачкавшую вырез ее платья. Она была похожа на красную краску.

– Теперь видишь, – сказала женщина. – Он делает то, что я скажу. Не вини его за это. Он полностью под моей властью. Неделями я проникала в его разум, видела его сны, изучала его страхи и нужды, его вину и желания. Во сне он принял мою Метку, и с тех пор она прожгла его – сквозь кожу, прямо в душу. Теперь его душа в моих руках, чтобы формировать и направлять, как я пожелаю. Он сделает все, что я скажу.

Клэри вспомнила, что сказали Безмолвные Братья: «Когда рождается сумеречный охотник, осуществляется ритуал, ребенка подвергают нескольким защитным заклинаниям Безмолвные Братья и Железные Сестры. Когда Джейс умер, а затем вернулся, он родился во второй раз, и эта защита и ритуалы были уничтожены. Это оставило его открытым, как незапертая дверь – открытым любому демоническому влиянию или недоброжелательности».

«Это я сделала» – подумала Клэри. – «Я вернула его к жизни и хотела держать это в секрете. Если бы мы только рассказали кому-то, что случилось, может, ритуал был бы произведен вовремя, чтобы прогнать Лилит из его головы». Она ощутила тошноту от ненависти к себе. Позади нее Джейс молчал, неподвижный, как статуя, его руки были вокруг нее, а нож все еще на ее шее. Она ощутила его на коже, когда вдохнула, чтобы заговорить, и приложила усилие, чтобы голос был ровным.

– Я осознаю, что вы контролируете Джейса, – сказала она. – Но не понимаю, зачем. Разумеется, есть другие, более простые способы пригрозить мне.

Лилит вздохнула, словно все это стало утомительным.

– Ты нужна мне, – сказала она с преувеличенным терпением, – чтобы заставить Саймона сделать то, что я хочу, то есть дать мне свою кровь. И мне нужен Джейс не только для того, чтобы привести тебя сюда, но и как противовес. Все в магии должно быть в равновесии, Кларисса. – Она указала на черный круг, нарисованный на плитке, а затем на

Джейса. – Он был первым. Первым, кого вернули, первой восстановленной в этом мире во имя Света душой. Значит, он должен быть рядом, чтобы успешно вернуть вторую во имя Тьмы. Теперь понимаешь, глупая девочка? Мы все должны быть здесь. Саймон должен умереть. Джейс жить. Джонатан вернуться. А ты, дочь Валентина, катализатор всего этого.

Голос женщины-демона опустился до тихого пения. Шокированная, Клэри осознала, где она уже слышала его. Она увидела своего отца, стоящего в центре пентаграммы, и черноволосую женщину с щупальцами вместо глаз, стоявшую на коленях у его ног. Женщина сказала: «Ребенок, рожденный с этой кровью, обретет силу Высшего Демона из пропасти между мирами. Но это выжжет его человечность, как яд выжигает жизнь из крови».

– Я знаю, – сказала Клэри непослушными губами. – Я знаю, кто вы. Я видела, как вы порезали запястье и собрали кровь в чашу для моего отца. Ангел Итуриил показал мне это в видении.

Темные глаза Саймона переходили от Клэри к женщине, чей взгляд был немного удивленным. Клэри подумала, что не так просто было ее удивить.

– Я видела, как мой отец вызвал вас. Я знаю, как он называл вас. «Моя Госпожа Эдома». Вы – Высший Демон. Вы дали свою кровь, чтобы сделать моего брата тем, кем он стал. Вы превратили его в... нечто ужасное. Если бы не вы...

– Да. Все это правда. Я дала свою кровь Валентину Моргенштерну, и он ввел ее в своего младенца-сына, и вот результат. – Женщина положила свою руку осторожно, почти лаская, на стеклянную поверхность гроба Себастьяна. На ее лице была очень странная улыбка. – Можно сказать, что, в некотором смысле, я мать Джонатана.

– Я же сказал тебе, что этот адрес был бессмыслен, – сказал Алек.

Изабель проигнорировала его. Когда они прошли сквозь двери здания, рубиновый медальон на ее шее слабо запульсировал, как биение отдаленного сердца. Это говорило о присутствии демонов. При других обстоятельствах она бы ожидала, что ее брат почувствует странность этого места, как и она, но он явно был слишком погружен в свои мысли из-за Магнуса.

– Достань свой ведьмовский огонь, – сказала она ему. – Я оставила свой дома.

Он раздраженно взглянул на нее. В вестибюле было достаточно темно, чтобы обычный человек ничего не смог разглядеть. Майя и Джордан оба обладали отличным ночным зрением оборотней. Они стояли в разных концах комнаты, Джордан изучал большой мраморный стол, а Майя прислонилась к дальней стене, очевидно, изучая свои кольца.

– Ты должна везде его с собой носить, – ответил Алек.

– Да ну? А ты взял свой Сенсор? – обозлилась она. – Я так и думала. По крайней мере, у меня есть это, – она похлопала по своему медальону. – Я могу тебе сказать, что там что-то есть. Что-то демоническое.

Джордан резко повернулся к ним.

– Там есть демоны?

– Я не знаю... может, только один. Он запульсировал и перестал, – признала Изабель. – Но это слишком большое совпадение, чтобы это был неверный адрес. Нам нужно проверить.

Тусклый свет окутал ее. Она взглянула и увидела Алека, держащего его ведьмовский огонь, его сияние было спрятано в его пальцах. Он отбрасывал странные тени на его лицо, отчего он выглядел старше, а глаза были более темного оттенка голубого.

– Тогда, пойдем, – сказал он. – Будем осматривать по одному этажу.

Они пошли к лифту, сначала Алек, затем Изабель, Джордан и Майя замыкали линию позади них. На подошвах ботинок Изабель были руны Беззвучности, но каблук Майи стучали по мраморному полу, когда она шагала. Нахмурившись, она остановилась, чтобы снять их, и прошла остальной путь босиком. Когда Майя вошла в лифт, Изабель заметила, что на левом большом пальце ее ноги было золотое кольцо с бирюзой.

Джордан, опустив взгляд на ее ноги, сказал удивленным голосом:

– Я помню это кольцо. Я купил его тебе в...

– Заткнись, – сказала Майя, нажимая кнопку закрытия дверей. Двери заскользили,

закрываясь, и Джордан замолчал.

Они останавливались на каждом этаже. Большинство из них все еще были не достроены – на них не было света, а с потолка, словно лианы, свисали провода. Окна были заколочены фанерой. Мебельные чехлы колыхались на слабом ветре, как приведения. Изабель твердо держала руку на медальоне, но ничего не произошло, пока они не достигли десятого этажа. Когда двери открылись, она ощутила пульсацию внутри ее сжатой ладони, словно держала в ней маленькую птицу, которая била крыльями.

Она заговорила шепотом.

– Здесь что-то есть.

Алек просто кивнул; Джордан открыл рот, чтобы сказать что-то, но Майя сильно толкнула его локтем. Изабель проскользнула мимо брата в холл за лифтом. Теперь рубин пульсировал и вибрировал в ее руке сильнее, как раздраженное насекомое.

Позади нее Алек прошептал:

– Сендалфон.

Свет засиял вокруг Изабель, освещая холл. В отличие от остальных этажей, которые они видели, этот был хотя бы частично закончен. Голые гранитные стены окружали его, а пол был покрыт гладкой черной плиткой. Коридор вел в двух направлениях. Одно заканчивалось горой оборудования и спутанных проводов. Другое аркой. Позади арки было манящее черное пространство.

Изабель повернулась, чтобы взглянуть на своих спутников. Алек убрал свой ведьмовский огонь и держал сияющий ангельский клинок, освещающий лифт, как фонарь. Джордан достал большой, грубо выглядящий нож и сжал его в правой руке. Майя, вроде бы, собирала волосы; когда она опустила руки, в них было два длинных, острых шипа. Ее ногти выросли, а в глазах было хищное зеленоватое сияние.

– Следуйте за мной, – сказала Изабель. – Тихо.

Тук, тук – стучал рубин на шее Изабель, когда она шла по холлу, как удары настойчивого пальца. Она не слышала, как остальные шли за ней, но видела, что они были там, по длинным теням, отбрасываемым на темные гранитные стены. Ее горло сжалось, нервы звенели, как всегда перед дракой. Эту часть она любила меньше всего, ожидание перед освобождением жестокости. Во время драки ничто кроме нее было не важно; сейчас же ей приходилось заставлять себя держать разум под контролем.

Арка нависла над ними. Она была из мрамора, странно старомодная для такого современного здания, ее стенки отделаны завитками. Изабель быстро взглянула наверх, когда они проходили, и почти обомлела. На камне была вырезана ухмыляющаяся морда горгульи, хитро скалившаяся на нее. Она скорчила ей рожицу и повернулась к комнате, в которую входила.

Она была просторной, с высокими потолками, явно предназначена, чтобы однажды стать полноценной квартирой. Вместо стен от пола до потолка протянулись окна, открывающие вид на Ист-Ривер и Квинс вдалеке, где кроваво-красным сиял знак Coca-Cola и синим отражался на черной воде. Огни окружающих зданий колебались, сверкая, в ночном воздухе, как мишура на рождественской ели. Сама комната была темной и полной странных горбатых теней, расположенных на разных интервалах низко у земли. Изабель прищурилась, озадаченная. Они не двигались; они казались кусками квадратной мебели, но чего...?

– Алек, – сказала она мягко. Ее медальон дрожал, как живой, его рубиновое сердце обжигало кожу до боли.

В тот же миг ее брат оказался рядом. Он поднял клинок, и комната наполнилась светом. Изабель прижала ладонь к губам.

– О, Господи, – прошептала она. – О, ангел, нет.

– Вы не его мать, – голос Саймона сломался, когда он произнес это; Лилит даже не повернулась, чтобы взглянуть на него. Она все еще держала руки на гробе. Себастьян плавал внутри него, безмолвный и ничего не осознающий. Его ноги были босы, заметил Саймон. – У него есть мать. Мать Клэри. Клэри его сестра. Себастьян – Джонатан будет не очень рад, если

вы ей причините боль.

Лилит при этих словах взглянула на него и рассмеялась.

– Смелая попытка, Светоч, – сказала она. – Но мне лучше знать. Я видела, как рос мой сын. Часто я навещала его в виде совы. Я видела, как женщина, родившая его, ненавидела его. Он тоже не любил ее и не должен был, и о сестре своей он не заботится. Он скорее похож на меня, чем на Джослин Моргенштерн.

Ее темные глаза устремились от Саймона к Джейсу и Клэри. Они не сдвинулись с места. Клэри все еще стояла в хватке рук Джейса, с ножом у горла. Он держал его легко, беззаботно, будто едва уделял внимание. Но Саймон знал, как быстро Джейс, кажущийся безразличным, мог среагировать жестоким ответом.

– Джейс, – сказала Лилит. – Войди в круг и возьми девочку с собой.

Джейс послушно двинулся вперед, толкая Клэри перед собой. Когда они пересекли черную линию, руны внутри нее внезапно вспыхнули ярко-красным – и кое-что еще загорелось. Руна на левой стороне груди Джейса, чуть выше сердца, внезапно засияла с такой силой, что Саймон прикрыл глаза. Даже с закрытыми глазами он все еще мог ее видеть, злобный вихрь жестких линий, отпечатанный изнутри его век.

– Открой свои глаза, Светоч, – выкрикнула Лилит. – Время пришло. Ты дашь мне своей крови или откажешься? Ты знаешь цену своего отказа.

Саймон взглянул на Себастьяна в его гробу – и поперхнулся. Руна, точно такая же, как вспыхнувшая на груди Джейса, теперь была видна и на его груди, и как раз начала исчезать, когда Саймон уставился на нее. В одно мгновение она пропала, и Себастьян снова стал неподвижным и белым. Замершим. Недышащим.

Мертвый.

– Я не могу вернуть его для вас, – сказал Саймон. – Он мертв. Я бы дал ему своей крови, но он не сможет проглотить ее.

Она раздраженно выдохнула сквозь зубы и на секунду в ее глазах появился жестокий ядовитый блеск.

– Сначала ты должен укусить его, – сказала она. – Ты Светоч. Кровь ангела бежит в твоём теле, твоей крови и слезах, в жидкости в твоих клыках. Твоя кровь Светоча оживит его достаточно, чтобы он смог глотать и пить. Укуси его и дай ему своей крови, верни его мне.

Саймон уставился на нее диким взглядом.

– О чем вы говорите. Вы имеете в виду, что я могу оживить мертвого?

– Когда ты стал Светочем, ты обрел эту силу, – сказала она. – Но не право использовать ее.

– Право?

Она улыбнулась, проводя длинным красным ногтем по крышке гроба Себастьяна.

– Историю пишут победители, как говорится, – сказала она. – Может быть, не так уже велика разница между сторонами Света и Тьмы, как ты веришь. В конце концов, без Тьмы Свету нечего сжигать.

Саймон тупо смотрел на нее.

– Равновесие, – пояснила она. – Есть законы, которые древнее, чем ты можешь себе представить. И один из них гласит, что нельзя вернуть умершего. Когда душа покинула тело, она принадлежит смерти. И это нельзя изменить, не заплатив цену.

– И вы готовы заплатить ее? Ради него? – Саймон показал на Себастьяна.

– Он и есть цена, – она запрокинула голову и рассмеялась. Это был почти человеческий смех. – Если Свет вернул душу, то и Тьма имеет право вернуть одну тоже. Это мое право. Или, возможно, тебе стоит спросить свою маленькую подружку Клэри, о чем я говорю. Саймон взглянул на Клэри. Она выглядела так, будто сейчас отключится.

– Разиэль, – сказала она слабо. – Когда Джейс умер...

– Джейс умер? – голос Саймона стал выше на октаву. Джейс, несмотря на то, что он был предметом их обсуждения, оставался безмятежен и безразличен, его рука с ножом тверда.

– Валентин пронзил его, – сказала Клэри полупшепотом. – А затем ангел убил Валентина и сказал, что я могу заполучить все, что пожелаю. И я сказала, что хочу вернуть Джейса, я хотела вернуть его, и он сделал это для меня. – Ее глаза стали огромными на маленьком бледном лице. – Он был мертв всего несколько минут... это вообще почти не время...

– Этого было достаточно, – произнесла Лилит. – Я была возле своего сына во время его битвы с Джейсом; я видела, как он упал и умер. Я последовала за Джейсом к озеру и смотрела, как Валентин зарезал его, а затем ангел вернул его. Я знала, что это был мой шанс. Я помчалась назад к реке и достала тело своего сына из нее... Я сберегла его до этого момента, – она с любовью взглянула на гроб. – Везде равновесие. Око за око. Зуб за зуб. Жизнь за жизнь. Джейс это противовес. Если Джейс живет, значит и Джонатан должен жить.

Саймон не мог оторвать взгляда от Клэри.

– То, что она говорит – про Ангела – это правда? – сказал он. – И ты никому не рассказала?

К его удивлению ответ дал Джейс. Проведя щекой по волосам Клэри, он произнес:

– Это был наш секрет.

Зеленые глаза Клэри вспыхнули, но она не сдвинулась.

– Итак, ты видишь, Светоч, – сказала Лилит, – я только беру свое по праву. Закон гласит, что тот, кого первым вернули к жизни, должен быть в круге, когда возвращают второго. – Она указала на Джейса высокомерным движением пальца. – Он здесь. Ты здесь. Все в готовности.

– Значит, вам не нужна Клэри, – сказал Саймон. – Оставьте ее в покое. Дайте ей уйти.

– Конечно, она нужна мне. Она нужна, чтобы мотивировать тебя. Я не могу навредить тебе, носитель Метки, или угрожать тебе, или убить тебя. Но я могу вырезать твое сердце, вырезая ее жизнь. И я сделаю это.

Она посмотрела на Клэри, и взгляд Саймона последовал за ее взглядом.

Клэри. Она была такой бледной, что казалась почти голубой, хотя, возможно, это от холода. Ее зеленые глаза были огромными на бледном лице. Струйка засыхающей крови протекла от ключицы к вырезу ее платья, теперь испачканного красным. Ее руки свободно висели по бокам, но они дрожали.

Саймон видел ее такой, какая она есть, но одновременно и такой, какой она была в семь лет, худые руки, веснушки и те голубые пластиковые заколки, которые она носила в волосах до одиннадцати лет. Он подумал о том, как впервые заметил, что у нее была девичья фигура под широкой футболкой и джинсами, которые она всегда носила, и как он не был уверен, может ли смотреть или лучше отвернуться. Он подумал о ее смехе и быстром карандаше, скользящем вдоль страницы, оставляя изящные узорные рисунки за собой: замки со шпильками, бегущих лошадей, ярко раскрашенных персонажей, которых она придумывала. «Можешь ходить в школу сама, – говорила ее мать, – но только если Саймон пойдет с тобой». Он подумал о ее руке в его руке, когда они переходили улицу, и о своем ощущении этого невероятного задания, за которое он взялся: ответственность за ее безопасность.

Однажды он влюбился в нее, и, может, какая-то часть его всегда будет любить ее, потому что это была первая любовь. Но это было неважно сейчас. Она была Клэри; она была частью его; всегда была и навечно останется. Пока он смотрел на нее, она качнула головой еле заметно. Он знал, о чем это говорило. «Не делай этого. Не давай ей то, что она хочет. Позволь случиться тому, что должно случиться со мной».

Он вошел в круг. Когда он перешагнул нарисованную линию, он вздрогнул, как от удара током, прошедшего сквозь него.

– Хорошо, – сказал он. – Я сделаю это.

– Нет! – вскрикнула Клэри, но Саймон не взглянул на нее. Он наблюдал за Лилит, которая улыбнулась холодной, злорадной улыбкой, когда подняла левую руку и провела ей по поверхности гроба.

Его крышка испарилась, открываясь так, как открывается крышка на банке сардин, подумал Саймон. Верхний слой стекла отошел, растворяясь и стекая, капая на гранитный пьедестал и кристаллизуясь в маленькие осколки стекла, когда капли попадали на землю.

Теперь гроб был открыт, как бочка с рыбой; внутри плавало тело Себастьяна, и Саймону показалось, что он снова увидел вспышку руны на его груди, когда Лилит потянулась внутрь резервуара. Пока Саймон смотрел, она взяла болтающиеся руки Себастьяна и скрестила их на груди странно нежным жестом, кладя перебинтованную руку под целую. Она смахнула прядь его мокрых волос с его неподвижного белого лба и отошла, стряхивая похожую на молоко воду с рук.

– Приступай, Светоч, – сказала она.

Саймон подошел к гробу. Лицо Себастьяна было расслабленным, веки неподвижными. На его шее не бился пульс. Саймон вспомнил, как сильно он хотел выпить крови Марин. Как он смаковал ощущение его клыков, пронзающих ее кожу и освобождающих соленую кровь под ней. Но это... это было питание трупом. От одной только мысли его желудок скрутило.

Хотя он не смотрел на нее, он знал, что Клэри наблюдает за ним. Он чувствовал ее дыхание, когда наклонялся над Себастьяном. Джейса он тоже чувствовал, тот наблюдал за ним своими пустыми глазами. Он протянул руки в гроб и сжал на холодных скользких плечах Себастьяна. Борясь с тошнотой, он наклонился и погрузил свои клыки в горло Себастьяна. Черная демоническая кровь наполнила его рот, горькая, как яд.

* * *

Изабель тихо передвигалась среди каменных пьедесталов. Алек был рядом с ней, сжимая Сендалфон в руке, от которого вился свет сквозь комнату. Майя была в углу комнаты, она согнулась пополам и блювала, держась рукой за стену; Джордан колебался над ней, казалось, он хотел протянуть руку и погладить ее по спине, но боялся ответной реакции.

Изабель не винила Майю за тошноту. Ее бы тоже вырвало, если бы не годы тренировок. Она никогда не видела чего-то похожего на это. В комнате были дюжины, может, пятьдесят пьедесталов. На каждом из них была низкая корзина. В каждой был младенец. И все младенцы были мертвы.

Сначала она хранила надежду, проходя вдоль рядов, что сможет найти хоть одного живого. Но эти младенцы уже давно были мертвы. Их кожа была серой, их маленькие лица в синяках и лишены цвета. Они были завернуты в тонкие одеяла, и, хотя в комнате было прохладно, Изабель не думала, что этого было достаточно, чтобы они замерзли насмерть. Она не была уверена, как они умерли; она не могла заставить себя изучить их внимательнее. Это было явно дело Конклава.

Лицо Алека позади нее было в слезах; он матерился сквозь зубы, когда они достигли последних пьедесталов. Майя выпрямилась и прислонилась к окну; Джордан дал ей какую-то вещь, может, платок, чтобы прижать к лицу. Позади нее горели холодные белые огни города, пронзая темное стекло, как бриллианты.

– Из, – сказал Алек. – Кто мог сделать подобное? Зачем кому-то, даже демону...

Он осекся. Изабель знала, о чем он думал. Макс, когда он родился. Ей было семь, Алеку девять. Они склонились над младшим братом в колыбели, развеселенные и очарованные этим новым увлекательным существом. Они играли с его маленькими пальчиками, смеялись над странными рожицами, которые он строил, если его щекотали.

Ее сердце дрогнуло. Макс. Когда она пошла вдоль линии колыбелей, теперь превращенных в маленькие гробы, ощущение всеобъемлющего страха начало давить на нее. Она не могла игнорировать тот факт, что медальон на ее шее все еще светился резким, ровным сиянием. Такое сияние можно было ожидать, если бы она стояла лицом к лицу с Высшим Демоном.

Она подумала о том, что Клэри видела в морге «Бет Израэль». Он выглядел, как нормальный младенец. За исключением его пальцев. Они были превращены в когти...

С огромной осторожностью она протянула руку в одну из колыбелей. Аккуратно, не трогая младенца, она отодвинула тонкое одеяло, в которое было завернуто тело.

Она почувствовала, как из ее легких вырвался воздух. Обычные полные детские ручки, круглые детские запястья. Руки были мягкими и новенькими. Но пальцы – пальцы были закручены в когти, черные, как сгоревшие кости, заканчивающиеся острыми маленькими

ногтями. Она отшатнулась назад.

– Что? – Майя двинулась к ним. Она все еще выглядела болезненно, но голос был ровным. Джордан шел за ней, руки в карманах. – Что ты нашла? – спросила она.

– О, ангел, – Алек возле Изабель смотрел в колыбель. – Он... как младенец, о котором тебе рассказывала Клэри? Тот, что в «Бет Израэль»?

Изабель медленно кивнула.

– Полагаю, это был не один младенец, – сказала она. – Кто-то пытался сделать гораздо больше. Больше... Себастьянов.

– Зачем кому-то хотеть больше таких, как он? – голос Алека был полон нескрываемой ненависти.

– Он был быстрым и сильным, – сказала Изабель. Было почти физически больно говорить комплименты парню, который убил ее брата и пытался убить ее. – Полагаю, они пытаются создать расу супер-воинов.

– Это не сработало, – глаза Майи были мрачны и печальны.

Мягкий, почти незаметный звук дразнил грань слуха Изабель. Ее голова вздернулась, рука уже была на ремне, где крепился ее кнут. Что-то в густой тени на краю комнаты, около двери, задвигалось, просто небольшой рывок, но Изабель уже отделилась от остальных и мчалась к двери. Она ворвалась в холл возле лифтов. Там что-то было – тень, которая отделилась от общей темноты и двигалась, прижавшись к стене. Изабель ускорила и бросилась вперед, сбивая тень на пол.

Это было не приведение. Когда они вместе приземлились, Изабель удивилась, услышав очень даже человеческий крик, изданный призрачной фигурой. Они вместе ударились об пол и покатались. Фигура была определенно человеческой – худее и ниже, чем Изабель, одетая в серый спортивный костюм и кеды. Острые локти ударили, вонзаясь в ключицу Изабель. Колено ударило ей в солнечное сплетение. Она охнула и откатилась в сторону, нащупывая свой кнут. К тому времени, как она достала его, фигура уже вскочила на ноги. Изабель перевернулась на живот, выбрасывая кнут вперед; его кончик зацепился за голень незнакомки и туго обхватил ее. Изабель дернула кнут назад, сбивая фигуру с ног.

Она поднялась на ноги, нащупывая свободной рукой свое стиле, которой было подоткнуто под вырез ее платья. Быстрым движением она завершила Метку «ниже» на своей левой руке. Ее зрение быстро подстроилось, вся комната, казалось, наполнилась светом, когда руна ночного видения дала эффект. Теперь она могла видеть противника куда лучше – худая фигура в сером спортивном костюме и серых кедах ползла назад, пока не натолкнулась на стену. Капюшон костюма упал назад, открывая лицо. Голова была обрита наголо, но лицо было определенно женским, с острыми скулами и большими темными глазами.

– Перестань, – сказала Изабель и туго натянула кнут. Женщина вскрикнула от боли. – Перестань пытаться уползти.

Женщина оскалила зубы.

– Червь, – сказала она. – Неверующая. Я ничего тебе не скажу.

Изабель затолкала стиле обратно в платье.

– Если я потяну достаточно сильно за этот кнут, он отрежет тебе ногу. – Она снова дернула кнут, затягивая его, и двинулась вперед, пока не оказалась перед женщиной, глядя на нее. – Те младенцы, – сказала она. – Что с ними случилось?

Женщина издала булькающий смех.

– Они были не достаточно сильны. Слабая раса, слишком слабая.

– Слишком слабая для чего? – когда женщина не ответила, Изабель рывкнула, – Ты можешь сказать мне или потерять ногу. Тебе решать. Не думай, что я не позволю тебе истечь кровью до смерти здесь на полу. Детоубийцы не заслуживают жалости.

Женщина зашипела, как змея.

– Если ты навредишь мне, Она покарает тебя.

– Кто... – Изабель осеклась, вспоминая, что сказал Алек. Таль то – еще одно имя Лилит. Ее можно назвать демонической богиней мертвых младенцев. – Лилит, – сказала она. – Ты

поклоняешься Лилит. Ты сделала все это... для нее?

– Изабель, – это был Алек, несущий с собой свет Сендалфона. – Что происходит? Майя и Джордан искали еще... детей, но, похоже, все они были в большой комнате. Что здесь происходит?

– Этот... человек, – сказала Изабель с отвращением, – член секты церкви Тальто. Судя по всему, они поклоняются Лилит. И они убили всех этих младенцев для нее.

– Не убивали! – воскликнула женщина, пытаясь подняться. – Не убивали. Пожертвовали. Их проверили и сочли слабыми. Это не наша вина.

– Позволь мне угадать, – сказала Изабель. – Вы пытались ввести кровь демона беременным женщинам. Но кровь демона токсична. Младенцы не могли выжить. Они родились измененными, а затем умерли.

Женщина захныкала. Это был очень тихий звук, но Изабель увидела, как сузились глаза Алека. Из них двоих он всегда лучше разбирался в людях.

– Один из тех младенцев, – сказал он. – Он был твоим. Как ты могла ввести кровь демона в собственного ребенка?

Губы женщины задрожали.

– Я не делала этого. Это нам вводили кровь. Матерям. Это делало нас сильнее, быстрее. Нашим мужьям тоже. Но мы стали болеть. Сильнее и сильнее. Наши волосы выпали. Наши ногти... – она подняла руки, показывая почерневшие ногти и ободранные, кровавые пальцы, где ногти отвалились. Ее руки были в почерневших ушибах. – Мы все умираем, – сказала она. В ее голосе был слабый оттенок удовлетворения.

– В течение нескольких дней мы все будем мертвы.

– Она заставила вас принимать яд, – сказал Алек, – и вы все равно поклоняетесь ей?

– Ты не понимаешь, – женщина была охрипшей, говорила сонно. – У меня не было ничего, прежде чем Она нашла меня. Ни у кого из нас. Я была на улице. Спала в метро, чтобы не замерзнуть. Лилит дала мне жилье, семью, чтобы заботиться обо мне. Просто быть рядом с Ней – быть в безопасности. Раньше я никогда не ощущала безопасности.

– Ты видела Лилит, – сказала Изабель, стараясь удержать недоверие из своего голоса. Она встречала раньше секты демонопоклонников; однажды она делала о них доклад для Ходжа. Она получила от него за это высшую оценку. Большинство культов поклоняется демонам, которых они выдумали или изобрели. Некоторым удастся вызвать слабых, мелких демонов, которые убивают их, когда получают свободу, или успокаиваются, пока члены культа их обслуживают, ублажая все их нужды и почти ничего не прося взамен. Она никогда не слышала о сектах, поклоняющихся Высшему Демону, в которых члены культа видели бы демона. Тем более, Высшего Демона, как Лилит, могущественную мать колдунов. – Ты была в ее присутствии?

Глаза женщины были полуприкрыты.

– Да. С Ее кровью во мне я могу чувствовать, когда Она рядом. И сейчас Она рядом.

Изабель не могла сдерживать себя; ее рука поднялась к медальону. Он периодически пульсировал с тех пор, как они вошли в здание; она сочла, что это из-за крови демона в телах младенцев, но присутствие Высшего Демона неподалеку больше походило на правду.

– Она здесь? Где она?

Женщина, казалось, засыпала.

– Наверху, – сказала она невнятно. – С мальчиком-вампиром. С тем, что ходит днем. Она послала нас добыть его для Нее, но он был защищен. Мы не могли коснуться его. Те, кто уходил на его поиски, умирали. Затем, когда Брат Адам вернулся и рассказал нам, что мальчика охранял святой огонь, Госпожа Лилит разозлилась. Она убила его на месте. Он был счастливым, умереть от Ее руки, такое счастье, – ее дыхание сбилось. – И Она умная, Госпожа Лилит. Она нашла другой способ привести мальчика...

Кнут выпал из внезапно ослабевшей руки Изабель.

– Саймон? Она привела сюда Саймона? Зачем?

– Никто, кто приходит к Ней, – выдохнула женщина, – не возвращается...

Изабель упала на колени, хватая кнут.

– Прекрати, – сказала она дрожащим голосом. – Прекрати бормотать и скажи мне, где он. Куда она забрала его? Где Саймон? Скажи мне, или я...

– Изабель, – тяжело произнес Алек. – Из, это бессмысленно. Она мертва.

Изабель в неверии уставилась на женщину. Она умерла, казалось, между одним вдохом и другим, глаза широко распахнуты, а лицо обмякло. Можно было увидеть, как за истощением, облысением и ушибами скрывалась молодая девушка, не больше двадцати лет.

– Проклятье.

– Я не понимаю, – сказал Алек. – Что Высший Демон хочет от Саймона? Он вампир. Одаренный, сильный вампир, но...

– Метка Каина, – сказала Изабель отвлеченно. – Это, должно быть, как-то связано с Меткой. Должно быть. – Она двинулась к лифту и нажала кнопку вызова. – Если Лилит была первой женой Адама, а Каин его сыном, то Метка Каина почти так же стара, как она.

– Куда ты направляешься?

– Она сказала, что они наверху, – сказала Изабель. – Я обыщу каждый этаж, пока не найду его.

– Она не может навредить ему, Иззи, – сказал Алек спокойным голосом, который Изабель ненавидела. – Я знаю, что ты обеспокоена, но у него Метка Каина; он неприкосновенен. Даже Высший Демон не может тронуть его. Никто не может.

Изабель нахмурилась, глядя на брата.

– Так как ты думаешь, для чего он ей тогда? Чтобы забирать ее вещи из химчистки? Seriously, Алек...

Раздался звонок и стрелка над дальним лифтом загорелась. Изабель пошла вперед, когда двери начали открываться. Пролился свет... а за светом волна мужчин и женщин – лысых, истощенных и одетых в серые спортивные костюмы и кеды – вылилась наружу. Они размахивали грубым оружием, добытым из дебрей стройки: неровные осколки стекла, оторванные куски гарнитуры, куски бетона. Никто из них не произнес ни слова. В тишине такой же абсолютной, как и загадочной, они вышли из лифта, как один, и стали надвигаться на Алека и Изабель.

Глава восемнадцатая

Следы от пожара

Тучи накатили на небо над рекой, как иногда бывает по ночам, принеся с собой плотный туман. Он не скрыл то, что происходило на крыше, просто лег светлой пеленой на все вокруг. Здания, возвышающиеся вокруг них, были неясными колоннами света, и луна едва светила, как приглушенная лампа, сквозь низко ползущие тучи. Разбитые осколки стеклянного гроба, рассыпанные на плитке вокруг, сияли, как осколки льда, и Лилит тоже сияла, бледная под светом луны, наблюдая за Саймоном, который наклонился над неподвижным телом Себастьяна и пил его кровь.

Клэри с трудом могла вынести это. Она знала, что Саймон ненавидел то, что он сейчас делает; она знала, что он делает это ради нее. Для нее и даже чуть-чуть для Джейса. И она знала, какой будет следующий шаг ритуала. Саймон отдаст свою кровь Себастьяну, и Саймон умрет. Вампиры могут умереть, если они полностью обескровлены. Он умрет, и она потеряет его навсегда, и это будет ее виной.

Она чувствовала Джейса позади себя, все еще крепко сжимающего ее своими руками, и мягкое, равномерное биение его сердца напротив ее лопаток. Она вспомнила, как он держал ее на ступенях Зала Согласия в Идрисе. Шум ветра в листве, когда он целовал ее, его теплые руки на ее лице. Как она ощущала биение его сердца и думала, что ни одно сердце в мире не бьется вот так, будто каждый удар совпадает с биением ее сердца.

Он должен был быть где-то там. Как Себастьян внутри его стеклянной тюрьмы. Должен был быть способ добраться до него.

Лилит наблюдала, как Саймон склонился над Себастьяном, ее темные глаза расширились и сосредоточились. Клэри и Джейса могло там вообще не быть.

– Джейс, – прошептала Клэри. – Джейс, я не хочу видеть это.

Она прижалась к нему, будто пыталась вжаться в его руки, а потом сделала вид, что поморщилась из-за ножа, коснувшегося ее шеи.

– Джейс, пожалуйста, – шептала она. – Тебе не нужен нож. Ты же знаешь, я не причиню тебе вреда.

– Но зачем...

– Я просто хочу посмотреть на тебя. Хочу увидеть твоё лицо.

Она чувствовала, как быстро вздымается и опускается его грудь. Он вздрогнул, словно боролся с чем-то, держался против этого. Затем он задвигался, как умел только он, со скоростью молнии. Он держал правую руку крепко вокруг нее; левой он быстро просунул нож за свой ремень.

Ее сердце бешено заколотилось. «Я могла бы убежать, – подумала она, – но он просто поймает меня, и у меня лишь секунда». Секундами позже обе его руки снова обвили ее поверх ее рук, разворачивая ее. Она ощутила, как его пальцы скользят по ее спине, ее обнаженным, дрожащим рукам, и он развернул ее к себе лицом.

Теперь она не смотрела на Саймона и демонессу, хотя все еще ощущала их присутствие своей дрожащей спиной. Она посмотрела вверх на Джейса. Его лицо было таким знакомым. Эти линии, и то, как волосы ниспадают ему на лоб, едва заметный шрам на его скуле, и еще один на виске. Его ресницы немного темнее его волос. Его глаза цвета бледно-желтого стекла. В этом он и был другим, подумала она. Он выглядел, как Джейс, но его глаза были чистыми и пустыми, будто он смотрел на пустую комнату сквозь окно.

– Мне страшно, – сказала она.

Он погладил ее по плечу, заставляя вспыхивать ее нервные окончания; с ощущением тошноты она осознала, что ее тело все еще реагировало на его прикосновения.

– Я не допущу, чтобы с тобой что-нибудь случилось.

Она пристально посмотрела на него.

– Ты и правда веришь в это, не так ли? Почему-то ты не видишь несвязности между твоими действиями и намерениями. Каким-то образом она забрала это у тебя.

– Ты не сможешь остановить ее, – сказала она. – Она убьет меня, Джейс.

Он потряс головой.

– Нет. Она этого не сделает.

Клэри хотелось заорать, но она постаралась сохранить в своем голосе спокойствие, размеренность и осторожность.

– Я знаю, что ты все еще там, Джейс. Настоящий ты. – Она ближе прижалась к нему. Пряжка его ремня врезалась ей в талию. – Ты можешь противостоять ей...

Это она зря сказала. Он весь напрягся, и она увидела в его взгляде вспышку боли, как бывает у животных, попавших в западню. В следующее мгновение она превратилась в жесткость.

– Я не могу.

Она задрожала. Выражение его лица было ужасным, таким жутким. Его взгляд смягчился из-за ее дрожи.

– Тебе холодно? – спросил он, и на секунду был снова прежним Джейсом, обеспокоенным ее благополучием. От этого у нее сжало горло.

Она кивнула, хотя физический холод был последней вещью, которая ее беспокоила.

– Можно я просуну руки под твой пиджак?

Он кивнул. Его пиджак был расстегнут; она проскользнула руками внутрь, легко касаясь его спины. Все было подозрительно тихо. Казалось, город замер внутри ледяной призмы. Даже свет, отражающийся от зданий вокруг них, был неподвижным и холодным.

Он дышал медленно, размеренно. Она могла видеть руны на груди через разорванную ткань его рубашки. Она будто пульсировала, когда он дышал. Это было противно, подумала

она, руна прицепилась к нему, как пиявка, высасывая все хорошее, что и было Джейсом.

Она вспомнила, что Люк сказал ей об уничтожении руны. Если ты изменишь ее черты в достаточной мере, ты сможешь минимизировать или уничтожить ее силу. Иногда в битве противник пытается сжечь или срезать кожу сумеречного охотника, просто чтобы лишить его силы рун.

Она не отводила взгляда от лица Джейса. Надо забыть о том, что происходит, решила она. Забыть о Саймоне, о ноже у своей глотки. То, что ты сейчас скажешь, важнее всего, что ты говорила ранее.

– Помнишь, что ты сказал мне в парке? – прошептала она.

Он посмотрел на нее, удивленный.

– Что?

– Когда я сказала тебе, что не говорю по-итальянски. Я помню, что ты сказал мне, что означала эта цитата. Ты сказал, что она означает, любовь это самая могущественная сила на Земле. Сильнее всего на свете.

Между его бровями появилась маленькая морщинка.

– Я не...

– Да, ты помнишь. – Действуй осторожно, сказала она себе, но не могла повлиять на напряжение в своем голосе. – Ты помнишь. В ней самая могущественная сила, сказал ты. Сильнее Небес или Преисподней. Значит, она должна быть могущественнее Лилит.

Ничего. Он смотрел на нее так, будто не слышал ее. Это было все равно, что кричать в черный пустой тоннель: Джейс, Джейс, Джейс. Я знаю, что ты там.

– Есть способ защитить меня и при этом сделать то, что она хочет, – сказала она. – Разве это не будет лучшим выходом? – Она сильнее прижалась к нему, ощущая, как сжимается ее желудок. Это было, как обнимать Джейса, и в то же время не было, радость и страх смешанные вместе. И она чувствовала, как его тело реагирует на нее, слышала биение его сердца ушами и венами; он не перестал хотеть ее, какими бы слоями контроля Лилит не покрыла его разум.

– Я прошепчу тебе, – сказала она, проводя губами по его шее. Она вдохнула его запах, такой же родной, как и запах собственной кожи. – Слушай.

Она подняла свою голову вверх, а он наклонился, чтобы услышать ее – и ее рука соскользнула с его талии, чтобы схватить рукоятку ножа за его ремнем. Она выдернула его, как он ее учил во время тренировок, взвесив на ладони, а затем полоснула лезвием по левой стороне его груди, прочертив широкую неглубокую арку. Джейс вскрикнул – скорее от удивления, чем от боли, решила она – и кровь хлынула из пореза, заливая его кожу и скрывая руны. Он поднес руку к груди; когда она запачкалась красным, он уставился на нее огромными глазами, будто был и вправду ранен и не способен поверить в такое предательство.

Клэри отвернулась от него, когда раздался крик Лилит. Саймон больше не склонялся над Себастьяном; он распрямился и смотрел на Клэри, прижав тыльную часть ладони к губам. Черная демоническая кровь стекала с его подбородка на белую рубашку. Его глаза расширились.

– Джейс, – голос Лилит возвысился в удивлении. – Джейс, хватай ее... я приказываю...

Джейс не сдвинулся. Он смотрел то на Клэри, то на Лилит, то на свою окровавленную руку. Саймон начал пятиться от Лилит; внезапно он замер и согнулся пополам, падая на колени. Лилит отвернулась от Джейса и пошла к Саймону, ее строгое лицо исказилось.

– Поднимайся! – закричала она. – Встань на ноги! Ты выпил его кровь. Теперь ему нужна твоя!

Саймон попытался сесть, затем обмяк и упал на землю. Его рвало, он кашлял черной кровью.

Клэри вспомнила его в Идрисе, когда он сказал, что кровь Себастьяна была похожа на яд. Лилит замахнулась, чтобы ударить его, а затем попятилась, словно невидимая рука сильно оттолкнула ее. Лилит закричала – не словами, просто крик, как у совы. Это был звук чистой

ненависти и гнева.

Такой звук не смог бы издать человек; будто острые осколки стекла вонзили Клэри в уши. Она выкрикнула:

– Оставьте Саймона в покое! Ему плохо. Разве вы не видите, что ему плохо?

Она тут же пожалела, что заговорила. Лилит медленно развернулась, ее взгляд скользнул по Джейсу, холодный и высокомерный.

– Я сказала тебе, Джейс Эрондейл, – зазвенел ее голос. – Не позволяй девушке выйти из круга. Забери ее оружие.

Клэри с трудом осознала, что все еще держала нож. Ей было так холодно, что она почти онемела, но под этим скрывался невероятный гнев в адрес Лилит – и всего происходящего, – который заставил ее руку двигаться. Она швырнула нож на землю. Он проскользнул по плитке, натолкнувшись на ноги Джейса. Он слепо уставился на него, будто раньше никогда его не видел.

Губы Лилит были, словно тонкий красный порез. Белки ее глаз пропали, они были полностью черными. Она не была похожа на человека.

– Джейс, – прошипела она. – Джейс Эрондейл, ты слышал меня. И ты подчинишься мне.

– Возьми его, – сказала Клэри, глядя на Джейса. – Возьми его и убей ее или меня. Это твой выбор.

Медленно Джейс нагнулся и поднял нож.

У Алека в одной руке был Сендалфон, и хачивара – удобный для отражения множественной атаки

– в другой. По меньшей мере, шестеро сектантов лежало у его ног без сознания или мертвые.

Алек в свое время сразился с достаточным числом демонов, но в драке с сектантами церкви Тальто было что-то загадочное. Они двигались все разом, скорее не люди, а загадочное темное течение – загадочное, потому что они были так молчаливы и при этом на удивление быстры и сильны. Кроме того, казалось, что они совершенно не боятся смерти. Хотя Алек и Изабель не прекращали кричать, чтобы они отошли, они продолжали надвигаться молчаливой сбившейся ордой, бросаясь на сумеречных охотников с самоубийственным безумием леммингов, прыгающих со скалы. Они оттеснили Алека и Изабель вдоль холла в большую открытую комнату с пьедесталами, когда звуки драки привлекли внимание Джордана и Майи: они примчались – Джордан в виде волка, а Майя все еще человека, но с когтями.

Сектанты едва ли заметили их появление. Они дрались, падая один за другим, пока Алек, Майя и Джордан размахивали вокруг себя кинжалами, когтями и ножами. Кнут Изабель рисовал мерцающие узоры в воздухе, разрезая тела и отправляя фонтаны крови в воздух. Майя сражалась особенно хорошо. Как минимум дюжина сектантов валялась у ее ног, и она вцепилась в следующего с горящей яростью, ее руки с когтями были по запястья в крови.

Сектант разбежался и прыгнул на Алека, вытянув руки. Его капюшон был надвинут; он не мог увидеть его лицо или угадать пол или возраст. Он вонзил лезвие Сендалфона в левую сторону его груди. Он закричал – мужской крик, громкий и хриплый. Мужчина упал, хватаясь за грудь, где огонь пожирал края дыры в его куртке. Алек отвернулся, ощутив тошноту. Он ненавидел смотреть, что происходило с людьми, когда их кожу пронзал ангельский клинок.

Внезапно он ощутил боль вдоль спины и повернулся, чтобы увидеть другого сектанта, хватающегося за острый кусок арматуры. Этот был без капюшона – мужчина, его лицо такое худое, что его скулы, казалось, сейчас проткнут кожу. Он зашипел и прыгнул на Алека, который отскочил в сторону, и оружие пролетело мимо него, не причинив вреда. Он развернулся и выбил его из руки сектанта; оно зазвенело по полу, а сектант попятился, чуть не споткнувшись об тело и убежал.

Алек заколебался на мгновение. Сектант, который только что напал на него, чуть было не добрался до двери. Алек знал, что нужно было преследовать его – он мог только догадываться, к кому мог побежать мужчина или за каким подкреплением – но он ощутил сильную усталость, отвращение и немного тошноту. Эти люди могут быть безумными; они, может, уже почти и не люди, но все равно это было так похоже на убийство людей.

Ему стало интересно, что сказал бы Магнус, но, по правде говоря, он уже знал. Алек уже дрался с подобными существами, демонопоклонниками. Почти все человеческое в них было сожрано демоном ради энергии, оставляющей только смертоносное желание убивать и человеческое тело, медленно погибающее в агонии. Им нельзя было помочь: вылечить, поправить. Он услышал голос Магнуса как будто колдун стоял рядом с ним: «Убить это самое лучшее, что ты можешь сделать для них».

Цепляя хачивару назад к поясу, Алек погнался, выпрыгивая из дверного проема в холл, вслед за сбежавшим сектантом. Холл был пуст, самый дальний лифт стоял с открытыми дверями и издавал странный высокочастотный звук, звучащий по всему коридору. В холле было несколько дверей. Внутренне пожав плечами, Алек выбрал одну из них наобум и бросился внутрь.

Он оказался в коридоре из маленьких комнат, которые были почти не закончены – гипсокартон в спешке побросали, а из дыр в стенах торчали пучки цветных проводов. Ангельский клинок отбрасывал полоску света на стены комнаты, пока он осторожно двигался через нее, его нервы были на пределе. В один момент свет выхватил движение в темноте, и он подпрыгнул. Опуская клинок, он увидел пару красных глаз и маленькое серое тельце, убегающее в дыру в стене. Рот Алека скривился. Вот он, Нью-Йорк. Даже в таком новом здании уже были крысы.

В итоге комнаты привели в более просторное место – не такое большое, как комната с пьедесталами, но побольше других. Там тоже была стена из стекла с прилепленными кусками картона.

Темный образ скорчился в углу комнаты возле недоделанной и торчащей трубы. Алек осторожно приблизился. Это была игра света? Нет. Образ был явно человеческим – согнутая, скрюченная фигура в темной одежде. Руна ночного видения на Алеке защищала, когда он сощурился, двигаясь дальше. Образ превратился в худую босую девушку, ее руки были прикованы перед ней к трубе. Она подняла голову, когда Алек подошел, и тусклый свет, проливающийся сквозь окна, осветил ее бледные светлые волосы.

– Александр? – сказала она, голосом полным недоверия. – Александр Лайтвуд?

Это была Камилла.

– Джейс, – голос Лилит пронесся, словно кнут по голой коже; даже Клэри при звуке его вздрогнула. – Я приказываю тебе...

Джейс замахнулся – Клэри напряглась, сжимаясь – и метнул нож в Лилит. Он пронзил воздух, вращаясь, и погрузился в ее грудь; она попятилась, потеряв равновесие. Каблуки Лилит заскользили по гладкому полу; демонесса вернула баланс с рычанием, дотягиваясь до ножа, чтобы вытащить его из груди. Плюясь словами на незнакомом Клэри языке, она позволила ему упасть. Он приземлился, шипя, его лезвие наполовину разъело будто от сильной кислотой.

Она повернулась к Клэри.

– Что ты с ним сделала? Что ты сделала? – Ее глаза были полностью черными секунду назад. Сейчас они, казалось, разбухли и вылезли из орбит. Маленькие черные змеи заскользили из ее глазниц; Клэри вскрикнула и попятилась, чуть не споткнувшись о низкую изгородь. Такую Лилит она видела в видении, которое показал Итуриил, со змеями в глазах и громоподобным голосом. Она наступала на Клэри...

И внезапно между ними оказался Джейс, блокируя продвижение Лилит. Клэри взглянула на него. Он снова был собой. Он, казалось, горел праведным огнем, как Разиэль возле озера Лин той ужасной ночью. Он вытащил ангельский клинок из-за пояса; его белое серебро отражалось в его глазах; кровь капала с разрыва на его рубашке и скользила по голой

коже. То, как он смотрел на Лилит – если бы ангелы могли подняться из Ада, подумала Клэри, они выглядели бы так же.

– Майкл, – сказал он, и Клэри не знала, была ли это сила имени или гнев в его голосе, но клинок засиял ярче, чем любой другой ангельский кинжал. Она на секунду посмотрела в сторону, ослепленная, и увидела Саймона, лежащего, согнувшись, возле стеклянного гроба Себастьяна.

Ее сердце дрогнуло в груди. Что если демоническая кровь Себастьяна отравила его? Метка Каина не поможет ему. Он сделал это с собой добровольно. Ради нее. Саймон.

– Ах, Майкл, – голос Лилит был полон смеха, когда она стала надвигаться на Джейса. – Капитан хозяев Господа. Я знала его.

Джейс поднял ангельский клинок; он сиял, как звезда, так ярко, что Клэри задалась вопросом, мог ли весь город видеть его, как прожектор, пронзающий небо.

– Не подходи ближе.

Лилит к удивлению Клэри замерла.

– Майкл убил демона Самаэля, которого я любила, – сказала она. – Почему, маленький сумеречный охотник, ваши ангелы такие холодные и беспощадные? Почему они уничтожают тех, кто не подчиняется им?

– Я и понятия не имел, что ты такая сторонница доброй воли, – сказал Джейс, и то, как он сказал это, его голос, полный сарказма, успокоил Клэри, больше всего остального. – Тогда, как насчет того, чтобы всем нам спуститься с этой крыши? Мне, Саймону, Клэри? Что скажешь, демонесса? Все кончено. Ты не контролируешь меня больше. Я не причиню боль Клэри, и Саймон не будет тебя слушать. И этот кусок грязи, который ты пытаешься оживить... я предлагаю тебе избавиться от него, прежде чем он начнет гнить. Потому что он не вернется к жизни, и его срок годности давно истек.

Лицо Лилит скривилось. Она плюнула в Джейса, и ее плевок был черным пламенем, упавшим на землю и превратившимся в змею, ползущую к ним с раскрытой пастью. Он раздавил ее ботинком и бросился на демонессу, вытянув клинок; но Лилит пропала, словно тень, когда на нее попадает свет, растворяясь и появляясь позади него. Пока он разворачивался, она почти лениво потянулась и ударила раскрытой ладонью ему в грудь.

Джейс отлетел, Майкл был выбит из его руки и заскользил по плитке. Джейс пролетел в воздухе и ударился о низкую стенку крыши с такой силой, что в камне появились трещины. Он тяжело приземлился, явно ошарашенный.

Задышавшись, Клэри бросилась к упавшему ангельскому клинку, но не успела достичь его. Лилит поймала Клэри двумя тонкими ледяными руками и бросила с невероятной силой. Клэри влетела в низкую изгородь. Ветки сильно ободрали ее кожу, отчего на ней появились длинные порезы. Она пыталась высвободиться, так как ее платье запуталось в листве. Она услышала, как рвется шелк, когда вырвалась на свободу и повернулась, чтобы увидеть, как Лилит поднимает Джейса на ноги, схватив за окровавленную рубашку.

Она улыбнулась ему, и зубы ее были черными, и сверкали, как металл.

– Я рада, что ты стоишь на ногах, маленький нефилим. Я хочу видеть твое лицо, когда буду тебя убивать, а не бить в спину, как ты поступил с моим сыном.

Джейс вытер лицо рукавом; длинный порез на его щеке кровоточил, и ткань окрасилась красным.

– Он не твой сын. Ты дала ему немного крови. Это не делает его твоим. Мать колдунов, – он повернулся и сплюнул кровью. – Ты ничья мать.

Змеиные глаза Лилит двигались злобно туда-сюда. Клэри с болью отцепившись от изгороди, увидела, что у каждой змеи было по два своих глаза, сверкающих и красных. Желудок Клэри свело, когда змеи задвигались, их взгляды будто ползали по телу Джейса.

– Порезать мою руну. Как жестоко, – фыркнула она.

– Но эффективно, – сказал Джейс.

– Ты не можешь победить меня, Джейс Эрондейл, – сказала она. – Ты можешь быть лучшим сумеречным охотником, которого знал этот мир, но я больше, чем Высший Демон.

– Значит, сражайся со мной, – сказал Джейс. – Я дам тебе оружие. У меня будет ангельский клинок. Сразись со мной один на один, и посмотрим, кто победит.

Лилит смотрела на него, медленно качая головой, ее темные волосы вились вокруг нее, как дым.

– Я старейшая из демонов, – сказала она. – Я не человек. У меня нет мужской гордыни, чтобы провести меня вот так, и меня не интересует драка. Это целиком и полностью слабость твоего пола, не моего. Я женщина. Я использую любое и все оружие, чтобы получить то, что хочу.

Она отпустила его, оттолкнув с презрением, и Джейс пошатнулся на миг, быстро обретая равновесие и наклоняясь за сверкающим лезвием Майкла.

Он схватил его как раз в тот момент, когда Лилит рассмеялась и вскинула руки. Темные тени вырвались из ее открытых ладоней. Даже Джейс выглядел шокированным, когда тени превратились в две темные нечеткие фигуры демонов с сияющими красными глазами. Они упали на землю, набирая ход и рыча. Они были собаками, подумала Клэри в удивлении, двумя изможденными, опасными на вид собаками, слегка походящими на добермана-пинчера.

– Церберы, – выдохнул Джейс. – Клэри...

Он осекся, когда одна из собак прыгнула на него, разинув пасть, как у акулы, и издав гавкающий рык. Секунду спустя вторая собака прыгнула в воздух, явно нацелившись на Клэри.

– Камилла. – Голова Алека кружилась. – Что ты здесь делаешь?

Он тут же понял, что это прозвучало по-идиотски. Он поборол желание ударить себя по лбу. Последнее, чего бы он хотел, так это выглядеть идиотом перед бывшей подружкой Магнуса.

– Это была Лилит, – сказала женщина слабым дрожащим голосом. – Она послала членов своей секты ворваться в Святилище. Оно не было закрыто для людей, а они почти люди. Они разрезали мои цепи и привели меня сюда, к ней, – она подняла руки; связывающие ее запястья цепи зазвенели. – Они пытали меня.

Алек присел, чтобы оказаться на одном уровне с Камиллой. У вампиров не бывало синяков – они исцелялись слишком быстро – но ее волосы были в крови с левой стороны, отчего он решил, что она говорит правду.

– Скажем, я поверю тебе, – сказал он. – Что она хотела от тебя? Ничего из того, что я знаю о Лилит, не говорит о том, что она заинтересована в вампирах.

– Ты знаешь, почему Конклав схватил меня, – сказала она. – Ты наверняка это слышал.

– Ты убила троих сумеречных охотников. Магнус сказал, что ты якобы делала это, потому что кто-то приказал тебе... – он осекся. – Лилит?

– Если я расскажу тебе, сможешь ли ты мне? – нижняя губа Камиллы задрожала. Ее глаза были огромными, зелеными и молящими. Она была очень красива. Алек задался вопросом, смотрела ли она когда-нибудь так же на Магнуса. От этого ему захотелось встряхнуть ее.

– Может быть, – сказал он, удивленный холодом в своем голосе. – У тебя не особо много возможностей торговаться здесь. Я могу уйти и оставить тебя Лилит, мне все равно.

Да, все равно, – сказала она. Ее голос был глухим. – Магнус любит тебя. Он бы не полюбил тебя, будь ты из тех, кто бросает беспомощных.

– Он любил тебя, – сказал Алек.

Она задумчиво улыбнулась.

– Кажется, он стал умнее с тех пор.

Алек слегка покачнулся назад на своих пятках.

– Слушай, – сказал он. – Скажи мне правду. Если скажешь, я освобожу тебя и приведу к Конклаву. Они обойдутся с тобой лучше, чем Лилит.

Она посмотрела на свои запястья, прикованные к трубе.

– Конклав заковал меня, – сказала она. – Лилит заковала меня. Я не вижу особой

разницы в обращении со мной между ними.

– Значит, это твой выбор. Довериться мне или довериться ей, – сказал Алек. Он понимал, что это была рискованная затея.

Он подождал несколько напряженных секунд, прежде чем она сказала:

– Очень хорошо. Если Магнус доверяет тебе, я тоже доверюсь. – Она подняла голову, изо всех сил стараясь выглядеть достойно, несмотря на рваную одежду и окровавленные волосы. – Лилит пришла ко мне, не я к ней. Она узнала, что я хочу вернуть свое место главы манхэттенского клана вместо Рафаэля Сантьяго. Она сказала, что поможет мне, если я помогу ей.

– Поможешь, убивая сумеречных охотников?

– Она хотела их крови, – сказала Камилла. – Это было ради тех младенцев. Она давала кровь сумеречных охотников и демонов их матерям, пытаясь добиться того, чего добился Валентин со своим сыном. Хотя, это и не сработало. Младенцы стали уродливыми, а затем умерли. – Поймав его отвращенный взгляд, она продолжила, – Я сначала не знала, для чего ей их кровь. Что бы ты обо мне не думал, но я плохо отношусь к убийству невинных.

– Ты не обязана была делать это, – сказал Алек. – Только потому, что она предложила.

Камилла устало улыбнулась.

– Когда ты такого же возраста, как я, – сказала она, – ты дожил до него, потому что научился правильно играть в игры, правильно заключать союзы в нужное время. Объединяться не просто с могущественными, а с теми, кто сделает тебя таким же. Я знала, что если не соглашусь помогать Лилит, она убьет меня. Демонам нельзя доверять по их природе, и она могла решить, что я пойду к Конклаву и расскажу о ее плане убить сумеречных охотников, даже если пообещаю хранить все в тайне. Я рискнула, потому что Лилит представляет для меня большую угрозу, чем вы.

– И ты не возражала против убийства сумеречных охотников.

– Они были членами Круга, – сказала Камилла. – Они убивали вампиров. И ваших тоже.

– А Саймон Льюис? Почему ты была заинтересована в нем?

– Каждый хочет, чтобы на его стороне был Светоч. – Камилла пожала плечами. – И я знала, что у него Метка Каина. Один из близких к Рафаэлю вампиров все еще доверяет мне. Он передал мне информацию. Несколько других обитателей Нижнего Мира знают об этом. Это делает его очень полезным союзником.

– Поэтому Лилит хотела добраться до него?

Глаза Камиллы расширились. Ее кожа была очень бледной, а под ней Алек мог видеть, что ее вены потемнели, их рисунок выделялся под кожей, как трещина в китайском фарфоре. Иногда голодающие вампиры становятся дикарями, а потом теряют сознание, если были без крови довольно долго. Чем старше они, тем дольше могут продержаться без нее, но Алек не мог не подивиться, как давно она в последний раз питалась. – Что ты имеешь в виду?

– Судя по всему, она вызвала Саймона для встречи с ней, – сказал Алек. – Они где-то в здании.

Камилла еще секунду смотрела на него, затем засмеялась.

– Настоящая ирония, – сказала она. – Она никогда не упоминала его при мне, а я при ней, и все равно мы обе преследовали его, каждая для своей цели. Если она хочет его, то это ради его крови, – добавила она. – Ритуал, который она хочет совершить, связан с магией на крови. Его кровь, смешанная с кровью обитателя Нижнего Мира или сумеречного охотника может принести ей огромную пользу.

Алек ощутил тошноту.

– Но она не может навредить ему. Метка Каина...

– Она найдет другой способ, – сказала Камилла. – Она Лилит, мать колдунов. Она давно живет на свете, Александр.

Алек поднялся на ноги.

– Тогда мне лучше выяснить, что она делает.

Цепи Камиллы зазвенели, когда она попыталась встать на колени. – Подожди... но ты

обещал, что освободишь меня.

Алек повернулся и посмотрел на нее.

– Я не обещал этого. Я сказал, что позволю Конклаву забрать тебя.

– Но если ты оставишь меня здесь, ничто не помешает Лилит первой добраться до меня.

Она откинула свои спутанные волосы назад; на ее лице была написана усталость и стресс.

– Александр, пожалуйста. Я умоляю тебя...

– Кто такой Уилл? – спросил Алек. Слова вырвались резко и неожиданно, к его ужасу.

– Уилл? – на секунду ее лицо было пустым; затем оно изобразило понимание, а затем веселье. – Ты слышал мой разговор с Магнусом.

– Часть его, – Алек осторожно выдохнул. – Уилл мертв, не так ли? Я имею в виду, Магнус сказал, что это было давно, и что он знал его...

– Я знаю, что беспокоит тебя, маленький сумеречный охотник, – голос Камиллы стал мягким и мелодичным. За ней, сквозь окна, Алек видел далекое мерцание огней самолета, летящего над городом. – Сначала ты был счастлив. Ты думал о мгновении, а не о будущем. Теперь ты понял. Ты постареешь и однажды умрешь. А Магнус нет. Он будет жить дальше. Вы не постареете вместе. Вместо этого, вы отдадитесь друг от друга.

Алек подумал о людях в том самолете, высоко в холодном воздухе, глядящих на город, как на поле сверкающих бриллиантов далеко внизу. Конечно, он никогда не летал в самолете. Он мог только догадываться, каково это: одиноко, отстраненно, отдельно от мира.

– Ты не можешь знать этого, – сказал он. – Что мы отдадимся.

Она с жалостью улыбнулась.

– Сейчас ты красив, – сказала она. – Но будешь ли ты таким через двадцать лет? Через сорок? Пятьдесят? Будет ли он любить твои голубые глаза, когда они поблекнут, твою нежную кожу, когда годы оставят в ней морщины? Твои руки, когда они сморщатся и ослабеют, твои волосы, когда они поседеют...

– Заткнись, – Алек услышал, как надломился его голос, и смутился. – Просто заткнись. Я не хочу этого слышать.

– Это не обязательно случится. – Камилла наклонилась к нему, ее зеленые глаза светились. – Что если я скажу тебе, что тебе не обязательно стареть? Не обязательно умирать?

Алек ощутил волну гнева.

– Я не заинтересован в том, чтобы становиться вампиром. Даже не пытайся предлагать мне это. Даже если единственной альтернативой будет смерть, ответ все равно нет.

На миг ее лицо скривилось. Спустя мгновение оно вернулось в норму, когда она снова обрела контроль над собой; она слабо улыбнулась и сказала:

– Это не было моим предложением. Что если я скажу тебе, что есть другой способ? Другой вариант для вас двоих быть вместе вечно?

Алек сглотнул. Его рот был сухим, как бумага.

– Рассказывай, – сказал он.

Камилла подняла руки. Ее цепи зазвенели.

– Разрежь их.

– Нет. Сначала расскажи.

Она покачала головой.

– Я не сделаю этого, – ее лицо было твердым, как мрамор, как и голос. – Ты сказал, что мне нечем торговаться. Но у меня есть кое-что. И я не отдам это просто так.

Алек засомневался. В голове он слышал мягкий голос Магнуса. «Она мастерица скрытых мотивов и манипуляции. Она всегда ей была».

Но Магнус, так и не сказал мне, не предупредил, что будет вот так, что однажды я проснусь и пойму, что иду куда-то, куда он не сможет пойти со мной. Что мы по существу разные. Не существует «пока смерть не разлучит нас» для тех, кто не умирает.

Он сделал шаг к Камилле, затем еще один. Подняв правую руку, он взмахнул ангельским клинком так сильно, как только мог. Он прорезал метал ее цепей; ее запястья отделились, все еще в наручниках, но свободные. Она подняла руки, ее лицо выражало злорадство, триумф.

– Алек – произнесла Изабель у дверей; Алек повернулся и увидел ее, стоящую там с кнутом в руке. Он был запачкан кровью, как и ее руки, и шелковое платье. – Что ты здесь делаешь?

– Ничего. Я... – Алек ощутил волну стыда и ужаса; почти не думая, он шагнул к Камилле, словно мог скрыть ее от глаз своей сестры.

– Они все мертвы, – сказала Изабель печально. – Сектанты. Мы всех убили. Теперь пойдем. Нам нужно найти Саймона, – она прищурилась в сторону Алека. – Ты в порядке? Ты выглядишь очень бледным.

– Я освободил ее, – выпалил Алек. – Мне не следовало. Просто...

– Кого освободил? – Изабель шагнула в комнату. Свет городских огней отразился от ее платья, заставляя ее сиять, как приведение. – Алек, о чем ты бормочешь?

Ее выражение было пустым, озадаченным. Алек повернулся, проследовав за ее взглядом, и увидел... ничего. Труба все еще была там, цепь лежала рядом, только пыль на полу слегка смазана. Но Камилла пропала.

У Клэри едва хватило времени вскинуть руки, прежде чем цербер налетел на нее, как пушечное ядро из мышц, костей и жаркого, разящего дыхания. Она стала падать – вспомнив, как Джейс учил ее, как правильно упасть, как защитить себя, – но советы вылетели из ее головы, когда она приземлилась на локти, и вспышка боли пронзила ее от рвущейся кожи. Секунду спустя цербер был на ней, его лапы опустили на ее грудь, его скрюченный хвост мотался из стороны в сторону в гротескной имитации махания. Кончик его хвоста был украшен острыми шипами, как средневековая булава, а сам он издавал низкое и громкое рычание, от которого вибрировали даже ее кости.

– Держи ее там! Разорви ее глотку, если она попытается сбежать! – рявкнула Лилит, когда второй цербер прыгнул на Джейса; он боролся с ним, переворачиваясь снова и снова, вихрь зубов, рук, ног и опасного бьющего хвоста. Клэри с болью повернула голову на другую сторону и увидела Лилит, устремившуюся к стеклянному гробу и Саймону, все еще лежащему возле него. Внутри гроба плавал Себастьян, неподвижный, как утопленник; молочный цвет воды стал темным, возможно, от его крови.

Пес, прижавший ее к земле, зарычал над ее ухом. От этого звука ее охватил приступ страха – и, вместе с ним, ярости. Ярости по отношению к Лилит и к себе. Она была сумеречным охотником. Одно дело быть побежденной демоном-ревенером, когда она не слышала даже о нефилимах, но теперь у нее были тренировки. Она должна быть способна на большее.

Все может быть оружием. Так сказал ей Джейс в парке. Вес цербера был сокрушающим; она охнула и подняла руку к шее, будто пытаясь вдохнуть. Он лаял и рычал, оскалив зубы; ее пальцы сомкнулись на цепочке с кольцом Моргенштернов на ее шее. Она сильно дернула, и цепь порвалась; она махнула ей в морду псу, сильно ударя цепью по его глазам. Цербер отскочил назад, завывая от боли, а Клэри перевернулась на бок, вскакивая на колени. С окровавленными глазами, пес напрягся, готовясь к прыжку. Цепь выпала из руки Клэри, кольцо укатилось; она попыталась поднять цепь, когда пес прыгнул...

Сияющее лезвие пронзило ночь, пролетая в дюймах от лица Клэри и отделяя голову пса от тела. Пес взвыл в последний раз и исчез, оставляя позади неровную метку на земле и запах демона, повисший в воздухе.

Руки опустились и нежно подняли Клэри на ноги. Это был Джейс. Он просунул горящий ангельский клинок за ремень и держал ее обеими руками, глядя на нее странным взглядом. Она не смогла бы описать его или даже нарисовать – надежда, шок, любовь, тоска и гнев смешанные вместе в этом его выражении. Его рубашка была порвана в нескольких местах и пропитана кровью; его пиджак пропал, его светлые волосы были заляпаны потом и

кровью. Секунду они просто смотрели друг на друга, его хватка на ее руках была даже болезненной. Затем они оба одновременно заговорили.

– Ты... – начала она.

– Клэри, – все еще держа ее за руки, он отодвинул ее от себя, из круга, на дорожку, ведущую к лифтам. – Иди, – сказал он резко. – Убирайся отсюда, Клэри.

– Джейс...

Он с трудом вдохнул.

– Пожалуйста, – сказал он, а затем отпустил ее, выхватывая из-за ремня ангельский клинок и поворачиваясь назад, к кругу.

– Поднимайся, – прорычала Лилит. – Поднимайся.

Рука трясла Саймона за плечо, посылая волны агонии в его голову. Он плавал в темноте; теперь же он открыл глаза и увидел ночное небо, звезды и белое лицо Лилит, нависающее над ним. Ее глаза пропали, а вместо них появились черные скользкие змеи. Шока от увиденного было достаточно, чтобы Саймон подскочил на ноги.

В ту же секунду, как он встал, его стошнило, и он чуть снова не упал на колени. Закрывая глаза, чтобы не тошнило, он услышал, как Лилит прорычала его имя, а затем ее рука была на его руке и потащила вперед. Он позволил ей сделать это. Его рот был полон тошнотворного, горького привкуса крови Себастьяна; она также распространялась по его венам, делая его слабым, больным и заставляя дрожать до глубины костей. Его голова словно весила тысячу фунтов, а головокружение то наступало, то отступало волнами.

Внезапно холодная хватка Лилит пропала с его руки. Саймон открыл глаза и увидел, что стоял над стеклянным гробом, как и до этого. Себастьян плавал в темной, молочной жидкости, его лицо было безмятежным, на шее не было пульса. На шее, где Саймон укусил его, было две темных дыры.

«Дай ему своей крови». – Раздался голос Лилит в его голове. – «Сделай это».

Саймон поднял неуверенно голову. Его взгляд затуманился. Он попытался увидеть Клэри и Джейса сквозь наступающую тьму.

– Используй свои клыки, – приказала Лилит. – Порви свое запястье. Дай Джонатану своей крови. Исцели его.

Саймон поднес запястье ко рту. Исцелить его. Поднять кого-то из могилы это больше, чем просто исцелить, размышлял он. Может, рука Себастьяна тоже заново отрастет. Может, она это имела в виду. Он ждал, пока покажутся его клыки, но их не было. Ему было слишком плохо, чтобы быть голодным, решил он, и поборол безумное желание рассмеяться.

– Я не могу, – сказал он, полузадыхаясь. – Я не могу...

– Лилит! – сквозь ночь прорвался голос Джейса; Лилит развернулась с невероятным шипением. Саймон медленно опустил запястье, стараясь сфокусировать свое зрение. Он сконцентрировался на ярком пятне перед ним, и оно превратилось в сверкающее пламя ангельского клинка, который Джейс держал в руке. Саймон теперь мог разглядеть его лучше, отдаленную фигуру, вырисовывавшуюся в темноте. Его пиджак пропал, он был грязен, его рубашка порвана и черна от крови, но его глаза были ясными, уверенными и сфокусированными. Он больше не был похож на зомби или лунатика в кошмарном сне.

– Где она? – спросила Лилит, ее змеиные глаза скользили вперед на своих стеблях. – Где девчонка?

Клэри. Затуманенный взгляд Саймона осмотрел темноту вокруг Джейса, но ее не было. Его зрение начало проясняться. Он видел кровь, запачкавшую плитку на земле, куски разорванного сатина на острых ветках изгороди. Что-то похожее на отпечатки лап, испачканных кровью. Саймон ощутил, как сжало его грудь. Он быстро перевел взгляд на Джейса. Джейс был зол – очень зол – но не убит горем, как ожидал Саймон, если бы что-то случилось с Клэри. Так, где она?

– Она не замешана в этом, – сказал Джейс. – Ты говоришь, что я не могу убить тебя, демонесса. Я говорю, что могу. Давай посмотрим, кто из нас прав.

Лилит двигалась так быстро, что ее образ был размыт. В одну секунду она была возле

Саймона, а в следующую на шаг выше Джейса. Она взмахнула в его сторону своей рукой; он уклонился, заходя ей за спину и ударяя ангельским клинком ей в плечо. Она закричала, набрасываясь на него, кровь захлестала из ее раны. Она мерцала черным, как оникс. Она хлопнула руками, будто хотела сломать клинок между ними. Они ударились друг о друга со звуком, похожим на гром, но Джейс уже исчез и был в нескольких футах, свет от ангельского клинка танцевал в воздухе перед ним, как насмехающийся подмигивающий глаз.

Если бы это был другой сумеречный охотник, а не Джейс, заметил про себя Саймон, он был бы уже мертв. Он подумал о том, как Камилла сказала, что человек не может соревноваться с божеством. Сумеречные охотники были людьми, несмотря на ангельскую кровь в их венах, а Лилит была не просто демоном.

Саймона пронзила боль. С удивлением он понял, что его клыки наконец-то обнажились и вонзились в нижнюю губу. Боль и вкус крови взбодрили его еще больше. Он начал подниматься на ноги, медленно, держа взгляд на Лилит. Она определенно не заметила его и то, что он делал. Ее взгляд был нацелен на Джейса. Снова зарывчав, она прыгнула на него. Это было похоже на то, как налетают друг на друга моли, так быстро они скользили по крыше, сражаясь друг с другом. Даже быстрое зрение Саймона с трудом поспевало за их движениями, когда они перепрыгивали через изгородь и устремлялись среди дорожек. Лилит прижала Джейса к низкой стене, окружающей солнечные часы, цифры которых были отделаны сияющим золотом. Джейс двигался так быстро, что его силуэт был размыт, а сияние Майкла обвивало Лилит так, будто она была завернута в сеть из сияющих нитей. Любой другой в секунды был бы порезан на лоскуты. Но Лилит двигалась, как темная вода, как дым. Она, казалось, испарялась и появлялась по своему желанию, и хотя Джейс явно еще не устал, Саймон ощутил его разочарование.

В итоге это случилось. Джейс резко метнул ангельский клинок в Лилит, и она схватила его в воздухе, смыкая пальцы на рукоятке. С ее руки слетели капли черной крови, когда она дернула клинок к себе. Капли, падая на землю, превращались в маленькие обсидиановые змейки, которые уползали в заросли кустов.

Взяв клинок обеими руками, она подняла его. Кровь стекала по ее бледным запястьям и предплечьям, как струйки смолы. С хищным оскалом она сломала клинок пополам; одна половина превратилась в сияющую пудру в ее руках, пока другая – рукоятка и неровный кусок лезвия – зашипела, превращаясь в пламя.

Лилит улыбнулась.

– Несчастный маленький Майкл, – сказала она. Он всегда был слаб.

Джейс задыхался, сжав кулаки, его волосы прилипли ко лбу от пота.

– Ты и твоё бахвальство, – сказал он. – Я знала Майкла. Я знала Самаэля. Ангел Гавриил делал мне прически. Будто бы я в группе из библейских персонажей.

Джейс проявлял храбрость, подумал Саймон, храбрость и сварливость, потому что считал, что Лилит убьет его, и именно так он хотел уйти, бесстрашным и на своих ногах. Как воин. Как делали сумеречные охотники. Его песня смерти всегда будет такой – шутки, ехидство и показное высокомерие, и этот взгляд в его глазах, который говорил «Я лучше тебя». Саймон просто не осознавал этого раньше.

– Лилит, – продолжал Джейс, умудрившись произнести слово, как проклятие. – Я изучал тебя. В школе. Небеса проклинали тебя, наградив бесплодием. Тысяча младенцев, и все они умирали. Разве не так?

Лилит держала свой темный сияющий клинок, ее лицо было безразличным.

– Будь осторожен, маленький сумеречный охотник.

– Или что? Ты убьешь меня? – кровь капала с лица Джейса из пореза на щеке; он не пытался смахнуть ее. – Давай.

Нет. Саймон попытался сделать шаг; его колени подкосились, и он упал, ударяясь руками о землю. Он глубоко вдохнул. Ему не нужен был кислород, но это как-то помогло, уравнивая его. Он дотянулся и схватился за край каменного пьедестала, подтягиваясь за него наверх. Его затылок гудел. Времени точно не хватит. Все, что нужно было сделать

Лилит, это толкнуть сломанный клинок, который она держала.

Но она не делала этого. Глядя на Джейса, она не двигалась, и внезапно его глаза вспыхнули, его губы расслабились.

– Ты не можешь убить меня, – сказал он, повышая голос. – Как ты сказала ранее – я противовес. Я единственное, что удерживает его, – он взмахнул рукой, указывая на стеклянный гроб Себастьяна, – в этом мире. Если я умру, он умрет. Разве не так? – он шагнул назад. – Я могу прыгнуть с этой крыши прямо сейчас, – сказал он. – Убить себя. Покончить с этим.

Впервые Лилит была действительно взволнована. Ее голова закрутилась из стороны в сторону, ее змеиные глаза заколебались, будто искали ветер.

– Где она? Где девчонка?

Джейс смахнул кровь и пот с лица и улыбнулся ей; его губа была разбита, и кровь стекала на подбородок.

– Забудь о ней. Я отправил ее вниз, пока ты не видела. Она ушла и в безопасности от тебя.

Лилит зарычала.

– Ты лжешь.

Джейс снова отступил назад. Еще несколько шагов, и он окажется у низкой стены, на краю здания. Джейс мог многое пережить, Саймон знал это, но падение с сорокаэтажного здания было бы слишком даже для него.

– Ты забываешь, – сказала Лилит. – Я была там, сумеречный охотник. Я видела, как ты упал и умер. Я видела, как Валентин плакал над твоим телом. А затем я наблюдала, как ангел спросил Клариссу, что она хотела от него, чего она хотела больше всего в мире, и она сказала тебя. Думая, что вы можете быть единственными людьми в мире, вернувшими своих любимых, и за это ничего не будет. Именно так вы думали, не правда ли, вы оба? Дураки, – фыркнула Лилит. – Вы любите друг друга – любой видит это, глядя на вас – той любовью, которая сжигает мир или возвышает его в великолепии. Нет, она бы никогда не оставила тебя. Не тогда, когда бы думала, что ты в опасности. – Ее голова дернулась назад, ее рука вытянулась, пальцы скрючились в когти. – Вот.

Раздался крик, и одна из изгородей разделилась, показывая Клэри, которая присела, скрываясь в ее середине. Она царапалась и пиналась, но была вытащена, ее ногти цеплялись за землю, пытаясь за что-то схватиться. Ее руки оставили кровавые следы на плитке.

– Нет! – Джейс бросился вперед, а затем замер, когда Клэри подняли в воздух, где она и повисла перед Лилит. Она была босая, ее атласное платье – теперь разорванное и грязное, отчего оно скорее казалось красно-черным, нежели золотистым – болталось вокруг нее, одна из ее лямок повисла, оторвавшись. Ее волосы полностью растрепались из сияющих заколок и рассыпались по плечам. Ее зеленые глаза уставились на Лилит с ненавистью.

– Ты, сука, – сказала она.

Лицо Джейса превратилось в маску ужаса. Он действительно верил, что Клэри ушла по его просьбе, понял Саймон. Он думал, что она в безопасности. Но Лилит была права. А теперь она злорадствовала, ее змеиные глаза танцевали, когда она двигала руками, как кукловод, а Клэри крутилась и хватала воздух губами. Лилит щелкнула пальцами, и что-то похожее на удар серебристого кнута хлестнуло вдоль тела Клэри, разрезая ее платье и кожу под ним. Она закричала и схватилась за рану, а ее кровь закапала на плитку, как алый дождь.

– Клэри, – Джейс бросился к Лилит. – Ладно, – сказал он. Он побледнел, его бравада испарилась, его руки, сжатые в кулаки, побелели на костяшках. – Ладно. Позволь ей уйти, и я сделаю, что ты хочешь – и Саймон. Мы позволим тебе...

– Позвольте мне? – каким-то образом черты лица Лилит изменились. Змеи шевелились в ее глазницах, ее белая кожа была слишком натянута и светилась, ее рот был слишком большим. Ее нос почти исчез. – У вас нет выбора. И, еще точнее, вы надоели мне. Все вы. Возможно, если бы вы просто сделали, как я приказала, я позволила ей уйти. Теперь вы никогда не узнаете, не правда ли?

Саймон отпустил каменный пьедестал, покачнулся и обрел равновесие. Затем он пошел. Опуская ноги одну за другой, словно перетаскивая огромные мешки влажного песка вдоль скалы. Каждый раз, когда его нога опускалась на землю, укол боли пронзал его тело. Он сфокусировался на движении вперед, шаг за шагом.

– Может, я не могу убить тебя, – сказала Лилит Джейсу. – Но я могу попытать ее сверх меры – пока не сойдет с ума – и заставить тебя смотреть. Есть вещи похуже смерти, сумеречный охотник.

Она снова щелкнула пальцами, и серебристый кнут опустился, рассекая в этот раз плечо Клэри и оставляя широкую рану. Клэри дернулась, но не вскрикнула, прикусив кулак зубами и сжимаясь, будто могла защититься от Лилит.

Джейс напрягся, готовясь к прыжку на Лилит – и увидел Саймона. Их взгляды пересеклись. На секунду мир, казалось, завис полностью, не только Клэри. Саймон видел Лилит, все ее внимание на Клэри, ее рука в замахе, готовая нанести еще более жестокий удар. Лицо Джейса, белое от ужаса, его глаза, потемневшие при виде Саймона – и он осознал, он понял.

Джейс шагнул назад.

Мир помутнел вокруг Саймона. Когда он прыгнул вперед, он понял две вещи. Первое, что это было невозможно, он никогда не настигнет Лилит вовремя; ее рука уже неслась вперед, воздух перед ней ожил от вьющегося серебра. А второе, что он никогда особо не осознавал, как быстро могут двигаться вампиры. Он ощутил мышцы своих ног, спины, рвущиеся вперед, кости в ногах и лодыжках, скрипящие...

И он был там, скользящий между Лилит и Клэри, когда рука демонессы опустилась. Длинный шипастый серебряный кнут ударил его по лицу и груди – миг ослепляющей боли – а затем воздух вокруг него будто разорвало на сверкающие конфетти, и Саймон услышал крик Клэри, чистый звук шока и удивления, который прорезал темноту.

– Саймон!

Лилит замерла. Она смотрела то на Саймона, то на Клэри, все еще висящую в воздухе, а затем на свою руку, теперь пустую. Она тяжело и медленно вдохнула.

– Всемеро, – прошептала она – и внезапно была разорвана, когда ослепляющий накал озарил ночь. Ошеломленный, Саймон мог думать только о муравьях, которые сгорали под сфокусированным лучом солнца от лупы, когда огромный столп огня упал с неба, пронзая Лилит. Долгое время она горела белым в темноте, пойманная ослепляющим светом, ее рот был открыт, как тоннель, в безмолвном крике. Ее волосы поднялись, масса горящих нитей на фоне тьмы – а затем она стала золотисто-белой, истончилась в воздухе – и превратилась в соль, тысячи кристаллов соли, которые упали дождем под ноги Саймону с пугающей красотой.

И она исчезла.

Глава девятнадцатая

Ад торжествует

Невообразимый блеск, отпечатавшийся изнутри век Клэри, перешел во тьму. Удивительно долгую тьму, которая медленно отступала перед неровным серым светом, запачканным тенями. Что-то твердое и холодное упиралось ей в спину, все ее тело болело. Она слышала бормочущие голоса вокруг, от которых болела ее голова. Кто-то мягко коснулся ее горла, а потом рука отдернулась. Она сделала глубокий вдох.

Все ее тело дрожало. Она приоткрыла глаза и оглянулась, стараясь много не двигаться. Она лежала на твердой плитке террасы на крыше, одна из плиток воткнулась ей в спину. Она упала на землю, когда Лилит испарилась, и была покрыта порезами и ушибами, ее туфли потерялись, колени кровоточили, а платье было порвано там, где Лилит хлестнула ее магическим кнутом, и кровь собралась в складках ее шелкового платья.

Саймон стоял на коленях возле нее, на его лице читалась тревога. Метка Каина все еще

блестела белым на его лбу.

– Пульс стабильный, – сказал он, – но давайте же. У вас же есть все эти исцеляющие руны. Должно быть что-то, что ты можешь сделать для нее.

– Не без стило. Лилит заставила меня выбросить стило Клэри, чтобы она не выхватила его у меня, когда очнется, – голос принадлежал Джейсу, низкий и напряженный с подавленным мучением. Он опустился на колени напротив Саймона, с другой ее стороны, его лицо было в тени. – Ты можешь отнести ее вниз? Если бы мы могли отнести ее в Институт...

– Ты хочешь, чтобы я отнес ее? – Саймон прозвучал удивленно; Клэри не винила его.

– Я сомневаюсь, что она захочет, чтоб я ее трогал, – Джейс встал, будто не мог оставаться на месте.

– Если бы ты смог...

Его голос надломился, и он отвернулся, глядя туда, где миг назад стояла Лилит, а теперь был лишь голый камень с рассыпанной на нем солью. Клэри слышала, как вздохнул Саймон – обдуманно звук – и наклонился над ней, положив свои руки на ее.

Она открыла глаза сильнее, и их взгляды встретились. Хотя она знала, что он понял, что она в сознании, никто из них ничего не сказал. Ей было тяжело смотреть на него, на это знакомое лицо с меткой, которой она наградила его, сияющей, как белая звезда над глазами.

Она знала, давая ему Метку Каина, что делала что-то невообразимое, жуткое и колоссальное, исход чего был абсолютно непредсказуем. Она бы сделала это снова, чтобы спасти его жизнь. Но все равно, когда он стоял там, с горящей, как белая молния, меткой, пока Лилит – Высший Демон старше, чем человечество – сгорала, превращаясь в соль, она думала: «Что я наделала?»

– Я в порядке, – сказала она. Она поднялась на локтях; они жутко болели. В какой-то момент она приземлилась на них и содрала всю кожу. – Я вполне могу ходить.

На звук ее голоса Джейс обернулся. Его вид ранил ее. Он был в жутких синяках и крови, длинная царапина тянулась вдоль щеки, его нижняя губа распухла, и дюжина ран украшала его тело. Она не привыкла видеть его таким раненым – но, конечно, если у него не было стило, чтобы исцелить ее, то и для себя не было также.

Его выражение было совершенно пустым. Даже Клэри, привыкшая читать его лицо, как страницы книги, ничего не могла прочесть. Его взгляд упал ей на шею, где она все еще ощущала боль, и кровь засохла там, где он порезал ее. Чистота его выражения сломалась, и он отвел взгляд, прежде чем она увидела перемену в его лице.

Отмахнувшись от руки Саймона, она попыталась подняться на ноги. Жуткая боль пронзила ее лодыжку, и она вскрикнула, а затем прикусила губу. Сумеречные охотники не кричали от боли. Они стойчески переносили ее, напомнила она себе. Никакого нытья.

– Моя лодыжка, – сказала она. – Думаю, там трещина или перелом.

Джейс посмотрел на Саймона.

– Понеси ее, – сказал он. – Как я сказал тебе.

На этот раз Саймон не ждал ответа Клэри; он скользнул одной рукой под ее колени, а другой под плечи и поднял ее; она охватила его шею руками и крепко схватилась. Джейс пошел к куполу и дверям, ведущим внутрь. Саймон последовал за ним, неся Клэри так осторожно, будто она была из фарфора. Клэри почти уже забыла, каким сильным он был, ведь он был вампир. Он больше не пах, как Саймон, подумала она слегка задумчиво – старый Саймон пах мылом и дешевым одеколоном (который ему на самом деле не нужен был) и любимой жевательной резинкой с корицей. Его волосы все еще пахли его шампунем, но за исключением этого он, казалось, вообще ничем не пах, а его кожа была холодной на ощупь. Она крепче обвила его шею, желая, чтобы он хоть немного грел. Кончики ее пальцев посинели, а ее тело онемело.

Джейс перед ними распахнул стеклянные двери плечом. Потом они оказались внутри, и здесь было слегка теплее. Было странно, подумала Клэри, что тебя несет кто-то, чья грудь не поднимается и не опускается при дыхании. Станный заряд, казалось, все еще держался на Саймоне, остаток беспощадного света, который возник на крыше, когда была уничтожена

Лилит. Она хотела спросить его, как он себя чувствовал, но молчание Джейса было таким оглушающим, что она боялась нарушить его.

Он потянулся к кнопке вызова лифта, но прежде чем его палец коснулся ее, двери открылись сами, и сквозь них почти прорвалась Изабель, за которой тащился ее кнут, как серебристый хвост кометы. За ней шел Алек, почти наступая ей на пятки; увидев Джейса, Клэри и Саймона, Изабель затормозила, а Алек почти налетел на нее. При других обстоятельствах это было бы даже забавно.

– Но... – охнула Изабель. Она была ранена и окровавлена, ее красивое алое платье порвано на коленях, ее черные волосы рассыпались из высокой прически, и их пряди испачкались в крови. Алек выглядел лишь слегка лучше; один рукав его пиджака был порван, хотя кожа под ним вроде бы была цела. – Что вы здесь делаете?

Джейс, Клэри и Саймон тупо уставились на нее слишком шокированные, чтобы ответить. В итоге Джейс сухо сказал:

– Мы можем спросить тебя о том же.

– Я не... Мы думали, что ты и Клэри были на вечеринке, – сказала Изабель. Клэри редко видела Изабель такой неэгоистичной. – Мы искали Саймона.

Клэри ощутила, как грудь Саймона вздыбилась, что-то вроде привычной человеческой реакции на удивление.

– Правда?

Изабель покраснела.

– Я...

– Джейс? – произнес Алек командным тоном. Он одарил Клэри и Саймона потрясенным взглядом, но затем его внимание, как обычно, перешло на Джейса. Он мог больше быть не влюблен в него, если и был когда-либо, но они все еще были парабатами, и Джейс всегда занимал первое место в его разуме во время битвы. – Что ты делаешь здесь? И, ради ангела, что с тобой произошло?

Джейс уставился на Алека, будто не узнавал его. Он был похож на человека, оказавшегося в кошмарном сне и изучающего новое место не из любопытства или драматизма, а чтобы подготовиться к ужасам, которые оно таило.

– Сило, – сказал он в итоге ломающимся голосом. – У тебя есть твоё сило?

Алек потянулся к ремню, выглядя озадаченно.

– Конечно, – он протянул сило Джейсу. – Если тебе нужна иратзе...

– Не мне, – сказал Джейс все еще этим странным, ломающимся голосом. – Ей, – он указал на Клэри.

– Ей руна нужна больше, чем мне, – его глаза пересеклись с глазами Алека, золотые с голубыми. – Пожалуйста, Алек, – сказал он, и грубость пропала из его голоса так же внезапно, как и появилась. – Помоги ей ради меня.

Он повернулся и отошел к дальней стене комнаты, где были стеклянные двери. Он встал, уставясь сквозь них – на террасу снаружи или свое отражение, Клэри не могла сказать.

Алек посмотрел на Джейса еще секунду, а затем подошел к Клэри и Саймону со сило в руке. Он показал, чтобы Саймон опустил Клэри на пол, что тот и сделал осторожно, прислонив ее спиной к стене. Он отошел, когда Алек опустился на колени перед ней. Она видела озадаченность на лице Алека и его удивление, когда он увидел, насколько большими были раны на ее руке и животе.

– Кто сделал это с тобой?

– Я... – Клэри беспомощно посмотрела на Джейса, который все еще стоял к ним спиной. Она видела его отражение в стеклянных дверях, его лицо – белое пятно, затемненное тут и там ушибами. Перед его рубашки был темным от крови. – Это сложно объяснить.

– Почему вы не позвали нас? – спросила Изабель голосом, тяжелым от обиды. – Почему вы не сказали нам, что идете сюда? Почему не послали огненное сообщение или хоть что-нибудь? Вы же знаете, что мы пришли бы, если требовались вам.

– Не было времени, – сказал Саймон. – И я не знал, что Клэри и Джейс направляются

сюда. Я думал, что только я. Я посчитал неправильным втягивать вас в мои проблемы.

– В-втягивать меня в свои проблемы? – запнулась Изабель. – Ты... – начала она – а затем, к всеобщему и своему собственному удивлению, бросилась на Саймона, обвивая руками его шею. Он попятился, неподготовленный к такому нападению, но довольно быстро пришел в себя. Его руки обвили ее, чуть не запутавшись в болтающемся кнута, и он крепко обнял ее, прижав к груди ее темноволосую голову. Клэри не могла точно разобрать – Изабель говорила слишком тихо – но, похоже, она ругала Саймона полупшепотом.

Алек вскинул брови, но ничего не сказал, наклоняясь над Клэри и закрывая собой вид Изабель и Саймона. Он коснулся стило ее кожи, и она подпрыгнула от обжигающей боли.

– Я знаю, это больно, – сказал он тихо. – Думаю, ты ударилась головой. Магнусу стоит взглянуть на тебя. Что с Джейсом? Как сильно он ранен.

– Не знаю, – Клэри помотала головой. – Он не подпускает меня к себе.

Алек положил свою руку ей на подбородок, поворачивая ее лицо из стороны в сторону, и набросал еще одно иратце на ее шее, прямо под челюстью.

– Что он такого сделал, что считает таким ужасным?

Она подняла на него взгляд.

– Почему ты думаешь, что он что-то сделал?

Алек отпустил ее подбородок.

– Потому что знаю его. И как он себя обычно наказывает. Не подпускать тебя к себе это его способ наказать самого себя, а не тебя.

– Он не хочет, чтобы я была рядом, – сказала Клэри, чувствуя непокорность в своем голосе и ненавдя себя за мелочность.

– Ты это все, чего он хочет, – сказал Алек на удивление мягким голосом и присел на корточки, убирая свои длинные темные волосы с глаз. Последние дни он как-то изменился, подумала Клэри, в нем появилась уверенность, которой не было раньше, что-то, что позволило ему быть щедрым по отношению к другим, каким он и к себе никогда не был. – Как вы двое здесь вообще оказались? Мы даже не заметили, чтобы вы с Саймоном покидали вечеринку...

– Они и не делали этого, – сказал Саймон. Он и Изабель разошлись, но все еще стояли близко друг к другу, бок о бок. – Я пришел сюда один. Ну, не совсем один. Меня... вызвали.

Клэри кивнула.

– Это правда. Мы ушли с вечеринки не с ним. Когда Джейс привел меня сюда, я и понятия не имела, что Саймон тоже будет здесь.

– Джейс привел тебя сюда? – сказала Изабель, ошеломленная. – Джейс, если ты знал о Лилит и церкви Тальто, тебе следовало что-то сказать об этом.

Джейс все еще смотрел сквозь двери.

– Полагаю, я об этом не подумал, – сказал он без эмоций.

Клэри помотала головой, когда Алек и Изабель перевели взгляд от их приемного брата к ней, будто ожидая объяснения его поведения.

– Вообще-то это был не Джейс, – сказала она в итоге. – Он был... под контролем. Лилит.

– Одержимый? – глаза Изабель от удивления стали похожи на буквы «О». Ее рука непроизвольно сжалась на рукоятке кнута.

Джейс отвернулся от дверей. Медленно он поднял руку и раскрыл свою испорченную рубашку, чтобы они могли увидеть уродливую руну одержимости и кровавый порез, пересекающий ее.

– Вот, – сказал он все тем же безжизненным голосом, – метка Лилит. Через нее она контролировала меня.

Алек помотал головой; он казался очень обеспокоенным.

– Джейс, обычно единственный способ разорвать такую связь с демоном, это убить демона, контролирующего тебя. Лилит одна из самых могущественных демонов всех времен...

– Она мертва, – сказала резко Клэри. – Саймон убил ее. Или, полагаю, можно сказать, Метка Каина убила ее.

Все уставились на Саймона.

– А что насчет вас двоих? Как вы тут оказались-то? – спросил он, защищаясь.

– Искали тебя, – сказала Изабель. – Мы нашли ту визитку, которую, должно быть, Лилит дала тебе. В твоей квартире. Джордан впустил нас. Он с Майей внизу, – она вздрогнула. – Вещи, которые делала Лилит – вы не поверите – такие жуткие...

Алек поднял ладони.

– Подождите, вы все. Мы объясним, что случилось с нами, а затем Саймон, Клэри, вы расскажете, что произошло с вами.

Объяснение заняло меньше времени, чем ожидала Клэри, при этом Изабель рассказала большую часть, размахивая руками, которые то и дело грозились отсечь одну из незащищенных конечностей ее друзей своим кнутом. Алек воспользовался возможностью сесть за столик на крыше и отправить огненное послание Конклаву, сообщающее, где они, чтобы прибыло подкрепление. Джейс молча отошел, пропуская его наружу, и точно так же, чтобы тот зашел назад. Он не заговорил, пока Саймон и Клэри рассказывали, что произошло на крыше, даже когда они заговорили о том, как Разиэль воскресил Джейса из мертвых в Идрисе. Иззи в итоге перебила Клэри, объясняющую, как Лилит стала «матерью» Себастьяна и держала его тело в стеклянном гробу.

– Себастьян? – От ее удара кнутом о пол мрамор треснул, настолько сильным он был. – Себастьян там? И он не мертв? – она повернулась к Джейсу, который прислонился к стеклянным дверям, скрестив руки без выражения. – Я видела, как он умер. Я видела, как Джейс разрубил его позвоночник пополам, и как он упал в реку. А теперь вы говорите мне, что он там живой?

– Нет, – поспешил успокоить ее Саймон. – Его тело там, но он не живой. Лилит не смогла завершить церемонию, – Саймон положил руку на ее плечо, но она стряхнула ее. Она стала мертвенно бледна.

– Не живой – это не мертвый для меня, – сказала она. – Я иду туда и собираюсь покровсать его на тысячу кусочков. – Она развернулась к дверям.

– Из! – Саймон положил руку на ее плечо. – Иззи. Нет.

– Нет? – она посмотрела на него озадаченно. – Назови мне хоть одну хорошую причину, по которой я не должна порезать его на конфетти под названием «ничтожный ублюдок».

Взгляд Саймона пробежался по комнате, зацепившись на секунду за Джейса, будто он ожидал, что тот добавит что-нибудь. Он промолчал; он даже не сдвинулся. В итоге Саймон сказал:

– Слушай, ты поняла ритуал, да? Из-за того, что Джейса вернули из мертвых, у Лилит появилась сила вернуть Себастьяна. И, чтобы сделать это, ей нужно было, чтобы Джейс был там живой, как... как там она это назвала...

– Противовес, – вставила Клэри.

– Метка, которая у Джейса на груди. Метка Лилит. – Явно бессознательным жестом Саймон коснулся своей груди чуть выше сердца. – У Себастьяна она тоже есть. Я видел, как они одновременно загорелись, когда Джейс вошел в круг.

Изабель, подергивая кнутом и покусывая нижнюю губу, сказала нетерпеливо:

– И?

– Думаю, она создала между ними связь, – сказал Саймон. – Если бы Джейс умер, Себастьян не ожил бы. Так что, если ты порежешь Себастьяна на куски...

– Это может навредить Джейсу, – сказала Клэри, слова вырвались прежде, чем она осознала это. – О, мой Бог. О, Иззи, ты не можешь.

– Значит, мы просто позволим ему жить? – сказала Изабель ошарашенно.

– Порежь его на куски, если хочешь, – сказал Джейс. – Я тебе разрешаю.

– Заткнись, – сказал Алек. – Перестань вести себя так, будто твоя жизнь ничего не значит. Из, ты разве не слышала? Себастьян не живой.

– И не мертвый тоже. Не достаточно мертвый.

– Нам нужен Конклав, – сказал Алек. – Нужно передать его Безмолвным Братьям. Они могут разорвать его связь с Джейсом, а затем ты получишь крови, сколько хочешь, Из. Он сын Валентина. И он убийца. Все потеряли кого-то в битве в Аликанте или знают кого-то, кто потерял. Думаешь, они будут добры к нему? Они медленно разберут его на части заживо.

Изабель уставилась на своего брата. В ее глазах медленно собрались слезы и пролились по щекам, размазывая грязь и кровь на ее коже.

– Ненавижу это, – сказала она. – Ненавижу, когда ты прав.

Алек притянул сестру ближе и поцеловал в макушку.

– Знаю.

Она коротко сжала руку брата и отстранилась.

– Хорошо, – сказала она. – Я не притронусь к Себастьяну. Но я не могу быть так близко к нему, – Она взглянула на стеклянные двери, где все еще стоял Джейс. – Пойдемте вниз. Мы можем подождать Конклава в вестибюле. И нам нужны Майя и Джордан; они наверняка удивлены, куда мы пропали.

Саймон прочистил горло.

– Кто-то должен остаться здесь, чтобы присмотреть за... за вещами. Я останусь.

– Нет, – сказал Джейс. – Иди вниз. Я останусь. Это все моя вина. Я должен был убедиться, что Себастьян мертв, когда у меня была возможность. А что касается остального...

Его голос надорвался. Но Клэри помнила, как он коснулся ее лица в темном холле Института и прошептал:

– «Mea culpa, mea maxima culpa».

Моя вина, моя самая страшная вина.

Она повернулась, глядя на остальных; Изабель нажала кнопку вызова, и та загорелась. Клэри слышала отдаленный шум поднимающегося лифта. Изабель нахмурилась.

– Алек, может, останешься здесь с Джейсом.

– Мне не нужна помощь, – сказал Джейс. – Здесь нечего делать. Я справлюсь.

Изабель взмахнула руками, когда лифт приехал со звоном.

– Хорошо. Ты победил. Дуйся тут в одиночестве, если хочешь. – Она вошла в лифт, Саймон и Алек вошли вслед за ней. Клэри вошла последней, оглядываясь на Джейса. Он снова уставился сквозь стеклянные двери, но она видела его отражение в них. Его губы были поджаты, а глаза темны.

«Джейс» – подумала она, когда двери лифта начали закрываться. Она хотела, чтобы он повернулся, посмотрел на нее. Он не повернулся, но она ощутила сильные руки на ее плечах, внезапно толкнувшие ее вперед. Она услышала, как Изабель сказала:

– Алек, что ты... – И вылетела через двери лифта, пытаясь восстановить равновесие и оборачиваясь. Двери закрывались за ее спиной, но сквозь них она увидела Алека. Он одарил ее грустной полуулыбкой и пожал плечами, будто говоря, что еще я мог сделать? Клэри шагнула вперед, но было слишком поздно; двери лифта закрылись со щелчком.

Она была одна в комнате с Джейсом.

Комната была заполнена телами мертвых – сгорбленными фигурами в серых спортивных костюмах, брошенными, смятыми или сползшими по стенам. Майя стояла у окна, тяжело дыша, глядя на пространство перед ней с недоверием. Она принимала участие в битве в Брослинде в Идрисе и думала, что это худшее, что она когда-либо видела. Но почему-то это было хуже. Кровь, вытекавшая из мертвых тел сектантов, не была демонической; это была человеческая кровь. И младенцы – безмолвные и мертвые в своих колыбелях, их маленькие когтистые ручки сложены одна на другую, как у кукол...

Она посмотрела на свои руки. Ее когти все еще были выпущены, испачканы кровью от корней до кончиков; она убрала их, и кровь стекла по ее ладоням, запачкав запястья. Ее ноги были босы и испачканы кровью, а на одном оголенном плече был длинный порез, который все еще кровоточил, хотя уже и начал заживать. Несмотря на то, как быстро исцелялись

оборотни, она знала, что наутро будет покрыта синяками. Если ты оборотень, синяки редко проходят дольше, чем за день. Она вспомнила, как была человеком, и ее брат, Дэниэл был экспертом в том, как ущипнуть ее в местах, где не видно синяков.

– Майя, – Джордан вошел через одну из незаконченных дверей, уклоняясь от пучка торчащих проводов. Он распрямился и пошел к ней, высматривая свой путь среди тел. – Ты в порядке?

От его обеспокоенного вида у нее скрутило желудок.

– Где Изабель и Алек?

Он помотал головой. Он был заметно меньше ранен, чем она. Его плотная кожаная куртка защитила его, как и джинсы с ботинками. Вдоль его щеки была длинная царапина, а в его светло-коричневых волосах засохла кровь, как и на лезвии его ножа.

– Я обыскал весь этаж. Не видел их. Еще несколько тел в других комнатах. Они должно быть...

Ночь озарилась, как ангельский клинок. Окна стали белыми, и яркий свет пронзил комнату. На секунду Майя подумала, что мир загорелся, а Джордан, идущий к ней сквозь свет, будто растворился, белый на белом, в мерцающем поле из серебра. Она услышала, как закричала, и слепо попятилась, ударяясь головой об окно. Она подняла руки, прикрывая глаза...

И свет пропал. Майя опустила руки, мир кружился вокруг нее. Она слепо потянулась и нащупала Джордана. Она обвила его руками – охватила изо всех сил, как раньше, когда он забирал ее из дома и крутил в воздухе, вплетая пальцы в ее кудри.

Он тогда был худее, плечи более узкими. Теперь его оплетали мускулы, и держаться за него было так, словно держаться за что-то твердое, гранитную колонну посреди пыльной бури в пустыне. Она вцепилась в него и услышала биение его сердца напротив ее уха, когда его руки гладили ее волосы раз за разом, успокаивающие и... родные.

– Майя... все в порядке...

Она подняла голову и прижалась к его губам своими. Он так изменился, но ощущения от его поцелуя были теми же, его губы все так же нежны. Он замер на секунду от удивления, а затем прижал ее к себе, его руки медленно рисовали круги на ее обнаженной спине. Она вспомнила, как они поцеловались в первый раз. Она протянула ему свои серьги, чтобы положить их в бардачок его машины, и его руки так тряслись, что он уронил их, а затем извинялся и извинялся, пока она не поцеловала его, чтобы заткнуть. Она подумала, что он был самым милым из всех, кого она знала.

А затем его укусили, и все изменилось.

Она отстранилась, ошеломленная, тяжело дыша. Он моментально ее отпустил; он уставился на нее, открыв рот, и в глазах читался шок. За его спиной сквозь окно она видела город – она почти ожидала, что его сравняло с землей, а за окном выжженная пустыня – но все было по-прежнему. Ничего не изменилось. Огни загорались и гасли в здании через дорогу; она слышала тихий шум трафика внизу.

– Нужно идти, – сказала она. – Нужно поискать остальных.

– Майя, – сказал он. – Почему ты поцеловала меня?

– Я не знаю, – сказала она. – Думаешь, стоит попробовать вызвать лифты?

– Майя...

– Я не знаю, Джордан, – сказала она. – Я не знаю, зачем поцеловала тебя, и не знаю, собираюсь ли делать это еще, но я знаю, что я вне себя и обеспокоена за друзей, и хочу убраться отсюда. Хорошо?

Он кивнул. Судя по его выражению, он хотел сказать миллион вещей, но решил не говорить, за что она была благодарна. Он провел рукой по своим взъерошенным волосам, покрытым белым от осыпавшейся штукатурки, и кивнул.

– Хорошо.

Молчание. Джейс все еще прислонялся к двери, только теперь он прижался к ней лбом, закрыв глаза. Клэри подумала, знал ли он, что она была в комнате вместе с ним. Она шагнула

вперед, но прежде чем она могла сказать что-то, он распахнул двери и вышел на террасу.

Она секунду постояла, глядя на него. Она, конечно, могла вызвать лифт, спуститься вниз, подождать Конклав в вестибюле с остальными. Если Джейс не хотел говорить, ну и ладно. Она не могла заставить его. Если Алек был прав, и он наказывал себя, ей просто придется подождать, пока это пройдет.

Она повернулась к лифту – и замерла. Маленький огонек гнева лизнул ее душу, отчего ее глаза зажгло. Нет, подумала она. Она не обязана была позволять ему вести себя так. Может, он мог так поступать с остальными, но не с ней. Он должен был ей больше, чем это. Они оба были должны друг другу больше.

Она развернулась и пошла к дверям. Ее лодыжка все еще болела, но иратце, которые сделал ей Алек, работали. Большая часть боли в ее теле стала глуше и менее заметна. Она дотянулась до дверей и распахнула их, выходя на крышу, поморщившись, когда ее босые ноги опустились на ледяную плитку.

Она тут же увидела Джейса; он опустился на колени возле ступенек на плитку, запачканную кровью и блестящую от соли. Он поднялся, когда она подошла, и повернулся, что-то сияющее было в его руке.

Кольцо Моргенштернов на цепочке.

Поднялся ветер; он развивал его темно-золотистые волосы по лицу. Он убрал их нетерпеливо и сказал:

– Я только вспомнил, что мы бросили его здесь.

Его голос звучал на удивление нормальным.

– Ты поэтому хотел остаться здесь? – сказала Клэри. – Чтобы забрать его.

Он повернул ладонь, отчего цепочка повисла, а его пальцы сомкнулись вокруг кольца.

– Я привязан к нему. Это глупо, я знаю.

– Ты мог бы сказать, или Алек мог бы остаться...

– Я не один из вас, – сказал он внезапно. – После того, что я сделал, я не заслуживаю иратце, лечения, обрядов, утешений или еще чего-то, что мои друзья считают необходимым. Я лучше останусь здесь с ним, – он указал подбородком туда, где в открытом гробу лежало неподвижное тело Себастьяна на каменном пьедестале. – И я, безусловно, не заслуживаю тебя.

Клэри скрестила руки на груди.

– Ты когда-нибудь думал, чего я заслуживаю? Что, может быть, я заслуживаю шанса поговорить с тобой о том, что произошло?

Он усталился на нее. Они были лишь в нескольких футах друг от друга, но их будто разделяла невообразимая пропасть.

– Я не понимаю, как ты вообще можешь смотреть на меня, не то чтобы разговаривать.

– Джейс, – сказала она. – То, что ты сделал – это был не ты.

Он помедлил. Небо было таким черным, а горящие окна ближайших небоскребов такими яркими, что они будто стояли в паутине из сияющих драгоценностей.

– Если это был не я, – сказал он, – тогда почему я помню все, что делал? Когда люди одержимы и они выходят из этого состояния, они не помнят, что делали, когда ими командовал демон. Но я помню все. – Он резко отвернулся и отошел к саду. Она пошла за ним, радуясь тому, что так их с телом Себастьяна разделяло большее расстояние, и оно было скрыто от взгляда изгородью.

– Джейс! – позвала она, и он повернулся, прислоняясь спиной к стене. Позади него полный город электричества освещал ночь, как башни демонов в Аликанте. – Ты помнишь, потому что она так хотела, – сказала Клэри, догоняя его и немного запыхавшись. – Она сделала это, чтобы помучить тебя, и чтобы заставить Саймона сделать то, что она хотела. Она хотела, чтобы ты видел, как ранишь людей, которых любишь.

– Я смотрел, – сказал он глухим голосом. – Будто часть меня была на расстоянии, наблюдая и крича на самого себя, чтобы я прекратил. Но остальная часть меня была вполне довольна, словно я поступал правильно. Словно я только это и мог делать. Интересно, не так

ли себя чувствовал Валентин, когда творил то, что творил. Будто так поступать правильно. – Он отвернулся. – Я не могу это выдержать, – сказал он. – Ты не должна быть здесь со мной. Тебе лучше уйти.

Вместо этого, Клэри подошла и встала рядом с ним у стены. Она давно обняла себя руками, потому что дрожала. В итоге, неохотно, он повернулся, чтобы снова взглянуть на нее.

– Клэри...

– Не тебе решать, – сказала она, – куда мне идти или когда.

– Знаю, – его голос был грубым. – Я всегда знал это. Я не знаю, почему влюбился в ту, что более упряма, чем я.

Клэри помолчала секунду. Ее сердце среагировало на это слово – влюбился.

– Все, что ты сказал мне, – ответила она полупшепотом, – на террасе в «Заводе» – ты действительно так думаешь?

Его золотистые глаза потупились.

– Что сказал?

Что ты любишь меня, чуть не сказала она, но вспомнила – он не сказал этого. Не именно эти слова.

Там был скрытый смысл. И суть этих слов, – что они любили друг друга, – она знала так же ясно, как и свое собственное имя.

– Ты спрашивал меня, любила бы я тебя, будь ты, как Себастьян, как Валентин.

– А ты сказала, что это был бы не я. Видишь, какой неправдой это оказалось, – сказал он с горечью в голосе. – То, что я сделал сегодня...

Клэри придвинулась к нему; он напрягся, но не отстранился. Она взяла его за ворот рубашки, наклонилась близко и сказала, выделяя каждое слово:

– Это был не ты.

– Скажи об этом своей матери, – сказал он. – Расскажи это Люку, когда они спросят, отчего так случилось. – Он нежно коснулся ее ключицы; рана уже зажила, но ее кожа и ткань платья все еще были запачканы кровью.

– Я скажу им, – ответила она. – Я скажу им, что это была моя вина.

Он взглянул на нее потрясенно.

– Ты не можешь солгать им.

– Я и не буду. Я вернула тебя, – сказала она. – Ты умер, а я вернула тебя. Я нарушила равновесие, а не ты. Я открыла дверь Лилит и ее глупому ритуалу. Я могла попросить о чем угодно, а попросила тебя. – Она сжала крепче его рубашку, и ее пальцы побелели от холода и напряжения. – И я сделала бы это снова. Я люблю тебя, Джейс Вэйланд – Эрондейл – Лайтвуд – как хочешь себя называй. Мне плевать. Я люблю тебя и всегда буду любить, а притворяться, что могло быть по-другому, пустая трата времени.

На его лице отразилась такая боль, что сердце Клэри сжалось. Затем он потянулся и взял ее лицо в свои руки. Его ладони были теплыми по сравнению с ее щеками.

– Помнишь, когда я сказал тебе, – произнес он таким нежным голосом, который только она знала, – что я не знаю, существует ли Бог, но в любом случае, мы сами по себе. Я все еще не знаю ответа; я только знаю, что существует вера, и что я не заслуживаю верить. А затем появилась ты. Ты изменила все, во что я верил. Помнишь ту строчку из Данте, которую я цитировал тебе в парке? «L'amor che move il sole e l'altre stelle?»

Ее губы слегка изогнулись по уголкам, когда она подняла взгляд на него.

– Я все еще не говорю по-итальянски.

– Это отрывок из последней строфы «Рая» Данте. «Мою волю и желание перевернула любовь, любовь, что движет солнце и другие звезды». Я думаю, что Данте пытался объяснить веру, как всеильную любовь, и может это богохульство, но именно так я определяю свою любовь к тебе. Ты вошла в мою жизнь, и внезапно у меня появилась одна правда, за которую можно держаться – что я люблю тебя, а ты меня.

Хотя он, казалось, смотрел на нее, его взгляд был отстраненным, будто он был сосредоточен на чем-то далеком.

– Затем у меня начались эти сны, – продолжал он. – И я подумал, что, может, ошибался. Что я не заслуживаю тебя. Что я не заслуживаю быть счастливым – я имею в виду. Боже, кто заслуживает такого? А после сегодняшней ночи...

– Перестань. – Она держалась за его рубашку. Ослабив хватку, она положила ему ладони на грудь. Его сердце бешено колотилось под ее пальцами; его щеки горели и не только от холода. – Джейс. Пока происходили события сегодняшней ночи, я знала одно. Что это не ты ранил меня. Что не ты делал эти вещи. Я абсолютно, неопровержимо уверена, что ты хороший. И это никогда не изменится.

Джейс глубоко с дрожью вдохнул.

– Я даже не знаю, как попытаться заслужить это.

– Ты и не должен. У меня достаточно веры в тебя, – сказала она, – для нас двоих.

Его руки скользнули в ее волосы. Пар от их дыхания колебался между ними, как белое облако.

– Я так скучал по тебе, – сказал он и поцеловал ее нежными губами, не отчаянно и жадно, как это было последние несколько раз, но по родному мягко и нежно.

Она закрыла глаза, когда мир закружился, словно в вихре. Скользя ладонями по его груди, она потянулась вверх, насколько могла, обвивая руками его шею и вставая на носочки, чтобы дотянуться до его губ. Его пальцы скользнули по ее телу, по коже и шелку, и она вздрогнула, прижимаясь к нему. Она была уверена, что они оба пахли кровью, пеплом и солью, но это было не важно; мир, город и все его огни и жизни, казалось, сжались до нее и Джейса, обжигающего жара замершего мира.

Он отстранился первым, неохотно. Секунду спустя она поняла, почему. Звук гудящих машин и тормозящих шин с улицы внизу был слышен даже здесь.

– Конклав, – сказал он покорно – хотя ему пришлось прочистить горло, чтобы произнести это, но Клэри была рада. Его лицо покраснело, как, она догадывалась, и ее тоже. – Они здесь.

С ее рукой в его руке Клэри заглянула за край ограждения и увидела несколько черных машин, остановившихся у забора. Люди выходили из них. Было трудно распознать с такой высоты, но Клэри подумала, что увидела Маризу и несколько других людей, одетых в форму. Секунду спустя грузовик Люка проревел у обочины, и из него выскочила Джослин. Клэри узнала бы ее просто по движениям даже с большего расстояния, чем это.

Она повернулась к Джейсу.

– Моя мама, – сказала она. – Мне лучше спуститься. Я не хочу, чтобы она поднялась и увидела... увидела его, – она указала подбородком на гроб Себастьяна.

Он убрал волосы с ее лица.

– Я не хочу отпускать тебя.

– Тогда пошли со мной.

– Нет. Кто-то должен остаться здесь, наверху.

Он взял ее руку, перевернул ее и опустил в нее кольцо Моргенштернов, цепочка сложилась, как жидкий металл. Застежка погнулась, когда она сорвала цепочку, но он умудрился выровнять ее.

– Пожалуйста, возьми его.

Ее глаза опустились, а затем неуверенно вернулись к его лицу.

– Хотела бы я понять, что оно значит для тебя.

Он слегка пожал плечами.

– Я носил его десять лет, – сказал он. – Некая часть меня в нем. Это значит, я доверяю тебе свое прошлое и его секреты. И, кроме того, – он легко коснулся одной из звезд, выгравированных на ободке кольца, – «любовь, что движет солнце и другие звезды». Притворись, что эти звезды означают это, а не Моргенштерн.

В ответ она снова надела цепочку на шею, ощущая, как она легла на привычное место под ее ключицами. Будто кусочек паззла встал на место. На секунду их взгляды соединились в безмолвной связи более сильной, чем их физический контакт; она держала его образ в

воображении, словно запоминая его – спутанные золотистые волосы, тени от его ресниц, желтый янтарь его глаз – светлый, а затем темный.

– Я тут же вернусь, – сказала она. Он сжал ее руку. – Пять минут.

– Иди, – сказал он твердо, отпуская ее ладонь, и она развернулась и пошла назад по дорожке. Как только она отошла от него, ей снова стало холодно, и когда она дошла до дверей в здание, она уже замерзала. Она помедлила, открывая дверь, и обернулась к нему, но он был лишь тенью, освещенной нью-йоркским горизонтом. «Любовь, что движет солнце и другие звезды», – подумала она, а затем, будто ответное эхо, услышала слова Лилит. «Такая любовь может сжечь дотла мир или возвысить его в великолепии». Ее охватила дрожь, и не только от холода. Она поискала глазами Джейса, но он, казалось, растворился в тени. Она повернулась и направилась внутрь, закрывая за собой двери.

Алек пошел наверх искать Джордана и Майю, и Саймон и Изабель остались вдвоем, сидя рядышком на зеленой кушетке в вестибюле. Изабель держала в руке ведьмовский огонь Алека, освещающий комнату почти спектральным сиянием, отражающимся от пылинок, падающих с люстры.

Она сказала очень мало с тех пор, как ее брат оставил их наедине. Ее голова была опущена, и темные волосы ниспадали вперед, а взгляд был на руках. Ее руки были изящными, с длинными пальцами, но и с мозолями, как у брата. Саймон никогда не замечал прежде, но на правой руке у нее было серебряное кольцо с рисунком языков пламени вокруг обода и выгравированной буквой «Л» в центре. Оно напомнило ему то кольцо, которое носила Клэри на шее, со звездами.

– Это фамильное кольцо Лайтвудов, – сказала она, заметив, куда он смотрит. – У каждой семьи есть эмблема. Наша – огонь.

Тебе идет, подумал он. Иззи была похожа на огонь в своем красном платье и со своим настроением, переменчивым, как искра. На крыше он уже подумал, что она задушит его, обвив руками его шею и называя его всеми возможными именами, вцепившись, будто никогда не отпустит. Теперь она уставилась в пустоту, неприкосновенная, как звезда. Все это очень смущало.

– То, что ты сказала нам, – произнес он, слегка запинаясь, наблюдая, как Изабель обвила прядь волос вокруг пальца, – там, на крыше – что ты не знала, что Клэри и Джейс пропали, что пришла сюда за мной – это правда?

Изабель посмотрела, заправляя прядь волос за ухо.

– Конечно, это правда, – сказала она с негодованием. – Когда мы увидели, что ты пропал с вечеринки – и ты последнее время был в опасности, а Камилла сбежала... – она осеклась. – И Джордан был ответственен за тебя. Он обезумел.

– Так это была его идея, отправится искать меня?

Изабель повернулась, оценив его долгим взглядом. Ее глаза были бездонными и темными.

– Это я заметила, что ты пропал, – сказала она. – Это я захотела найти тебя.

Саймон откашлялся. Он чувствовал странное головокружение.

– Но почему? Я думал, что ты ненавидела меня.

Это он зря сказал. Изабель покачала головой, ее темные волосы колыхнулись, и немного отодвинулась от него.

– Ах, Саймон. Не будь глупцом.

– Из. – Он протянул руку и нерешительно коснулся ее запястья. Она не отстранилась, просто смотрела на него. – Камилла сказала мне кое-что в Святилище. Сказала, что сумеречным охотникам плевать на обитателей Нижнего Мира, они просто используют их. Она сказала, что нефилим никогда не оплатит мне тем же, что я сделал для него. Но ты оплатила. Ты пришла за мной.

– Естественно, – сказала она приглушенным голосом. – Когда я подумала, что с тобой что-то произошло...

Он наклонился к ней. Их лица были в дюйме друг от друга. Он мог видеть, как искры от

люстры отражались в ее глазах. Ее рот был приоткрыт, и Саймон чувствовал ее теплое дыхание. Впервые за то время, как стал вампиром, он ощутил тепло, будто между ними проскользнул электрический разряд.

– Изабель, – сказал он. Не Из, не Иззи. Изабель. – Могу я...

Лифт звякнул; двери открылись, и снаружи появились Алек, Майя и Джордан. Алек подозрительно посмотрел на Саймона и Изабель, когда они отстранились, но прежде чем он мог что-то сказать, двойные двери вестибюля распахнулись, и в комнату вошли сумеречные охотники. Саймон узнал Кадира и Маризу, которые тут же подлетели к Изабель, схватили ее за плечи и стали спрашивать, что случилось.

Саймон поднялся на ноги и отошел, ощущая себя неуютно – и его тут же снес Магнус, несущийся через всю комнату к Алеку. Он, казалось, вообще не заметил Саймона. «В конце концов, через сотню, две сотни лет останемся только ты и я. Мы это все, кто останется», – сказал ему Магнус в Святилище. Ощущая себя безумно одиноким в толпе сумеречных охотников, Саймон прижался к стене, тщетно надеясь, что его не заметят.

Алек поднял взгляд, как раз когда Магнус достиг его, подхватил и прижал к себе. Его пальцы коснулись лица Алека, будто проверяя, есть ли ушибы и повреждения; он бормотал:

– Как ты мог... вот так уйти и не сказать мне... я мог бы помочь тебе...

– Перестань. – Алек отстранился, разозлившись.

Магнус обрел контроль, его голос вернулся в норму.

– Прости, – сказал он. – Мне не стоило уходить с вечеринки. Надо было остаться с тобой. Камилла все равно сбежала. Никто понятия не имеет, куда она ушла, и раз уж вампира нельзя выследить... – он пожал плечами.

Алек мысленно оттолкнул образ Камиллы, прикованной к трубе и глядящей на него этими злыми зелеными глазами.

– Ничего, – сказал он. – Она не имеет значения. Я знаю, что ты просто пытался помочь. Я не зол на тебя за то, что ты ушел с вечеринки.

– Но ты был зол, – сказал Магнус. Я знаю, ты был. Вот почему я так беспокоился. Сбегать и подвергать себя опасности, просто потому что ты разозлился на меня...

– Я сумеречный охотник, – сказал Алек. – Магнус, это то, что я делаю. Это не из-за тебя. В следующий раз влюбляйся в страхового агента или...

– Александр, – сказал Магнус. – Следующего раза не будет. – Он прислонился лбом ко лбу Алека, зелено-золотые глаза уставились в голубые.

Сердцебиение Алека ускорилося.

– Почему не будет? – сказал он. – Ты живешь вечно. Не каждый так может.

– Я знаю, что сказал так, – ответил Магнус. – Но, Александр...

– Перестань меня так звать, – ответил Алек. – Александром меня зовут родители. Я полагаю, очень продвинуто с твоей стороны принимать мою смертность вот так – все умирают, бла, бла – но каково, ты думаешь, мне от этого? Нормальные пары могут надеяться – надеяться состариться вместе, прожить долгие жизни и умереть в один час, но мы не можем надеяться на это. Я даже не знаю, чего ты хочешь.

Алек не знал, чего ожидал в ответ – гнева, самозащиты или даже юмора – но голос Магнуса только упал, ломаясь, когда он ответил:

– Алек... Алек. Если я оставил впечатление, что смирился с твоей смертностью, могу только извиниться. Я пытался не думать об этом и все равно думал о том, что ты будешь со мной через пятьдесят, шестьдесят лет. Я думал, что тогда смогу отпустить тебя. Но это ты, и я теперь понимаю, что буду так же не готов потерять тебя, как и сейчас. – Он аккуратно положил ладони на щеки Алека. – То есть вообще.

– Так что же нам делать? – прошептал Алек.

Магнус пожал плечами и внезапно улыбнулся; с его торчащими черными волосами и блеском в зелено-золотых глазах он был похож на вредного подростка.

– Что все делают, – ответил он. – Как ты сказал. Надеяться.

Алек и Магнус стали целоваться в углу комнаты, и Саймон не знал, куда отвести взгляд.

Он не хотел, чтобы они подумали, что он пиялился на них в такой интимный момент, но куда бы он ни посмотрел, он встречал только сверкающие взгляды сумеречных охотников. Несмотря на то, что в банке он сражался против Камиллы на их стороне, никто из них не смотрел на него с каким-либо дружелюбием. Одно дело для Изабель принять его и беспокоиться о нем, но сумеречные охотники в целом было абсолютно другим делом. Он мог сказать, о чем они думают. «Вампир, Нижний Мир, враг» было написано на их лицах. С облегчением он увидел, как двери распахнулись, и внутрь влетела Джослин все еще в голубом платье с вечеринки. Люк был лишь на несколько шагов позади.

– Саймон! – вскрикнула она, когда увидела его. Она подбежала к нему, и, к его удивлению, с силой обняла его, прежде чем отпустить. – Саймон, где же Клэри? Она...

Саймон открыл рот, но не издал ни звука. Как он мог объяснить Джослин, что случилось этой ночью? Джослин, которая будет в ужасе, узнав, что сотворенное Лилит – дети, которых она убила, кровь, которую пролила – было ради того, чтобы создать больше существ, как мертвый сын Джослин, чье тело даже сейчас лежало погруженное в гроб на крыше, где были Клэри и Джейс?

Я не могу сказать ей все это, подумал он. Я не могу. Он посмотрел мимо нее, на Люка, чьи голубые глаза смотрели на него с ожиданием. Позади семьи Клэри он видел сумеречных охотников, собравшихся вокруг Изабель, видимо, пересказывающей события этого вечера.

– Я... – начал он беспомощно, а затем двери лифта снова открылись, и наружу вышла Клэри. Ее туфли потерялись, ее красивое шелковое платье превратилось в окровавленные лохмотья, а на обнаженных руках и ногах уже исчезали синяки. Но она улыбалась – даже светила, счастливее, чем Саймон видел ее за последние недели.

– Мама! – выкрикнула она, а затем Джослин подлетела к ней и обняла. Клэри улыбнулась Саймону через мамино плечо. Саймон посмотрел вокруг комнаты. Алек и Магнус все еще обнимались, а Майя и Джордан исчезли. Изабель все еще была окружена сумеречными охотниками, и Саймон слышал вздохи ужаса и изумления, издаваемые группой, окружающей ее, пока она рассказывала историю. Он подозревал, что часть ее наслаждалась этим. Изабель любила быть в центре внимания, неважно, по какому поводу.

Он ощутил, как рука легла на его плечо. Это был Люк.

– Ты в порядке, Саймон?

Саймон взглянул на него. Люк выглядел, как всегда: твердо, мудро и абсолютно надежно. Ничего не изменилось от того, что его свадебная вечеринка была прервана внезапными драматическими событиями.

Отец Саймона умер так давно, что он с трудом мог его вспомнить. Ребекка помнила детали – что у него была борода, что он помогал ей строить сложные башни из блоков – но Саймон не помнил. Он думал, что это у них с Клэри всегда было общим, связывало их: оба с умершими отцами, выросшие с сильными одинокими женщинами.

Ну, хотя бы одно из этих утверждений было правдой, подумал Саймон. Хотя его мать встречалась, у него никогда не было постоянного отцовского влияния, за исключением Люка. Он полагал, что в каком-то смысле, он и Клэри разделяли Люка. И стая волков тоже была послушна ему, Люку. Для холостяка, никогда не имевшего детей, подумал Саймон, у Люка было очень много детей, за которыми он присматривал.

– Не знаю, – сказал Саймон, отвечая Люку честно, как он ответил бы отцу. – Я так не думаю.

Люк развернул Саймона лицом к лицу.

– Ты весь в крови, – сказал он. – И, полагаю, она не твоя, потому что... – он указал на Метку на лбу Саймона. – Но эй. – Его голос был мягок. – Даже покрытый кровью и с меткой Каина на тебе, ты все еще Саймон. Можешь рассказать мне, что произошло?

– Это не моя кровь, ты прав, – сказал хрипло Саймон. – Но это похоже на долгую историю. – Он наклонил голову назад, чтобы посмотреть на Люка; он всегда задавался вопросом, сможет ли он подрасти однажды, чуть больше, чтобы смотреть Люку – не говоря уже о Джейсе – глаза в глаза. Но теперь этого никогда не случится. – Люк, – сказал он. – Как

думаешь, возможно ли совершить что-то настолько плохое, даже если ты не хотел, что никогда не удастся восстановиться после этого? Что никто не сможет простить тебя?

Люк посмотрел на него долго в молчании. Затем сказал:

– Подумай о ком-то, кого любишь, Саймон. Действительно любишь. Есть ли что-то, что они могут сделать, чтобы ты перестал их любить?

Образы пронесли в воображении Саймона, как страницы книги: Клэри, оборачивающаяся к нему через плечо с улыбкой; его сестра, щекочущая его, когда он был еще ребенком; его мать, спящая на диване с покрывалом на ее плечах; Иззи...

Он прервал эти мысли. Клэри не совершила ничего ужасного, чтобы заслужить его прощения; никто из этих людей не сделал этого. Он подумал о Клэри, простившей свою мать за то, что украла ее воспоминания. Он подумал о Джейсе о том, что он совершил на крыше, как он выглядел впоследствии. Он совершил то, что совершил, не по своей воле, но Саймон сомневался, что Джейс сможет простить самого себя, как бы то ни было. А затем он подумал о Джордане – не простившем себя за то, что он сделал с Майей, но все равно идущем вперед, присоединившись к Волкам-Защитникам, создавая жизнь из помощи другим.

– Я укусил кое-кого, – сказал он. Слова выскользнули из его рта, и он хотел проглотить их назад. Он сжался, ожидая ужаса в глазах Люка, но его не было.

– Они живы? – сказал Люк. – Те, кого ты покусал. Они выжили?

– Я... – Он запнулся. Как объяснить ему о Марин? Лилит отослала ее прочь, но Саймон был уверен, что видел ее не в последний раз. – Я не убивал ее.

Люк кивнул.

– Ты знаешь, как оборотни становятся вожаками стаи, – сказал он. – Им нужно убить прежнего вожака. Я сделал это дважды. У меня есть шрамы, доказывающие это. – Он слегка отодвинул воротник рубашки, и Саймон увидел кончик толстого белого шрама, который выглядел грубо, словно его грудь разодрали когтями. – Второй раз это был рассчитанный ход. Хладнокровное убийство. Я хотел стать вожаком, и именно так я этого добился, – он пожал плечами. – Ты вампир. В твоей крови желание пить кровь. Ты долго сдерживал его. Я знаю, что ты можешь ходить днем, Саймон, и пытаешься быть нормальным человеческим парнем, но ты все равно тот, кто есть. Точно так же как и я. Чем больше ты пытаешься подавить свою истинную природу, тем больше она будет контролировать тебя. Будь собой. Никто, кто действительно любит тебя, не перестанет любить.

Саймон хрипло сказал:

– Моя мать...

– Клэри рассказала мне, что случилось с твоей матерью, и что ты ночевал у Джордана Кайла, – сказал Люк. – Слушай, твоя мать придет в себя, Саймон. Как Ааматис, со мной. Ты все равно ее сын. Я поговорю с ней, если хочешь.

Саймон молча помотал головой. Его мать всегда любила Люка. Учитывая, что Люк – оборотень, все станет только хуже, а не лучше.

Люк кивнул, словно он понял.

– Если ты не хочешь возвращаться к Джордану, ты можешь свободно воспользоваться моим диваном сегодня. Я уверен, что Клэри будет рада, если ты будешь рядом, а о твоей матери мы поговорим завтра.

Саймон расправил плечи. Он посмотрел на Изабель через комнату, на блеск ее кнута, на сияние медальона на шее, взмахи ее рук, пока она рассказывала. Изабель, которая не боялась ничего. Он подумал о своей матери, как она попятилась от него, о страхе в ее глазах. Он прятался от этого воспоминания, бежал от него с тех пор. Но пришло время остановиться.

– Нет, – сказал он. – Спасибо, но думаю, что мне не нужно место для ночевки сегодня. Думаю, что я собираюсь вернуться домой.

Джейс стоял один на крыше, глядя на город, на Ист-Ривер, вьющуюся между Бруклином и Манхэттенем, как серебристо-черная змея. Его руки, губы все еще были теплы от прикосновения Клэри, но ветер с реки был ледяным, и тепло быстро уходило. Без пиджака ветер пронизывал тонкий материал рубашки, как лезвие ножа.

Он сделал глубокий вдох, всасывая холодный воздух в его легкие, и медленно выдохнул. Все его тело было напряжено. Он ждал звуков лифта, открывающихся дверей, сумеречных охотников, наполняющих террасу. Они сначала проявят жалость, подумал он, беспокойство за него. Затем, когда они поймут, что случилось – начнут отдаляться, обмениваться значительными взглядами, когда он вроде бы не будет видеть. Он был одержим – не просто демоном, а Высшим Демоном – сражался против Конклава, угрожал и навредил другому сумеречному охотнику.

Он подумал, как на него посмотрит Джослин, когда узнает, что он сделал с Клэри. Люк может понять, простить. Но Джослин. Он никогда не мог заставить себя поговорить с ней откровенно, сказать слова, которые могли бы успокоить ее. Я люблю вашу дочь больше, чем когда-либо думал, что можно любить что-нибудь. Я никогда не наврежу ей.

Она просто будет смотреть на него, размышлял он, этими зелеными глазами, как у Клэри. Она будет хотеть от него большего. Она захочет, чтобы он сказал то, в чем не уверен.

Я не похож на Валентина.

Разве нет? Слова, казалось, колыхались в холодном воздухе, шепот, предназначенный только для его ушей. Ты никогда не знал своей матери. Ты никогда не знал своего отца. Ты отдал свое сердце Валентину, когда ты был ребенком, как это делают дети, и сделал себя его частью. Ты не можешь сейчас отсечь это от себя одним ударом лезвия.

Его левая рука была холодна. Он опустил взгляд и увидел, к своему удивлению, что как-то подобрал кинжал – серебряный нож своего настоящего отца – и держал его в руке. Лезвие, хотя его и разъела кровь Лилит, было снова целым и сияло, как обещание. Холод, ничего общего не имевший с погодой, распространился в его груди. Сколько раз он просыпался вот так, задыхаясь и вспотев, с клинком в руке? И Клэри, всегда была мертвой у его ног.

Но Лилит была мертва. Все было кончено. Он попытался просунуть кинжал за ремень, но его рука, казалось, не хотела подчиняться команде, которую отдавал ей разум. Он ощутил жгущий жар в груди, разъедающую боль. Посмотрев вниз, он увидел, что кровавая линия, которая разделила метку Лилит пополам, где Клэри порезала его клинком, зажила. Метка сияла красным на его груди.

Джейс перестал пытаться просунуть кинжал под ремень. Его костяшки побелели, когда рука сжалась на рукоятке, его запястье изгибалось, отчаянно пытаясь развернуть лезвие к себе. Его сердце колотилось бешено. Он решил, никаких иратце. Как метка зажила так быстро? Если бы он мог порезать ее снова, изменить ее, хотя бы временно...

Но его рука не подчинялась ему. Его рука неподвижно осталась на месте, когда тело развернулось против его воли к пьедесталу, где лежало тело Себастьяна.

Гроб начал светиться мутным зеленым светом – почти как ведьмовский огонь, но было что-то болезненное в этом свете, что-то, что резало глаза. Джейс попытался шагнуть назад, но его ноги не двигались. Холодный пот прошиб его спину. Голос зашептал на краю его сознания.

Иди сюда.

Это был голос Себастьяна.

Ты думал, что обрел свободу, раз Лилит ушла? Укус вампира пробудил меня; теперь ее кровь в моих венах зовет тебя.

Иди сюда.

Джейс попытался удержаться на месте, но его тело предало его, таща его вперед, хоть его разум и сопротивлялся этому. Даже когда он пытался остаться на месте, его ноги тащили его по дорожке к гробу. Нарисованный круг засветился зеленым, когда он вошел в него, а гроб, казалось, ответил второй вспышкой изумрудного света. А потом он оказался над ним, глядя внутрь.

Джейс с силой прикусил губу, надеясь, что боль вернет его из этого состояния в нормальное. Это не сработало. Он ощутил вкус собственной крови, уставившись на Себастьяна, который плавал, как труп утопленника в воде. Его глаза были словно

жемчужины. Его волосы были бесцветными водорослями, его закрытые веки были голубыми. Его губы были тех же очертаний, что и холодные, твердые линии его отца. Это было, как смотреть на юного Валентина.

Без его желания, абсолютно против воли, руки Джейса начали подниматься. Его левая рука положила край лезвия на внутреннюю сторону правой ладони, где пересекались линии жизни и любви.

Слова сорвались с его губ. Он услышал их будто бы с расстояния. Они были на языке, который он не понимал и не знал, но он знал, что это – ритуальная песня. Его разум кричал телу, чтобы оно остановилось, но разницы не было. Его левая рука опустилась с зажатым в ней ножом. Лезвие оставило ясный, уверенный и неглубокий порез на правой ладони. Почти мгновенно она начала кровоточить. Он попытался отклониться, убрать руку прочь, но он будто был в цементе. Он с ужасом наблюдал, как первые капли крови упали на лицо Себастьяну.

Глаза Себастьяна распахнулись. Они были черными, чернее, чем глаза Валентина, будто глаза демонессы, называвшей себя его матерью. Они посмотрели на Джейса, как огромные темные зеркала, отражая его лицо, искаженное и неузнаваемое, его губы, произносящие слова ритуала, бормочущие бессмысленно, как черная вода в реке.

Кровь теперь текла свободнее, превращая мутную жидкость в гробу в темно-красную. Себастьян пошевелился. Кровавая вода заколыхалась и пролилась, когда он сел, его черные глаза глядели на Джейса.

Вторая часть ритуала. Произнес его голос в голове Джейса. Он почти завершен.

Вода стекала с него, как слезы. Его бледные волосы, прилипшие ко лбу, будто совсем не имели цвета. Он поднял одну руку и вытянул ее, и Джейс, против крика в своем сознании, поднял кинжал лезвием вперед. Себастьян провел рукой вдоль холодного, острого клинка. Кровь собралась вдоль линии на его ладони. Он оттолкнул кинжал в сторону и взял руку Джейса, сжимая ее в своей.

Этого Джейс ожидал меньше всего. Он не мог сдвинуться, чтобы убрать руку. Он ощутил все холодные пальцы Себастьяна, когда они сомкнулись на его руке, сжимая их кровоточащие порезы вместе. Будто бы его сжал холодный металл. Лед начал распространяться по его венам от руки. Он вздрогнул, а затем начались другие, более сильные колебания, такие болезненные, словно его тело выворачивало наизнанку. Он попытался закричать...

И крик умер в его горле. Он посмотрел на свою руку и Себастьяна, сжатые вместе. Кровь стекала по их пальцам и запястьям, элегантно, как красное кружево. Она сверкала в холодном электрическом свете города. Она двигалась не как жидкость, а как красные провода. Она обвязала их руки алой нитью.

Особое ощущение мира охватило Джейса. Мир будто отдалился, а он стоял на вершине горы, мир простирался перед ним, и все в нем принадлежало Джейсу. Огни города вокруг него больше не были электрическими, а были тысячей звезд-бриллиантов. Они словно светили ему доброжелательным светом, который говорил, это хорошо. Это правильно. Этого хотел бы твой отец.

Он увидел в своем сознании Клэри, ее бледное лицо, ее рыжие волосы, ее губы, произносящие «Я скоро вернусь». Пять минут.

А затем ее голос пропал, когда заговорил другой. Ее изображение в его сознании пропало, растворяясь в темноте, как исчезла Эвридика, когда Орфей обернулся, чтобы посмотреть на нее в последний раз. Он увидел ее, ее белые руки протянуты к нему, а затем ее накрыло тенью, и она пропала.

Новый голос заговорил в сознании Джейса, знакомый, однажды ненавистный, а теперь странно радушный. Голос Себастьяна. Он словно струился в его крови, сквозь кровь, текущую из руки Себастьяна в его руку, как огненная цепочка.

Теперь мы одно целое, младший брат, ты и я, – сказал Себастьян.

Мы – едины.

